

Гомер Илиада

Москва,; 1896;
Перевод: Николай Максимович Минский

Предисловие автора перевода

Перевод Илиады, начатый Гнедичем в 1809 году и оконченный им двадцать лет спустя, был многими найден устаревшим при самом своем появлении. В том же 1829 году, когда вышло в свет первое издание этого перевода, Жуковский поместил в «Северных Цветах» несколько отрывков из Илиады, написанных более современным языком, а через пятнадцать лет, покончив с Одиссеей, он приступил к новому полному переводу Илиады, но успел перевести только первую песню и каталог судов из второй.

Такое быстрое обветшание перевода Гнедича объясняется тем, что в двадцать лет, употребленных им на окончание своего труда, русский язык пережил благотворный кризис и переродился. В начале этой эпохи еще существовали две литературные партии – защитников старого и нового слога. Вооруженные знанием, руководимые более инстинктом, нежели эстетическим вкусом, сторонники Шишкова и Карамзина ощупью пробирались среди лабиринта славянских и русских слов, отдавая предпочтение тем или другим. Но пришел Пушкин, на русскую литературную речь впервые упал луч вдохновения, – и долгий спор сам собою прекратился, все стало очевидным и несомненным. Все недостатки работы Гнедича объясняются тем, что он приступил к переводу Илиады до появления Пушкина.

Можно еще мириться с чисто славянскими выражениями, (вроде наглезы, воспящать, скимны, скрании, сулица, меск, плесницы, пруги), – и смотреть на них, как на иностранные слова, нуждающиеся в переводе. Гораздо более портят язык Гнедича слова и обороты полуславянские (власатые перси; туков воня; спнул фаланги; обетуя стотельчия жертвы; пышное швение; огонный треножник; вымышлятель хитростей умный; рыдательный плач; троянцы ужасно завопили сзади), произвольно составленные новообразования (празднородные псы; человек псообразный; мески стадаются; вседушно вместо всею душою; хитрошвейный ремень; дерзосердый; душеснедная смерть; беспояснодоспешные воины; неистомное солнце; кистистый эгид), а в особенности обороты двусмысленные, выражающие теперь не то, что хотел сказать автор (напыщенные вместо надменные; влияя вместо вливая; изойти вместо настигнуть; нижнее чрево вместо нижняя часть чрева; превыспренний холм; пронзительная медь; твердь вместо твердыня; разрывчатый лук; пресмыкавшиеся гривы; разливать бразды по праху). На подобные выражения натыкаешься, как на ухабы, и, читая Гнедича, приходится делать над собою некоторое усилие, побеждать постоянное внутреннее сопротивление, не глядеть на известные точки, чтобы быть в состоянии наслаждаться тем прекрасным и возвышенным, что действительно заключается в его переводе. Благодаря произволу в употреблении слов, даже удачные и плавные стихи Гнедича не могут быть иногда приняты без поправок. Так, в знаменитом стихе: «будет некогда день, и погибнет священная Трая» слово «некогда» произвольно применено к событию будущего времени. Говорят: я видел вас некогда, но странно звучала бы фраза: я некогда увижу вас*. Равным образом, в стихе «речи из уст его вещей сладчайшия меда лилися» эпитет «вещих», которого кстати нет у Гомера, произвольно применен к Нестору, не бывшему ни жрецом, ни провидцем, а искусным собеседником и оратором в народных собраниях. Если принять во внимание, что Илиада у нас, как впрочем везде, читается чаще всего в юношеском возрасте, когда случайные недостатки произведения так легко могут заслонить его внутренние достоинства, то уже по одной этой причине следует признать новый перевод Илиады не роскошью в нашей литературе, а давно назревшей насущной потребностью.

Помимо произвола в образовании и употреблении слов, перевод Гнедича страдает еще произвольным стихосложением. Много спорили о том, что возможно ли греческие и латинские спондеи заменять русскими хорейми, ввиду отсутствия в русском языке долгих гласных. Грече-

ский долгий слог равняется по времени двум коротким, и поэтому два греческих гекзаметра, из которых один написан дактилями, а другой – дактилями и спондеями, ритмически равнозначны. Не то будет с подобными двумя русскими стихами, и если один из них считать гекзаметром, то другой должен быть назван как-нибудь иначе. Поэтому, держась строгих требований ритма, следует признать, что русские стихи, написанные одним определенным размером, в данном случае гекзаметром, должны состоять из одного и того же количества слогов. Защитники смешанного гекзаметра указывают на то, что такое строение придает ему разнообразие и выразительность. С этим можно было бы согласиться, если бы дактили и хорей употреблялись каждый раз в зависимости от значения стиха, а не случайно и произвольно, смотря по тому, какие слова легче укладываются в стих. Если обратиться к переводу Гнедича, то увидим, что чередование дактилей и хореев в большинстве случаев у него произвольное. Почему, например, в стихе:

И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов красный венец

– первые две стопы состоят из хореев, а не из дактилей? Неужели хорей лучше передает действие держания жезла? Или почему в стихах:

Грозный Эксадий, Кеней, Полифем, небожителем равный,
И рожденный Эгеем Тезей, бессмертным подобный

– для одного только героя Тезея понадобился хорей, а не дактиль? Очевидно, в подобных стихах, весьма многочисленных у Гнедича, чередование хореев и дактилей совершенно произвольное. Сверх того, такие смешанные гекзаметры представляют при чтении постоянные неожиданности, ибо, прочитав хорей, еще не знаешь, окончена ли стопа или еще нужно ждать одного слога без ударения. Часто же бывает, что при первом взгляде на стих этого решить нельзя, и нужно предварительно его измерить и разбить на стопы. Так, например, стих начинается словами: «сделаешь счастливой супругой» (XIX, 298). Казалось бы, что первая стопа дактилическая. Однако, расчленив весь стих на стопы, узнаем, что следует первое слово читать с двумя ударениями. Такие же неожиданности могут встречаться и в середине стиха, и все это крайне затрудняет чтение, особенно в первый раз.

Вот почему Жуковский, совершенствуя русский гекзаметр, употреблял смешанные стихи только в виде исключения. На 11983 простых гекзаметра насчитывается в Одиссее только 123 стиха с хорейми.

Первоначально я стал переводить смешанным гекзаметром, но, убедившись после нескольких песен в произвольности такого размера, переделал написанное и стал держаться правильного гекзаметра, причем в первых песнях осталось несколько стихов с хореем в начальной стопе. В остальных песнях я употребляю хорей только в одном случае, именно после мужской цезуры в третьей стопе, так как необходимая остановка голоса в этом месте дает возможность соблюсти ритм и в русском гекзаметре, как в греческом. Но при полном гекзаметре порою оказывалось необходимым вводить лишнее слово в стих против оригинала. В подобных случаях я употреблял слова безразличные, обычные в Илиаде эпитеты, нигде не дополняя и не украшая Гомера, что так часто делал Жуковский.

Таковы стилистические и метрические недостатки стиха Гнедича, которые, по моему мнению, делали желательным новый перевод Илиады. Но перевод Гнедича, главным образом, устарел в смысле понимания самого духа Илиады. Плавность и связность гомеровской речи не везде сохранены у Гнедича, описания сделаны в приподнятом тоне, в разговоры иногда введена декламация или слащавость, строгая закругленность линий исчезла. «Сладко любезный родитель и нежная мать улынулись», – у Гомера слово сладкий отсутствует. «Супруг умилился душевно, обнял ее и, рукою ласкающий, так говорил ей» – у Гомера вместо «умилился душевно» сказано: «пожалел, глядя на нее, а слова „обнял“ совсем нет. Примеры же излишней торжественности можно найти у Гнедича на любой станице. У него гомеровские герои объясняются таким языком, как будто они самим себе казались древними и величавыми. Гнедич в предисловии к своему

переводу говорит о простоте и силе Илиады, удивляется ее красотам, но ему кажется, что ошибаются те, кто поэмы Гомера принимает в понятии этого слова народном или школьном». Илиада кажется ему «превосходнейшей энциклопедией древности». Нам же, наоборот, энциклопедичность Илиады кажется следствием позднейших вставок и прибавлений, а сама Илиада представляется поэмой по преимуществу, совершеннейшим образцом красоты, не какой-либо особенной, древнегреческой, а красоты вообще, единственной, какая возможна на земле.

В заключение я должен сказать, что перевод Гнедича, несмотря на некоторые свои недостатки, никогда не будет ни забыт, ни устранен из русской литературы, а вечно будет жить в ней, потому что исполнен с любовью, как подвиг жизни. Недаром им восторгались Пушкин и Белинский. Гнедич всего слабее там, где сам Гомер, по выражению древних, спит. Но в местах драматических язык Гнедича приобретает силу, достигая простоты и нежности в сценах трогательных. Притом же недостатки перевода Гнедича скорее внешние, чем внутренние. Смешанный гекзаметр, если предварительно расчленишь его и, как следует, подготовиться, звучит сильно и выразительно. Славянские слова и обороты налагают на язык печать благородной старины. Они же, сверх того, своей непривычностью задерживают внимание и, вследствие этого, много способствуют силе и живописности речи.

К поэзии Гомера, как источнику вечной красоты, постоянно будут возвращаться. Последнего перевода Илиады никто не даст, но слава Гнедича никогда не умрет как первого ее переводчика. Недостатки его перевода принадлежат его эпохе, а все достоинства – его собственному таланту, трудолюбию и бескорыстной любви к поэзии.

Н. Минский

* * *

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Мор. Вражда

Пой, о, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына,
Гибельный гнев, причинивший ахейцам страданья без счета,
Ибо он в область Аида низринул могучие души
Многих и славных мужей, а самих на съедение бросил
Птицам и псам кровожадным, – так воля свершалась Зевеса,

1-05

С самого дня, как впервые взаимной враждой разделились
Богopodobный Ахилл и властитель мужей Агамемнон.
Кто ж из богов их обоих привел состязаться враждою?
Зевса с Латоною сын. Ибо он, на царя прогневившись,
Злую болезнь породил среди войска и воины гибли, –

1-10

Из-за того, что Атрид обесчестил жреца его Хриза.
Хриз приходил к кораблям быстроходным ахейцев, желая
Выкупить дочь, и с собою принеся бесчисленный выкуп.
Жезл держал он в руках золотой, а на жезле – повязку

Феба – царя Дальновержца – и всех умолял он ахейцев,

1-15

А наиболее обоих Атридов, начальников войска:
«Дети Атрея и вы все, ахейцы в прекрасных доспехах!
Вам пусть дают на Олимпе живущие боги разрушить
Город Приама царя и домой беспечально вернуться;
Дочь мне отдайте мою дорогую, приняв этот выкуп,

1-20

Сына Зевеса почтивши, далеко разящего Феба".
Криками все той порой изъявили ахейцы согласие
Просьбу исполнить жреца и принять его выкуп богатый.
Только не по сердцу это царю Агамемнону было:
Злобно жреца отослал он, прибавив жестокое слово:

1-25

«Старец! Чтоб больше тебя близь глубоких судов не встречал я!
Здесь оставаясь теперь иль дерзнувши еще раз явиться,
Знай, не помогут тебе ни повязка, ни жезл Аполлона.
Деве свободы не дам; раньше пусть ее старость достигнет
В Аргосе, в нашем жилище, от отчего края далеко,

1-30

Ткацкий станок обходящей и ложе делящей со мною.
Но удались и меня не гневи, да уйдешь безопасней!"
Так он сказал, и старик, испугавшись, послушался слова;
Прочь он, безмолвный, пошел многошумного моря побережьем;
После ж, бродя в отдалении, долго царю Аполлону

1-35

Старец молился, – рожденному пышноволосой Латоной:
«Внемли мне, бог сребролукий, о, ты, обходящий дозором
Хризу и Киллу священную, царь Тенедоса могучий,
В Сминфе – прославленный! Если когда-либо храм, тебе милый,
Я украл, или в жертву сжигал тебе тучные бедра

1-40

Коз и быков, – то исполни мольбу мою эту в награду:
Слезы мои пусть данайцы твоими искупят стрелами!"
Так говорил он, молясь, и молению внял Дальновержец.
Сердцем разгневанный, быстро сошел он с вершины Олимпа,
Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый,

1-45

И на ходу за спиною у гневного бога звенели
Стрелы в колчане. Вперед подвигался он ночи подобный.
Сел он потом в стороне от судов и стрелу издалека
Бросил, и страшен был звон, серебряным луком рожденный.
Мулов и резвых собак убивал он сначала, но вскоре

1-50

Стали в людей попадать смертоносные Фебовы стрелы.
И загорелись костры, и во множестве трупы сжигались.
Девять так дней среди войска, свирепствуя, стрелы носились.
В день же десятый собрал Ахиллес весь народ на собрание.
Это богиня ему, белорукая Гера внушила, –

1-55

Ибо данайцев жалела, взирая, как те погибают.
После ж того, как войска все сошлись и сплотились толпою,
Став посредине меж ними, сказал Ахиллес быстроногий:
"Ныне, Атрид, полагаю домой возвратиться,
По морю снова блуждать, если только мы смерти избегнем,

1-60

Ибо теперь и война, и болезнь истребляют ахеян.
Все ж не мешало б нам прежде спросить у жреца иль провидца,
Или хоть снов толкователя – ибо и сны от Зевеса, –
Скажут, быть может, за что Аполлон так прогревался ныне,
Не возмущен ли забвеньем обета или гекатомбы,

1-65

Не пожелает ли он отвратить эту гибель от войска,
Жертвенным дымом ягнят или коз безупречных насытись?"
Так он промолвил и сел. И тогда среди народа поднялся
Славный Калхас Фесторид, – он из птицегадателей первый,
Знающий все в настоящем, а также в грядущем и прошлом,

1-70

Войска ахейского флот к берегам Илиона приведший
Данной ему Аполлоном пророчества дивного силой.
Он, рассудительный, к ним обратился и слово промолвил:
"Ты, Ахиллес, о, любимец Зевеса, велишь разгадать мне
Гнев Аполлона владыки, далеко разящего бога.

1-75

Правду открою тебе. Ты ж сперва обещаешь и клянись мне,
Что за меня заступаться ты будешь рукою и словом.
Должен, как видно, теперь прогневить я могучего мужа,
Кто аргиевыми правит, кому все ахейцы покорны.
Царь ведь сильнее всегда, чем подвластный, кто гнев зародил в нем.

1-80

Если б он даже свой гнев в тот же день превозмог, затаивши,
Все же он будет его в своем сердце лелеять, покуда
Мсть не свершится. Скажи мне, спасешь ли меня от напасти?"
И, отвечая ему, так сказал Ахиллес быстроногий:
"Смело доверься, поведай о знаменье бога, что знаешь,

1-85

Ибо клянусь, о, Калхас, Аполлоном, Зевесу любезным,
Фебом, к кому ты взываешь, нам волю богов объявляя,
В том я клянусь, что покуда я жив и на землю взираю, –
Здесь, близ судов многоместных, никто на тебя из данайцев
Тяжкой руки не подымет, – хотя б это был Агамемнон,

1-90

Ныне гордящийся тем, что из всех он ахейн сильнейший".
И ободрился тогда беспорочный гадатель и молвил:
"Нет, не за жертву забытую, не за обет он разгневан,
Но за жреца своего, кого царь оскорбил Агамемнон,
Дочь отпустить не желая и выкуп отвергнув богатый.

1-95

Лишь за него нам от Феба страдания были и будут.
Не отвратит Дальновержец от войска позорной болезни,
Прежде чем дочь не вернем мы отцу – быстроокою деву –
Даром, без выкупа, и не пошлем гекатомбу святую
В Хризу. Тогда он, быть может, смягчится и милостив станет".

1-100

Так он промолвил и сел. И тогда средь народа поднялся
Царь Агамемнон, герой, облеченный обширною властью,
Сильно разгневанный. Сердце в нем черною злобой кипело,
Очи его двум огням уподобились, мечущим искры.
Прежде всего на Калхаса взглянул он враждебно и молвил:

1-105

"Зла предвещатель! Отрадного мне никогда ты не скажешь.
Сердце ликует в тебе, если можешь несчастье пророчить.
Доброго ты, отродясь, ничего не сказал и не сделал.
Так и теперь, прорицая, ты вслух объявляешь данайцам,
Будто им Феб Дальновержец готовит печаль оттого лишь,

1-110

Что и блистательный выкуп взамен молодой Хризеиды
Не пожелал я принять. Да, я сильно хочу эту деву
Дома иметь. Предпочел я ее Клитемнестре супруге,
Взятой давно, – оттого что и эта другой не уступит
Телом и ростом своим, ни умом, ни искусством в работах.

1-115

Все ж я готов возвратить ее, если для вас будет лучше.
Я для народа спасенья хочу, а не гибели черной.

Мне же награду готовьте другую, дабы среди ахейцев
Я не остался один обделенный: то было б постыдно.
Видите все, что моя от меня прочь уходит награда".

1-120

И, отвечая ему, так сказал Ахиллес быстроногий:
"Всех нас славнейший Атрид и корыстолюбивейший также!
Ибо откуда награду возьмут тебе щедрые греки?
Не разделенных нигде не осталось при войске сокровищ.
Что в городах было вражеских взято, мы все поделили,

1-125

И не пристойно народу собрать это вновь для раздачи.
Богу теперь эту деву пожертвуй, – а после ахейцы
Трижды тебе за нее воздадут и четырежды, если
Даст нам когда-нибудь Зевс крепкостенную Трою разрушить".
И, отвечая ему, так сказал Агамемнон властитель:

1-130

"Богopodobный Ахилл! Так душой не криви, хоть в сражении
Доблестен ты. Не сумеешь меня обойти, ни уверить.
Не для того ль, что владеть самому своей долей, ты хочешь,
Чтобы я отдал свою и остался, лишенный награды?
Нет, пусть ахейский народ благородный и щедрый, другую

1-135

По сердцу даст мне награду, чтоб с прежней была равноценной.
Если ж они не дадут добровольно, и сам отберу я
Или твою, иль Аякса награду, или Одиссея,
Силою взяв. И кого посету я, тот гневаться будет.
Впрочем, все это обсудим и после. Теперь же давайте

1-140

Спустим глубокий корабль на поверхность священного моря,
В должном числе соберем там гребцов, поместим гекатомбу
И приведем Хризеиду, прекраснolanитную деву.
Пусть кто-нибудь из ахейских старейшин начальствует судном, –

Идоменей, иль Аякс, или царь Одиссей богоравный,

1-145

Или же ты, о, Пелид, между всеми мужами страшнейший.
Гнев Дальновержца пускай он смягчит, принося ему жертву".
И отвечал, исподлобья взглянув, Ахиллес быстроногий:
"Горе! О, муж, облеченный бесстыдством, с корыстной душою!
Кто из ахейцев отныне, послушный тебе, согласится

1-150

Или поход предпринять, или силой сразиться с врагами?
Не из-за храбрых троянцев я прибыл сюда, не с желаньем
Им отомстить: предо мною троянцы ни в чем не повинны.
Не отгоняли они моего табуна или стада,
Также посевов моих не топтали они в плодородной

1-155

Фтии – отчизне воителей, – ибо меж нами далеко
Шумное море легло и стали тенистые горы.
Ради тебя, о, бесстыдный, пришли мы, тебе лишь в угоду,
Мстить за тебя, кто по наглости взора похож на собаку,
И за царя Менелая: об этом ты вовсе не помнишь.

1-160

Ныне грозишь ты придти и насильно удел мой похитить,
Добытый тяжким трудом и сынами ахейцев мне данный.
Равной с твоей никогда не имел я награды, коль скоро
Город троянцев богатый ахеяне приступом брали.
Припадении бурном всех больше, трудясь, совершают

1-165

Руки мои, а лишь только пора дележа наступает,
Ты наибольший удел достаешь, но, довольствуясь малым,
Я удаляюсь к судам, утомленный от бурного боя.
Ныне хочу удалиться во Фтию. Приятней гораздо
Мне возвратиться домой на кривых кораблях. Ты ж едва ли

1-170

Здесь, оскорбивши меня, приумножишь стада и богатства".
И, отвечая ему, так сказал царь мужей Агамемнон:
"Что ж, убегай, если к бегству лежит твое сердце. Не стану
Я умолять, чтоб остался ты ради меня. И другие
Помощь и честь мне окажут, особенно Зевс Промыслитель.

1-175

Ты ж из царей, им воспитанных, всех для меня ненавистней.
Вечно любезны тебе только распри, сраженья да битвы.
Если ж храбрее ты многих, от бога дано тебе это.
Вместе с дружиной своей и судами домой возвратившись,
Над мирмидонами царствуй. Меня ты совсем не заботишь,

1-180

Гнев твой ничуть не пугает. Услышь же мою ты угрозу:
Так как теперь Аполлон отнимает мою Хризеиду
И на своем корабле я с друзьями ее отсылаю,
То за наградой твоею, прекрасной лицом Бризеидой,
Сам я приду в твой шатер и ее уведу, чтоб ты видел

1-185

Сколь я сильнее тебя, чтобы вперед и другой остерегся
Равным со мною себя объявлять и со мною тягаться".
Так он промолвил. И больно Пелееву сделалось сыну,
Сердце ж в косматой груди его два обсуждало решенья:
Меч ли ему обнажить, что висел у бедра заостренный,

1-190

И, проложивши дорогу в толпе, им повергнуть Атрида,
Или же гнев укротить и ярость свою успокоить.
Но между тем как все это он взвешивал в мыслях и сердце,
Меч из ножен извлекая большой, – вдруг явилась Афина
С неба. Послала ее белорукая Гера богиня,

1-195

Сердцем обоих любя и равно об обоих заботясь.
Сзади пришла и взяла Пелиона за русые кудри,
Видная только ему и незримая прочим Паллада.
И Ахиллес, обернувшись, увидел богиню; узнал он
Тотчас Палладу Афины: глаза ее грозно сверкали.

1-200

К ней обратился он с речью и слово крылатое молвил:
"Зевса Эгидодержавного дочь! О, зачем ты явилась?
Или затем, чтоб увидеть бесстыдство Атревеева сына?
Но говорю я тебе и я верю, что сбудется слово:
Через надменность свою он и жизнь свою скоро погубит".

1-205

И синеокая так отвечала богиня Афина:
"С тем я пришла, чтоб твой гнев укротить, если будешь послушен.
С неба послала меня белорукая Гера богиня,
Сердцем любя вас обоих, равно об обоих заботясь.
Так воздержись от борьбы, удали от меча свою руку,

1-210

Только словами его поноси, как бы ни были сильны,
Ибо тебе я скажу – и, наверно, то сбудется слово:
В будущем втрое тебе дорогими дарами воздастся
Эта обида его. Ты ж послушайся нас и будь сдержан".
И, отвечая, промолвил ей так Ахиллес быstroногий:

1-215

"Должно, богиня послушаться вашего общего слова,
Хоть и разгневан я сильно в душе, – ибо так будет лучше.
Кто покорялся богам, тому часто и боги внимали".
Молвил – и, на черенок нажимая серебряный, вдвинул
Тяжкой рукою в ножны он огромный свой меч, не противясь

1-220

Слову Афины. Она ж на Олимп удалилась, в чертоги
Зевса Эгидодержавного, к сонмищу прочих бессмертных.
Сын же Пелея меж тем со словами вражды обратился
К сыну Атрея опять; еще не смирилась в нем ярость:
"Пьяница грузный! По виду собака, олень по отваге!

1-225

Ты никогда не дерзал в своем сердце ни в бой, ополчившись,
Вместе с народом идти, ни спрятаться в тайной засаде
Вместе с вождями ахейцев, – тебе это смертью казалось.
Много спокойней, конечно, по войску обширному греков
Доли у тех отбирать, кто слово противное скажет.

1-230

Царь – пожиратель народа, над трусами царствовать годный!
Ибо иначе, Атрид, ты б в последний раз нынче был дерзок!
Но говорю я тебе и клянусь величайшею клятвой,
Этим клянусь тебе скипетром, который, с тех пор как покинул
Ствол свой родимый в горах, никогда не оденется больше

1-235

В листья и ветви и не расцветет, ибо срезаны медью
Листья его и кора, – а теперь средь народа ахейцев
Судьи в руке его держат, которые Зевса уставы
Свято блюдут: для тебя эта клятва великою станет!
Будет пора, посетит всех ахейских сынов сожаленье

1-240

Об Ахиллесе, – но ты, хоть печалясь, помочь не сумеешь,
В день как падет под ударами Гектора мужеубийцы
Много ахейских сынов, ты ж в груди истерзаешься сердцем,
Гневаясь сам на себя, что храбрейшего мужа обидел".
Так говорил сын Пелея. И, бросивши наземь свой скипетр,

1-245

Весь золотыми гвоздями усеянный, сел, а напротив
Гневный Атрид восседал. И тогда между ними поднялся

Нестор, искусный в речах: он в Пилосе гремел на собраниях,
И у него с языка слаще меда лились увещанья.
Двух поколений людей, одаренных раздельною речью,

1-250

Видел он смерть, – с ними прежде в священном Пилосе
Жил и питался; над третьим теперь он царил поколеньем.
Доброжелательно к ним обратился и так он промолвил:
"Боги! Великая скорбь, зная, постигла ахейскую землю!
Верно, зато возликуют Приам и Приамовы дети,

1-255

Также другие троянцы почувствуют радость большую,
Если узнают про то, как вы оба враждой разделились.
Вы, и в совете, и в битве первейшие в стане Данайцев.
Но убедить себя дайте: ведь оба меня вы моложе.
В прежние годы с мужами отважнее вас говорил я:

1-260

Даже они никогда увещаний моих не гнушались.
Ибо подобных мужей я не видел и вновь не увижу,
Как Пирифой и Дриант, предводители многих народов,
Иль Полифем богоравный, иль славный Киней, иль Эксадий,
Или Тезей, от Эгея рожденный, с бессмертными равный.

1-265

Неустрашимей людей земля не кормила доньше.
Храбрые сами, они столь же храбрых на бой вызывали
Горных кентавров, которых в ужасной борьбе истребили.
Вот между ними вращался и я, как пришел из Пилоса,
Из отдаленной земли: меня они сами призвали,

1-270

Также по воле своей я сражался за них, ибо с ними
Ныне никто из людей на земле состязаться не мог бы.
Эти-то мужи со мной совещались и слушались слова.
Так повинуйтесь и вы: хорошо быть доступным совету.

Ни у него, хоть ты властен, отнять не желай эту деву,

1-275

Но уступи, что уж прежде ему подарили ахейцы,
Ни дерзновенно с царем, о, Пелид, не желай состязаться,
Ибо никто из царей скиптродержцев, прославленных Зевсом,
Чести подобной, как он, никогда не стяжал себе в долю.
Если же ты и храбрей, и тебя родила мать богиня,

1-280

Все же тебя он сильнее, оттого что он многими правит.
Но перестань, сын Атрея, сердиться и ты. Умоляю,
Прочь отложи ты вражду с Ахиллесом, который ахейцам
В этой войне злополучной всем служит великим оплотом".
И, отвечая ему, так сказал Агамемнон властитель:

1-285

"Вправду, о, старец, ты все говорил, как тебе подобает.
Только желает сей муж между всеми другими быть первым,
Править он всеми желает, над всеми царить, свою волю
Всем предъявлять, – никого не склонит он на это, я верю.
Разве, копье научивши метать, вечно сущие боги

1-290

Дали свободу ему вместе с тем наносить оскорбления?"
И, прерывая его, Ахиллес богоравный промолвил:
"Трусом, по истине, мог бы прослыть я и мужем негодным,
Если б тебе уступал я во всем, что ты только ни скажешь.
Прочим приказывай так, мне же ставить предела не думай,

1-295

Ибо отныне тебе я покорствовать больше не стану.
Но я другое скажу, ты ж в уме заруби мое слово.
Не подыму я руки из-за девы теперь, чтоб сразиться
Против тебя иль другого: вы отняли то, что мне дали.
Но из всего, что пред черным храню кораблем быстроходным,

1-300

Ты не возьмешь ничего, против воли моей завладевши.
Иль попытайся, пожалуй; пускай и другие увидят,
Как вдоль копья моего твоя черная кровь заструится".
Оба, друг с другом сразившись такими словами, поднялись
И распустили собранье перед кораблями ахейцев.

1-305

Тотчас Пелид повернул к шалашам и судам соразмерным
С ним и Патрокл с мирмидонской дружиною храброй.
Сын же Атрея на море спустил быстроходное судно,
Двадцать назначил гребцов, разместил гекатомбу для бога
И посадил Хризеиду, прекраснolanитную деву,

1-310

Сам приведа. А вождем заступил Одиссей многоумный.
Сев на корабль, они быстро поплыли по влажной дороге.
И повелел Агамемнон народам очиститься телом.
Те же, очистившись, в море отмытую вылили воду
И, совершенные выбрав из коз и быков гекатомбы,

1-315

Их Аполлону сожгли на побережье бесплодного моря.
Жертвенный запах до неба достиг вместе с клубами дыма.
Так они заняты были по войску. Меж тем Агамемнон
Не позабыл своей распри и прежней угрозы Ахиллу,
Но обратился со словом к Талфибию и Эврибату –

1-320

Оба глашатая были они и проворные слуги:
"Вы, к Ахиллесу Пелиду в палатку войдя, уведите,
За руку взяв, Бризеиду – прекраснolanитную деву.
Если ж ее не отдаст он, я с большей толпою предстану
И уведу ее сам, – для него это будет печальней".

1-325

Так говоря, он послал их и властное слово прибавил.
Те же пошли против воли побережьем пустынного моря.
Вскоре палаток они и судов мирмидонских достигли.
Там отыскиали Ахилла, сидящего подле палатки
Пред кораблем своим черным. И не был он рад, их увидев.

1-330

Оба они, из почтения к владыке, смущенные стали,
Не обращаясь к нему со словами и не вопрошая.
Но Ахиллес разгадал все то в мыслях своих и промолвил:
"Радуйтесь, вестники, вы, о, послы и Зевеса, и смертных!
Ближе идите! Виновны не вы предо мной – Агамемнон:

1-335

Он вас обоих сюда за прекрасной послал Бризеидой.
Что ж, приведи эту деву, Патрокл, питомец Кронида,
Дай им ее увести. И да будут свидетели оба
Перед богами бессмертными и перед смертными всеми,
Перед царем бессердечным. О, если когда-либо будет

1-340

Нужда во мне, чтоб от войска отвлечь недостойную гибель...
Ибо от мыслей свирепых безумствует он и не сможет,
Все впереди осмотревши и тыл обеспечив, устроить,
Чтобы вблизи кораблей безопасно сражались ахейцы".
Так он сказал, и Патрокл, повинувшись любезному другу,

1-345

Деву привел из палатки с прекрасным лицом Бризеиду,
И увести ее дал. Те вернулись к ахейскому флоту,
С ними и женщина шла против воли. И в сторону, плача,
Вдаль от друзей отошел сын Пелея. Он сел на побережьи,
Белою пеной покрытом. И глядя на черные волны,

1-350

Руки простер он и громко воззвал к своей матери милой:
"Мать! О, за то, что рожден я тобою для жизни короткой,
Должен был хоть бы почетом меня наделить Олимпиец
Зевс Громовержец; но ныне меня не почтил он ни мало;
Ибо нанес мне бесчестье Атрид – царь с обширною властью:

1-355

Взял он награду мою и владеет ей, силой отнявши".
Так он, рыдая, сказал. И почтенная мать услышала,
Сидя в морской глубине с престарелым отцом своим рядом.
Быстро из моря седого богиня как тучка возникла,
Села близь льющего слезы, погладила нежно рукою

1-360

И, называя по имени, слово такое сказала:
"Сын мой, что плачешь! Какая печаль в твою душу проникла?
Молви, в душе ничего не таи; пусть мы оба узнаем".
Тяжко вздохнувши, ей так отвечал Ахиллес быстроногий:
"Знаешь сама; и тебе же, всеведущей, что расскажу я?"

1-365

Шли мы войною на Фивы, Этиона город священный.
Город предав разрушению, все увели мы оттуда.
Мирно добычу деля меж собою, ахейские мужи
Сыну Атрея в удел Хризеиду прекрасную дали.
Хриз, Аполлона далеко разящего бога служитель,

1-370

Вскоре пришел к быстроходным судам аргивян меднобронных,
Выкупить дочь пожелав и принесши бесчисленный выкуп.
Жезл в руках он держал золотой, а на жезле – повязку
Феба, царя Дальновержца, – и всех умолял он ахейцев,
А наиболее обоих Атридов, начальников войска.

1-375

Криками все той порой изъявили ахейцы согласие
Просьбу исполнить жреца и принять его выкуп богатый.

Только не по сердцу это царю Агамемнону было;
Злобно жреца отослал он, прибавив жестокое слово.
Хриз, потрясенный, вернулся назад и молению старца

1-380

Внял Аполлон, ибо жрец этот был ему много любезен.
Злую стрелу он метнул в аргивян и толпою великой
Воины гибли в то время, как реяли Фебовы стрелы
Всюду по войску ахейн обширному. Нам предвещатель,
Знающий многое, волю тогда объяснил Дальновержца.

1-385

Первым советовал я искать примирения с богом.
Бешенство вскоре объяло Атрида. И, бурно поднявшись,
Слово угрозы он молвил, – и вот это слово свершилось.
Деву на судне кривом быстроокие мужи ахейцы
К Хризу теперь провожают, подарки везя для владыки,

1-390

А из палатки моей вот недавно послы удалились
И увели Бризеиду, что дали мне дети ахейцев.
Ты же на помощь сыночку приди своему, если можешь.
Ты подымись на Олимп и Зевеса проси, если только
Словом иль делом когда-либо сердце ты в нем услаждала.

1-395

Часто я слышал как ты у родителя дома хвалилась,
Что от Зевеса отца, облаков собирателя черных,
Ты лишь одна из бессмертных позорную казнь отвратила,
В день, когда все Олимпийцы его заковать пожелали:
Гера и с ней Посейдон, а также Паллада Афина.

1-400

Ты же пришла и от плена спасла его тем, о, богиня,
Что на пространный Олимп ты сторукого тотчас гиганта
Кликнула в помощь, – того, кто слывет у богов Бриареем,
А у людей Эгионом (за то, что отца он сильнее).

Славою гордый он сел близь Кронида; тогда устрашились

1-405

Вечно блаженные боги и не заковали Зевеса.
Ныне об этом напомним, прильни и возьми за колени,
Не согласится ли он, не поможет ли в битве троянцам
К самым кормам корабельным ахейцев прогнать, умертвивши
Их на морском берегу, чтоб царем они все насладились,

1-410

Чтобы узнал и Атрид Агамемнон, обширный властитель,
Как безрассудно обидел сильнейшего он из ахейян".
Слезы тогда проливая, Фетида ему отвечала:
"Сын мой, зачем я тебя возрастила, родивши на горе?
Перед судами сидел бы уж ты, не скорбя и не плача,

1-415

Ибо судьба твоя мало продлится и век твой не долог.
Ныне же ты кратковечен и всех злополучнее также.
Видно для доли печальной тебя родила я в чертоге.
Все же просить за тебя Громовержца Зевеса отправлюсь
Я на покрытый снегами Олимп, не склонится ль на просьбу.

1-420

Ты, между тем, оставаясь вблизи кораблей быстроходных,
Гневом ахейцев казни и совсем от войны уклоняйся.
За океан лишь вчера к беспорочным на пир эфиопам
Зевс отошел, а за ним удалились и прочие боги.
Через двенадцать он дней на Олимп возвратится обратно.

1-425

Тотчас к Зевесу отправлюсь в чертог на фундаменте медном.
Буду колени ему обнимать, – он склонится, надеюсь".
Так говоря, удалилась она и оставила сына,
Гневного в сердце своем из-за женщины пышноодетой,
Взятой насильно и против желанья ее отведенной.

1-430

В Хризу меж тем Одиссей с гекатомбой священной прибыл.
В много глубокую гавань едва лишь вошли, как немедля
Парус собрали они и на черный корабль уложили,
Мачту спустили в гнездо, притянувши канатами крепко,
И подвигались вперед вплоть до пристани взмахами весел,

1-435

Бросили якорный камень, потом закрепили причалы
И на морское побережье сами сошли друг за другом,
Также свели гекатомбу далеко разящему Фебу
И, наконец, Хризеида сошла с мореходного судна.
Тотчас же с ней к алтарю подошел Одиссей многоумный,

1-440

На руки сдал дорогому отцу и сказал ему слово:
"Послан, о, Хриз, я сюда Агамемноном, пастырем войска,
Чтобы вернуть тебе дочь и священную сжечь гекатомбу
Фебу, на благо данайцам, да сжалится царь, ниспославший
Ныне болезнь на ахеян – причину страданий плачевных".

1-445

Так говоря, он ее передал – и тот, радуясь, принял
Милую дочь. Между тем гекатомбу прекрасную бога
Вкруг алтаря крепкозданного чинно они разместили,
Руки умыли потом и взяли ячмень крупнозерный.
Руки воздевши, и Хриз громогласно молился меж ними:

1-450

"Внемли мне, бог сребролукий, о, ты, обходящий дозором
Хризу и Килу священную, царь Тенедоса могучий!
Ты уже внял мне однажды в тот день, как тебе я молился.
Много почтил ты меня, покаравши ахейское войско.
Ныне еще раз, как прежде, мое ты исполни моленье:

1-455

Ныне уже отврати от данайцев постыдную гибель".
Так говорил он, молясь, и молению внял Дальновержец.
К богу воззвавши они разбросали ячмень крупнозерный,
Шеи приподняли жертвам, разрезали, кожу содрали,
Бедра потом разрубили, двойным их пластом обернули

1-460

Светлого жира и мяса сырого наверх положили.
Старец немедля их сжег на поленьях, вином поливая
Ярким, а юноши рядом стояли, держа пятизубцы.
После ж, как бедра сгорели, они, от утробы отведав,
Прочие части рассекли, пронзили насквозь вертелами

1-465

И, осторожно прожаривши, все от огня удалили.
Кончив труды и еду приготовив, за пир они сели,
И не нуждался никто в уделяемых поровну яствах.
После ж, когда в них желанье питья и еды утолилось,
Юноши в чашах глубоких до края смешали напиток,

1-470

И разделили по кубкам, свершив перед тем возлиянье.
Целый тот день до заката ахейские юноши пеньем
Гнев Аполлона смягчали, хвалебный пеан распевая
В честь Дальновержца. И, слушая их, он в душе наслаждался.
Только лишь солнце зашло и тени во след опустились,

1-475

Близь корабля они вместе легли у причальных канатов.
А как заря розоперстая вышла из сумерек ранних,
В путь они тотчас собрались к обширному войску ахеян.
Ветер попутный им с неба послал Аполлон Дальновержец.
Мачту поставив, они развернули белеющий парус:

1-480

Ветер наполнил средину его и пурпурные волны
Шумно запенились подле киля, когда тронулось судно,
И побежало оно по волнам, свой путь совершая.
Вскоре корабль достигнул обширного стана ахейян,
Черный на землю сухую корабль извлекли, на высокий

1-485

Берег песчаный, внизу подложивши большие подпоры,
И по своим кораблям и палаткам рассеялись сами.
Гневом дышал, между тем, близь судов быстроходных покоясь,
Зевса потомок, могучий Пелид Ахиллес быстроногий.
Больше в собранья, мужей прославляющих, он не являлся,

1-490

Больше в бою не бывал, лишь терзал свое милое сердце,
Праздно покоясь, тоскуя о кликах и схватках военных.
Вскоре, лишь только заря на двенадцатый день народилась,
Все на Олимп возвращались – вечноживущие боги,
Вместе идя, а Зевес впереди. И о просьбе дитяти

1-495

Не позабыла Фетида, но, волны морские покинув,
Рано направила путь по великому небу к Олимпу.
Там увидала Кронида, глядящего вдаль: одиноко
На многоверхом Олимпе сидел он на крайней вершине.
Села с ним рядом богиня и, левой обнявши колени,

1-500

Правой рукою за низ подбородка к нему прикоснулась,
И, умоляя, сказала владыке Зевесу Крониду:
"Зевс, наш родитель! О, если когда-либо словом иль делом
Я среди бессмертных тебе угодила, – исполни мне просьбу,
Сына почти моего: из героев он всех кратковечней

1-505

Ныне ж бесчестье нанес ему пастырь племен Агамемнон,
Ибо его он владеет наградою, сам отобравши

Ты ж отомсти за него, Олимпиец, Зевес Помыслитель
Силу троянцам даруй ты дотоле, покуда ахейцы
Сына опять не почтут моего, возвеличивши славой".

1-510

Так говорила. Зевес не ответил ей Тучегонитель,
Долго безмолвный сидел он. Она ж, как обвила колени,
Так и держала, прильнув, и опять, во второй раз, молила:
"Или сейчас обещаю непреложно и знак дай согласия,
Иль откажи, ибо страх тебе чужд. И тогда пусть узнаю,

1-515

Сколько из всех я, богиня, тобой наименее чтима".
Громко вздохнув, отвечал ей Зевес, облаков собиратель:
"Скорбны последствия будут, когда приведешь меня к распре
С Герою, если б меня раздражать она вздумала бранью.
В сонме бессмертных богов и так уже вечно со мною

1-520

Спорит она, говоря, что троянцам в бою помогаю.
Ты же теперь возвратися домой, и пускай не заметит
Гера тебя. Буду сам я о всем помышлять, чтоб свершилось.
Хочешь, тебе головой в знак согласия кивну, да поверишь.
Знаменье это мое величайшее между богами,

1-525

Все, что когда-либо я подтверждал головы наклоном,
Неотменяемо и необманно, и не безуспешно".
Молвил и сдвинул Кронид в знак согласия темные брови,
И, ниспадая, встряхнулись нетленные кудри владыки
Вокруг бессмертной главы – и великий Олимп содрогнулся.

1-530

Так рассудивши, расстались они. Вслед за этим богиня
С белой вершины Олимпа в глубокое ринулась море,
Зевс удалился в чертог свой. И перед отцом своим боги
Все из седалищ поднялись, – никто не дерзал дожидаться,

Стоя, его приближенья, но все устремились навстречу.

1-535

Тотчас он сел на престол свой. А Гере все было известно,
Ибо она подглядела, как с ним замышляла решенья
Дочь среброногая старца морского, богиня Фетида.
К Зевсу Кронида она с колкой речью тогда обратилась:
"Кто из богинь, о, лукавец, с тобой замышляла решенья?"

1-540

Вечно любезно тебе, от меня в стороне обретаясь,
Тайное в мыслях решать. И еще добровольно ни разу
Ты о задуманном мне не решался и слова промолвить".
И, отвечая, сказал ей отец и людей и бессмертных:
"Гера, ты все разузнать не надейся мои помышленья.

1-545

Трудно тебе это будет, хотя и моя ты супруга.
Все, что я слуху доверить считаю приличным, об этом
Раньше тебя не узнает никто из богов или смертных.
Если ж вдали от богов что-нибудь пожелаю замыслить,
Не вопрошай о подобном, равно узнавать не пытайся".

1-550

И, волоокая так отвечала почтенная Гера:
"О, всемогущий Кронид, какое ты слово промолвил!
Не вопрошала досель я тебя, узнавать не пыталась,
В ненарушимом спокойствии все, что хотел, обсуждал ты.
Ныне же в мыслях я страшно боюсь, что тебя обольстила

1-555

Дочь среброногая старца морского, богиня Фетида:
Рано придя, близь тебя она села, обнявши колени.
Ей-то, боюсь, ты кивнул головой в знак того, что Ахилла
Хочешь почтить, погубив пред судами не мало ахейцев".
И, отвечая, промолвил Зевес, облаков собиратель:

1-560

"Вечно, несчастная, ты подозрений полна и нельзя мне
Скрыться никак. Но свершить ничего ты не сможешь, лишь дальше
Станешь от мыслей моих, – для тебя ж это будет печальней.
Если и было, как ты говоришь, знать оно мне угодно.
Лучше безмолвно сиди, моему повинуюсь велению,

1-565

Или тебе не помогут все боги Олимпа, как встану
И на тебя наложу я свои непобедные руки".
Так он сказал. Волоокая села почтенная Гера,
Молча, объятая страхом, смиривши любезное сердце.
И небожители боги вздыхали в чертоге Зевеса.

1-570

Славный художник Гефест тогда обратился к ним с речью,
Милую мть, белорукую Геру, утешить желая:
"Скорбны последствия будут и невыносимо печальны,
Если вы станете так из-за смертных вдвоем состязаться,
Сея раздор меж богов. И какого нам ждать наслажденья

1-575

От благородного пиршества, если вражда побеждает?
Матери ж я посоветую, хоть и сама многоумна,
К Зевсу – родителю милому – ласковой быть, чтобы снова
Спора отец не затеял, расстроивши пиршество наше.
Ибо, когда б захотел Громовержец Олимпа, то смог бы

1-580

С тронов низвергнуть нас всех, оттого что сильнее гораздо.
Ты же к нему обратись и смягчи его ласковой речью.
К нам благосклонен тогда снова станет отец Олимпиец".
Так он сказал и, вскочив, подает двухстороннюю чашу
В руки возлюбленной матери, с речью такой обращаясь:

1-585

"Милая мать! Претерпи и снеси, как ни тягостно горе,
Да не увижу своими глазами тебя, дорогую,
Ныне побитой; тогда, хоть и сильно в душе огорченный,
Помощь подать не смогу: в состязаньи тяжел Олимпиец.
Он уж однажды меня, когда я защищать порывался,

1-590

За ногу взял и швырнул от порога небесного дома.
Целый носился я день, и лишь вместе с садящимся солнцем
Пал на далекий Лемнос, и во мне чуть держалось дыханье.
Мужи синтийцы меня, там упавшего, приняли кротко".
Так он сказал. Улыбнулась тогда белорукая Гера,

1-595

Кубок у сына из рук, улыбаясь, взяла; он же тотчас
И остальным всем бессмертным, от правой руки начиная,
Сладкого нектару налил, из чаши большой почерпая.
И несмолкаемым смехом залились блаженные боги,
Видя Гефеста, как он хлопотал по чертогу, хромая.

1-600

Целый тот день, пока солнце склонилось, они пировали,
И недостатка на пиршестве не было в общем довольстве,
Не было в лире прекрасной, звучащей в руках Аполлона,
Не было в Музах, которые пели, чредой, сладкогласно.
После ж того, как затмилось сиянье блестящее солнца,

1-605

Каждый в свой дом удалился, желая предаться покою,
Там, где Гефест обоюдохромой, знаменитый художник,
С дивным расчетом построил чертоги для каждого бога.
К ложу пошел своему и Зевес, Громовержец Олимпа.
Там отдохнул он сперва, а когда сладкий сон опустился,

1-610

Лег и заснул, – и легла рядом с ним златотронная Гера.

* * *

ПЕСНЬ ВТОРАЯ
Сновидение. Перечень кораблей
Прочие боги, равно как и мужи, бойцы с колесницы,

Спали всю ночь, лишь Зевеса не радовал сон безмятежный.
Все он в уме размышлял, как бы лучше почтить Ахиллеса,
Как бы ему погубить пред судами побольше ахейцев.
И показалось Зевесу в душе наилучшим решеньем

2-5

Пагубный Сон ниспослать к Агамемнону, сыну Атрея.
И, обратившись к нему, он крылатое слово промолвил:
"Пагубный Сон, снизойди к кораблям быстроходным ахейцев
И к Агамемнону сыну Атрея проникши в палатку,
Все ты поведай как я поручаю, – вполне неизменно.

2-10

Ты прикажи, чтоб немедля он пышноволосых ахейян
В бой ополчил, ибо нынче возьмет он широкодорожный
Город троянцев: уже на Олимпе живущие боги
Разно не мыслят теперь, оттого что их всех преклонила
Гера мольбою своей, – и троянцам печаль угрожает".

2-15

Так он промолвил и Сон, услышавши слово, помчался.
Вскоре затем он достиг кораблей быстроходных ахейских
И, подойдя к Агамемнону, сыну Атрея, в палатке
Спящим увидел его, окруженного сладким покоем.
Стал он над ним в головах, уподобившись сыну Нелея,

2-20

Нестору: больше, чем старцев других, его чтит Агамемнон.
Нестора образ принявши, божественный Сон молвил слово:
"Спишь ли, Атрея, коней укротителя, сын благородный?"

Не подобает всю ночь так покоиться мужу совета,
Кто и народы блюдет и о многом заботиться должен.

2-25

Быстро мне внемли теперь: от Зевеса к тебе я посланник.
Он и вдали озабочен тобой и тебя сожалеет.
Он повелел, чтоб немедля ты пышноволосях ахеян
В бой ополчил, ибо ныне возьмешь ты широкодорожный
Город троянцев: уже на Олимпе живущие боги

2-30

Разно не мыслят теперь, оттого что их всех преклонила
Гера мольбою своей – и троянцам бедой угрожает
Зевс. Ты же в мыслях своих мою речь сохрани, чтоб забвенье
Не овладело тобой, когда сон тебя сладкий покинет".
Так говоря, он ушел и в палатке оставил владыку,

2-35

Полного мыслей о том, что по воле судьбы не свершилось.
Ибо он верил, что город Приама сегодня разрушит,
Глупый, не зная событий, которые Зевс приготовил,
Много еще ниспослать пожелавший стенаний и бедствий
На аргивян и троянцев среди беспощадных сражений.

2-40

Встал он со сна – а кругом раздавался божественный голос.
Быстро поднявшись, он сел и в мягкий хитон облачился,
Сшитый недавно, красивый. И плащ перекинув широкий,
Пару сандалий прекрасных к блестящим ногам подвязал он,
Меч среброгвоздый потом через плечи могучие бросил,

2-45

В руки же скипетр взял прародительский, вечно нетленный,
С ним и отправился в путь к кораблям меднобронных данайцев.
Уж на великий Олимп богиня Заря ниспустилась,
Чтобы о дне возвестить и Зевесу и прочим бессмертным.
Тотчас Атрид приказал глашатаям звонкоголосым

2-50

Пышнокудрявых ахейцев созвать на собрание. Они же
Кликнули клич и ахейцы весьма торопливо собирались.
Прежде всего разместил он совет многоопытных старцев
Пред кораблем повелителя Нестора, родом Пилосца:
Вместе собравши, он к ним обратился с разумным советом:

2-55

"Слушайте, други! Божественный сон среди ночи священной
Спавшим меня посетил, и видом, осанкой и ростом
Был он вблизи богоравному Нестору много подобен.
Став над моей головой, он мне слово такое промолвил:
"Спишь ли, Атрея, коней укротителя, сын благородный?"

2-60

Не подобает всю ночь так покоиться мужу совета,
Кто и народы блюдет, и о многом заботиться должен.
Быстро мне внемли теперь: от Зевеса к тебе я посланник.
Он и вдали озабочен тобой и тебя сожалеет.
Он повелел, чтоб немедля ты пышноволосях ахеян

2-65

В бой ополчил, ибо ныне возьмешь ты широкодорожный
Город троянцев: уже на Олимпе живущие боги
Разно не мыслят теперь, оттого что их всех преклонила
Гера мольбою своей и троянцам бедой угрожает
Зевс. Ты же в мыслях своих сохрани мою речь". – Так сказавши,

2-70

Он, отлетев, удалился – и сон меня сладкий покинул.
Дайте ж обсудим, как в бой ополчить нам ахейское войско.
Стану сперва искушать их словами, насколько пристойно,
И повелю им бежать на судах многовесельных, – вы же
Каждый на месте своем удержать их старайтесь словами".

2-75

Так он промолвил и сел, и тогда между ними поднялся
Нестор, который царил над Пилосом, обильным песками.
Он, благомыслящий, к ним обратился и слово промолвил:
"Милые друзья! Вожди и советники войска данайцев!
Если б другой из ахейян про сон рассказал нам подобный,

2-80

Мы бы, лжецом обзвавши, совсем от него отвернулись.
Ныне ж он снился тому, кто гордится, что первый он в войске.
Дайте ж устроим, чтоб дети ахейские в бой ополчились".
Так говоря, он поднялся и первый ушел из совета.
После поднялись другие, владыке народов послушны,

2-85

Скиптрдержавные мужи, а войско меж тем собиралось.
Точно пчелиные рои весной из пещеры в скале вылетают,
Вьются густыми роями, один за другими без счета,
То над цветами весенними гроздеобразно повиснут,
То в направлениях разных по воздуху, легкие, реют:

2-90

Так и ахейцы во множестве из кораблей и палаток
Вдоль по высокому берегу моря, сплотившись рядами,
К месту собрания шли. И Молва между ними блистала,
Вестница Зевса, идти побуждая; они же собрались.
И загудело собранье, земля застонала в то время,

2-95

Как размещались ахейцы – и было смятенье. Старались
Десять глашатаев громких, нельзя ль удержать их от крика,
Чтобы царей, возвращенных Зевесом, могли они слышать.
Только с трудом размещался народ, на местах оставаясь
И прекращая шуметь. Со скипетром а руке Агамемнон

2-100

С места поднялся. Тот скипетр Гефест изготовил, трудившись,
А подарил он его Олимпийцу Кронида Зевесу, –
После Зевес его отдал посланнику Аргоубийце,
Царь же Гермес дал Пелопсу, коней укротителю быстрых,
После Пелопс передал его пастырю войска Атрею,

2-105

Тот, умирая, Тиэсту, овцами богатому, отдал,
Царь же Тиэст завещал Агамемнону, сыну Атрея,
Многими чтоб управлял островами и Аргосом целым.
И, на него опираясь, он слово сказал аргивянам:
"Други мои! О, герои данайские, слуги Арея!

2-110

Зевс Громовержец Кронид меня бедствием тяжким опутал,
Он, кто, жестокий, сперва мне кивнул головой в знак согласия
И обещал, что вернусь, Илион крепостенный разрушив;
Ныне же, злобный обман замышляя, Зевес повелел мне
В Аргос без славы уйти, погубивши здесь много народа.

2-115

Так пожелал он теперь, Олимпиец Зевес всемогущий,
Он, кто до ныне низринул венцы с городов уже многих,
Да и низринет еще, ибо сила его беспредельна.
Но и для дальних потомков то будет позором улышать,
Что и в подобном числе и такие ахейцы так тщетно

2-120

И безуспешно войну продолжали, воюя с мужами,
Бывшим в меньшем числе, и коца никакого не видя.
Ибо когда бы ахейцы, а также троянцы, хотели,
Мирный союз заключив, сосчитаться одни пред другими,
Если б троянцы собрались здесь все, кто очаг лишь имеет,

2-125

Мы же, ахейцы, желали бы взять, на десятки разбившись,

По одному лишь троянцу на каждый, вино чтобы черпал, –
Без виночерпиев много тогда бы осталось десятков.
В столько-то раз многочисленной греки троянцев,
Что в Илионе живут. Но на помощь союзники мужи

2-130

Из городов собираются многих. Они, копьеносцы,
Сильно меня отражают, препятствуя, как ни желаю,
До основания скрыть Илион, многолюднейший город.
Девять годов у великого Зевса уже пролетело,
Сгнили давно корабельные бруссы, истлели канаты,

2-135

Где-то в домах наши жены, равно как любезные дети,
Пред очагами сидят и нас поджидают, а дело,
Ради которого прибыли мы, не исполнено нами.
Други, давайте же все поступать, как теперь повелю я.
Вместе бежим с кораблями в любезную отчую землю,

2-140

Ибо не взять никогда нам широкодорожную Троию".
Так он промолвил и радость вдохнул им в сердца своей речью,
– Всем из народа, не знавшим о прежнем решении совета.
И зашумело собрание, как волны огромные моря,
В час, когда южный и западный ветер приводят в движение

2-145

Понт Икарийский, из тучи Зевеса отца устремившись.
Точно как бурный Зефир наклоняет высокую ниву,
То подымаясь грозно, то падая вдруг на колосья, –
Так бушевало собрание. И воины с радостным криком
Все к кораблям устремились, и пыль, из-под ног выбиваясь,

2-150

Встала высоко. Они же меж тем убеждали друг друга
За корабли ухватиться и в море священное сдвинуть,
Рвы очищали, из-под кораблей извлекали подпоры, –

И от спешивших на родину крик поднимался до неба.
Так бы судьбе вопреки, возвращенье ахейцев свершилось,

2-155

Если бы Гера тогда не промолвила слова Афине:
"Непобедимая дочь Эгидодержавного Зевса!
Горе! Ужели домой по широкому гребню морскому
Так убегут аргивяне в любезную отчую землю,
На похвальбу и Приаму и прочим троянцам покинув

2-160

Здесь агивянку Елену, ту, ради которой погибло
Столько ахейцев под Троей, вдали от любезной отчизны?
Но поскорей отправляйся ты с стан меднобронных данайцев,
Ласковой речью своей останавливай каждого мужа,
В море совлечь не дозволяй кораблей обоюдокруглых".

2-165

Молвила так. Синеокая ей покорилась Афина
И, устремившись, с вершины Олимпа на землю спустилась.
Вскоре достигла она кораблей быстроходных ахейских.
Там Одиссея нашла, кто по мудрости равен Зевесу.
Не прикасался герой к своей черной ладье оснащенной,

2-170

Ибо печаль овладела и сердцем его, и душою.
Ставши вблизи, синеокая так говорила Афина:
"Зевса потомок, Лаерта дитя, Одиссей многоумный,
О, неужели домой, в любезную отчую землю,
Бросившись вместе к судам многовесельным, вы убежите,

2-175

На похвальбу и Приаму, и прочим троянцам покинув
Здесь аргивянку Елену, ту, ради которой погибло
Столько ахейцев под Троей, вдали от любезной отчизны?
Но отправляйся теперь ты немедля к ахейскому войску,
Ласковой речью своей останавливай каждого мужа,

2-180

В море совлечь не дозволю кораблей обоюдоокруглых".
Молвила так, и он голос узнал говорившей богини
И побежал, уронивши свой плащ. Эврибат его поднял,
Житель Итаки, глашатай, тогда провожавший героя.
Сам он, представ пред царем Агамемноном, сыном Атрея,

2-185

Взял у него прародительский скипетр, вечно нетленный,
С ним и отправился к быстрым судам меднобронных данайцев.
Если царя он встречал или воина, знатного родом,
Ставши пред ним он его останавливал ласковой речью:
"О, многочтимый! Тебе не пристало дрожать, словно трусу.

2-190

Лучше на место садись и других усади средь народа,
Ибо еще хорошо не изведаль ты мыслей Атрода;
Он искушает теперь, но вскоре накажет ахейцев.
Мы ведь слышали не все то, о чем говорил он в совете.
Как бы во гневе своем не сделал он худа ахейцам.

2-195

Гнев же велик у царя, кто Зевесом взращен; от Зевеса
Царский почет, а его то Зевес полюбил Промыслитель".
Если ж кричавшего громко он мужа встречал из народа,
Скиптром его ударял и бранил его грозною речью:
"Сядь, злополучный, недвижно и слушай, что скажут другие.

2-200

Те, кто мудрее тебя; ты ж негоден к войне и бессилен
И никогда ни во что не считался в бою, ни в совете.
Мы, аргивяне, не все, полагаю, здесь царствовать будем;
Не хорошо многовластье. Единый да будет властитель,
Царь же единый, которому Кроноса хитрого сыном

2-205

Скиптр и законы даны, затем, чтоб царил он над нами".
Действуя так, он настраивал войско к порядку. Они же
Из кораблей и палаток опять устремились в собранье
С криком, подобно тому, как прибой многошумного моря
Хлещет о берег крутой и весь понт оглашается громом.

2-210

Все, наконец, они сели и так на местах оставались.
Только Терсит еще громко бранился, болтливый без меры.
Множество слов беспорядочных в мыслях своих сохранял он,
Чтобы царей задевать, говоря что случится, без толка,
Лишь бы он думал, что греки найдут его речи смешными.

2-215

Он безобразнейший был изо всех, кто явился под Трою.
Был он косою и хромою, и его искривленные плечи
Вместе сходились к груди, а еще заостренною кверху
Он головой отличался и редкий торчал на ней волос.
Больше других на Ахилла он злился и на Одиссея

2-220

И оттого их бранил. Но теперь наносил оскорбленья
Он Агамемнону, резко крича. И хоть страшно ахейцы
В сердце своем возмущались, – против него негодуя,
Все же он, громко ревя, поносил Агамемнона словом:
"Чем, о, Атрид, ты опять недоволен, в чем нужду имеешь?"

2-225

Медью набиты палатки твои и живет в тех палатках
Множество избранных жен, которых тебе мы, ахейцы,
Первому дарим, едва лишь возьмем неприятельский город.
Золота ль нужно еще? Чтоб его кто-нибудь из троянцев,
Сильный коней укротитель, доставил, как выкуп за сына,

2-230

Мной приведенного связанным или другим из ахейцев?
Нужно ль жену молодую, чтоб с ней ты в любви сочетался,
Тайно от нас в стороне укрываясь? Тебе, полководцу,
Не подобает беду накликать на ахейское войско.
Труссы! Постыдное племя! Ахейки вы, не ахейцы!

2-235

Дайте, вернемся домой с кораблями! Его же оставим
Здесь, подле Трои, добычей своей наслаждаться. Пусть знает,
Пользу ль ему мы приносим хоть сколько-нибудь, иль не мало.
Ныне он даже Ахилла, значительно лучшего мужа,
Тем оскорбил, что наградой владеет его, отобравши.

2-240

Только Ахилл обленился, в груди его больше нет желчи.
Если б не это, Атрид, ты б в последний раз ныне был дерзок".
Так, понося Агамемнона, пастыря многих народов,
Молвил Терсит. Быстро стал перед ним Одиссей богоравный.
Он, исподлбья взглянувши, сказал ему гневное слово:

2-245

"О, пустомеля Терсит, хоть и звонкоголосый оратор!
Ты воздержись и один не дерзай состязаться с царями,
Ибо, скажу, безобразней тебя нет другого из смертных,
Сколько ни прибыло их с Атридами вместе под Трою.
Вот почему не тебе, именами царей потешаясь,

2-250

Речи держать, укоризны твердить и желать возвращенья.
Сами еще хорошо мы не знаем, как это свершится,
Благополучно иль нет возвратимся мы, дети ахейцев.
Ты же сидишь и коришь Агамемнона, сына Атрея,
Тем, что ему, полководцу народов, дают слишком много

2-255

Мужи данайцы, а ты произносишь насмешливо речи.

Но говорю я тебе, и угроза моя совершится:
Если еще раз тебя, как теперь, обезумевшим встречу,
Пусть в этот день головы на плечах Одиссея не будет,
Пусть называться вперед я не стану отцом Телемаха,

2-260

Если, схвативши, с тебя не сорву я одежды любезной,
Плащ и тунику, и платье, которое стыд прикрывает.
И самого не отправлю в слезах к кораблям быстроходным
Вон из собрания, ударами прежде постыдно избивши".
Так он сказал и жезлом по спине и плечам он ударил.

2-265

Тот изогнулся, и слезы обильно из глаз его пали,
А на спине проступила кровавая опухоль тотчас
От золотого жезла. Дрожа, он уселся на место,
Тупо кругом озираясь от боли, слезу вытирая.
Все же, хоть были печальны, от сердца над ним посмеялись;

2-270

Каждый из них говорил, на взирая один на другого:
"Боги! Свершил Одиссей уже подвигов вправду без счета,
Первый ли мудрый давая совет иль к войне побуждая.
Ныне же он среди нас величайшую выказал доблесть,
Тем, что болтливый им был клеветник исключен из собраний.

2-275

Сердце надменное снова его не побудит наверно
Так состязаться с царями, твердя им обидные речи".
"Так говорили в толпе. Одиссей, городов разрушитель,
Встал со скиптром в руке. Синеокая подле Афина,
Вестника облик принявши, молчать приказала народу,

2-280

Дабы и первые, как и последние дети ахейцев
Слово услышать могли и решение вместе обдумать.
Доброжелательный, к ним обратился и так он промолвил:

"Ныне тебя, царь Атрид, пожелали ахейне сделать
Гнусным в глазах всех людей, говорящих раздельною речью.

2-285

Клятвы они не сдержали, которой клялись тебе прежде,
В день, как отплыли сюда из отчизны коней Арголиты,
Клятвы, что ты, разорив Илион крепкостенный, вернешся.
Ныне, как малые дети иль вдовы жены, ахейцы
Плачутся друг перед другом о том, как домой возвратиться,

2-290

Хоть возвратиться домой тяжело, потерпев поражение.
Правда и то, что, оставшись вдали от супруги лишь месяц,
Всякий уже тяготится на судне, снабженном гребцами,
В зимние бури гонимом поверх разъяренного моря.
Ныне же год уж девятый исполнился, круг совершая,

2-295

С того дня, как находимся здесь. Оттого не сержусь, коль ахейцы
Подле кривых кораблей в огорченьи сидят. Все ж позорно
Далее медлить, равно как вернуться с пустыми руками.
Други, еще потерпите, останьтесь на срок, пусть узнаем,
Верно ль Калхас предвещает грядущее или не верно.

2-300

Помним мы все хорошо. Вы, кого не умчали богини
Смерти, вчера как и третьего дня, проходившие мимо,
Вы – очевидцы того, как суда аргивян собирались
Вместе в Авлиде, на горе Приаму и прочим Троянцам.
Мы обступили источник вокруг алтарей освященных

2-305

И гекатомбы бессмертным богам сожигали, как должно,
Стоя над кленом прекрасным, где лились прозрачные воды.
Там появилось великое знаменье: с красной спиною
Страшный дракон, всемогущим ниспосланный в свет Олимпийцем,
Кинулся быстро из-под алтаря и на клен устремился,

2-310

Где находились птенцы воробья, неразумные дети,
Вместе укрывшись под листья одной из ветвей самых крайних,
Восемь числом, а девятая мать, что птенцов породила.
Там их пожрал до единого, жалобный писк издававших.
Мать же вокруг своих деток родимых носилась, тоскуя,

2-315

Но и стенавшую он за крыло ухватил извиваясь.
После ж того, как детей воробьиных и мать проглотил он,
Знаменье сделал бессмертный, пославший явление:
Кроноса хитрого сын превратил его в камень.
Мы же, стоявшие подле, дивились тому, что случилось.

2-320

Только что страшное чудо небес в гекатомбу вмешалось,
Мудрый Калхас, предвещающий волю бессмертных, промолвил:
"Что вы, ахеяне пышноволосые, стали безгласно?
Это великое знаменье Зевс Промыслитель явил нам,
Позднее с поздним исходом, но слава о нем не погибнет.

2-325

Точно как этот пожрал воробья и детей воробьиных,
Восемь числом, а девятую мать, что детей породила, –
Столько же ровно годов мы заняты будем войною;
В год же десятый разрушим мы город широкодорожный!" –
Так говорил он и все его речи сбываются ныне.

2-330

Что же, останемся здесь, аргивяне в прекрасных доспехах,
Выждем, пока не разрушим мы город Приама".
Так он сказал и ахеяне громко в ответ застонали,
Все корабли огласились криком ужасным ахейцев,
Тем одобрявших слова Одиссея, подобного богу.

2-335

Нестор, наездник геренский, в то время промолвил им слово:
"Горе! В собрании держите речи и впрямь уподобившись детям –
Глупым, которых нисколько заботы войны не тревожат.
Но до чего же дойдут договоры у нас и присяги?
Дымом развеялись что ли советы мужей и решенья,

2-340

И возлиянья вина, и пожатия рук при союзах?
Ибо мы все на словах состязаемся, но никакого
Средства не можем найти, хоть живем здесь не малое время.
Ты же, Атрид, и теперь, как и прежде, в решении твердый,
Над аргивянами власть прояви средь жестоких сражений.

2-345

Тех же оставь погибать – одного иль двоих – кто украдкой
От аргивян порешит – в чем им вовсе не будет успеха –
В Аргос далекий отправиться, прежде чем здесь мы узнаем,
Лживо иль нет обещанье Эгидодержавного Зевса.
Ибо, скажу вам, могучий Кронид явил знак согласия,

2-350

В день, когда мы на судах быстроходных отплыть собирались,
Дети ахейцев, готовя убийство и гибель Троянцам:
Молнию бросил он справа, являя благую примету.
Вот почему пусть никто не спешит возвратиться в отчизну,
Прежде чем всякий из нас не обнимет супругу троянца,

2-355

Не отомстит за Елену, ее похищенье и слезы.
Если домой кто-нибудь, безрассудный желает вернуться,
Пусть-ка он тронет свой черный корабль, хорошо оснащенный,
Чтобы навлечь на себя раньше прочих и смерть и погибель.
Ты же, о, царь, будь и сам благомыслен, и слушай другого:

2-360

Не бесполезным окажется слово, какое скажу я.
Ты раздели, Агамемнон, все войско по родам и семьям,
Чтобы семья помогала семье, также роды друг – другу.
Если ты сделаешь так и ахейцы тебе подчинятся,
Будешь ты вестать тогда, кто труслив из вождей и народов,

2-365

Кто из них храбр, ибо сами собой они будут сражаться,
Также узнаешь, по воле ль богов не разрушил ты город,
Или по трусости войска, негодного в деле военном".
И, отвечая на это, владыка сказал Агамемнон:
"Снова ахейских сынов победил ты в собраньи, о, старец!

2-370

Если бы Зевс Олимпиец и вы, Аполлон и Афина,
Десять подобных советников мне среди ахейян послали,
Скоро тогда б уничтожен был город владыки Приама,
Нашею взятый рукой и разрушенный до основания.
Но ниспослал мне печаль Зевс Кронион Эгидодержавный,

2-375

Ибо он бросил меня среди споров и распрей бесплодных.
Правда за деву прекрасную мы с Ахиллесом сражались
Полными гнева словами и я был зачинщиком гнева.
Если б хоть раз на одном порешили мы с сыном Пелея,
Скорбь не замедлила б тотчас нагрять на войско троянцев.

2-380

Ныне ж идите обедать, да будем готовыми к бою.
Каждый копьё хорошо пусть наточит и выправит щит свой,
Каждый пускай быстроногим коням даст обильную пищу
И колесницу осмотрит кругом, помышляя о бое,
Дабы весь день мы сражаться могли в ненавистном сраженьи.

2-385

Ибо не будет в бою перерыва, хотя б ненадолго,

Прежде чем ночь, снизойдя, не разлучит мужей разъяренных.
Потом на каждой груди обольется ремень, на котором
Щит покровитель висит, и рука от меча утомится,
Потом покроется конь, боевую влача колесницу.

2-390

Тот, про кого я замечу, что он захотел вне сраженья
Подле судов округленных остаться, – плохая надежда
Будет ему на спасенье от псов и от птиц плотоядных".
Так он сказал. Застонали ахейяне громко, как море
Подле скалистого берега, если, примчась, южный ветер

2-395

Бросит валы о нависший утес, неразлучный с прибоем,
Вихрям подобно, восставшим с различных сторон, отовсюду.
Быстро поднявшись, они разошлись по судам быстроходным.
Вскоре в палатках огонь развели, приступая к обеду.
Каждый бессмертным богам приносил свою жертву

2-400

Вместе с молитвой избегнуть ударов Арея и смерти.
А всемогущему Зевсу владыкой народов Атридом
Бык предназначен был в жертву, дородный, пятигодовалый.
После к себе пригласил он старейшин, вождей всех ахейцев,
Нестора первым призвал и властителя Идоменея,

2-405

Вместе же с ними обоих Аяксов и сына Тидея,
И Одиссея шестым, кто по мудрости равен Зевесу;
Сам же собою пришел Менелай, среди боя отважный,
Ибо он ведал, как брат его был озабочен душою.
Стали они вокруг быка и взяли ячмень крупнозерный,

2-410

И Агамемнон владыка, молясь, так меж ними промолвил:
"Славный, великий Зевес, туч гонитель, живущий в эфире!
Дай, чтобы солнце зашло, чтобы ночь наступила не раньше,

Чем, устремившись вперед, я чертог ниспровергну Приама,
Черный от дыма, и брошу огонь разрушительный к двери

2-415

И растерзаю хитон, облакающий Гектора тело,
Медью его рассеку, между тем как товарищи, рядом
В прах головою повержены, будут зубами грызть землю".
Так он сказал, но Кронион Зевес не услышал моления;
Жертву хотя и принявши, он труд неизбежный умножил.

2-420

К богу воззвавши, они разбросали ячмень крупнозерный,
Шеи приподняли жертвам, разрезали, кожу содрали,
Бедра затем разрубили, двойным их пластом обернули
Светлого жира и мяса сырого наверх положили
И, на поленья сложивши, лишённые листьев, сжигали,

2-425

А над огнем поместили утробы, пронзив вертелами.
После ж, как бедра сгорели, они от утробы отведав,
Прочие части рассекли, пронзили насквозь вертелами
И, осторожно прожаривши, все от огня удалили.
Кончив труды и еду приготовив, за пир они сели,

2-430

И не нуждался никто в уделяемых поровну яствах.
После ж, когда в них желанье питья и еды утолилось,
Нестор, наездник Геренский, такое промолвил им слово:
"Царь многославный Атрид, о, властитель мужей Агамемнон!
Больше не станем теперь говорить и откладывать снова

2-435

Дело, которое бог без сомнения в руки нам вверил.
Ты повели, чтоб глашатаи кликнули клич пред судами
И воедино созвали народ Аргивян меднобронных.
Мы же, собравшись толпой, по широкому войску ахеян
Также пойдем, чтоб скорей возбудить в них воинственный пламень".

2-440

Так он сказал. Не ослушался пастырь племен Агамемнон.
Тотчас затем приказал он глашатаям звонкоголосым
Пышнокудрявых Ахейцев созвать для сраженья. Они же
Кликнули клич, и ахейцы сбирались весьма торопливо.
Все же возвращенные Зевсом цари, окруживши Атрида,

2-445

Бросились строить ряды. Синеокая рядом Афина
Стал, Эгиду держа дорогую и чуждую тлена.
Чистого золота сто развевалось бахром под Эгидой,
Скрученных все хорошо, – и цена в сто быков была каждой.
Ринувшись с нею, она пронеслась через войско ахейян,

2-450

Всех побуждая идти и каждому в сердце внушая
Храбрость, дабы воевали они без конца и сражались.
И показалось внезапно им слаще война, чем вернуться
На кораблях углубленных в любезную отчую землю.
Как на вершине горы истребительный пламень сжигает

2-455

Лес беспредельный и блеск на пространство далекое виден, –
Так от божественной меди идущего войска сиянье,
Ярко сверкая кругом, поднималось по воздуху к небу.
Словно как птиц окрыленных станицы, которым нет счета,
Быстрых гусей, журавлей, а равно лебедей длинношеих,

2-460

Там на азийских лугах, невдали от Каистра потока,
Гордые легкостью крыльев, летают по всем направлениям,
С криком садятся на землю, и луг содрогается сильно, –
Так разливались народы в долине Скамандра,
Из кораблей и палаток во множестве выйдя. И громко

2-465

Вся оглашалась земля под ногами и пеших и конных.
Стали войска средь цветущей долины Скамандра – и были
Также числом бесконечны, как летом цветы и как листья.
Словно несчетные рои слетевшихся мух отовсюду,
Что по жилью пастуха разбредаются ранней весною,

2-470

В пору, когда молоко орошает обильно сосуды, –
В равном числе и ахейцы прекрасноволосые стали
Против троянцев в долине, их всех уничтожить желая.
Как пастухи, стерегущие коз, без труда различают
Козьи стада, если вместе они среди пастьбы смешались,

2-475

Так предводители строили их повсеместно в порядок,
Чтобы в сраженье вести. Посредине ж был царь Агамемнон,
Взором и всей головой Громовержцу Зевесу подобный,
Поясом – богу Арею, а грудью своей – Посейдону.
Точно как в стаде коров превосходным над всеми бывает

2-480

Бык, – ибо он красотой среди целого стада блистает, –
Точно таким в этот день сделал Зевс полководца Атрида –
Превосходящим других и отличным средь многих героев.
Ныне поведайте мне, на Олимпе живущие Музы,
Кто предводители были и кто властелины данайцев.

2-485

Ибо везде вы, богини, бывали и все вам известно,
Мы же лишь внемлем молве, ничего мы не ведаем сами.
Всех аргивян я не только назвать, но и исчислить не мог бы,
Хоть бы и десять имел языков я и десять гортаней,
Будь у меня не слабеющий голос и сердце из меди,

2-490

Если бы Музы Олимпа, Эгидодержавного Зевса
Дочери, мне не напомнили всех, кто явился под Трою.
Только вождей над судами, равно и суда все исчислю.
Рать беотийских бойцов предводили Леит, Пенелеос,
Аркезилай, Протонэор и Клоний; ту рать составляли

2-495

Воины, жившие в Гири и в каменистой Авлиде,
В Схене и Сколе, а также в Этеоне многохолмистом,
В Теспии, Грайе, равно в Микалессе широкодолинном,
Жители Гармы и те, кто в Илезии жил, и Эритрах,
Кто обитал в Элеоне и в Гиле, равно в Петеоне

2-500

И в Мееоне прекрасно построенном, и в Окалее,
В Копах, Эвтресе и Тисбе, стране, голубями богатой,
Кто обитал в Короне, и в богатом травой Галиарте,
Также кто в Плате жил, те кто устроил жилище в Глисанте,
Кто населял Гипофивы, прекрасно устроенный город,

2-505

Также священный Онхест, Посейдоновой рощею славный,
Арну, лозой виноградной обильную, также Мидею,
Низу священную и Антедон, отдаленнейший город.
Послано было от них пятьдесят кораблей, и на каждом
Судне приплыло сто двадцать бойцов молодых беотийских. (6000)

2-510

Теми, кто жил в Аспледоне, равно в Орхомене Минейском,
Правили вместе Аскалаф с Иалменом, дети Арея:
Их родила Астиоха Арею могучему в доме
Актора, сына Азея: стыдливая дева ютилась
В верхнем покое, но бог опочил вместе с нею украдкой.

2-515

Тридцать глубоких судов вслед за ними приплыло рядами. (3600)

Схедий и с ним Эпистроф полководцами были фокеян,
Оба – сыны благородного Ифита, сына Навбола;
Рать составляли, кто жил в Кипарисе, в Пифоне скалистом,
В Кризе божественной, кто обитал в Панопее, в Давлиде,

2-520

Кто населял Гиамполя окрестность и Анемореи,
Те, кто жилище имел вдоль реки величавой Кефиза,
Кто основался в Лилее, вблизи от Кефизских истоков;
Сорок судов чернобоких за ними отправилось следом.
Эти вожди разместили фокеян, построив рядами,

2-525

От беотийцев поставив их близко по левую руку. (2000)
Сын Оилея, проворный Аякс, был начальником локров.
Меньше по росту он был Теламонова сына Аякса,
Даже значительно меньше. Но малый с броней холщевой,
Превосходил он в метаньи копья всех ахейцев и греков;

2-530

Рать составляли, кто жил в Каллиаре, Опусе, Киносе,
Бесе и Скарте и кто основался в прелестной Авгее,
В Тарфе и Фронии, также в окрестностях вод Боагрийских.
Сорок судов чернобоких с ним вместе отправили локры,
Что обитают по той стороне от священной Эвбеи. (2000)

2-535

Далее шли из Эвбеи дышавшие гневом абанты;
Жили в Халкиде они и в Эретрии и в Гистиеэ,
Винами славной, в приморском Коринфе, в Дионее, лежащем
На возвышении городе, также в Каристе и Стире;
Ими начальствовал Елефенор, от Арея рожденный,

2-540

Сын Халкодонта, – он был предводителем храбрых абантов.
С ним-то пришли подвижные Абанты, косматые сзади,
Копий метатели, сильно желавшие ясенным древком,

Брошенным метко, пробить на груди неприятельской панцирь.
Сорок судов чернобоких с ним вместе приплыло рядами. (2000)

2-545

Далее шли населявшие город прекрасный Афины,
Область царя Эрехтея: когда-то землей плодородной
Был он рожден, а вскормила его дочь Зевеса Афина
И поселила в Афинах потом, в своем храме богатом, –
Там где афинские юноши, в кругосвершение года,

2-550

Жертвуют коз и быков, чтобы милость обрести у богини.
Сын Петеоса у них был вождем, Менесфей знаменитый,
С кем ни единый из смертных людей не равнялся искусством
В бранный порядок построить коней и мужей щитоносцев
(Нестор один состязаться с ним мог, – он был старше годами);

2-555

Черных судов пятьдесят за героем отправилось следом. (2500)
Из Саламина двенадцать судов за Аяксом приплыло; (600)
Войско поставил он там, где афинян стояли фаланги.
Дальше стояли, кто в Аргосе жил, в укрепленной Тиринте,
И в Гермione, в Азине, глубокою гаванью славных,

2-560

Также в Трезене, в Эйоне, в богатом вином Эпидавре,
Те, кто Масет населял и Эгину, – ахейские мужи;
Были вождами у них Диомед, среди боя отважный,
Также Сфенел, многославного сын дорогой Капанея.
Третьим вождем у них был Эвриал, смертный равный с богами,

2-565

Славного сын Мекистея, потомка царя Талаона;
Всех же в бою предводил Диомед, среди боя отважный;
Восемьдесят кораблей с ними вместе отправилось черных. (4000)
Далее шли населявшие город прекрасный Микены,
Пышный Коринф и Клеоны, прекрасно устроенный город,

2-570

Кто основался в Орнее и в Аретирее приятной,
И в Сикионе, который был прежде подвластен Адрасту,
В Гиперезии, в построенной на высоте Гоноессе,
Те, кто жилище имел в Эгионе, а также в Пелене,
Вдоль Эгиала всего и вблизи от широкой Гелики.

2-575

Сто их судов предводил сам владыка Атрид Агамемнон. (5000)
Войско отправилось с ним многолюдней других и храбрее.
Он между ними стоял, весь в блестящую медь облаченный,
Гордый в душе и один среди многих героев отличный
Тем, что сильнее их был и привел наиболее войска.

2-580

Дальше стояли, кто жил в Лакедемоне, между ущелий,
В Спарте, Фарисее и Мессе, стране, голубями богатой,
Кто основался в Бризе, равно как в приятной Авгее,
Также в Амиклах и в Гелосе, городе, близком от моря,
Все, населявшие Лаас, а также окрестность Этила.

2-585

Их шестьдесят кораблей под начальством пришли Менелая, (3000)
В битвах бесстрашного царского брата. Их строй стал отдельно.
Сам он среди войска шагал, на отвагу свою полагаясь,
Всех побуждая сражаться. Он сильно желал в своем сердце
Мщеньем воздать за Елену, ее похищение и слезы.

2-590

Дальше стояли все те, кто Пилос населял и Арену,
Фрион, где брод чрез Алфей, и прекрасно устроенный Эпи,
Кто населял Птелеос, Кипариссию, Амфигенею,
Гелос и Дорион (там, повстречавши фракийца Фамира,
Музы убили в нем дар песнопенья, когда возвращался

2-595

Он из Эсхалии, от эсхалийского мужа Эврита:
Хвастал он тем, что одержит победу, хотя бы и сами
Музы, Зевеса Эгидодержавного дочери, пели;
Те, рассердясь, поразили его слепотой и священный
Отняли дар песнопенья и лиру заставили бросить).

2-600

Ими начальствовал Нестор Геренский, наездник отважный.
С ним девяносто судов углубленных приплыло рядами. (4500)
Далее шли, кто в Аркадии жил, под горою Киллены,
Подле гробницы Эпития, где состязаются мужи,
Кто населял Фенеос с Орхоменом, богатым овцами,

2-605

Рипу, Стратию, а также открытую ветрам Эписпу,
Кто основался в Теге, равно в Мантинее приятной,
Те, кто жилище в Стимфале имел и кто жил в Парразии:
Их шестьдесят кораблей предводил от Анкея рожденный (3000)
Царь Агапенор. И много мужей аркадийцев на каждом

2-610

Судне пришло многоопытных в деле войны. Корабли же
Им хорошо оснащенные дал Агамемнон владыка,
Славный Атрид, – чтоб на них через понт переправиться темный:
Не занимались они мореходным искусством.
Далее шли, кто в Бупрасии жил и в Элиде священной,

2-615

Кто населял всю страну от Гирмины и крайней Мирсины
До Оленийской скалы, а равно до холмов Ализийских.
Их предводили четыре начальника, – десять за каждым
Быстрых приплыло судов, доставивших много эпеев. (2000)
Были вождями у них Амфимах вместе с Фалпием, – дети

2-620

Первый Клеата, второй же Эврита, потомка Актора;
Третьим вождем был могучий Диор, Амаринков потомок;
В битву дружину четвертую вел Поликсен богоравный,
Сын Агасфена владыки, ведущего род от Авгея.
Те, кто в Дулихии жил, на святых островах Эхинадских,

2-625

Что далеко расположены в море, напротив Элиды,
Шли под начальством Мегеса, подобного богу Арею,
Сына Филея, любезного Зевсу возницы Филея:
Некогда он, на отца рассердившись, ушел на Дулихий.
Сорок судов чернобоких с ним вместе отплыло рядами. (2000)

2-630

Был Одиссей полководцем могучих душой кефалонян,
Тех, кто в Итаке рожден и на шумно лесистом Нерите,
Кто обитал в Крокилее и на Эгилипе скалистой,
Кто основался в Сакинфе, жилище имел на Самосе,
Кто населял материк и берег противоположный.

2-635

Их предводил Одиссей, кто по мудрости равен Зевесу;
С ним же двенадцать судов краснобоких отправилось следом. (600)
Сын Андремона Фоас предводителем был у этолян,
Тех, кто Плеврон населял и кто в Олене жил и Пилене,
В близкой от моря Халкиде, равно в Калидоне скалистом,

2-640

(Ибо не стало потомства Энея, великого духом:
Умер он сам и скончался за ним Элеагр светлокудрый).
Было Фоасу доверено все, чтоб царил среди Этолян;
Сорок судов чернобоких с ним вместе отплыло рядами. (2000)
Идомений, знаменитый копьем, был начальником критян,

2-645

Тех, кто Кнозос населял и кто жил в укрепленной Гортине,

В Ликте, в Милете, в белеющих зданьях Ликаста и в Фесте,
И в Ритионе, больших городах, хорошо населенных,
Также и прочих мужей, обитавших на Крите стоградном.
Идоменей, знаменитый копьем, предводил их в сраженье,

2-650

Да Мерион, Эниалию мужеубийце подобный.
Вместе приплыли они с восьмьюдесятью кораблями. (4000)
Храбрый и ростом большой Тлеподем был Геракла потомок,
Девять судов из Родоса привел, от бесстрашных родосцев, (450)
Тех, кто Родос населяют, на три разделившись народа;

2-655

В Линде живут они, в белом Камире и также в Ялиссе.
Их предводил Тлеподем, боевого копья знаменитый метатель,
Астиохеей рожденный Гераклу могучему. Вывел
Он из Эфиры ее, невдали от реки Селеиса.
Многих героев, воспитанных Зевсом, разрушив твердыни.

2-660

Тот Тлеподем, когда вырос в дворце, разукрашенном пышно,
Вскоре убил, рассердившись, любезного дядю отцова,
Старца Ликимния, бога Арея потомка. Немедля
Выстроил он корабли и, товарищей много собравши,
В море бежал, – ибо местию ему угрожали другие

2-665

Дети и внуки Геракла могучего. Много блуждавши,
Прибыл потом он на остров Родос, натерпевшись печали.
Там основались они в трех местах, каждым племенем розно.
И возлюбил их Зевес, кто царит над людьми и богами,
И в изобилии славный Кронид на них пролил богатства.

2-670

Три корабля соразмерных приплыли от острова Симы, (150)
Вслед за Ниреем, потомком Харона царя и Аглаи,
Вслед за Ниреем, который из греков, пришедших под Трою,

Всех был прекрасней лицом, кроме славного сына Пелея;
Только он не был отважен и мало пришло с ним народа.

2-675

Те, кто Нисир населял, вместе с Крапатом, Казосом, Косом,
Кто обитал в Эврипиле и на островах Калидийских,
Двух полководцев имели – Филиппа бойца и Антифа,
Двух сыновей скиптроносца Фессала, потомка Геракла;
Тридцать глубоких судов с ними вместе приплыло рядами. (1500)

2-680

Далее шли, кто жилище имел в Пеласгийском Аргосе,
Кто основался в Алосе, в Алоне и также в Трахине,
Жители Фтии, Эллады, прекрасными женами славной:
Было название им – мирмидоны, эллены, ахейцы.
Их пятьдесят кораблей предводил Ахиллес полководец. (2500)

2-685

Но не о шумном сраженьи они помышляли в то время,
Ибо отсутствовал тот, кто в сражение вел их фаланги.
Средь кораблей отдыхал быстроногий Ахилл богоравный,
Гневаясь за Бризеиду, прекрасноволосую деву,
Деву, которую, много трудясь, он увел из Лирнесса,

2-690

Город разрушив Лирнесс, равно как и Фивские стены
И Эпистрофа с Минетом убивши, метателей копий,
От скиптроносца Эвена, Селепия сына, рожденных.
В скорби по ней отдыхал он, но должен был скоро воспрянуть.
Дальше стояли, кто жил во цветущей Пирасе, в Филаке –

2-695

Крае, любезном Деметре, – в Итоне, питающей агнцев,
В близком от моря Антроне, на злачных лугах Птелеоса;
Ими при жизни начальствовал воин, любезный Арею,
Протезилай, но теперь он уж черной накрыт был землею.
С горя лицо раздирая, осталась в Филаке супруга

2-700

После него в недостроенном доме. Убит он дарданцем,
Первый из всех Аргивян с корабля соскочивши на берег.
Не оставались войска без вождя, но о нем сожалели.
Был среди них полководцем Подаркес, потомок Арея,
Сын Ификла, овцами богатого, сына Филака.

2-705

Братом родным приходился он храброму Протезилаю,
Младшим годами. А Протезилай был отважней и старше,
Равный Арею герой. И мужи, хотя не остались
Без полководца, жалели о нем: он был доблестный воин.
Сорок судов чернобоких с ним вместе приплыло рядами. (2000)

2-710

Дальше стояли, кто жил вдоль Бебейского озера в Ферах,
В Бебе, в Глафирах и в городе Иолке, устроенном пышно.
Вышли одиннадцать их кораблей под начальством Эвмела, (550)
Милого сына Адмета; рожден он богиней среди женщин,
Самой прекрасной из всех дочерей Пелиаса – Алкестой.

2-715

Дальше стояли, кто жил в Таумаии, а также в Мефоне,
Кто населял Мелибею, равно Олизон каменистый.
Славный из лука стрелок Филоктет был у них полководцем.
Вывел он семь кораблей; пьдесят находилось на каждом
Судне гребцов, – они луком искусно владели в сраженьи. (350)

2-720

Только лежал он на острове, сильною болью терзаем,
Там, на священном Лемносе, где был он ахейцами кинут,
Мучимый язвою злою, укушенный лютою гидрой.
Там он, стелая, лежал. Но вскоре должны были вспомнить
Дети ахейн вблизи кораблей о царе Филоктете.

2-725

Не оставались они без вождя, но о нем сожалели.
В ратный порядок их строил Медон, Оилея побочный
Сын, от него, городов разрушителя, Реной рожденный.
Далее шли, кто родился в гористой Ифоме и Трикке,
Кто населял Эхалию, Эврита Эхальского город.

2-730

Были у них полководцами двое детей Эскулапа,
Славные оба врачи, Подалирий и также Махаон;
Тридцать глубоких судов вслед а ними приплыло рядами. (1500)
Жителей Ормениона, вблизи родника Гипереи,
Также в Астерии живших, близь белой вершины Титана,

2-735

Вождь Эврипил предводил, блистательный сын Эвемона.
Сорок судов чернобоких с ним вместе приплыло рядами.
Далее шли, кто в Аргиссе жилище имел и в Гиртоне,
В Орфе, в Элоне, в белеющем городе Олоосоне.
Был предводителем их Полипит, неустанный в сраженьях,

2-740

Сын Пирифоя, который рожден от бессмертного Зевса.
Дивная Гипподамия его родила Пирифою
В день, когда он покарал волосами обросших Центавров,
Из Пелиона прогнав и приблизив к народу Эфикив.
Вместе же с ним Леонтей предводил их, потомок Арея,

2-745

Сын непреклонного духом Корона, Кенеева сына.
Сорок судов чернобоких за ними отправилось следом. (2000)
Двадцать и два корабля из Кифоса отплыло с Гунеем. (1100)
Он предводил Эниан и упорных в сраженьи Перебов,
Тех, кто жилище построил вблизи от холодной Додоны,

2-750

Кто поделился землей, где веселый поток Титарезий
Катит прозрачные воды свои до потока Пеняя,
Но не сливается там с серебристопучинным Пенеем,
Только поверх расстилается, будто прозрачное масло.
Сам он из Стиксовых вод вытекает, ужасных для клятвы.

2-755

Сын Тендредона Профой начальствовал войском Магнетов,
Тех, кто жилище имел вокруг шумящих лесов Пелиона,
Подле Пеняя: Профой быстроногий начальствовал ими.
Сорок судов чернобоких с ним вместе приплыло рядами. (2000)
Вот кто начальники были ахейских дружин и владыки.

2-760

Ныне, о, Муза, скажи мне, кто самый отважный был воин,
Чьи были лучшие кони из всех, что явились под Трою.
Лучшие кони из всех находились у сына Фереса;
Ими Эвмел управлял, и легки они были, как птицы,
Масти одной, однолетки и равного роста хребтами.

2-765

Их, кобылиц, возрастил Аполлон сребролукий в Перее,
Чтобы они разносили в грядущих сражениях ужас.
Лучшим бойцом был Аякс Теламонид, покуда томился
Гневом Ахилл; он же всех был сильнее, и лучшие также
Кони носили его, беспорочного сына Пелея.

2-770

Но отдыхал он тогда на кривых кораблях мореходных,
Гневаясь на Агамемнона, пастыря многих народов,
Сына Атрея, меж тем как войска на побережии моря
Праздно себя развлекали метанием дисков и копий,
Или стрельбою из лука. А кони покоились каждый

2-775

Пред колесницей своей, поедая Селину и лотос.

А колесницы лежали прикрытые в царских палатках;
Их же владельцы, скорбя о владыке, любезном Арею,
Взад и вперед среди войска бродили, чуждаясь битвы.
Воины шли, и все поле как будто огнем пожиралось.

2-780

Тяжко стонала земля, как от гнева отца Громовержца,
Ежели землю бичует Зевес вокруг Тифона в Аримах,
Там, где, молва повествует, находится ложе Тифона.
Так под ногами идущих стонала земля, содрогаясь, –
Ибо с большой быстротой проходили войска по равнине.

2-785

Вестницей легкой, как ветер, примчалась к троянцам Ирида,
С горестной вестью летя от Эгидодержавного Зевса.
Тою порой на собранье сошлись во дворе у Приама
Мужи троянские все, молодые, равно как и старцы.
Ставши вблизи, быстроногая к ним обратилась Ирида,

2-790

Но уподобилась голосом сыну Приама Политу,
Стражу троянскому: он, быстроте своих ног доверяясь,
На высочайшей могиле сидел старика Эзиэта
И ожидал там, когда с кораблей устремятся ахейцы.
Ставши подобной ему, быстроногая молвит Ирида:

2-795

"Старец, и ныне тебе бесконечные речи любезны,
Словно в дни мира, – теперь война неизбежно возникла.
Часто бывал я в местах, где сражаются люди,
Но никогда я не видел подобных мужей и так много.
Ибо они, по числу уподобясь песчинкам и листьям,

2-800

Через равнину проходят, желая вокруг города биться.
Гектор, тебе больше всех я советую, – так нужно сделать:
Много союзников город обширный Приама содержит,

Но языки у людей, отовсюду пришедших, различны.
Пусть же дает каждый муж приказания тем, кем он правит,

2-805

Сам пусть ведет их и в строй боевой расставляет сограждан".
Молвила так. Не послушался Гектор совета богини,
Вмиг распустил он собрание – и те устремились к оружию.
Все распахнулись ворота и хлынуло войско наружу.
Пешие с конными вместе, и шум раздавался великий.

2-810

Некий высокий курган перед городом стал одиноко
В поле – и было его обходить отовсюду возможно.
Люди его Батиеей зовут, а бессмертные боги
Этот курган называют гробницею легкой Мирины.
Войско троянцев построилось там и союзники рядом.

2-815

Был у троянцев вождем сын Приама великий
Гектор, с дружиной при нем всех храбрее и всех многолюдней,
С ним одевала оружие, желая сражаться на копьях.
Войско дарданцев Эней предводил, сын прекрасный Анхиза.
Он от Анхиза рожден Афродитой богиней на холмах

2-820

Иды; когда-то богиня в любви сочеталась со смертным.
Был не единый он вождь, но еще Архелок с Акамасом,
Двое сынов Антенора, владеющих всяким оружием.
Кто поселился в Зеле, у крайней подошвы Идейской,
Кто из богатых троянцев пил черную воду Эзипа,

2-825

Теми начальствовал в битвах блистательный сын Ликаона,
Пандар, которому лук подарил Аполлон Дальновержец.
Кто населял Адрастию, равно как и область Апеца,
Кто Питиеей владел и высокой горою Терей,
Тех предводили Адраст и Амфий во броне полотняной,

2-830

Двое детей Перкозийца Меропа, который всех лучше
Жребий умел предвещать. На войну мужегубную детям
Не разрешил он идти, но они не послушались слова,
Ибо влекли их в сражение Парки погибели черной.
Дальше стояли, кто жил подле Практия, подле Перкоты,

2-835

Кто обитал в Абидосе, в Сестосе, в священной Аризбе:
Вел их в сраженье сын Гиртака Азий, мужей предводитель,
Азий герой Гиртакид, тот, кого привезли из Аризбы
От берегов Селлеэнта огромные рыжие кони.
Сильный копьем Гиппофой управлял племенами Пеласгов,

2-840

Тех, кто жилище имел на полях плодоносных Лариссы.
Их предводили потомок Арея Пилей с Гиппофоем,
Оба от Лефа Пеласга рожденные, сына Тевтама.
Храбрый Пирой с Акамасом войска предводили Фракийцев,
Всех, чьи жилища объемлет собой Геллеспонт быстроструйный.

2-845

Был полководцем Эвфем у метателей копий Киконов,
Сын Трезена, Зевесом возвращенного сына Кеаса.
Вождь Пирехмес за собою привел криволуких пэонян,
Издали из Амидона, где Аксий широко струится,
Аксий, которого нету прекраснее в мире потока.

2-850

Вождь Пилемен предводил пафлагонцев с косматою грудью,
В крае энетов живущих, где дикие мулы рождаются.
Китор они населяли, окрестные земли Сезама,
Подле потока Парфения в светлых домах обитали,
И в Эгиале, и в Кромне, равно в Эрифинах высоких.

2-855

Одий и с ним Эпистроф за собой привели Гализонов
Издалека из Алибы, где те серебро добывают.
Хромис и птицегадатель Энном предводили мизийцев,
Но не избавили птицы Эннома от гибели черной:
Он усмирен был рукой быстроногого внука Эака

2-860

В волнах реки, где и много других еще пало троянцев.
Форкис вождем был Фригийцев и с ним боговидный Асканий.
Оба на бой порываясь, пришли из Аскании дальней.
Местлес и также Антиф предводили дружины мэонян,
Двое детей Телемена и нимфы озерной Гигеи.

2-865

Оба они предводили мэонян, рожденных под Тмоллом.
Настес привел Кариян, говоривших на грубом наречьи,
Жили в Милете они, на горе многолиственной Фтире,
Подле потока Меандра, на холмах высоких Микалы.
Настес над ними начальствовал с братом своим Амфимахом,

2-870

Настес и с ним Амфимах – Номиона прекрасные дети.
В битву вступал Амфимах в золотом, будто дева, наряде,
Глупый, от пагубной смерти его тот наряд не избавил.
Он усмирен был рукой быстроногого внука Эака
В волнах реки – и Ахиллом воинственным золото взято.

2-875

Главк беспорочный привел с Сарпедоном дружины ликийцев
Издалека, из Ликии, от многопучинного Ксанфа.

* * *

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Клятва. Обзор войска со стены. Единоборство Париса с Менелаем

После того как вожди всех построили в бранный порядок,
С криком и шумом, как птицы, вперед устремились троянцы.
От журавлей в поднебесье подобные крики бывают,
Если они от зимы и дождей проливных улетают,
Над Океаном бурливым проносятся с шумом великим,

3-5

Роду пигмеев погибель с собой принося и убийство,
В ранние сумерки с ними вступая в жестокую битву.
Но молчаливо, враждою дыша, подвигались ахейцы,
В сердце желаньем горя заступаться один за другого.
Как над вершиной горы южный ветер туман разливает,

3-10

Что пастуху неприятен, а вору желаннее ночи,
Ибо лишь видно пространство, насколько мы камень бросаем, –
Так под ногами идущих вздымалось облако пыли:
Через равнину войска с быстротой проходили великой.
Так наступали одни на других и сошлись они близко.

3-15

Вышел тогда Александр боговидный пред строем троянцев,
Барсову шкуру неся на плечах и свой лук изогнутый,
Вместе с мечом. И в руках два копия медноострых колебля,
Всех вызывал он героев храбрейших из войска ахейцев,
Не пожелает ли кто с ним сразиться в сражении страшном.

3-20

Только завидел его Менелай, Арею любезный,
Перед дружиной своей выходящим большими шагами,
И как голодный бывает обрадован лев, отыскавши
Дикой козы иль оленя рогатого тело большое,
И пожирает его торопливо, хотя бы и гнались

3-25

Быстрые псы вслед за ним и юноши, полные силы, –

Так ликовал Менелай, Александра, подобного богу,
Видя своими глазами: виновному мстить захотелось.
Тотчас на землю с своей колесницы в оружьи он спрыгнул.
Но, увидав средь передних бойцов появление Атрида,

3-30

Сердцем любезным своим задрожал Александр боговидный.
Быстро к толпе он друзей отступил, убегая от Парки.
Как, повстречавши дракона в гористом ущелии, каждый
Вспять отскочив, убегает и дрожь его члены объемлет,
Бледностью щеки покрыты, а он все бежит торопливо, –

3-35

Так чрез толпу горделивых троянцев назад пробирался,
Сына Атрея в душе убоясь, Александр боговидный.
Гектор, увидевши то, стал корить его бранною речью:
"Горе – Парис, женолюбец, прекрасный лицом обольститель!
Лучше бы ты не родился на свет и погиб, не женившись!"

3-40

Так бы хотел я и так несомненно полезнее было б,
Чем оставаться позором, всему ненавистным народу.
Верно ахейцы прекрасноволосые громко смеются.
Храбрым бойцом показался ты им, оттого что прекрасен
Вид у тебя, – но в душе твоей крепости нет и отваги.

3-45

И неужели, родившись таким, переплыл ты чрез море
На кораблях быстроходных с толпою товарищей милых,
И, к чужестранцам приставши, прекрасную женщину вывел
Из отдаленной земли, невестку мужей копьеносцев,
На беспредельное горе отцу, государству, народу,

3-50

Только на радость врагам и себе самому на бесславье?
Ты бы остался и ждал Менелая, любимца Арея,
Знал бы, какого ты мужа владеешь цветущей супругой!

Не пригодилась бы цитра тогда, ни дары Афродиты,
Кудри твои и лицо, а лежал бы ты с прахом смешавшись.

3-55

Но боязливы троянцы весьма, а не то уж давно бы
Каменным был ты хитоном покрыт за все зло, что наделал".
И, отвечая ему, Александр боговидный промолвил:
"Гектор, меня укорял ты по праву, не больше, чем должно.
Сердце твое непреклонно всегда, как топор, когда входит

3-60

В дерево он, под рукой человека, кто рубит искусно
Брус корабельный, и взмахам руки помогает железо.
Так и в груди у тебя бестрепетный дух обитает.
Не укоряй меня в милых дарах золотой Афродиты.
Славны бессмертных дары и от них отречься не должно.

3-65

Боги их только дают, сам никто получить их не может.
Ныне же, если ты хочешь, чтоб я воевал и сражался,
Пусть аргивяне с троянцами сядут кругом, а в середине
Вместе сведите меня с Менелаем, любезным Арею,
Чтоб за Елену сражался я с ним и ее достоянье.

3-70

Кто из двоих победит и окажется сильным,
Тот и жену и богатства ее пусть уводит с собою.
Прочие, мир заключив и священные жертвы заклавши,
Вы в плодоносной останетесь Трое, они возвратятся
В Аргос, конями обильный, в Ахею, где жены прекрасны".

3-75

Так он промолвил и речь его с радостью Гектор услышал.
Взявши копье посредине, он вышел вперед и троянским
Стать повелел он фалангам, и все они стали недвижно.
Только Ахейцы прекрасноволосые, целясь искусно,
Начали в Гектора камни метать, также стрелы из лука.

3-80

Громко тогда закричал им властитель мужей Агамемнон:
"Стойте, данайцы, стрелять перестаньте, о, дети ахейцев!
Кажется слово сказать шлемовеющий Гектор желает".
Так он сказал – и они воздержались от битвы и скоро
Стали, безмолвные. Гектор тогда обратился к ним с речью:

3-85

"Мужи троянцы и вы, аргивяне в прекрасных доспехах,
Слушайте речь Александра, виновника нашего спора.
Просит он войско троянцев, равно как и войско ахейцев, оружие
Пышное, снявши с себя, положить на кормилицу землю.
По середине ж они с Менелаем, любимцем Арея,

3-90

Будут сражаться одни за Елену с ее достояньем.
Кто из двоих победит и окажется сильным,
Пусть он богатства берет и жену и домой их уводит.
Прочие все заключим договор непреложный и дружбу".
Так он сказал. И, спокойные, все соблюдали молчанье.

3-95

К ним обратился тогда Менелай, среди боя отважный:
"Ныне внимлите и мне, – больше всех тяготится печалью
Сердце мое, – Полагаю, настала пора примириться
Войску ахейцев с троянцами, – много несчастий терпели
Вы из-за распри моей с Александром, виновником спора.

3-100

Тот из двоих пусть умрет, кому смерть приготовлена роком.
Прочие все договор дружелюбный скорей заключите.
Двух принесите ягнят белой шерсти и черной – для Солнца
И для Земли, – мы другого еще принесем для Зевеса –
И приведите Приама, пусть мирные жертвы заколет

3-105

Сам – ибо дети его вероломны и сердцем надменны –
Дабы преступно никто не нарушил Зевесовой клятвы.
Разум людей молодых, будто ветер, всегда переменчив;
Старец же, взявшись за дело, грядущее с прошлым обсудит,
Как бы его для обеих сторон наилучше устроить".

3-110

Так он сказал. И ахейцев, равно как троянцев, объяла
Радость: надеялись все, что война злополучная минет.
Спешились мужи, коней быстроногих поставили рядом.
Сняли оружие с плеч и на землю его положили
Близко одни от других, небольшим разделенные полем.

3-115

Гектор меж тем двух глашатаев в город послал, повелевши
Тотчас ягнят принести и Приама позвать. В то же время
Царь Агамемнон направил Талфибия на берег моря,
К быстрым судам, принести повелевши оттуда ягненка,
И не ослушался он Агамемнона, равного богу.

3-120

С вестью тогда к белорукой Елене явилась Ирида, –
Видом похожею став на золовку ее Лаодику,
Геликаона царя, Антенорова сына, супругу,
Меж дочерями Приама всех больше прекрасную видом, –
И отыскала в дворце: она ткала большую двойную

3-125

Цвета пурпурного ткань, рассыпая узоры сражений
Между троянскою ратью и греками в панцирях медных, –
Из-за нее от Арея претерпенных ими сражений.
Ставши вблизи, быстроногая так ей сказала Ирида:
"Милая нимфа, идем. Ты увидишь: свершилось чудо

3-130

С войском троянцев наездников и меднобронных данайцев.
Те, кто недавно друг другу готовил плачевную битву,
Вместе в долине собравшись и брани жестокой желая, –
Ныне в молчаньи сидят, – как-будто война прекратилась, –
И, на щиты опершись, рядом длинные копья воткнули.

3-135

Только один Александр с Менелаем, любезным Арею,
Будут на копьях больших за тебя состязаться друг с другом.
Кто из двоих победит, назовет тебя милой супругой".
Так говоря ей, богиня наполнила сердце Елены
Сладкой тоскою о прежнем супруге, родных и отчизне.

3-140

Тотчас, закутавшись в белое, как серебро, покрывало,
Вышла из спальни она, проливаяючи нежные слезы.
Вышла она не одна: вслед за нею пошли две служанки,
Эфра, Питфеева дочь с волоокой Клименою рядом.
Вскоре пришли они к месту, где Скейские были ворота.

3-145

Там, полукруг образуя, Приам и Пафой, также Клитий,
Ламп и Фимет, а равно Гикетаон, потомок Арея,
Укалегон с Антенором, исполнены мудрости оба,
Близко от Скейских ворот заседали, – троянские старцы.
Старость мешала им в битву идти, но они красноречьем

3-150

Славились дивным, подобны цикадам, когда среди леса.
Сидя на дереве, голос они издают сладкозвучный.
Так и троянцев вожди заседали на башне высокой.
И, увидавши Елену, к той башне идущую, старцы
Между собой обменялись словами крылатыми тихо:

3-155

"Нет, возмущаться нельзя, что троянцы и войско ахейцев

Из-за подобной жены терпят бедствия долгое время.
Вправду похожа она на бессмертных богинь своим видом.
Но и с такой красотой пусть домой на судах возвратится,
Лишь бы несчастья во след не оставила нам и потомкам".

3-160

Так говорили они, и Приам громко кликнул Елену:
"Ближе, дитя дорогое, ступай и сядь рядом со мною.
Прежнего мужа, родных и друзей ты отсюда увидишь.
Ты предо мною ни в чем не повинна; виновны лишь боги,
Против меня возбудивши плачевную распрю ахейцев.

3-165

Сядь и поведай мне имя того многосильного мужа:
Кто сей ахейский герой столь высокий и столь благородный?
Выше по росту его хотя и найдутся другие,
Но никогда я глазами не видел прекрасного столь же,
Как и почтенного мужа. Царю он по виду подобен".

3-170

И, отвечая, сказала Елена, богиня среди женщин:
"Свекор любезный! Ты страх мне внушаешь и вместе почтенье.
Лучше бы смерть обняла я в тот день, как отправилась в Трою
Следом за сыном твоим и покинула брачное ложе,
Братьев родных и дитя дорогое, и сверстниц любезных!

3-175

Так не случилось – и я оттого обливаюсь слезами.
Но отвечаю, о чем ты спросил меня, ведать желая.
Это – Атрид Агамемнон, владыка с обширною властью.
Он в то же время и царь превосходный, и воин могучий.
Мне же, бесстыдной, он деверем был, если был когда-либо".

3-180

Так говорила она; восхищаясь им, старец промолвил:
"О, блаженный Атрид! Ты рожден и остался счастливым!
Много ахейских сынов под твоею находятся властью.

В прежние дни я во Фригии был, виноградом обильной;
Множество там повстречал я наездников храбрых фригийцев,

3-185

Бывших под властью Атрея и равного богу Мигдона.
Лагерь тогда их раскинулся вдоль берегов Сангорийских.
К ним-то пришел я и был, как союзник, меж ними зачислен,
В день, когда мужеподобные также пришли амазонки.
Все ж они менее были числом чернооких ахейцев".

3-190

После того Одиссея увидел старик и промолвил:
"Ты назови мне, дитя дорогое, и этого: кто он?
Ниже он ростом своим Агамемнона, сына Атрея,
Кажется шире его зато он плечами и грудью.
Снял он оружие с себя, положил на кормилицу землю,

3-195

Сам же, как будто баран, меж рядами мужей пробегает.
Да, он по истине кажется мне густошерстым бараном,
Что через стадо большое овец белорунных проходит".
И, отвечая, сказала Елена, рожденная Зевсом:
"Это Лаерта дитя, Одиссей многоумный, кто вырос

3-200

Между народом, живущим в Итаке весьма каменистой.
Знает он хитрости все и разумные знает советы".
Мудрости полный тогда Антенор, отвечая, промолвил:
"Женщина, слово сие ты сказала по истине верно.
В прежние дни приходил уж сюда Одиссей богоравный,

3-205

Посланный ради тебя с Менелаем, любезным Арею.
Их, как гостей, принимал я в чертоге своем дружелюбно;
Близко тогда изучил я их образ и мудрость советов.
Оба в собрание пришли и с толпою троянцев смешались.
Стоя, из них Менелай был значительней плеч шириною,

3-210

Сидя же рядом вдвоем, Одиссей величавей казался.
А как настала пора обнаружить в речах свои мысли,
Начал сперва Менелай говорить нам – отрывисто, скоро,
В кратких и ясных словах, – оттого ль, что он враг многословья,
Сбивчивых, длинных речей, – оттого ль, что годами был младший.

3-215

Быстро поднялся затем Лаэртид Одиссей многоумный.
Стоя он вниз все глядел, устремивши глаза свои в землю.
Не наклонял он жезла ни вперед, ни назад, но подобно
Мужу, к речам непривычному, вовсе держал неподвижно.
Вы бы сказали, что это неистовый муж иль безумный.

3-220

Но как потом из груди своей голос издал он могучий,
И полетели слова, будто снежные хлопья зимою,
С ним состязаться уже не дерзнул бы никто из живущих.
И не дивились мы больше, наружность его созерцая".
Третьим увидев Аякса, старик, вопрошая промолвил:

3-225

"Кто еще этот герой, благородный, высокий,
Ростом и плеч шириной между всеми ахейцами первый?"
И отвечала Елена, одетая в длинную ризу:
"Это – Аякс исполинский, защита ахейского войска.
Далее Идомений, словно бог среди воинов критских

3-230

Стал – и его окружили толпой предводители критян.
Часто его угощал Менелай, любезный Арею,
В нашем чертоге, когда приходил он к нам с острова Крита.
Ныне я вижу опять всех других быстрооких данайцев.
Я их легко узнаю и могла бы исчислить названья;

3-235

Двух не могу отыскать полководцев, – отсутствуют двое –
Кастор, коней укротитель, с кулачным бойцом Полидевком,
Братья родные, моею рожденные матерью оба.
Или они не покинули свой Лакедемон любезный.
Или сюда на своих кораблях мореходных приплыли,

3-240

Только теперь не желают участвовать в битве с мужами,
Ибо стыда моего и несчетных упреков боятся".
Так говорила она, но земля, все живое питая,
Их покрывала уже в Лакедедоне, в милой отчизне.
Тою порою чрез город глашатаи шли и держали

3-245

Жертвы богам, двух ягнят и вино – плод земли веселящий –
В козьем меху; а глашатай Идей, впереди выступая,
Ярко блистающий кубок и чаши держал золотые.
К старцу приблизясь, его возбуждал он такими словами:
"Встань, Лаомедона сын! Зовут тебя лучшие мужи

3-250

Из меднобронных ахейцев и резвых наездников Трои
Вниз опуститься в долину, чтоб жертвы заклать в знак союза.
После того Александр с Менелаем, любезным Арею,
Будут на копьях больших за жену состязаться друг с другом.
Кто победит, тот возьмет и жену, и ее достоянье.

3-255

Прочие, мир заключив и священные жертвы заклавши,
Мы в плодоносной останемся Трое, они возвратятся
В Аргос, конями богатый, в Ахею, где жены прекрасны".
Так он сказал. Содрогнулся старик и велит он дружине
Быстрых запрячь лошадей; те немедля исполнили слово;

3-260

Тотчас взобрался Приам и, к себе натянувши, взял вожжи;
Подле него Антенор на прекрасную стал колесницу;
Оба из Скейских ворот лошадей устремили в долину.
Вскоре они, подоспевши туда, где стояли ахейцы
Против троянцев, с коней на кормилицу землю ступили.

3-265

И в середину пошли меж ахейских мужей и троянских.
Быстро поднялись тогда Агамемнон, владыка народов,
И Одиссей многооумный, и славные вестники тотчас
Вместе снесли непреложные жертвы богам и смешали
В чаши напитков и на руки воду царям поливали.

3-270

Сын же Атрея, извлекши рукою свой нож, что обычно
Рядом с большими ножнами меча у него был привешен,
Волосы срезал с овечьих голов, а глашатаи тотчас
Роздали их полководцам ахейцев, равно и троянцев.
Руки воздевши, Атрид между ними стал громко молиться:

3-275

"Зевс, наш отец, ты на Идее царящий, славнейший, великий,
Солнце, которое все с высоты своей видишь и слышишь,
Вы, о, Земля и Потоки, а также подземные боги,
Вы, что караете мертвых за их вероломные клятвы,
Будьте свидетели все, наши верные клятвы блюдите!

3-280

Если убьет Александр Менелая, любимца Арея,
Пусть он Еленой тогда и ее достояньем владеет,
Мы ж на своих кораблях мореходных домой возвратимся.
Если ж в бою Менелай светлокудрый убьет Александра,
Мужи троянцы должны и Елену вернуть, и богатства,

3-285

Также и дань уплатить Аргивянам в размере приличном,

Чтобы и память о ней в поколениях грядущих осталась.
Если ж падет Александр, но Приам и Приамовы дети
Не пожелают потом уплатить нам условленной дани,
Буду еще воевать, добиваясь военной награды,

3-290

Здесь оставаясь, пока не наступит войны окончанье".
Молвил и горло ягнят перерезал безжалостной медью
И положил их на землю, трепещущих, жизни лишенных,
Ибо жестокая медь лишила их жизненной силы.
После из чаши глубокой вино они черпали в кубки

3-295

И возливали с молитвой богам, существующим вечно.
Каждый троянец и каждый ахейнин так говорили:
"Зевс величайший, славнейший и все вы бессмертные боги!
Кто из нас первый нарушит священные клятвы союза,
Пусть, как вот это вино, его мозг по земле разольется,

3-300

Дети его пусть умрут, а жена покорится другому".
Так говорили они, но Кронид не услышал моленья.
Слово тогда им промолвил Приам, от Дардана рожденный:
"Слушайте, Трои сыны и ахейцы в прекрасных доспехах!
Я возвращаюсь назад в Илион, быстрым ветрам открытый,

3-305

Ибо мне тягостно будет увидеть своими глазами,
Как с Менелаем, любезным Арею, сын милый сразится.
Знает один лишь Зевес и другие бессмертные боги
Имя того, кому смертный конец приготовлен судьбою".
Молвив, ягнят положил в колесницу божественный смертный,

3-310

После взобрался он сам и к себе натянувши, взял вожжи;
Подле него Антенор на прекрасную стал колесницу;
Оба, назад повернув, к Илиону направились быстро.

Гектор, Приама дитя, и с ним Одиссей богоравный
Смерили прежде всего для сражения место, а после.

3-315

Жребии взяв сотрясали их в шлеме, окованном медью,
Дабы решить, кто копье свое медное ранее бросит.
Руки к богам воздевая, тем временем войско молилось;
Каждый ахеец и каждый троянец тогда говорили:
"Зевс, наш отец, ты, на Идее царящий, славнейший, великий!

3-320

Тот, кто из них был виновником бедствий обоих народов,
Дай, чтоб убитый сошел он в подземную область Аида,
Мы же союз заключим и священные клятвы исполним".
Так говорили. Тогда шлемовеющий Гектор великий
Жребии, взор отвернувши, встряхнул: выпал жребий Париса.

3-325

Тотчас рядами уселись войска, там где каждый оружие
Пестрое наземь сложил и поставил коней быстроногих.
Тою порой облекаться в оружие пышное начал
Богopodobный Парис, муж прекрасноволосой Елены.
Прежде всего наложил он на голени латы ножные,

3-330

Дивные видом, – они на серебряных пряжках держались.
Панцирь потом на груди укрепил; ему панцирь достался
От Ликаона, от брата родного, и был ему впору.
После того через плечи он бросил свой меч среброгвоздый,
Медный; затем перекинул он щит и огромный, и крепкий,

3-335

Шлем возложил на могучую голову, сделанный пышно,
С конскою гривой и гребнем вверху, колебавшимся грозно.
Крепкое взял он копье, – приходилось к руке оно плотно.
Те же доспехи одел Менелай, любезный Арею.
Оба тогда из толпы, в боевые доспехи облекшись,

3-340

Вышли они на средину, меж войском троянцев и греков,
Грозно смотря друг на друга. И зрителей смуга объяла, –
Резвых наездников Трои, ахеян в прекрасных доспехах.
Близко бойцы друг от друга на месте измеренном стали,
Копья колебля в руках и один угрожая другому.

3-345

Первый тогда Александр копье длиннотенное бросил.
Сына Атрея ударил он в щит, округленный искусно:
Медь не пробив, острие над щитом его твердым погнулось.
Тотчас за ним Менелай устремился, любимец Арея,
С медным копьем, воссылая молитву к Зевесу Крониду:

3-350

"Царственный Зевс, о, дозвожь мне теперь отомстить Александру!
Первый он сделал мне зло. От руки моей пусть он погибнет!
Чтобы и в дальнем потомстве никто не осмелился злое
Сделать тому, кто его принимал дружелюбно, как гостя".
Так говоря и с размаха копье длиннотенное бросив.

3-355

Сына Приама ударил он в щит, округленный искусно.
Мощно проникло копье через щит ослепительно яркий,
Панцирь пробил под ним, разукрашенный с дивным искусством,
И разорвало тунику Парисову прямо вдоль паха.
Тот отклонился назад и погибели черной избегнул.

3-360

Сын же Атрея извлек торопливо свой меч среброгвоздый
И, замахнувшись, удорил по конусу шлема. Сломился
Натрое меч и начетверо, пав из руки его наземь.
И застонал Менелай, на широкое небо взирая:
"Зевс, наш отец! Никого нет злотворней тебя средь бессмертных!

3-365

Я уже думал, что вот отомщу Александру за горе.
Ныне же меч у меня разломился в руке и напрасно
Брошено было копье, – не убит он моею рукою".
Так он сказал и, напавши, за шлем ухватил густогривый
И, повернувшись, повлек Александра к ахейским дружинам.

3-370

Нежная шея Париса узорным ремнем затянулась,
Вкруг подбородка его от шлема подвязанным плотно.
Так бы увлек он его, несказанною славой покрывшись,
Если бы Зевсова дочь не увидела их Афродита
И не расторгла ремень, с быка умерщвленного снятый.

3-375

Только пустой один шлем за рукою последовал мощной.
И Менелай, повернувшись к ахейцам в прекрасных доспехах,
Бросил его, завертев, а друзья унесли его скоро.
Сам же он вновь устремился, желая убить Александра
Медным копьем, но того удалила легко, как богиня,

3-380

Зевсова дочь Афродита, туманом густым осенила
И отнесла его в брачный покой благовонный, душистый.
После ушла, чтоб Елену призвать, и, на башне высокой
Встретив ее, окруженную тесной толпою троянок,
Тронула тихо рукой, надушенной одежды касаясь,

3-385

И обратилась к ней, уподобившись дряхлой старухе,
Пряхе: она для Елены, еще в Лакедемоне жившей,
Дивные делала пряжи, за что ее очень любила.
Ей уподобившись, так Афродита богиня сказала:
"Вместе идем. Александр призывает домой возвратиться.

3-390

В брачном покое лежит он на тонкообточенном ложе
И красотой и одеждой блистает. Едва ли поверишь,
Что из сраженья с героем сейчас он вернулся. Как будто
В пляску готов он идти иль, плясать перестав, отдыхает".
Так ей сказала богиня и сердце в груди взволновала.

3-395

Но разглядевши под платьем прекрасную шею богини,
Ясные очи и грудь, что рождает желанья,
Ужас она ощутила и слово сказала, подумав:
"Что, беспощадная, вновь обольстить ты меня пожелала?
Хочешь, быть может, опять увести меня в город обширный

3-400

Фригии иль Меонии отрадной, где кто-нибудь также
Дорог тебе средь людей, говорящих раздельною речью?
Не оттого ль, что теперь Менелай победил Александра
И пожелает со мной, ненавистной, домой возвратиться, —
Не оттого ли сюда ты пришла, замышляя коварство?

3-405

Сядь близ него ты сама, от дороги богов уклонившись,
Пусть твои ноги вперед не касаются больше Олимпа,
Но постоянно пред ним изнывай, стереги его вечно,
Выжди, покуда тебя он женой назовет, иль рабыней.
Я же туда не пойду; непристойно, чтоб я согласилась

3-410

Ложе готовить ему. Все троянки меня б укоряли.
Сердце мое уж и так беспредельной исполнено скорби".
Ей, рассердившись, в ответ Афродита богиня сказала:
"Дерзкая! Ты не гневи меня! В гневе тебя я покину,
Стану тебя ненавидеть, как сильно доньше любила.

3-415

Бойся, чтоб страшной вражды не зажгла я в обоих народах,

Трои сынах и ахейцах, – ты ж смертью позорной погибнешь".
Молвила так. И Елена, Зевеса дитя, испугалась,
Молча пошла, покрывалом серебрянобелым покрывшись,
Женам троянским незрима: ее предводила богиня.

3-420

Вскоре достигли они прекрасных покоев Париса.
Быстро к работам своим обратились рабыни. Елена
В брачный высокий покой заступила, богиня среди женщин.
И Афродита богиня, с улыбкой седалище взявши,
Через покой понесла и поставила пред Александром.

3-425

Села Елена пред ним, дочь Эгидодержавного Зевса;
Взоры назад обратив, она так укоряла супруга:
"Ты из сраженья вернулся. О, если б ты пал, укрощенный
Мужем, сильнее тебя, тем, кто был моим первым супругом!
Ты ль не хвалился всегда, что копьем, и рукою, и силой

3-430

Можешь легко победить Менелая, любимца Арея?
Что же, ступай, вызывай Менелая, любимца Арея,
Снова с тобою вдвоем в состязанье вступить. Но совет мой:
Лучше останься ты здесь, безрассудно не думай сражаться
И в поединок вступать с русокудрым бойцом Менелаем,

3-435

Чтобы немедля тебя не смирил он копьем своим сильным".
И, отвечая, Парис вот такое промолвил ей слово:
"Не говори, о, жена, мне упреков, обидных для сердца.
Ныне меня Менелай покорил при посредстве Афины,
После его покорю, так как боги и нам помогают.

3-440

Лучше ложись близ меня, чтобы мы насладились любовью.
Не затмевала любовь никогда мои мысли так сильно,
Даже тогда, как, с тобой Лакедемон отрадный покинув,

На мореходных судах я тебя увлекал и впервые
В неге любви мы слились, на остров Кранаю прибывши.

3-445

Весь я исполнен любви и охвачен желанием сладким".
Молвил и к ложу пошел, и супруга пошла за ним следом;
Вместе на ложе резном улеглись они друг подле друга.
Тою порою, как зверь, сын Атрея по воинству рыскал,
Не приметит ли где Александра, подобного богу,

3-450

Но из троянцев никто и никто из союзников славных
Выдать Париса не мог Менелая, любимцу Арея:
Не утаили б его из приязни, когда б увидали,
Ибо, как черная смерть, он всему ненавистен был войску.
К ним обратившись, тогда царь Агамемнон промолвил:

3-455

"Слушайте, мужи троянцы, дардане, союзное войско!
Явно для всех победил Менелай, любимец Арея.
Выдайте ж нам Аргивянку Елену со всем достояньем,
Также военную дань уплатите в размере приличном,
Чтобы и память о ней в поколениях грядущих осталась".

3-460

Так говорил им Атрид, и ахейцы его одобряли.

* * *

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Нарушение клятвы. Обход войска Агамемноном

Боги собрались в совет, на помосте из золота сидя
Подле Зевеса отца, а в середине почтенная Геба
Черпала нектар для них. И, друг друга приветствуя, боги
Пили из чаш золотых и взирали на город троянцев.
Вдруг вознамерился Зевс рассердить волоокую Геру

4-5

Колкою речью своей и насмешливо так ей промолвил:
"Две есть защитницы между богинь у царя Менелая, –
Гера Аргивская, с ней и Афина, заступница в битвах.
Но вдалеке они сели, довольствуясь тем, что все видят.
А между тем Афродита, сияя улыбкою нежной,

4-10

Всюду следит за Парисом и смерть от него отклоняет;
Так и сегодня спасла, когда он уже думал, что гибнет.
Все же в бою победил Менелай, любимец Арея.
Дайте обсудим теперь, как дела эти нужно устроить.
Снова поднимем войну и смятение битвы жестокой,

4-15

Или же дружбу и мир учредим средь обоих народов.
Если одобрите все и покажется так вам приятным,
Город Приама царя пусть останется впредь населенным,
Вместе же с тем Менелай пусть возьмет Аргивянку Елену".
Так он промолвил. Тогда возроптали Афина и Гера.

4-20

Рядом сидели они и троянцам беды замышляли.
Но молчалива была и не молвила слова Афина:
Гнев против Зевса отца и ярость ее обуяли.
Гера же злобы в душе не сдержала и так говорила:
"О, жесточайший Кронид! Какое ты слово промолвил!

4-25

Хочешь ли сделать мой труд бесполезным? Ужели напрасно
Потом, трудясь, обливалась я? Мои кони устали,
Войско ахейцев собирая на горе Приаму и детям.
Делай. Но мы, остальные все боги, тебя не одобрим".
Гневаясь сильно, Зевес ей отвечивал Тучегонитель:

4-30

"О, беспощадная! Чем же Приам иль Приамовы дети
Так оскорбили тебя, что упорствуешь в злобном желании
Срыть до основ Илион, столь прекрасно устроенный город!
Если бы, в город войдя чрез ворота, за стены большие,
Сразу могла ты пожрать Приама с детьми его вместе,

4-35

Также троянцев других, лишь тогда б твоя желчь исцелилась.
Делай по воле своей. Несогласие это отныне
Пусть между мной и тобой не рождает великих раздоров.
Но говорю я тебе, – ты ж в уме мое слово запомни: –
Если и я как-нибудь пожелаю предать разрушенью

4-40

Город, где люди живут, которых бы ты возлюбила,
Гневу тогда моему не мешай, но дозвожь совершиться.
Я ж уступаю теперь добровольно, хотя неохотно.
Ибо под сводом небес, покрытых звездами, под солнцем
Сколько ни есть на земле городов и людей, там живущих,

4-45

Сердцу милей моему наиболее священная Троя,
Старец Приам и народ, копыеносцу Приаму подвластный.
Там на моем алтаре никогда не отсутствует пища,
Ни возлиянья, ни жир; мы дары эти вместе делили!"
И волоокая так отвечала почтенная Гера:

4-50

"Из городов на земле наиболее три мне любезны:
Аргос, равно как и Спарта с широкодорожной Микеной.
Ты их разрушь, если сердцу они твоему ненавистны.
Я заступаться за них и препятствовать словом не стану,
Ибо хотя и мешала и гибели их не хотела,

4-55

Тщетен мой будет отказ, так как ты несравненно сильнее.
Нужно однако, чтоб труд не остался и мой безуспешным.
Ибо и я ведь богиня и равного рода с тобою.
Кроносом я рождена многоумным и дважды почтенна, –
Тем, что я старше всех прочих, и тем, что твоей называюсь

4-60

Милой супругою, ты же царишь над бессмертными всеми.
Лучше бесспорно, чтоб мы уступать согласились друг другу,
Буду тебе уступать, а ты мне, и тогда покорятся
Боги бессмертные нам. Повели же скорее Афине
В грозную битву сойти к аргивянам и к войску троянцев

4-65

И попытаться, нельзя ль, чтоб троянцы, нарушивши клятвы,
Первыми стали вредить аргивянам, победою гордым".
Молвила так. Покорился отец и людей, и бессмертных,
Тотчас Афине сказал он такое крылатое слово:
"К стану ахейских дружин и троянских направься скорее

4-70

И попытайся, нельзя ль, чтоб троянцы, нарушивши клятвы,
Первые стали вредить аргивянам, победою гордым".
Так, побуждая, сказал он Афине, хотевшей того же,
И с Олимпийских высот она бросилась вниз и помчалась.
Как метеор, что ниспослан был Кроноса хитрого сыном, –

4-75

Знаменье чудное для моряков иль обширного войска,
Ярко блестящий, кругом рассыпающий искры без счета, –
Точно такой устремилась на землю Паллада Афина
И среди войска упала. И зрителей ужас наполнил,
Резвых наездников Трои, ахейн в прекрасных доспехах.

4-80

Каждый из них говорил, к своему обращаясь соседу:
"Или вернется война и смятение битвы жестокой,

Или же дружбу и мир учредит средь обоих народов
Царь Олимпиец Зевес, кто войною людей управляет".
Так говорили они, аргивяне и мужи троянцы.

4-85

И Лаодоку, герою бойцу, Антенорову сыну,
Ставши подобной, Афина с толпою Троянцев смешалась,
Взором ища, не найдет ли Пандара, подобного богу, –
И беспорочно-могучего сына царя Ликаона
Вскоре нашла. Он стоял меж рядами бойцов щитоносцев.

4-90

Сильных мужей, что пришли с берегов отдаленных Эзиппа.
Стала богиня вблизи и крылатое молвила слово:
"Хочешь ли слушать меня, рассудительный сын Ликаона?
Быструю должен стрелу ты, осмелясь, пустить в Менелая.
Ты б меж троянцами всеми стяжал благодарность и славу,

4-95

А наиболее всего у героя царя Александра.
Тотчас блистательный дар он пришлет тебе, если увидит,
Что Менелай, сын Атрея, любимый Ареем, сраженный
Быстрой твоею стрелой, на костер погребальный восходит.
Что же, повергни стрелой знаменитого сына Атрея,

4-100

Дай лишь обет Аполлону Ликийскому, славному луком,
Из первородных ягнят гекатомбой почтить его пышной,
В день, как домой ты вернешься, в свой город священный Зелею".
Так говорила она и его убедила, безумца.
Снял он блестящий свой лук, на который снабдил его рогом

4-105

Дикий козел похотливый, им некогда в грудь пораженный.
Сидя в засаде, он подле расселины камня увидел
И поразил его в грудь, и тот навзничь на камень свалился.
Пятей в шестнадцать рога у него ото лба поднимались,

И полировщик рогов искусно приладил их вместе,

4-110

Гладко затем обточил, золотые приделав загибы.
Лук свой Пандар натянул и к земле прислонил, положивши,
А впереди со щитами товарищи храбрые стали,
Чтобы не раньше ахейцы отважные с места вскочили,
Чем упадет Менелай, сын Атрея, любимый Ареем.

4-115

Крышку колчана подняв, оперенную новую вынул
Он торопливо стрелу – виновницу черных страданий.
И, приложив к тетиве стрелу заостренную, громко
Дал он обет Аполлону Ликийскому, славному луком,
Из первородных ягнят гекатомбой почтить его пышной,

4-120

В день, как домой возвратится, в свой город священный Зелею.
Вскоре затем, захвативши стрелу вместе с жилой бычачьей,
Тесно к груди тетиву придавил он, а к луку – железо.
Тотчас, лишь только он рог изогнул в виде круга большого,
Лук зазвенел, тетива застонала, стрела отскочила

4-125

Острым концом впереди, пролететь порываясь чрез войско.
Но и тебя, Менелай, не забыли блаженные боги.
Первая Зевсова дочь, что дарует в сраженьи победу,
Стала вблизи и стрелу смертоносную прочь отклонила
И удалила от кожи, поспешно, как мать от ребенка

4-130

Муху спешит удалить, когда в сладком он сне отдыхает.
И острое наклонилось туда, где крючки золотые
Пояс держали на нем, как бы панцирь двойной образуя.
В пояс, прилаженный плотно, стрела острием угодила
И проскочила чрез пояс, отделанный с дивным искусством,

4-135

Также чрез панцирь она пролетела, украшенный пышно,
И через медь, что на теле носил он, защиту от копий,
Больше всего охранявшую мужа. Ее пронизавши,
Кожу на теле героя стрела оцарапала сверху;
В то же мгновение черная кровь заструилась из раны.

4-140

Точно слоновая кость, что в Меонии или в Карии
Женщина пурпуром красит, чтоб конский нащечник сготовить;
Долго в жилище ее он лежит, и наездников много
Тщетно желают его получить, – он царю достается
На украшенье коню, самому же вознице на славу:

4-145

Так у тебя, Менелай, обагрилися черною кровью
Сильные бедра и голени, также прекрасные ступни.
И содрогнулся в то время владыка мужей Агамемнон,
Видя, как черная кровь заструилась из раны героя.
Также и сам Менелай содрогнулся, любимец Арея,

4-150

Но как взглянул, что зазубрины меди остались наружу,
Тотчас в груди у него успокоилось храброе сердце.
Тяжко стеноя, тогда Агамемнон владыка промолвил,
За руку взяв Менелая, – и, внемля вздыхала дружина:
Милый мой брат! Видно, к смерти твоей дал я клятвы союза,

4-155

Выслав тебя одного за ахеян с троянцами биться.
Вот поразили троянцы тебя, клятвы мира поправши.
Но не напрасно свершаются клятвы, заклятия агнцев,
И возлиянья вина и пожатия рук при союзах.
Если досель Олимпиец еще не воздал за измену,

4-160

Все ж он, хоть поздно воздаст. За нее они многим заплатят –
И головою своей, и детьми, и супругами также.
Твердо уверен мой ум, и я это предчувствую сердцем:
Будет когда-либо день, и погибнет священная Троя,
Старец погибнет Приам и народ копьеносца Приама.

4-165

Зевс ополчится Кронид, в эфире высоко живущий,
Мрачной эгидою сам против них потрясет он во гневе
И отомстит за обман; это сбудется все неизбежно.
Но по тебе, Менелай, буду тяжкою скорбью терзаем,
Если ты ныне умрешь, и свершится судьба твоей жизни.

4-170

В Аргос безводный тогда возвращусь я, позором покрытый,
Ибо по крае родном затоскуют ахеяне вскоре.
На похвальбу и Приаму, и прочим троянцам оставим
Мы аргивянку Елену, твои же истлеют здесь кости,
Лежа в троянской земле, а твой подвиг останется тщетным.

4-175

Будет хвалиться тогда не один из надменных троянцев
И, Менелаев курган попирая ногами, он скажет:
"Так безуспешно пускай и в грядущем Атрид Агамемнон
Гнев проявляет, как ныне под Трою привел он ахеян!
Ибо домой возвратился в любезную отчую землю

4-180

Он на пустых кораблях, а бойца Менелая оставил!
Скажет он так. Пусть земля подо мною расступится раньше".
И, ободряя его, Менелай русокудрый промолвил:
"Ты успокойся, чтоб страх не вселился в ахейское войско.
Не на опасное место стрела заостренная пала.

4-185

Сверху меня защитил ярко-блещущий пояс, а снизу
Панцирь и медный покров, кузнецами сработанный крепко".
И, отвечая ему, Агамемнон владыка промолвил:
"Если бы так оно было, о, брат Менелай мой любезный!
Рану исследует врач и наложит целебное средство,

4-190

Чтобы избавить тебя от черных страданий и боли".
Так он сказал, и Талфибию, славному вестнику, молвил:
"Ты призови поскорей, о, Талфибий, сюда Махаона,
Мужа-бойца, Эскулапа, врача беспорочного, сына.
Пусть он осмотрит вождя Менелая, любимца Арея.

4-195

Некий хороший стрелок из ликийских мужей иль троянских
Ранил стрелою его, на славу себе, нам на горе".
Так он промолвил и, внявши, его не ослушался вестник.
Он торопливо пошел чрез толпу меднобронных ахейцев,
Мужа ища Махаона. Его он увидел стоящим,

4-200

И окружали героя ряды щитоносцев могучих,
Тех, что с ним прибыли вместе из Троки, богатой конями.
Ставши вблизи от него, он промолвил крылатое слово:
"Сын Эскулапа, идем! Зовет тебя царь Агамемнон,
Чтоб осмотрел ты вождя Менелая, любимца Арея.

4-205

Некий хороший стрелок из ликийских мужей иль троянских
Ранил стрелою его, на славу себе, нам на горе".
Так он промолвил и сердце в груди Махаона встревожил.
Оба, идя чрез толпу по широкому войску ахейцев,
К месту пришли, где стрелой был сражен Менелай русокудрый.

4-210

Лучшие мужи вожди обступили его полукругом,
Он находился среди них и казался похожим на бога.

Тотчас извлек Махаон ту стрелу, что вонзилась за пояс,
И, вынимая ее, изломал все зазубрины меди.
Пояс затем развязал он блестящий, под поясом панцирь,

4-215

Также и медный покров, кузнецами сработанный крепко.
Рану затем осмотрел, где стрела заостренная пала,
Высосал кровь и, целя, облегчающим зельем посыпал,
Тем, что когда-то Хирон дал отцу его в память о дружбе.
Так хлопотали они вокруг Атрида, бесстрашного в бое.

4-220

Тою порою ряды копьеносцев троянцев смыкались;
Вспомнив о битве, опять облекались в доспехи данайцы.
Если б ты видел тогда Агамемнона, равного богу,
Не показался б тебе он дрожащим иль сонным,
Иль не желающим биться. Он в доблестный бой порывался

4-225

И колесницу покинул, блиставшую медью, и быстрых,
Тяжко храпевших коней. Их держал наготове соратник,
Эвримедон, храбрый сын Птолемея, Пиреева сына.
Царь приказал ему близко держаться с конями, на случай
Если войска обходя, он почувствует в членах усталость.

4-230

Сам же пошел он пешком вдоль рядов и осматривал войско.
К тем из мужей быстроконных, чье видел он к битве усердьё,
Царь подходил, укрепляя их бодрость такими словами:
"С бурною силой теперь собирайтесь, аргивские мужи!
Ибо отец наш Зевес помогать вероломным не станет.

4-235

Те, что нарушили первые мира священные клятвы,
Коршунов будут потом насыщать своей кожей истлевшей.
Мы же их милых супруг, с их детьми неразумными вместе
На кораблях увезем, когда вражеский город разрушим".

Если ж он видел мужей, кто от грозной войны уклонялся,

4-240

Сильно он тех порицал, обращая к ним гневное слово:
"Труссы, мишени для стрел! Неужель вам не стыдно, ахейцы!
Что вы стоите, на месте застывши, как юные лани,
Если они, пробежав по равнине большой и уставши,
Вдруг неподвижно стоят и в душе у них нет больше силы, –

4-245

Так цепенеете вы и стоите, и в бой не идете.
Уж не хотите ли ждать, чтоб троянцы пришли сюда близко,
К пышным кормам кораблей, на побережье моря седого,
И убедиться, не Зевс ли своей вас покроет рукою".
Так обходя все ряды, проявлял свою власть Агамемнон.

4-250

Прежде всего чрез толпу он направился к воинству критян.
В бой снаряжались они вокруг могучего Идоменея;
Он впереди находился, по силе похожий на вепря,
А Мерион побуждал остальные фаланги к сраженью.
Радость в душе ощутил, их увидевши, царь Агамемнон;

4-255

К Идоменею тогда обратился он с ласковым словом:
"Идоменей, ты милее мне всех быстроконных данайцев,
Как на войне, так равно и во всяком другом предприятии,
Также среди пира, когда предводители войска ахеян
В кубках почетных вино искрометное сами мешают, –

4-260

Ибо прекрасноволосые все остальные ахейцы
В меру лишь пьют; пред тобой же одним вечно полная чаша,
Как предо мною, стоит – и мы пьем по желанию сердца.
В битву теперь устремись, – будь таким, как ты прежде стремился".
Идоменей полководец на это сказал, отвечая:

4-265

"Да, сын Атрея! Тебе я останусь товарищем верным,
Как обещал до сих пор и кивнул головой в знак согласия.
Лучше других побуждай ты прекрасноволосых ахейцев
Дабы сражение скорей началось, – оттого что троянцы
Клятву свою преступили; их смерть впереди ожидает,

4-270

Бедствия ждут их за то, что нарушили первые клятву".
Так он сказал, и Атрид удалился, обрадован сердцем,
И, проходя чрез толпу, он направился дальше к Аяксам.
В бой они шли, а за ними шли пешие воины тучей.
Как иногда замечает пастух, что над морем

4-275

Туча несется, гонимая бурным дыханьем Зефира;
Издали кажется, будто чернее смолы над водами
Шествует грозно она и приносит великую бурю,
И, содрогнувшись, скорей он в пещеру овец загоняет, –
Так за Аяксами вслед, поспешая в жестокую битву,

4-280

Черной толпой подвигались густые фаланги героев,
Зевса питомцев, щитами и копьями грозно сверкавших.
Радость в душе ощутил, их увидевши, царь Агамемнон,
И, обращаясь к вождям, он промолвил крылатое слово:
"Вам, о, Аяксы, вожди Аргивян меднобронных, не стану

4-285

Я приказанья давать; вас к войне побуждать неприлично:
Сами всегда вы народ побуждаете силой сражаться.
Если б, о, Зевс, наш отец, о, царь Аполлон и Афина,
Сердце такое все мужи имели как ваше,
Скоро бы рухнул тогда крепкий город владыки Приама,

4-290

Нашею взятый рукой и разрушенный до основания".
Так он сказал и от них удалился, к другим направляясь.
Нестора встретил потом, кто в Пилосе гремел на собраньях.
Ныне товарищей в бой, побуждая сражаться, он строил
Вкруг Пелагона большого, Аластора с Хромием вместе,

4-295

Вкруг Гелиона царя и Биаса, владыки народов.
Конных мужей, колесницы с конями вперед он подвинул,
Пеших в огромном числе позади поместил самых сильных, –
Битвы надежный оплот, – а трусливых поставил в середину,
Чтобы и нехотя каждый из этих сражался по нужде.

4-300

Начал он конных мужей наставлять и советовал в битве
Крепко держать лошадей, не бросаясь толпой в беспорядке:
"Пусть никто из возниц, полагаясь на силу и ловкость,
Не пожелает один раньше прочих с троянцами биться
И не отступит назад, ибо так одолеют вас легче.

4-305

Если же кто из своей перейдет колесницы к другому,
Тот оставайся с копьем, – так гораздо полезнее будет.
Некогда наши отцы, соблюдавшие мудрость такую,
Храбрость имея в груди, города разрушали и стены".
Так побуждал их старик, с давних пор многоопытный в битвах.

4-310

Радость при виде его ощутил Агамемнон владыка,
И, обращаясь к нему, он промолвил крылатое слово:
"Если б колени твои, как и сердце в груди твоей милой,
Были послушны тебе, о, старик, и ты крепок был силой!
Но удручает тебя, как и всех одинаково, старость.

4-315

Пусть бы другой был таким, а тебе оставаться бы юным".
И, отвечая, сказал ему Нестор, наездник Геренский:
"Сам бы хотел я, Атрид, и до ныне быть столь же могучим,
Как и в то время, когда умертвил я Эревфалиона.
Но не дают человеку все вместе бессмертные боги.

4-320

Некогда молод я был, а теперь вот надвинулась старость.
Все же я с конными в бой отправляюсь, советом и словом
Буду их там наставлять: таково преимущество старцев.
Копья метать будут те, кто моложе меня и к оружию
Больше пригоден, чем я: они силе своей доверяют".

4-325

Так он сказал, и Атрид удалился, обрадован сердцем.
И повстречался ему Менесфей, знаменитый наездник,
Сын Петеоса, среди войска Афинян, искусных в сраженьи,
А в стороне от него стоял Одиссей многоумный,
Непобедимой толпой кефаллонских мужей окруженный.

4-330

Бурный сражения крик сюда не достиг до их слуха.
Ибо недавно еще устремились фаланги Ахейцев
И быстроконных троянцев. Они ж, оставаясь на месте,
Ждали, покуда другие ряды аргивян подоспеют
И нападут на троянцев, и общая битва начнется.

4-335

И, негодуя, на них посмотрел Агамемнон владыка;
К ним обращаясь, тогда он промолвил крылатое слово:
"Сын Петеоса царя, питомца Зевеса Кронида,
Также и ты, о, лукавец, исполненный злобных обманов,
Что вы стоите вдали и дрожите, надеясь на прочих?"

4-340

Лучше пристало бы вам среди передних бойцов находиться,
С ними стоять, чтоб на встречу горячему броситься бою.

Ибо я раньше других вас обоих на пир призываю,
Если вожди аргивян пировать собираются вместе.
Жареным мясом тогда вам отрадно питаться и кубки,

4-345

Полные сладким вином, осушать, сколько сердцу угодно.
Ныне приятно вам ждать, хоть бы в десять рядов перед вами
Дети ахейцев пошли сражаться безжалостной медью".
Но, исподлобья взглянув, отвечал Одиссей многоумный:
"О, что за слово, Атрид, из уст твоих вырвалось ныне!

4-350

Как ты решился сказать, что хочу уклониться от боя?
Чуть лишь троянцы и греки возбудят работу Арея, –
Скоро увидишь и сам, если хочешь, и так озабочен, –
Нежный отец Телемаха смешается с рядом передним
Конных троянских бойцов. Это слово сказал ты на ветер".

4-355

И, улыбаясь, промолвил ему Агамемнон владыка, –
Гнев Одиссея заметив, он взял свое слово обратно:
"Зевса потомок, Лаерта дитя, Одиссей многоумный!
Сильно тебя укорять и давать приказанья не стану,
Ибо я веду сам, что душа в твоей груди любезной

4-360

Мудрых советов полна; ты о том же, что я, помышляешь.
Двинься вперед; мы потом все загладим, коль слово дурное
Сказано было. Пусть Зевс его сделает тщетным, как ветер".
Так он сказал и от них удалился, к другим направляясь,
К сыну Тидея пошел, к Диомеду, великому духом.

4-365

Средь боевых колесниц и коней он стоял неподвижно,
Рядом же с ним находился Сфенел, храбрый сын Капонея.
И, негодуя на них посмотрел Агамемнон владыка.
К ним обращаясь, тогда он промолвил крылатое слово:

"Горе! Коней укротителя сын – воеводы Тидея!

4-370

Что ты от страха дрожишь и на поле сражения смотришь?
Нет, твой родитель Тидей так дрожать не любил от испуга;
Больше любил воевать он с врагами пред милой дружиной.
Так говорят, кто видал его в деле. Я с ним не встречался,
Сам я не видел его. Говорят, он храбрее был прочих.

4-375

Некогда он и герой Полиник богоравный, как гости,
В город Микены пришли, не воюя, а войско собирая,
Чтобы войною идти на священные Фивские стены;
Долго молили они дать им в помощь союзников славных;
Те соглашались им дать и условия их одобряли.

4-380

Только Зевес помешал, посылая дурные приметы,
И удалились они, к берегам возвращаясь Азопа,
Что меж густых камышей по зеленым лугам протекает.
Вестником снова тогда снарядили ахейцы Тидея.
Он же пошел и в пути многочисленных встретил фиванцев,

4-385

Кадма детей, во дворце Этеокла царя пировавших.
Только наездник Тидей, хоть и был среди них чужеземцем,
Не испугался, один очутившись среди многих кадмейцев.
Вызвал он всех на борьбу и легко победил в состязаньи;
Так помогала ему богиня Паллада Афина.

4-390

Гнев затаивши, коней усмирители мужи кадмейцы
Против него на возвратном пути поместили в засаде
Юных бойцов пятьдесят, под начальством двоих полководцев,
Меона, сына Гемона, с бессмертными равного мужа,
И Полифонта, что жаждал войны, Автофонова сына.

4-395

Но приготовил Тидей и всем этим позорную гибель:
Всех умертвил и домой одному только дал возвратиться.
Меона он отослал, повинуюсь знаменьям неба.
Вот он каков был Тидей Этолийский. Но сына родил он,
Худшего в битве, чем он, хоть способного больше на речи".

4-400

Так он сказал. Ничего Диомед не ответил могучий,
Но порицанье почтенного мужа почтительно принял.
А Копанея отважного сын возразил и промолвил:
Не говори, сын Атрея, так лживо, ты, знающий правду!
Лучше гораздо отцов мы считаем себя справедливо.

4-405

Мы покорили и Фив семивратных высокую крепость,
Хоть к недоступным стенам привели недостаточно войска,
В знаменья веря богов, полагаясь на Зевсову помощь.
Наши отцы между тем по своей же вине там погибли,
И потому не равняй ты отцов наших в доблести с нами".

4-410

Мощный тогда Диомед, исподлобья взглянув, ему молвил:
"Друг мой, ты стой и молчи, моему повинуйся совету.
Я укорять не хочу Агамемнона, пастыря войска,
Если он в бой побуждает ахеян в прекрасных доспехах.
Ибо ему же хвала воспоследует, если ахейцы

4-415

Трои сынов истребят, Илион ниспровергнув священный;
Также ему будет скорбь, если войско ахейцев погибнет.
Но перестань и скорей об отваге неистойой вспомним".
Молвил, в оружьи потом соскочил с колесницы на землю.
И на груди у царя соскочившего медь загремела,

4-420

Страшно звуча, – так что робость объяла б и храброго сердцем.
Точно морские валы, подымаемы западным ветром,
К многоотзывным брегам, громоздясь друг на друга, стремятся,
Вспучась на море сперва, разбиваются после о землю,
Грозно бушуют на ней и, вдоль скал изгибаясь прибрежных,

4-425

Мчатся наверх, далеко изрыгая соленую пену, –
Так, друг за другом стремясь, непрерывно на бой подвигались
Храбрых данайцев ряды. И давали вожди приказанья,
Каждый фалангам своим. Все же молча ступали, в безмолвном
Страхе пред властью царей, – и никто б не поверил, что столько

4-430

Воинов рядом идет, имеющих голос в гортани.
Ярко пестрели на всех одетые ими доспехи.
Войско троянцев меж тем на овец походило несчетных,
Если доят молоко их в загоне богатого мужа,
И, услышавши самцов, они вместе блеять начинают:

4-435

Гул непрерывный такой по троянскому войску носился.
Не одинаков был бранный их клик; они разно вопили
Все на своих языках, ибо мужи сошлись отовсюду.
Всех их Арей побуждал, а данайцев – Паллада Афина,
Трепет и Страх и в желаньях своих ненасытная Распря, –

4-440

Распря, которая в мир чуть заметной приходит, а вскоре
Грозно идет по земле, головой в небеса упираясь.
Это она среди войска взаимную сеяла ярость,
Через толпу проходя и стенанья мужей умножая.
Только что, вместе сойдясь, на одной они стали поляне.

4-445

Встретились кожи и копья, и силы мужей меднобронных,
Выпукло-круглые сшиблись со звоном щиты со щитами,
И от сражения гул поднимался вокруг многозвучный.
Вместе сливались в нем крик ликования и вопли героев,
Тех, кто погиб и кто губит; земля обагрилась их кровью.

4-450

Как, ниспадая с горы, из огромных источников снежных,
Зимней порой два потока средь общей долины сливают
Бурные воды свои и глубокий овраг образуют,
И далеко на горах пастуху их волнение слышно, –
Так от столкнувшихся войск и грохот поднялся и ужас.

4-455

Первый сразил Антилох копьеносца троянского мужа,
Славу передних бойцов, Эхепола, Фализия сына.
По верху шлема его густогривого первый ударил,
В лоб он оружие вонзил, и в кость Эхеполу проникла
Острая медь глубоко, – и тьма его очи покрыла.

4-460

Рухнул на землю герой, словно башня, в жестоком сраженьи.
Павшего за ноги быстро схватил Элефенор владыка,
Сын Халкодона, абантов, отважных душой, полководец,
И поволок из под стрел, желаньем горя поскорее
С трупа доспехи совлечь, но не долго желание длилось.

4-465

Ибо герой Агенор, увидав, что он тело волочит,
И, наклонившись, свой бок обнажает, щитом не покрытый.
Медное бросил копье и лишил его члены движенья.
Вылетел дух из него, а над ним аргивян и троянцев
Гибельный бой запылал; точно волки, один на другого

4-470

Дико бросались они; человек с человеком сцеплялся.
После Аякс Теламонид убил Симоисия, сына

Анфемииона, цветущего юношу. С Иды спускаясь
Вместе с родными своими, чтоб стадо овечье проведать,
Некогда мать родила его в свет на берегах Симоиса, –

4-475

Он оттого Симоисием назван. Родителей милых
Не наградил за труды воспитания, ибо недолгий
Прожил он век, усмирённый копьем Теламонова сына.
Тот на ходу поразил его в грудь, от сосца недалеко
Правого; вышло копье через спину, насквозь пролетевши

4-480

И повалился он наземь во прах, как чернеющий тополь,
Выросший в низменном месте, среди луговины огромной,
Стройный и ветви свои напрягающий прямо к вершине,
Если его вдруг подрубит секирой блистающей плотник,
Чтобы согнуть колесо для прекрасной большой колесницы,

4-485

И, засыхая, лежит он, сраженный, вдоль берега речки:
Так поразил Симоисия, Анфемиионова сына,
Зевса потомок Аякс. А в него сквозь толпу сын Приама,
В панцире светлом Антиф копье заостренное бросил,
Но, промахнувшись, в Левкона попал, Одиссеева друга,

4-490

В пах его ранил, меж тем как он влек Симоисия тело.
Наземь он лег подле трупа, который из рук его выпал.
Сильно тогда Одиссей огорчился душой по убитом,
Между передних бойцов, яркой медью одет, появился,
Близко к врагам подошел и, с угрозой кругом озираясь,

4-495

Бросил сверкающий дрот. Отступили троянцы, увидев,
Как размахнулся герой. И стрела не напрасно помчалась,
В Демокоона попала, побочного сына Приама.
Из Абидоса пришел он, страны кобылиц быстроногих,

И, за товарища мстя, Одиссей поразил его дротом

4-500

Прямо в висок; из другого виска, проскочивши навывлет,
Острая вышла стрела, и тьма его очи покрыла.
Наземь он шумно упал и доспехи на нем загремели.
И отступили передние мужи и доблестный Гектор.
С криком тогда аргивяне, убитых тела увлекая,

4-505

Все устремились вперед. То увидев с Пергамской твердыни,
Гнев ощутил Аполлон и, крича, ободрил он Троянцев:
"Смело, коней укротители! В битве врагам не сдавайтесь!
И у данайцев тела не из камня и не из железа,
Чтоб устоять против медной стрелы, рассекающей кожу.

4-510

Да и к тому ж Ахиллес, сын Фетиды прекрасноволосой,
В битву не вышел, но гнев, изнуряющий душу, питает".
С крепости так говорил грозный бог. Той порою дочь Зевса,
Славная Тритогенея к борьбе побуждала ахейцев,
Через толпу проходя и усталых бойцов ободряя.

4-515

Рок между тем оковал Амарикова сына Диора,
Ибо он в ногу был ранен громадным булыжником острым,
В правую голень. Его поразил полководец Фракийцев,
Сильный Пирой, сын Имбраса, из города Эны пришедший.
Кости ему раздробил неистовый камень и жилы

4-520

Обе порвал, и он навзничь во прах повалился на землю,
Руки к любезным друзьям простирая, дыша через силу.
Тут подбежал поразивший его полководец Фракийцев.
В тело Диора взил он копье, от пупка недалеко.
Внутренность вылилась наземь, и тьма ему очи покрыла.

4-525

Но Эталиец Фоас, чуть Пирой наклонился над трупом,
В грудь его ранил копьем, близ сосца; медь проникла до легких.
Тотчас Фоас подбежал, из груди у Пироя обратно
Тяжкое вынул копье, и, острый свой меч обнажая,
Быстро в живот посредине вонзил и лишил его жизни,

4-530

Только доспехов с него не совлек: подоспела дружина,
Войско чубатых фракийцев, уставивших длинные копья,
И отогнали его. И хоть был он высок и бесстрашен,
Силой цветущей владел, все же дрогнул, назад отступая.
Так распростерты в пыли, друг близь друга они оставались,

4-535

Храбрых фракийских дружин, а равно меднобронных Эпеян
Двое вождей. И кругом было много других умерщвленных.
Не охулил бы такого сраженья и муж посторонний,
Если б в средину проникнуть он мог, острой медью не ранен,
Если б его провела среди войска Паллада Афина,

4-540

За руку взявши и прочь отклоняя неистовство копий:
Ибо не в малом числе аргивяне в тот день и троянцы
В землю уткнулись лицом, распростертые друг подле друга.

* * *

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Подвиги Диомеда

Тою порой Диомеду богиня Паллада Афина
Мощь и отвагу дала, чтобы он отличился в сраженьи
Перед ахейцами всеми и славой покрылся отрядной.
Шлем Диомеда и щит она блеском зажгла неослабным,
Равным сиянью звезды, что, омывшись в волнах океана,

5-5

Ночью осенней горит меж звездами, – видна отовсюду:
Вкруг головы и вкруг плеч она так осияла героя
И устремила в средину, туда, где толпа и смятенье.
Был меж троянцами некий Дарес, муж, богатством цветущий,
Жрец беспорочный Гефеста. И двух сыновей возрастил он,

5-10

Опытных в каждом сраженьи: Идея бойца и Фегея.
Оба, отстав от своих, Диомеду навстречу помчались.
На колеснице они, он же пеший на бой устремился.
Только что, друг наступая на друга, сошлись они близко,
Первый Фегей, сын Дареса, копье длиннотенное бросил,

5-15

Но острие пролетело над левым плечом Диомеда
И не коснулось его; сын Тидея тогда устремился
С медью, и дрот не напрасно был пущен рукою могучей:
В грудь меж сосцов он Фегея ударил, свалив с колесницы.
Тотчас Идей соскочил, колесницу свою покидая,

5-20

И не дерзнул заступиться за тело убитого брата.
Сам бы в то время едва ли избег он погибели черной,
Если б Гефест не помог и не спас его, тьмою одевши,
Чтобы не слишком душой убивался божественный старец.
В сторону быстрых коней отогнал Диомед, сын Тидея,

5-25

И передал их друзьям отвести к кораблям многоместным.
Только что мужи троянцы детей увидали Дареса,
Первого быстро бегущим, другого лежащим во прахе,
Все содрогнулись душой. Синеокая тотчас Афина,
За руку взяв, обратилась к бессмертному богу Арею:

5-30

"Кровью покрытый Арей, мужегубец Арей, стен крушитель!
Не предоставим ли мы аргивянам и войску троянцев
Биться, кому бы из них ни назначена слава Зевесом,
Не удалимся ли мы, чтобы Зевсова гнева избегнуть?"
Так говоря, увела она бурного бога из битвы

5-35

И на крутом берегу у потока Скамандра его посадила.
Стали ахейцы троянцев теснить. Каждый вождь аргивянин
Мужа убил. – И всех раньше владыка мужей Агамемнон
Одия сбил с колесницы, вождя ализонов большого,
В спину ему между плеч угодил он копьем, когда в бегство

5-40

Тот обратиться хотел, и копье через грудь проскочило.
Грузно он назем упал, и доспехи на нем загремели.
Идоменею был сын умерщвлен мэонянина Бора
Фест богоравный, – пришел он из Тарны, земли плодоносной.
Идомений, знаменитый метатель, в плечо его ранил

5-45

Правое длинным копьем, когда этот вступал к колесницу;
Вниз он свалился и тьма ненавистная им овладела.
Идоменеювы слуги с убитого сняли доспехи.
Строфия сын, многоопытный в деле охоты Скамандрий
Был заостренным копьем Менелая Атрида повергнут,

5-50

Славный охотник: сама Артемида его научила
Диких зверей убивать – всех питаемых лесом нагорным.
Не помогла Артемида ему, возлюбившая стрелы,
Не помогли состязанья в стрельбе, где блистал он когда-то.
Но знаменитый метатель копья Менелай, сын Атрея,

5-55

В спину его меж плечами копьем поразил, когда в бегство

Он обратился – насквозь через грудь острие пролетело.
Ниц он свалился во прах, и доспехи на нем загремели.
Вождь Мерион умертвил Фереклая, дитя Гармонида,
Мужа строителя: всякое тонко умел он изделье

5-60

Строить руками, – его возлюбила Паллада Афина.
Он и царю Александру суда соразмерно построил –
Бедствий причину, принесшие горе всем жителям Трои,
Также ему самому: приговора богов он не ведал.
Храбрый герой Мерион, догоняя его и настигнув,

5-65

В правое ранил бедро, и насквозь под седалищной костью
Вышло с другой стороны острие, чрез пузырь пролетевши.
Пал на колени, стелая, и вскоре был смертью окутан.
После Мегет умертвил Антенорова сына Педея;
Сыном побочным он был, но его воспитала Феана

5-70

Нежно с детьми наравне, своему угождая супругу.
И знаменитый метатель копья, сын Филея, приблизясь,
В заднюю часть головы его ранил копьем заостренным.
Медь пролетела насквозь через зубы, язык перерезав.
В прах он свалился, холодную медь прикусивши зубами.

5-75

Вождь Еврипил, Эвемона дитя, умертвил Гипсенора,
Долониона бесстрашного сына, который был избран
Бога Скамандра жрецом и, как бог, почитался народом.
С ним-то сойдясь, Еврипил, блистательный сын Эвемона,
В бегство сперва обратил и в плечо его ранил вдогонку;

5-80

После, с мечом устремившись, отсек ему правую руку.
Окровавленная пала рука на долину, а очи
Были багровою смертью и мощной судьбою закрыты.

Так в это время они среди битвы жестокой трудились.
А про Тидеева сына не знал бы ты, где он сражался:

5-85

В строе ль троянских героев, в рядах ли ахейского войска.
Он бушевал по долине подобно реке, что весною
Бухнет от талых снегов и, стремясь, прорывает плотины;
Не остановят ее все плотины, хоть сделаны крепко,
И не удержат ограды на нивах, роскошно цветущих,

5-90

Если вдруг хлынет она, отягченная ливнем Зевеса,
Много цветущих трудов поселян на пути разрушая:
Так перед сыном Тидея густые фаланги троянцев
В страхе метались, не в силах стоять, хоть и было их много.
Чуть лишь завидел его блистательный сын Ликаона,

5-95

Как по долине один бушевал он, смиряя фаланги,
Тотчас он лук своей кривой натянул против сына Тидея
И угодил в нападавшего: выпуклый панцирь пробивши,
В правое ранил плечо. И с другой стороны через тело
Горькая вышла стрела, и броня обагрилася кровью.

5-100

Громко тогда закричал блистательный сын Ликаона:
"Двиньтесь вперед, о, троянцы, коней укротители резвых!
Первый мной ранен ахейский герой, и он, чаю, не долго
Против жестокой стрелы устоит, если вправду владыка
Феб, сын Зевеса, подвигнул меня из Ликии явиться".

5-105

Так он хвалился, но не был стрелой укрошен сын Тидея.
В сторону он отошел, отыскал лошадей с колесницей
И Капанеева сына Сфенела окликнул, промолвив:
Сын Капанея любезный! Сюда! Соскочи с колесницы,
Горькую эту стрелу извлеки из плеча поскорее!

5-110

Так он промолвил. Сфенел соскочил с колесницы на землю;
Быстро извлек из плеча он стрелу, пронизавшую тело;
Брызнула кровь высоко сквозь кольчатый панцирь из меди.
Громко взмолился тогда Диомед, среди боя отважный:
"Внемли, могучая дочь Эгидодержавного Зевса!

5-115

Если когда-либо мне иль отцу ты с намереньем добрым
В грозном являлась бою, будь, Афина, теперь благосклонна!
Дай на пространство копья подойти, дай настигнуть мне мужа,
Кто и попал в меня первый и ныне кричит, похваляясь,
Будто не видеть мне больше сиянье блестящего солнца".

5-120

Так говорил он, молясь. Услыхала Паллада Афина,
Легкими сделала члены героя – и ноги, и руки –
Стала вблизи и такое сказала крылатое слово:
"Ныне дерзай, Диомед, ополчись на троянское войско,
Ибо в груди у тебя я отцовскую мощь возбудила,

5-125

Неустршимость его, щитоносца возницы Тидея,
Также сняла с твоих глаз я тот мрак, покрывавший их прежде,
Чтоб хорошо отличать ты умел человека от бога.
Ныне поэтому, если бессмертный придет, вызывая,
Против бессмертных богов не дерзай выступать и сражаться,

5-130

Против всех прочих; но если б Зевесова дочь Афродита
В битву вмешалась – ее ты ударь заостренною медью".
Так синеокая молвила и удалилась Афина.
Сын же Тидея с бойцами передними снова смешался.
Сильно и прежде душою хотел он с троянцами биться,

5-135

Ныне же втрое сильнее овладела им ярость, как будто
Львом, если в поле его пастух близь овец густошерстных
Ранил слегка, не убив, чрез ограду готового прыгнуть;
Ярость он в нем возбудил и уже защищаться не смеет,
Но притаился в хлеву, и дрожат беззащитные овцы,

5-140

Жмутся друг к дружке, одна на другую становятся в страхе;
Из глубины же двора лев, терзаемый яростью, скачет:
Так Диомед разъяренный смешался с толпою троянцев.
Там Астиноя убил он и пастыря войск Гиперона, –
Первого выше сосца ранил дротом, окованным медью,

5-145

Длинным мечом вдоль плеча поразил он второго в ключицу,
И отделилось плечо от спины Гиперона и шеи.
Их усмирив, Диомед Полиида с Абантом встречает –
Двух сыновей старика сногадателя Эвридаманта.
Плохо старик толковал сновидения их пред разлукой,

5-150

Ибо теперь Диомед обнажил их тела от доспехов.
Ксанфа с Фооном настиг он потом, – сыновей двух Фенопса,
Нежно любимых; его удручала угрюмая старость;
Сына другого не ждал он, кому завещать достоянье.
Их Диомед умертвил, дух любезный исторг у обоих

5-155

И безутешную скорбь и стенанья отцу их оставил,
Ибо детей он не встретил живыми пришедшими с поля,
И достоянье его меж собою родня поделила.
После он двух умертвил сыновей Дарданида Приама,
Хромия и Эхемена, в одной колеснице стоявших.

5-160

Точно как лев, что, на стадо бросаясь, ломает зубами
Шею бычку или телке, пасущимся в чаще тенистой, –
Так Диомед их обоих заставил сойти с колесницы,
Не по добру, против воли, потом обнажил от доспехов.
А лошадей передал своим слугам, чтоб к флоту погнали.

5-165

Видя таким Диомеда, войска сокрушавшим рядами,
Двинулся с места Эней, через бой, сквозь смятение копий,
Всюду ища, не найдет ли подобного богу Пандара.
И, отыскав беспорочного сына царя Ликаона,
Стал он вблизи перед ним и такое сказал ему слово:

5-170

"Где же твой лук, о, Пандар, где крылатые стрелы, где слава?
В ней состязаться с тобой ни единый здесь муж не дерзает,
Да и в Ликийи никто над тобой не гордится победой.
Что же, дерзай! Помолившись Зевесу, стреляй в того мужа,
Кто бы он ни был. Троянцам он бед причиняет немало,

5-175

Ибо расслабил колени у доблестных многих героев.
Или, быть может, то бог, на троянцев сердясь из-за жертвы,
Мстит нам теперь: тяжело отомщенье бессмертного бога".
И, отвечая, промолвил блистательный сын Ликаона:
"О, достославный Эней, меднобронных троянцев советник,

5-180

Я по всему узнаю в нем могучего сына Тидея,
И по щиту, и по шлему с отверстиями в медном забрале,
Также по виду коней. Все ж не знаю, не бог ли пред нами.
Если же это и муж, как сказал я, сын храбрый Тидея,
То не без помощи бога свирепствует он. Из бессмертных

5-185

Кто-то стоит близ него, вокруг тела окутанный тучей.

Быструю он отклонил ту стрелу, что задела героя.
Ибо недавно попал я в него, и стрела пролетела,
Правое ранив плечо, насквозь через выпуклый панцирь.
Я уже думал, что в область Аида его ниспровергнул,

5-190

А между тем не убил: зная рассерженный бог помешал мне.
Только со мною здесь нет лошадей с боевой колесницей.
В доме отца Ликаона стояло одиннадцать пышных
Новых вполне колесниц – покрывала вокруг них простирались.
Лошади по две на упряжь, близь каждой из них находились;

5-195

Полбу они поедали и белым питались ячменем.
Старый боец Ликаон во дворце своем, созданном пышно,
Долго меня наставлял, когда я собирался в дорогу.
Он же наказывал мне, чтобы конный, войдя в колесницу,
Я в беспощадном бою над троянским начальствовал войском.

5-200

Но не послушался я (хоть гораздо полезнее было б),
Ибо коней пожалел я, боясь, как бы здесь в многолюдстве
В корме они не нуждались, привыкши питаться обильно.
Так их оставил я дома и в Троию отправился пеший,
Луку доверяясь, но он ни насколько мне не был полезен.

5-205

Ибо уже против двух я его натянул полководцев
Сына Тидея и сына Атрея. – Попавши в обоих.
Пролил я, правда их кровь, но и больше зато раздражил их.
Видно под знаменьем мрачным с гвоздя этот лук изогнутый
Снял я в тот день, как сюда, в Илион, мною нежно любимый,

5-210

Войско троянцам повел богоравному Гектору в помощь.
Если вернусь я домой и своими увижу глазами
Отчую землю, жену и дворец наш, высоко покрытый,

Пусть мою голову с плеч отсечет супостат иноземец,
Если кривой этот лук я в сияющий пламень не брошу,

5-215

Раньше сломив, ибо спутник он был бесполезный, как ветер".
И, отвечая, Эней, вождь троянский, на это промолвил:
"Так говорить ты не должен. Не может ничто измениться,
Прежде чем мы на конях в боевой колеснице не встретим
Этого мужа вдвоем и оружием его испытаем.

5-220

Но поспеши, подымись в колесницу ко мне и увидишь,
Тросовы кони какие, – как быстро они по долине
Мчатся вперед и назад, то преследуя, то отступая.
Нас они в город умчат и спасут, если Зевсу угодно
Силу опять даровать Диомеду, Тидееву сыну.

5-225

Что же, возьми, если хочешь, и бич, и блестящие вожжи,
Я же сойду с колесницы, чтобы с Диомедом сражаться;
Или же ты с ним сражайся, а я буду править конями".
И, отвечая, промолвил блистательный сын Ликаона:
"Сам бы, Эней, ты и вожжи держал, сам бы правил конями,

5-230

Ибо с возницей знакомым они колесницу кривую
Легче помчат, коль бежать нам придется пред сыном Тидея.
Если твой окрик они не услышат, боюсь – от испуга
Как бы не сбились они, отказавшись нас вынести с боя.
И, устремившись, тогда сын Тидея, могучий наездник,

5-235

Нас умертвит, и коней наших твердокопытных угонит.
Вот отчего ты сам колесницею правь, и конями.
Я же, коль он нападет, его встречу копьём заостренным".
Так говоря, в колесницу узорную оба вступили
И на Тидеева сына коней устремили отважно.

5-240

Вскоре Сфенел их увидел, блистательный сын Капанея,
И, обратясь к Диомеду, крылатое слово промолвил:
"О, Диомед, сын Тидея, товарищ, отрадный для сердца,
Двух вижу сильных мужей, что желают с тобою сразиться;
Неизмерима их мощь. То – искусно владеющий луком

5-245

Славный Пандар: Ликаона себя почитает он сыном.
С ним полководец Эней, гордящийся тем, что Анхиза
Он беспорочного сын; родила же его Афродита.
Дай повернем колесницу. Ты ради меня не свирепствуй
В строе передних бойцов, если милое сердце жалеешь".

5-250

Храбрый ему Диомед отвечал, исподлобья взглянувши:
"Не говори мне о бегстве; меня убедить не сумеешь.
Не таковы мои предки, чтоб я отступил среди боя,
Или тайлся, дрожа: моя сила еще невредима.
Даже гнушаюсь вступить в колесницу; навстречу обоим

5-255

Пешим пойду. Мне дрожать не позволит Паллада Афина.
Вместе обоих назад быстроногие кони отсюда
Не унесут в Илион, – и один-то едва ли спасется.
Но говорю я тебе – ты в уме это слово запомни:
Если Афиною мудрой мне будет дарована слава

5-260

Жизни лишить их обоих – ты тотчас коней наших быстрых
Здесь удержи, вокруг перил обмотавши прекрасные вожжи,
Сам же вперед устремись, о конях помышляя Энея,
И от троянцев гони их к ахейцам в прекрасных доспехах.
Родом они от коней, что когда-то Зевес Громовержец

5-265

Тросу царю дал, как выкуп, за сына его Ганимеда, –
Лучших коней изо всех, что живут под зарею и солнцем.
Тайно Анхиз, царь мужей, от коней этих племя похитил
К ним кобылиц подославши украдкой от Лаомедона.
Шесть жеребят у него родилось приплода в конюшне.

5-270

Сам четырех у себя он оставил и кормит из яслей,
Этих же двух дал Энею – коней, возбуждающих ужас.
Если захватим мы их – то прекрасную славу добудем".
Так говорили они, обращаясь друг к другу со словом.
Те, погоня коней легконогих, приблизились быстро.

5-275

Первый сказал тогда слово блистательный сын Ликаона:
"Храбрый и неутомимый, сын славного мужа Тидея!
Легким оружием тебя не убил я, стрелой своей горькой.
Так попытаюсь теперь, не ударю ль копьем заостренным".
Так он сказал и с размаха копье длиннотенное бросил.

5-280

Сына Тидея ударил он в щит – и насквозь пролетела
Острая медь через щит и коснулась брони Диомеда.
Громко тогда ему крикнул блистательный сын Ликаона:
"В пах ты навyleт сражен; – полагаю, недолгое время
Сможешь теперь устоять. Мне же дал ты великую славу".

5-285

Не испугавшись, ему Диомед возражает могучий:
"Лжешь, и копьем ты меня не коснулся. Но вы, полагаю,
Раньше не кончите битвы, чем тот иль другой, павши наземь,
Кровью своей не насытит Арея – воителя злого".
Так он сказал и метнул. И Афина направила дротик.

5-290

В нос он ударил вдоль глаза и в белые зубы вонзился..
Заднюю часть языка непреклонная медь пронизала,
Через подбородок внизу острие проскочило наружу.
Пал с колесницы Пандар и доспехи на нем загремели,
Ярко блиставшие медью. И твердокопытные кони

5-295

Бросились в сторону. Сам ж с душой он простился и силой.
Тотчас Эней соскочил со щитом и копьем своим длинным,
Так как боялся, что труп у него аргивяне похитят.
Силе своей доверяя, как лев, зашагал он вокруг тела,
Выставив грозно копье и щит равномерно округлый.

5-300

Всякому, кто бы к нему ни приблизился, смертью грозил он,
Громко и страшно крича. Диомед взял метательный камень
Крупный булыжник, – его не снесли бы и двое из смертных,
Ныне живущих. Легко сын Тидея один его бросил.
И угодил он Энею в бедро, на то место, где голень

5-305

Входит, вращаясь, в бедро – оно чашкой зовется коленной.
Чашку ему раздробил он, порвал обе жилы под нею
И угловатым булыжником кожу содрал. Пошатнувшись,
Стал на колени герой, упираясь рукою мясистой
В землю. И черная ночь его очи окутала тотчас.

5-310

Так бы тогда и погиб бы Эней, предводитель героев,
Если б его не увидела вдруг Афродита, дочь Зевса,
Что родила его в свет от Анхиза, берегшего стадо.
Белые руки она обвила вокруг милого сына,
И распростерла над ним покрова блестящие складки,

5-315

Верный оплот против стрел, чтоб никто среди конных данайцев,

Медью попав ему в грудь, не исторг его душу из тела.
Так удаляла она из сражения милого сына.
Сын Капанея Сфенел между тем не забыл поручений,
Что возложил на него Диомед, среди боя отважный.

5-320

И в стороне от сраженья поставил он твердокопытных
Быстрых коней, вокруг перил намотавши прекрасные вожжи.
Сам же, вперед устремясь, лошадей густогривых Энея
Он отогнал от троянцев к ахейцам в прекрасных доспехах.
И передал Диониму (товарищу милому – больше

5-325

Сверстников всех он его почитал за согласие в мыслях).
Чтобы отвел их к судам углубленным. И, сделавши это,
Снова герой, в колесницу вступая, взял светлые вожжи,
Твердокопытных коней вслед за сыном Тидея направил,
Бурным, – но тот за Кипридой погнался с безжалостной медью,

5-330

Ибо он знал хорошо, что бессильная это богиня,
Не из числа тех богинь, что мужами в бою управляют,
Не как Афина Паллада иль грозная в битвах Энио.
Так догоняя, настиг он богиню в толпе многолюдной.
И замахнулся тогда сын могучего сердцем Тидея.

5-335

Острым ударив копьем, оконечность руки ее нежной
Ранил герой. И копье заостренное в кожу проникло
Через благовонный покров (он самими Харитами сделан),
Тронув ладонь. И богини нетленная кровь показалась,
Светлая влага, текущая в жилах богов беспечальных:

5-340

(Хлеба они не едят, не вкушают вина огневого
И оттого все бескровны и носят названье бессмертных).
Громко она застонала и прочь оттолкнула Энея.

Феб Аполлон той порой его бережно на руки принял,
Синею тучей покрыл, чтоб никто среди конных данайцев,

5-345

Медью попав ему в грудь, не исторг его душу из тела.
Громко ей крикнул тогда Диомед, среди боя отважный:
"Прочь, о, Зевесова дочь, от войны и жестоких сражений!
Или с тебя не довольно, что слабых ты жен обольщаешь?
Если же в битву сюда ты вернешься, то сильно, надеюсь,

5-350

Станешь бояться войны, где б о ней ни слышала после".
Молвил. Она ж удалилась, тревожная, мучаясь страшно.
Шла ветроногая с нею Ирида, ведя из сраженья,
Обремененную горем; темнела прекрасная кожа.
Бурного бога Арея она увидала сидящим

5-355

Слева от битвы, – на туче покоились стрелы и кони.
Тотчас она на колени пред братом возлюбленным пала,
И лошадей златосбруйных просила ей дать, умоляя:
"Дай мне своих лошадей, пожалей меня, брат мой любезный,
Чтобы могла на Олимп я вернуться в жилище бессмертных,

5-360

Слишком я стражду от раны, – ее мне нанес сын Тидея,
Смертный, который теперь и с Зевесом готов состязаться".
Молвила так. И Арей уступил ей коней златосбруйных.
И в колесницу она поднялась, милым сердцем терзаясь.
Рядом Ирида вступила и, вожжи собравши руками,

5-365

Сильно хлестнула коней, – полетели послушные кони.
Прибыли вскоре они на Олимп, где жилище бессмертных.
И ветроногая тотчас коней удержала Ирида,
Выпрягла из колесницы, подбросив нетленную пищу.
Дивная пала тогда Афродита к коленям Дионы,

5-370

Матери милой. Диона, в объятия дочь принимая,
Нежно рукой потрепала и молвила слово такое:
"Кто из бессмертных тебя незаслуженно, дочь дорогая,
Так оскорбил, словно ты перед всеми дурное свершила?"
Ей отвечала на то Афродита, привычная к смеху:

5-375

"Ранил меня Диомед, сын Тидея, надменный душою,
Из-за того, что Энея из битвы похитить хотела,
Милого сына, который из всех мне любезнее смертных.
То уже гибельный бой не троянских мужей и ахейских:
Ныне сражаться данайцы с бессмертными стали богами".

5-380

Дивная в сонме богинь ей на то отвечала Диона:
"Милая дочь, претерпи и снеси, как душе ни обидно.
Ибо терпели не раз на Олимпе живущие боги
Через людей, причиняя друг другу несчетные муки.
Тяжко терпел бог Арей, когда сыновья Алоея,

5-385

Отос и муж Эфиальт, его узами крепко связали.
Связанный, в медной темнице тринадцать он месяцев прожил.
Так бы погиб в это время Арей, ненасытный в сраженьях,
Если бы мачеха их, Эривея, прекрасная видом,
Не дала вести Гермесу; украдкой увел он Арея,

5-390

Вовсе лишённого сил, ибо узы его усмирили.
Также терпела и Гера в тот день, как трехгранной стрелою
Амфитриона владыки воинственный сын ее ранил
В правый сосец, – нестерпимая боль овладела богиней.
Даже Аид всемогущий терпел от стрелы заостренной,

5-395

В день, когда тот же герой, сын Эгидодержавного Зевса,
Ранил его у ворот в царстве мертвых и предал мученьям.
Тотчас в Зевесов чертог на пространный Олимп поспешил он,
Страждущий сердцем, пронзенный страданиями – ибо проникла
Острая медь ему в спину могучую, душу терзая.

5-400

Только Пеон, посыпая лекарством, смиряющим боли,
Скоро его исцелил, – по рождению не был он смертный.
Но злополучен тот муж, кто творя преступления беспечно,
Луком своим огорчает богов, на Олимпе живущих.
Этого против тебя возбудила Паллада Афина.

5-405

Глупый, не ведает в мыслях своих Диомед, сын Тидея,
Что кратковечны бывают, кто смеет с бессмертными биться.
Дети не будут отцом его звать, на коленях качаясь,
И не вернется домой он с войны, из губительной сечи.
Пусть ожидает теперь сын Тидея, хоть он и бесстрашен,

5-410

Как бы сильнее тебя кто-нибудь с ним не стал состязаться.
Тою порой дочь Адраста, разумная Эгиалея,
С криком поднявшись от сна, домочадцев любезных разбудит,
Плача по юном супруге, храбрейшем среди войска ахеян, –
Эгиалея, жена Диомеда, Тидеева сына".

5-415

Так говорила и пальцами кровь из руки унимала.
Стала здоровой рука, и тяжкие боли утихли.
То увидали богини Паллада Афина и Гера.
К Зевсу Кронида они обратились с насмешливой речью, –
И синеокая так начала свое слово Афина:

5-420

"Зевс, наш отец! На меня не посетуй за то, что скажу я.
Видно Киприда одну из ахеенок вновь убеждала
В землю троянцев бежать, ею ныне столь сильно любимых;
Эту, должно быть, лаская ахейнку в пышной одежде,
Нежную руку она золотой оцарапала пряжкой".

5-425

Молвила так. Улыбнулся отец и людей, и бессмертных
И, подозвавши к себе, золотой Афродите промолвил:
"Не на тебя, моя дочка, возложено бранное дело!
Лучше устраивай браки, что славные будят желанья:
Бурный Арей и Афина заботятся будут о битвах".

5-430

Так говорили они меж собой, обращая друг к другу.
Тою порой Диомед устремился опять на Энея,
Зная, что сам Аполлон над героем простер свою руку,
Но и пред богом великим не дрогнув, он все порывался,
Как бы Энея убить и совлечь дорогие доспехи.

5-435

Трижды вперед он бросался, охваченный жаждой убийства,
Трижды отталкивал прочь Аполлон светлый щит Диомеда.
Только когда он в четвертый напал, небожителю равный,
Грозно тогда закричав, Аполлон Дальновержец промолвил:
"Прочь отступи, сын Тидея, опомнись! Равняться с богами

5-440

В мыслях своих не дерзай, оттого что не равны судьбою
Племя бессмертных богов и людей, уходящих под землю".
Так он сказал – и назад сын Тидея немного подался,
Гнева желая избегнуть далеко разящего Феба.
Тою порой Аполлон перенес из сраженья Энея

5-445

В храм свой, который ему был воздвигнут в священном Пергаме.

Там во святилище славном Эней исцелен и украшен
Был Артемидою, любящей стрелы бросать, и Латоной.
Феб Аполлон сребролукий создал тогда призрак чудесный,
Видом подобный Энею и в те же одетый доспехи.

5-450

Призрак кругом обступив, аргивяне с троянцами бились
И рассекали в бою защищавшие грудь у друг друга
Кожи крылатых щитков и тяжелых щитов округленных.
К бурному богу Арею тогда Аполлон обратился:
"Кровью облитый Арей, мужегубец Арей, стен крушитель!

5-455

Не удалишь ли, вмешаясь, от этого боя ты этого мужа,
Сына Тидея, что ныне готов против Зевса сражаться?
Раньше богиню Киприду он в руку поранил близь кисти,
После со мною самим состязался, бессмертному равный".
Так Аполлон ему молвил и сел на вершину Пергама.

5-460

Грозный вмешался Арей, побуждая фаланги троянцев.
Вид Акаманта принявши, вождя удалого фракийцев,
Крикнул он властно Приамовым детям, питомцам Зевеса:
"Долго ли, дети Приама, – владыки, возвращенного Зевсом, –
Будете молча терпеть, чтоб ахейцы народ убивали?"

5-465

Долго ли будут они подле стен крепкозданных сражаться?
Муж, кто казался нам равным с божественным Гектором, ныне
В прахе лежит – вождь Эней, сын могучего сердцем Анхиза.
Но поспешите, спасем из толпы благородного друга".
Так он промолвил им, в каждом и силу и дух пробуждая.

5-470

А Сарпедон укорять богоравного Гектора начал:
"Гектор, куда оно делось – твое дерзновенье былое?
Некогда ты говорил, что без войск и народов союзных

Город удержишь один, во главе своих зятьев и братьев.
Ныне из них никого не могу отыскать и не вижу.

5-475

В страхе укрылись они, точно псы, когда льва увидали.
Мы ж продолжаем сражаться, – ваше союзное войско.
Ибо и я, ваш союзник, сюда издалека явился,
Из отдаленной Ликийи, от многопучинного Ксанфа.
Там я оставил жену дорогую и малого сына,

5-480

Много оставил богатств, – их желал бы добыть неимущий.
Все же ликийцев своих побуждаю и сам порываюсь
В битву сразиться с врагом, хоть с собой ничего не имею,
Что унести или взять на суда аргивяне могли бы.
Ты же и сам неподвижно стоишь и другим не прикажешь

5-485

Твердо держаться в бою и супруг защищать своих милых,
Чтобы они, точно в петли попавши сетей заберущих,
Вскоре не стали военной добычей мужей супостатов,
Чтоб не разрушен был ими ваш город, весьма населенный.
Сам бы об этом и ночью и днем ты заботиться должен

5-490

И умолять всех союзных вождей, что пришли издалека,
Твердо держаться в бою, избегая укоров тяжелых".
Так говорил Сарпедон. Душу Гектора речь уязвила.
Тотчас в доспехах войны с колесницы он спрыгнул.
Острым копьем потрясая, кругом обошел он все войско,

5-495

Всех побуждая сражаться и страшную битву воздвигнул.
И обернулись троянцы, лицом становясь к аргивянам.
Но и ахейцы, не дрогнув, их встретили, тесно сплотившись.
Как по гумну освященному ветер мякину разносит, –
Люди бросают зерно, а Деметра с золотыми кудрями,

5-500

Ветер подняв над землей, отделяет плоды от мякины, –
И белеет земля: точно так побелели ахейцы
От окружавшей их пыли, которую тучей над ними
Вплоть до небес медно-ярких взбивали копытами кони,
Вновь устремленные в битву. Возницы назад их погнали,

5-505

И напрягали борцы силу рук. Той порой поле брани
Бурный Арей темнотою покрыл, помогая троянцам,
Войско кругом обходя. Исполнял Аполлона он волю,
Феба с мечом золотым, поручившего богу Арею
Дух у троянцев поднять, лишь увидел Палладу Афины

5-510

Вдаль уходящей, – она помогала героям данайским.
Сам Аполлон между тем из святилища пышного вывел
Пастыря войска Энея и силу вдохнул ему в сердце.
Перед друзьями он встал – и они ликовали душою,
Видя, что к ним он живой приближается и невредимый,

5-515

Силой отважной дыша, но расспрашивать тотчас не стали.
Дело иное влекло их, что Феб возбудил Дальновержец,
И мужегубец Арей, и всегда неустанная Распря.
Войско данайцев меж тем побуждали к войне сын Тидея,
Оба Аякса и царь Одиссей, да и сами ахейцы

5-520

Не испугались ни силы троянцев, ни возгласов бранных.
Грозно стояли они, словно тучи, когда их Кронион
Вдруг над вершинами гор остановит в безветрии тихом,
В час, когда спит, успокоясь, могучая сила Борея
И остальные спят ветры, которые, чуть лишь подуют,

5-525

Звучным дыханьем своим потемневшие тучи размечут:
Так пред троянцами твердо стояли ахейцы, не дрогнув.
Сын же Атрея меж тем обходил все ряды, убеждая:
"Будьте мужами, друзья, и бесстрашное сердце храните!
Друг перед другом стыдитесь бежать из жестокого боя.

5-530

Там, где стыдятся друг друга, спасается больше, чем гибнет,
А для бегущего нет впереди ни спасенья, ни славы".
Молвил и бросил копье. И бойца он переднего ранил,
Друга Энея, душою великого Деикоона
Сына Пергаса; его на ряду с сыновьями Приама

5-535

Чтили троянцы за то, что в переднем ряду он сражался.
Острым копьем поразил его в щит Агамемнон владыка.
И не отринула медь, но насквозь острие пролетело,
В нижнюю часть живота, через пояс, проникло глубоко.
Шумно он грохнулся в прах – и доспехи на нем загремели.

5-540

В свой черед и Эней умертвил двух знатнейших данайцев,
Двух сыновей Диоклея, Кретона и с ним Орсилоха.
В городе Фебе, прекрасно устроенном, жил их родитель,
Благами жизни богатый и ведший свой род от Алфея,
Быстрой реки, что широко течет через землю пилосцев.

5-545

Он Орсилоха родил, повелителя многих народов.
Царь Орсилох произвел Диоклея, великого духом,
Двое детей близнецов родилось от царя Диоклея,
Храбрый Кретон с Орсилохом, искусным во всяком сраженьи.
Оба, достигнув цветущей поры, в Илион многооконный

5-550

За аргивянами вслед на судах своих черных отплыли,
Чтоб заступиться за честь Агамемнона, сына Атрея,
И Менелая. Но смертный конец их неожиданно окутал.
Оба казались подобны двум львам, что на горной вершине
В чаще глубокого леса воспитаны матерью-львицей:

5-555

Долго они и быков, и тучных овец похищали,
И разоряли дворы пастухов, – до тех пор, пока сами
Не были медным копьём от руки человека убиты.
Так и они, укрощенные мощной рукою Энея,
Пали на землю, подобные срубленным пихтам высоким.

5-560

И пожалел Менелай их, упавших, – любимец Арея.
Между передних бойцов, яркой медью одетый, он вышел,
Острым копьём потрясая: Арей возбудил в нем отвагу,
В мыслях желая, чтоб он укрощен был рукою Энея.
То увидав, Антилох, сын Нестора, храброго сердцем,

5-565

Вышел к передним бойцам. Он боялся за пастыря войска,
Как бы он сам не погиб и не сделал весь труд их напрасным.
Те между тем наготове держали уж друг против друга
Острые копья в руках, сгорая желаньем сразиться,
И Антилох в это время стал близко от пастыря войска.

5-570

Но, увидавши, что двое героев стоят друг близ друга,
Битвы не начал Эней, хоть и был он стремительный воин.
После того увлекли они мертвых к ахейскому войску.
И передали товарищам на руки жалкие трупы,
Сами ж к передним бойцам возвратились и бой продолжали.

5-575

Там умертвили они Пилемона. Подобный Арею,

Был он вождем пафлагонцев, отважных душой щитоносцев.
Он неподвижно стоял, когда царь Менелай, сын Атрея,
Славный метатель копья, поразил его дротом в ключицу.
А Пилемена возница Мидон, сын Атимия славный,

5-580

Был умерщвлен Антилохом, коней повернуть собираясь.
В локоть его он булыжником ранил; из рук его наземь
Белые вожжи упали, покрытые костью слоновой,
И Антилох, устремившись, мечем по виску замахнулся.
Тотчас он дух испустил и с прекрасной упал колесницы

5-585

Вниз головою в песок, где затылком погряз и плечами.
Долго стоял он в глубокий песок угодивши, покуда
Кони, почуявши плеть, не отбросили в прах его наземь.
Плетью стегнул Антилох и погнал их к дружинам ахейским.
Гектор тогда их узнал меж рядов и на них устремился,

5-590

Громко крича. Вслед за ним повалили фаланги троянцев.
Их предводил бог Арей и почтенная также Энио.
Эта богиня держала Смятенье, жестокое в битвах,
Первый же шел, исполинским копьем потрясая;
То впереди перед Гектором грозно ступал он, то сзади.

5-595

Видя его, задрожал Диомед, среди боя отважный.
Как заблудившийся муж, что идет по великой равнине,
Вдруг перед быстрой рекой остановится, в море текущей,
Взглянет на шумную пену и вспять повернет торопливо, –
Так отступал Диомед, сын Тидея, а войску промолвил:

5-600

"Други! Недаром нас всех изумляет божественный Гектор,
И копьеносец искусный, и воин, отважный душою.
Вечно пред ним кто-нибудь из богов, отвращающий гибель.

Ныне идет с ним Арей, уподобившись смертному мужу.
Вы же, к троянцам лицом повернувшись, назад отступайте

5-605

И не держайте с богами бессмертными силой сразиться".
Так он сказал, а троянцы все ближе меж тем подступали.
Гектор тогда умертвил Анхиала и также Менесфа,
Двух на одной колеснице, героев, искусных в сраженьи.
И пожалел их, упавших, Аякс Теламонид великий.

5-610

Близко он стал, подойдя, и, копье свое светлое бросив,
В Амфия, сына Селага, попал, обитавшего в Пезе.
Много имел он сокровищ и множество пастбищ, но жребий
Влек его в Трою на помощь Приаму и детям Приама.
Сын Теламона великий Аякс поразил его в пояс, –

5-615

В нижнюю часть живота копьем длиннотенным проникнув.
Шумно он грохнулся в прах. И Аякс подбежал знаменитый,
Чтобы доспехи совлечь. Но блестящие острые дроты
Стали троянцы метать, – щит Аякса их принял немало.
Он подошел и, пятой наступая на мертвое тело,

5-620

Медное вырвал копье, остальных же прекрасных доспехов
С тела похитить не мог, ибо стрелы его удручали.
Он опасался обхода отважных и мощных троянцев,
Что обступили его многолюдной толпой и бесстрашной,
Копья держа, – и хоть был он велик, и силен, и прекрасен,

5-625

Прочь оттеснили его, и он отступал отраженный.
Так в это время они в ратоборстве жестоком трудились.
А Тлеполема, большого и славного сына Геракла,
Рок всемогущий столкнул с Сарпедоном, похожим на бога.
После того как, идя друг на друга, сошлись они близко,

5-630

Сын против внука сбирателя туч Олимпийца Зевеса,
Первый их них Тлеподем обратился со словом и молвил:
"О, Сарпедон, о, советник ликийцев, тебе, кто в сраженьи
Вовсе несведущ, какая нужда трепетать здесь от страха?
Лгут, говоря, что твой род от Эгидодержавного Зевса.

5-635

Ибо во много, по правде, ты тем уступаешь героям,
Что от Зевеса родились при предках, в минувшее время.
Вот какова, повествуют, была сила Геракла,
Вот мой каков был отец, непреклонный, со львиной душою:
Из-за коней богоравного Лаомедона прибывши

5-640

Только с шестью кораблями и малым количеством войска,
Весь Илион он разрушил, все улицы в нем обезлюдил.
Ты же душою труслив и ведешь свое войско на гибель.
Нет, не великую, думаю, помощь, принес ты троянцам
Тем, что пришел из Ликии, будь даже ты много сильнее.

5-645

Ныне же, мной укрощенный, пройдешь ты в ворота Аида.
И, возражая, сказал Сарпедон, полководец ликийский:
"Да, Тлеподем, тот воитель священную Трою разрушил,
Но по безумью бойца богоравного Лаомедона,
Кто порицал его словом жестоким за правое дело

5-650

И не вернул лошадей, для чего тот приплыл издалека.
Ты ж, говорю я, моим длиннотенным копьем усмиренный,
Смерть от руки моей примешь сегодня и черную гибель.
Мне ты дашь славу, а душу – Аиду, чьи лошади резвы".
Так говорил Сарпедон. Той порой Тлеподем поднял руку

5-655

С ясенным древком копья. В миг единый из рук полетели
Длинные копья обоих. И в шею попал, в середину,
Вождь Сарпедон – острие роковое насквозь пролетело.
Тотчас подземная ночь окутала очи героя.
А Тлеполом в свой черед Сарпедона копьем заостренным

5-660

В левое ранил бедро. Острие, бурно тело пронзивши,
Чуть не проникло до кости, – отцом он спасен был от смерти.
И Сарпедона, подобного богу, соратники други
Вынесли прочь из сраженья. Копье угнетало героя,
В прахе влачась вслед за ним. Не заметил никто, не подумав

5-665

Древко извлечь из бедра, торопясь, чтоб скорее поднялся
Он в колесницу свою. Так они суетились тревожно.
В свой же черед Тлеполема ахейцы в прекрасных доспехах
Вынесли прочь из толпы. То узрел Одиссей богоравный,
Муж, терпеливый душой, но и в нем загорелось сердце.

5-670

И, размышляя, герой колебался в желаньях и мыслях,
Что предпринять: устремиться ль за сыном гремящего Зевса,
Или побольше ликийцев дыханья лишить, умерщвляя.
Но не назначено было судьбой Одиссею – герою
Мощного сына Зевеса убить заостренной медью.

5-675

Против ликийских дружин его дух обратила Афина.
Там умертвил он Керана, Аластера с Хромием вместе,
Галлия, также Алкандра, Притания и Ноемона.
Много б еще умертвил Одиссей богоравный ликийцев,
Если бы скоро его не узрел шлемовеющий Гектор.

5-680

Тотчас к передним бойцам он прошел, светлой медью одетый,
Ужас данайцам неся. Сарпедон был обрадован сердцем,
Видя, как он устремился и слово печальное молвил:
"Не потерпи, Приамид, чтоб в добычу данайцам остался
Здесь я лежать. Заступись, а потом пусть дыхание жизни

5-685

В городе вашем прекрасном покинет меня, коль не должно
Мне возвратиться домой, в любезную отчую землю,
Чтобы жену дорогую и малого сына утешить".
Так он сказал. Не ответил ему шлемовеющий Гектор,
Но устремился вперед, весь охвачен желанием страстным

5-690

Рать аргивян отразить и у многих исторгнуть дыханье.
А Сарпедона, подобного богу, друзья посадили
Наземь, под дубом прекрасным Эгидодержавного Зевса.
Храбрый герой Пелагон, Сарпедона товарищ любезный,
С ясенным древком копье из бедра его вынул наружу.

5-695

В нем прекратилось дыханье и мрак над глазами разлился.
Вскоре ж очнулся он вновь. Дуновенье Борейя промчалось
И оживило опять его грудь, что вздымалась тяжело.
Но перед богом Ареем и Гектором, в медь облаченным,
Не обернулись данайцы бежать к кораблям своим черным,

5-700

Так же не стали сражаться, а медленно вспять отступали,
Ибо средь войска троянцев заметили бога Арея.
Кто же был первый убит, кто последний лишен был доспехов
Гектором, сыном Приама, и медным Ареем жестоким?
Богopodobный Тевфрас и Орест, лошадей укротитель,

5-705

Славный метатель копья этолиянин Трэх, Ономаос,

Храбрый Гелен, сын Энопса и в поясе пестром Оресбий,
Кто, о сокровищах много заботясь, жил в городе Гиле,
Подле Кефисского озера; рядом же с ним обитали
Прочие все беотийцы – народ, процветавший богатством.

5-710

И увидала тогда белорукая Гера богиня,
Как аргивяне толпою в жестоком бою погибают;
Тотчас к Афине она обратилась со словом крылатым:
"Горе, могучая дочь Эгидодержавного Зевса!
Праздное дали мы слово тогда, обещав Менелаю

5-715

Что, Илион многолюдный разрушив, домой он вернется,
Если свирепствовать ныне позволим убийце Арею.
Дай же скорее и сами помыслим о грозной защите".
Молвила так. Синеокая ей покорилась Афина.
И, устремившись поспешно, богиня старейшая Гера,

5-720

Кроноса мощного дочь, снарядила коней златосбруйных.
Геба в то время кругом колесницы на ось из железа
Медных набросила два колеса. О восьми они спицах;
Обод у них золотой и нетленный; его покрывали
Медные шины, приставшие плотно и чудные видом;

5-725

Ступицы из серебра с обеих сторон закруглялись;
Кузов ремнями из золота и серебра прикреплялся,
А впереди вокруг сиденья шли вогнутых два полукружья.
Дышлом серебряным кузов кончался. К нему привязала
Геба ярмо золотое, прекрасное, также продела

5-730

Пышную сбрую, из золота всю. Подвела тогда Гера
Легких коней под ярмо – быстроногих и жаждущих брани.
Той же порой дочь Эгидодержавного Зевса Афина

Сбросила легкий покров у порога отца Олимпийца,
Пестрый, который сама она сшила, трудившись руками.

5-735

Панцирь Зевеса, сбирателя туч, она сверху надела
И облачилась в доспехи войны, причиняющей слезы.
Плечи покрыла богиня бахромистой Зевса Эгидой,
Страшной, которую ужас всегда и везде окружает:
В ней и Раздор, в ней Погоня, что кровь леденит, в ней и Сила,

5-740

В ней голова находилась Горгоны, чудовища злого,
Страшная, грозная, чудо Эгидодержавного Зевса.
После надела на голову шлем с четырьмя шишаками, –
Витязей ста городов этот шлем покрывал бы, –
И в колесницу из меди пылавшей поставила ноги.

75-745

Также копьем запаслась дочь родителя, славного силой,
Тяжким, большим, чтоб героев ряды укрощать им во гневе.
Гера коснулась бичем лошадей, и, скрипя, растворились
Сами собою ворота небес, – охраняют их Горы,
Те, чьим заботам доверен Олимп и великое небо,

5-750

Чтоб разверзать и смыкать над воротами темную тучу.
Этой дорогой послушных узде лошадей направляя,
Зевса они увидали, поодаль от прочих бессмертных
На многоверхом Олимпе, на крайней вершине сидящим
Там, удержав лошадей, белорукая Гера богиня

5-755

Так, вопрошая, сказала верховному Зевсу Крониду:
"Зевс, наш отец, ты ужели не гневен на бога Арея,
Кто, злодеянья творя, погубил столько славных ахейцев,
Несправедливо и злобно? Мне больно! Они ж беззаботно
Сердцем ликуют – Киприда и бог Аполлон сребролукий,

5-760

Сами того подстрекнувши безумца, кто правды не знает.
Зевс, наш отец! На меня ты рассердишься ль, если Арея
Прочь прогоню из сраженья, сперва поразив его тяжко?"
Ей отвечая, промолвил Зевес, облаков собиратель:
"Что ж, ополчи ты Афину, дающую в битвах добычу.

5-765

Больше привыкла она повергать его в тяжкие беды".
Молвил. Была не ослушной ему белорукая Гера.
Сильно хлестнула коней, и не против желанья помчались
Оба они меж землею и небом, звездами покрытым.
Сколько пространства вдали человек обнимает глазами,

5-770

Если сидит на скале и взирает на темное море, –
Столько скачком пролетали богинь звонконогие кони.
К Трое немедля примчались они и к обоим потокам,
К месту, где волны сливаются Скамандр и быстрый Симоис.
Тут удержала коней белорукая Гера богиня,

5-775

Из колесницы отпрягши и облаком темным окутав.
Бог же Самоис для них приготовил амброзию в пищу.
Обе богини походкой на трепетных горлиц похожи,
В битву пошли, ибо сильно желали помочь аргивянам.
И подспели туда, где храбрейшие мужи сплотились

5-780

Тесно вокруг Диомеда, коней укротителя резвых,
Видом подобные львам, пожирающим мясо сырое,
Иль кабанам разъяренным, чья мощь не легко укротима.
Став, закричала тогда белорукая Гера богиня,
Стентора образ принявши, бойца, медногласного мужа,

5-785

Кто пятьдесят голосов мог один покрывать своим криком:
"Стыд вам, аргивцы, ничтожные трусы, герои по виду!
Прежде, покуда в бою обращался Ахилл богоравный,
Трои сыны никогда вне дарданских ворот не являлись,
Ибо их сдерживал страх пред могучим копьем Ахиллеса.

5-790

Ныне ж, далеко от стен, близ глубоких судов они бьются!"
Так говоря, она в каждом отвагу и мощь возбудила.
К сыну Тидея меж тем устремилась Паллада Афина
И увидала героя вблизи от коней с колесницей.
Рану, Пандара стрелой нанесенную, там прохлаждал он.

5-795

Пот удручал Диомеда, струясь под ремнем, на котором
Щит округленный висел. Он ослаб и рука онемела,
Черную кровь утирал он, широкий ремень подымая.
И, ухватясь за ярмо колесницы, богиня сказала:
"Сына Тидей породил, на себя непохожего вовсе.

5-800

Ростом Тидей невелик был, зато ратоборец великий.
Даже в то время, когда воевать и бросаться в сраженье
Я не велела ему, – ибо он без дружины ахеян
Вестником в Фивы пришел, к многочисленным Кадма потомкам
(Я убеждала его пировать беззаботно в чертоге), –

5-805

Все ж, обладая тогда, как и прежде, отвагой могучей,
Вызвал он кадмовых юных детей, а потом в ратоборстве
Всех одолел без труда, – до того я ему помогала.
Перед тобой же я ныне стою и тебя охраняю,
И благосклонно велю, чтоб сражался ты против троянцев;

5-810

Но иль усталость от многих трудов твои члены сковала,
Иль малодушный объял тебя страх; после этого больше
Ты не потомок Тидея, Энеева храброго сына".
Ей отвечая, сказал Диомед, сын Тидея могучий:
"Знаю, богиня, тебя, дочь Эгидодержавного Зевса.

5-815

Вот отчего, не таясь, от души говорю тебе слово.
Нет, не объяли меня ни испуг малодушный, ни леность.
Но повеления помню, которые ты мне давала.
Против блаженных богов ты сама запретила сражаться,
Против всех прочих, – но если бы Зевсова дочь Афродита

5-820

В битву вмешалась, ее поразить острой медью велела.
Вот почему я и сам отступаю теперь, да и прочим
Всем повелел аргивянам здесь вместе со мною собраться.
Я увидал, что Арей управляет троянцами в битве".
И синеокая так отвечала богиня Афина:

5-825

"О, Диомед, сын Тидея, душе моей много любезный!
В деле ты этом не бойся Арея, ни также другого
В сонме бессмертных: такую тебе я помощницей буду.
Встань же и прямо держи на Арея коней быстроногих
И, поравнявшись, ударь! Путь Арей не страшит тебя бурный,

5-830

Этот неистовый бог, воплощенное зло, вероломный, –
Он, что уж некогда Гере и мне обещал, давши слово
Против троянцев сражаться, аргивским войскам помогая.
Ныне ж вращается вновь меж троянцами, тех позабывши".
Молвив, Сфенела она с колесницы столкнула,

5-835

За руку вниз совлекла: он и сам соскочил торопливо.

И в колесницу вошла, с Диомедом божественным рядом,
В бой порывалась богиня. Дубовая ось застонала
Громко под бременем страшным богини и славного мужа.
Вожжи и бич подобравши, богиня Паллада Афина

5-840

Цельнокопытных коней на Арея направила прямо.
Он обнажал той порой Перифанта, огромного ростом,
Лучшего из этолийян, Охезия славного сына.
Кровью покрытый Арей обнажал его; тотчас Афина
Шлемом Аида покрылась, чтоб стать для Арея незримой.

5-845

Лишь заприметил Арей мужегубец бойца Диомеда,
Как Перифанта, огромного ростом, лежащим оставил
Там, где его умертвил и дыханье из тела похитил,
Сам же пошел на Тидида, коней укротителя резвых.
И, наступая один на другого, сошлись они близко.

5-850

Тотчас Арей в Диомеда над конским ярмом и вожжами
Медным ударил копьем, порываясь исторгнуть дыханье.
Но, ухвативши рукой, синеокая быстро Афина
От колесницы отводит копье, устремленное тщетно.
В свой же черед Диомед, непреклонный в бою, замахнулся

5-855

Медным копьем. И Паллада Афина вонзила Арею
Медь заостренную в бок, где покрыт он был поясом, с краю;
Там его ранила метко и, нежную кожу порвавши,
Древко назад извлекла. Застонал бог Арей меднобронный,
Громко, как если б в сраженьи воскликнуло девять иль десять

5-860

Тысяч отважных мужей, приступающих к распре Арея.
Трепет объял в это время войска аргивян и троянцев,
Трепет и страх: так Арей застонал, ненасытный в сраженьях.

Как с набежавшею тучею воздух нам кажется мрачным,
В час, когда вследствие зноя поднимется ветер злотворный, –

5-865

Точно таким Диомеду, Тидееву сыну, казался
Медный Арей, уходя с облаками в пространное небо.
Быстро в жилище богов, на высокий Олимп он вознесся,
Подле Зевеса Кронида там сел, убиваясь душою,
И, указав на священную кровь, что из раны струилась,

5-870

Жалобным голосом молвил такое крылатое слово:
"Зевс, наш отец! Неужель не сердясь на злодейства зриаешь?
Вечно мы, боги, должны выносить жесточайшие муки
Из-за взаимной вражды, если людям окажем услугу.
Все на тебя негодуем: бездушную дочь произвел ты,

5-875

Нам на погибель: всегда у нее на уме злодеянья.
Ибо все прочие мы, на Олимпе живущие боги,
Воле покорны твоей, и тобой укрощаем был каждый.
Только ее никогда не смирил ты ни словом, ни делом;
Сам подстрекаешь ее, дерзновенную дочь породивши.

5-880

Ныне она Диомеда, надменного сына Тидея,
Против бессмертных богов научила свирепствовать в битве.
Прежде Киприду богиню ударил он в руку близь кисти,
После с оружием, как бог, на меня самого устремился.
Быстрые ноги меня унесли, а не то я бы долго

5-885

Муки терпел там еще, между кучами трупов ужасных,
Где я лежал бы живой, от ударов копья обессилен".
Молвил, взглянув исподлобья, Зевес, облаков собиратель:
"Рядом усевшись со мной, ты не жалуйся, бог вероломный!
Ты ненавистнейший мне из богов, на Олимпе живущих.

5-890

Вечно любезны тебе только распри, убийства да войны.
Матери нрав у тебя, необузданный и непокорный,
Геры, которую сам я с трудом укрощаю словами.
Думаю, всем этим злом ты ее же внушеньям обязан.
Все ж допустить не могу, чтобы ты еще долго томился.

5-895

Ибо твой род от меня, и ты матерью мне принесен был.
Если бы дерзким таким от другого родился ты бога,
Был бы низвергнут давно ты ниже потомков Урана".
Так произнесши, его исцелить повелел он Пеону.
Тотчас Пеон, посыпая лекарством, смягчающим боли,

5-900

Вылечил бога Арея, который не смертным родился.
Как от смоковницы сок, с молоком перемешанный белым,
Жидкость мгновенно сгущает, коль быстро вращать их, мешая:
Так исцелил он немедленно бурного бога Арея.
Геба омыла его и в прекрасное платье одела.

5-905

Радуюсь славе своей, он воссел подле Зевса Кронида.
Вскоре тогда возвратились в чертоги великого Зевса
Гера Аргивская вместе с Афиной, заступницей в битвах,
Мужеубийцу Арея прогнавши из губительной сечи.

* * *

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Прощание Гектора с Андромахой

Так предоставлен себе, грозный бой аргивян и троянцев
Вдоль по долине кипел. Разливалось сражение повсюду;
Дроты, снабженные медью, носились от войска до войска
На протяжении между потоками струй Симоиса и Ксанфа.
Сын Теламона Аякс, защита ахейского войска,

6-5

Первый фалангу троянцев прорвал и, на радость дружине,
Мужа поверг, кто храбрейшим из всех почитался фракийцев –
Сына Евсора, могучего ростом бойца Акамаса.
Поверху шлема его густогривого первый ударил,
В лоб он оружие вонзил, глубоко Акамасу проникла

6-10

В голову острая медь – и тьма его очи покрыла.
Храбрый в бою Диомед умертвил вслед за этим Аксила,
Сына Тевераса: в Арисбе благоустроенной, жил он,
Благами жизни богатый, и людям был много любезен,
Ибо он всех принимал дружелюбно, живя близь дороги.

6-15

Но из гостей не явился никто и, вперед устремившись,
Не отклонил от него мрачной смерти. От рук Диомеда
Оба погибли – он сам и соратник любезный Калезий,
Правивший в битве конями: под землю сошли оба вместе.
Дреса убив и Офелта, пошел Эвриал на Эзипа

6-20

И на Педеса: наядою нимфою Абарбареей
Были они рождены беспорочному Вуколиону.
Вуколеон же был сын знаменитого Лаомедона,
Старший по возрасту: в свет родила его мать потаенно.
С нимфою он, пастухом находясь близь овец, сочетался

6-25

И зачала, и детей родила ему нимфа.
Их то отвагу смирил и расслабил прекрасные члены
Сын Мекистея и с плеч их совлек боевые доспехи.
Той же порой Полипит, храбрый в битвах, сразил Астиала;
Медным копьем Одиссей умертвил перкозийца Пидита.

6-30

Аретаон богоравный был Гевкром убит. В то же время
Нестора сын Антилох, поразил светлым дротом Аблера,
И Агамемнон, владыка мужей, предал смерти Элата,
Жившего в горном Педасе, вблизи берегов Сатниона,
Пышно текущей реки. Был задержан героем Леитом

6-35

С поля бежавший Филак, и Мелантий убит Эврипилом.
После того Менелай, храбрый в битвах, живым взял Адраста,
Ибо адрастовы кони, долиной несясь, испугались,
Куст мирмиковый задев и кривую разбив колесницу.
Дышла конец обломали они и долиной умчались

6-40

В город, куда и другие неслись уstraшенные кони.
Сам же Адраст головою вперед с колесницы скатился,
В землю лицом, невдали от колес – и пред ним в то ж мгновенье
Царь появился Атрид, потрясая копьем длиннотенным.
И, обнимая колени, Адраст, умоляя, промолвил:

6-45

Жизнь подари мне, Атрид, и достойный получишь ты выкуп.
Много сокровищ лежит у богатых родителей дома:
Золота много и меди, чеканного много железа;
Выкуп бесценный отец от всего тебе даст добровольно,
Если узнает, что жив на ахейских судах обретаюсь".

6-50

Так он Атриду промолвил и сердце в груди его тронул.
И Менелай уж хотел поручить одному из дружины
К быстрым судам отвести его – вдруг Агамемнон
Встал перед ним, подбежавши, и так укоризненно молвил:
"Трус Менелай! Что так нежно заботишься ты о троянцах?"

6-55

Благо великое что ль приключилось от них в твоём доме?
Пусть ни единый из них не избегнет погибели мрачной!
Все да погибнут от нашей руки. И младенец утробный
В лоне у матери – пусть не спасется и этот! Все вместе
Вне Илиона да сгинут они без следа, без могилы!"

6-60

Так говоря, изменил Агамемнон намеренье брата,
Ибо сказал ему должное. Тотчас героя Адраста
Прочь оттолкнул Менелай, и владыка мужей Агамемнон
В пах его ранил и навзничь во прах опрокинул и, вставши
Тяжкой пятою на грудь, вырвал ясенный дрот свой обратно.

6-65

Нестор меж тем побуждал аргивян, говоря громогласно:
"Други Данайцы! Герои! Служители бога Арея!
Вы на добычу теперь не кидайтесь никто и от прочих
Не отставайте! К судам, взявши много вещей, не спешите!
Но убивайте мужей. Мы успеем потом на досуге

6-70

С трупов недвижных совлечь боевые доспехи в долине".
Так он промолвил, во всех возбуждая отвагу и силу.
Тут бы троянская рать, пораженная слабостью духа,
Бросилась вверх в Илион от данайцев, любимых Ареем,
Если б Гелен, сын Приама, из птицегадателей первый,

6-75

Не обратился к Энею и Гектору с речью такою:
"Гектор! Эней! Больше всех о троянских мужах и ликийских
Должно заботиться вам – ибо вы в предприятии каждом
Лучше других и отвагою ратной, и мудрым советом.
Здесь становитесь и, стены кругом обходя, удержите

6-80

Перед воротами войско; не то, обратившись в бегство,

К женам в объятья они устрелятся, врагам на потеху.
После ж того, как вдвоем все фаланги побудите к битве,
Мы с аргивянами, здесь оставаясь, продолжим сражаться,
Хоть и устали весьма, – но к тому нас нужда приневолит.

6-85

Ты же, о, Гектор, отправишься в город и, в дом наш пришедши
Матери скажешь моей и твоей, чтобы женщин почтенных
В храм синееокой Афины, в Акрополь, она пригласила.
Пусть она выберет прежде в чертоге своем покрывало,
То, что покажется ей всех дороже, красивей и больше,

6-90

И, откнувши ключом от священной обители двери,
Сложит его на колени прекрасноволосой Афины.
Также пускай даст богине обет принести ей во храме
В жертву двенадцать бычков годовалых, с ярмом незнакомых,
Если наш город и жен, и младенцев она пожалеет,

6-95

Если от Трои священной теперь отразит Диомеда,
Дикого воина, грозного силой, виновника страха.
Ибо скажу, изо всех аргивян он безмерно сильнейший:
Не трепетали мы так пред владыкой мужей Ахиллесом,
Хоть, говорят, он богиней рожден. Но и этот не меньшим

6-100

Гневом объят, и никто с ним по силе теперь не сравнится".
Так он промолвил, и Гектор в то время послушался брата.
Тотчас в доспехах войны с колесницы он спрыгнул,
Острым копьём потрясая, потом обошел все фаланги
И побуждая троянцев к войне, вызвал грозную сечу.

6-105

Вновь обратившись к врагам, они встретили войско ахейцев,
И аргивяне назад отступили, резню прекращая.
Им показалось, что с звездных небес кто-нибудь из бессмертных

В помощь к троянцам слетел: так отважно они обернулись.
Гектор меж тем громогласно взывал, ободряя троянцев:

6-110

"Храбрые воины Трои, союзников славное войско,
Будьте мужами, друзья, помышляйте о бранной отваге.
Я же иду в Илион и скажу там старейшинам Трои,
Мудрым советникам города, также скажу нашим женам,
Пусть умоляют богов, обещав принести гекатомбы".

6-115

Так говоря, к Илиону пошел шлемовеющий Гектор.
И об затылок его и пяты билась черная кожа,
Ровной каймой окружавшая выпуклый щит Приамида.
Тою порой сын Тидея и Главк, Гипполохом рожденный,
Вышли в средину меж войск, порываясь друг с другом сразиться

6-120

И, наступая один на другого, сошлись они близко.
Первый тогда Диомед, среди боя отважный, промолвил:
"Кто ты, поведай, о, воин бесстрашный? Кто либо из смертных?
Раньше тебя я не видел в бою, прославляющем мужа;
Ныне же ты всех других далеко превзошел по отваге,

6-125

Ибо копьё моего длиннотенного смел дожидаться.
Горе отцам тех мужей, кто с моим повстречается гневом.
Если же ты кто-нибудь из бессмертных, спустившийся с неба,
Знай: с небожителем богом я в битву вступать не намерен.
Прожил недолгую жизнь могучий Ликург, сын Дриаса,

6-130

Он, кто бороться дерзал с богами, живущими в небе.
Некогда он разогнал воспитательниц буйного Вакха
По Низеону, священной горе. И они побросали
Тирсы на землю, бичуемы мужеубийцей Ликургом.
Вакх, убоясь, погрузился в морскую пучину,

6-135

Где уstraшенного бога Фетида в объятых укрыла,
Ибо он сильно дрожал, испугавшись угроз человека.
И рассердились на мужа легко живущие боги.
Зевс его сделал слепым, и недолго на свете он прожил,
Ибо он стал с этих пор всем бессмертным богам ненавистен.

6-140

Вот отчего не хочу я с богами блаженными биться.
Если же смертный ты муж и земные плоды поедает,
Ближе ступай, чтоб скорей угодил ты к гибели в сети".
И, отвечая, промолвил блистательный сын Гипполоха:
"Что о рожденьи моем вопрошаешь, сын храбрый Тидея!

6-145

Также как листья в лесу нарождаются смертные люди.
Ветер на землю срывает одни, между тем как другие
Лес, зеленея, приносит, едва лишь весна возвратится.
Так поколенья людей: эти живы, а те исчезают.
Если же хочешь, поведаю все, и да станет известным

6-150

Род наш тебе, как уж многим известен он людям доньше.
В Аргосе дальнем, богатом конями, есть город Эфира.
Жил там Сизиф, из людей самый хитрый, – Сизиф, сын Эола.
Сына родил он на свет, и название дал ему Главка.
Беллерофонт беспорочный у этого Главка родился,

6-155

Боги его красотой одарили и силой отрадной.
Только недоброе против него в своем сердце замыслил
Прет: из народа его он изгнал, – он, могуществом первый
Между аргивцев, под скипетр его подчиненных Зевесом.
Ибо Антея, с богинями равная Прета супруга,

6-160

Жаждала с Беллерофоонтом смешаться в любви потаенной,
Но соблазнить не могла: у него было доброе в мыслях.
С речью обманной тогда она к Прету царю обратилась
"Прет! Иль умри, иль убей ненавистного Беллерофонта:
Тайно желал он в любви сочетаться со мной, не желавшей".

6-165

Так она молвила; царь, как услышал, почувствовал ярость,
Но воздержался его умертвить, убоявшись душою.
Только в Ликию послал и недобрые дал ему знаки:
Много зловещих писем на дощечке складной начертал он
И на погибель его приказал передать ее тестю.

6-170

Тот и отправился в путь, под охраной богов непреложной.
Вскоре в Ликию пришел, к берегам светлоструйного Ксанфа,
Где дружелюбно был принят владыкой обширной Ликийи
Девять заклали быков, девять дней угощение длилось.
И на десятый лишь день, с появленьем зари розоперстой,

6-175

Царь стал расспрашивать гостя, нельзя ль ему знаки увидеть,
Все, что с собою принес он от Прета царя, его тестя.
И, получивши от гостя зловещее тестя посланье,
Прежде всего умертвить ему дал приказанье Химеру
Неодолимую, ведшую род от богов, не от смертных,

6-180

Спереди львицу, козу посредине, а сзади дракона, –
С гневною силой из уст изрыгавшую яркое пламя.
И умертвил он ее, полагаясь на знаменья неба.
После того победил он в бою знаменитых солимов:
То, говорил он, была в его жизни сильнейшая битва.

6-185

В-третьих, затем, умертвил он подобных мужам амазонок.
Царь, на возвратном пути его, новую хитрость устроил:
Воинов лучших по всей обширной Ликии избравши,
Царь поместил их в засаде; домой уж они не вернулись:
Всех умертвил до последнего Беллерофонт беспорочный.

6-190

Царь, наконец, в нем узнал благородную отрасль бессмертных,
В доме своем удержал и дочь свою дал ему в жены
И половину ему предоставил всех почестей царских.
Также участок земли и садами, и пашней богатый,
Большой, чем прочим, ему отвели во владенье ликийцы.

6-195

Трое детей родилось у могучего Беллерофонта:
Старший Изандр, затем Гипполох, также Лаодамия.
С Лаодамией в любви сочетался Зевес Промыслитель.
Равный богам Сарпедон меднобронный родился от Зевса.
Беллерофонт между тем стал бессмертным богам ненавистен.

6-200

И, одиноко живя, по Алейской долине скитался,
Скорбью снедаем в душе, избегая следов человека.
Сына его умертвил бог Арей, ненасытный в сраженьи,
Сына Изандра, вступившего в бой против славных солимов.
Дочь Артемида убила, кто правит златыми вожжами.

6-205

Я же рожден Гипполохом. Его я отцом называю.
В Трою меня он послал и великое дал наставленье:
Первенства всюду искать, возвышаться над всеми другими,
Рода отцов не бесчестить, по воинской доблести первых
Из обитавших в Эфире, а также в обширной Ликии.

6-210

Вот я рожденьем каков, вот какую горжусь родословной".

Так он сказал. Диомед, храбрый в битвах, почувствовал радость.
Рядом копье боевое воткнул он в кормилицу землю,
С речью медовой потом обратился к владыке народов:
"Истинно ты по отцу мне старинным приходишься гостем.

6-215

Встарь богоравный Эней угощал в своих царских чертогах,
На двадцать дней удержав, беспорочного Беллерофонта.
Оба друг другу они знаменитые дали гостинцы:
Пояс Эней подарил, изукрашенный пурпуром ярким.
Беллерофонт подарил двусторонний из золота кубок.

6-220

В доме своем я, сюда отправляясь, тот кубок оставил.
Я не припомню Тидея: младенцем меня он покинул
В городе Фивах в то время, как войско ахеев там гибло.
Вот почему я тебя угощать в Арголиде обязан,
Ты же в Ликии меня, если в эту страну я прибуду.

6-225

Здесь же в толпе избегать постараемся копий друг друга.
Мне остается немало троянских мужей и союзных,
Чтоб убивать, если бог их предаст и ногами настигну;
Столько ж ахеев тебе остается убить, если сможешь;
Дай поменяться оружием; пусть знают и те и другие,

6-230

Что по отцам называться гостями гордимся мы оба".
Так говоря меж собою, они с лошадей соскочили,
За руки взялись потом, обещая взаимную верность.
Разум в то время похитил Зевес Олимпиец у Главка,
Ибо оружием своим поменялся он с сыном Тидея,

6-235

Дал золотое и медное взял, сто быков дал за девять.
К Скейским воротам и к дубу в то время приблизился Гектор.
Жены троянцев и дочери вокруг Приамида бежали

И вопрошали о детях, о братьях, родных и супругах.
Он повелел им, немедля всем вместе собравшись, молиться

6-240

Вечным богам – оттого что над многими горе нависло.
Вскоре затем подошел он к прекрасному дому Приама,
К портикам, тесаным гладко. За ними же в самом чертоге
Шли пятьдесят, из блестящего мрамора, спальных покоев.
В этих покоях, один от другого построенных близко,

6-245

Подле законных супруг сыновья почивали Приама.
Для дочерей же с другой стороны во дворе находилось
Комнат двенадцать из гладкого мрамора, сверху покрытых.
В этих покоях, один от другого построенных близко,
Подле стыдливых супруг зятя почивали Приама.

6-250

Гектора добрая мать шла навстречу ему. К Лаодике,
Самой прекрасной из всех дочерей, она путь направляла.
За руки Гектора взяв, она слово такое сказала:
"Сын мой, зачем ты пришел и покинул жестокую битву?
Сильно вас, видно, теснят ненавистные дети ахейн

6-255

Битвой вкруг стен Илиона, – и сердце тебя побудило
В город войти, чтоб воздеть из Акрополя руки к Зевесу.
Но подожди, принесу я вина, – точно мед оно сладко;
Раньше Зевесу отцу и всем прочим богам возлиянье
Ты совершишь, а затем и сам насладишься, отведав,

6-260

Ибо вино укрепляет отвагу уставшего мужа,
Если устал он, как ты, защищая товарищей в битве".
Ей отвечая, сказал шлемовеющий Гектор великий:
"Нет, о, почтенная мать! Не давай мне вина, чтобы вовсе
Не обессилел я вдруг, не забыл про отвагу и крепость.

6-265

Так же Зевсу боюсь возлиянье свершить: неумыты
Руки мои. А тому, кто и кровью покрыт и землю,
Тучегонителю Зевсу молиться отнюдь не пристойно.
Ты же возьми благовонья и, женщин почтенных собравши,
В храм отправляйтесь к Афине, дающей в сраженьях добычу.

6-270

Также возьми покрывало, какое отыщешь в чертоге
Шире других и пышней, и дороже тебе между всеми
И положи на колени прекрасноволосой Афине.
Тут же обет соверши пред богиней предать ей во храме
В жертву двенадцать быков, годовалых, с ярмом незнакомых,

6-275

Если наш город и жен, и младенцев она пожалеет,
Если от Трои священной теперь отразит Диомеда,
Воина дикого, грозного силой, виновника страха.
Так отправляйся к Афине, дающей в сраженьях добычу,
Я же к Парису пойду и его призову, коль захочет

6-280

Слушаться слова. О, если б земля перед ним расступилась!
Ибо его воспитал Олимпиец на горе большое
Гражданам Трои, Приаму царю и всем детям Приама.
Если б я видел его нисходящим в обитель Аида,
Я бы поверил, что дух мой о бедствиях тяжких забудет".

6-285

Так он сказал. И вернулась в дворец его мать и служанкам
Тотчас велела созвать всех по городу женщин почтенных.
Той же порою сама возвратилась в покой благовонный,
Где покрывала, узорами тканые, вместе лежали,
Жен сидонийских работа, которых Парис богоравный

6-290

Сам из Сидона привел, переплыв чрез широкое море,
Тем же путем, как Елену – жену, знаменитую родом.
Там покрывало одно в дар Афине избрала Гекуба;
Было оно по шитью всех красивей и больше размером,
Яркой горело звездой и лежало последним под всеми.

6-295

Из дому вышла она – и толпою за нею все жены.
Вскоре достигли они средь Акрополя храма Афины.
Двери им в храм отомкнула прекрасная видом Феана,
Дочь копьеносца Кисея, жена Антенора возницы;
Женщину эту троянцы поставили жрицей Афины.

6-300

С плачем все жены троянские руки воздели к богине,
А милovidная жрица Феана взяла покрывало,
Чтоб положить на колени Афине прекрасноволосой;
Зевса великого дочь призывала она, умоляя:
"Дивная в сонме богинь, о, защитница нашей твердыни,

6-305

Меч Диомеда сломай, Афина почтенная! Сделай,
Чтобы у Скейских ворот сам он в землю лицом повалился.
Тотчас двенадцать быков годовалых, с ярмом незнакомых,
В жертву тебе принесем здесь во храме твоём, если город,
Если троянских супруг, если малых детей пожалеешь".

6-310

Так призывала она, но Паллада Афина не вняла.
Так умоляли они дочь великого Зевса Кронида.
Гектор пошел между тем к Александру в чертог пышнозданный,
Им возведенный самим, но ему помогали другие
Лучшие мужи строители, жившие в Трое богатой.

6-315

Спальный покой возвели они, также чертог и ограду
Подле жилища Приама и Гектора в городе верхнем.
К этому дому направился Гектор, возлюбленный Зевсом.
Нес он в одиннадцать локтей копье, и сверкала на древке
Острая медь на конце, а кругом шло кольцо золотое.

6-320

Гектор Париса в чертоге застал разбиравшим доспехи
Пышные: щит он рассматривал, панцирь и луки кривые.
Тут же среди женщин-рабынь аргивянка Елена сидела
И надзирала, как те исполняли искусно работы.
Гектор, взглянув на него, стал корить его бранною речью:

6-325

"О, злополучный! В душе своей гнев ты питаешь некстати.
Гибнут войска, вокруг стены и высокой твердыни сражаясь,
А загорелась война и шум битвы раздался под Троей
Ради тебя – и ты сам укорял бы другого наверно,
Если б увидел кого покидающим грустную битву.

6-330

Встань же; быть может, наш город среди пламени скоро погибнет"
И, отвечая, ему Александр боговидный промолвил:
"Гектор! За то, что меня укорял ты не больше, чем должно,
Я отвечаю тебе. Ты ж внимателен будь и послушай.
Нет, не сядь на троянцев и не из желания мести

6-335

В спальном покое сию. Лишь печали хотел я предаться.
Но, убеждая меня своей ласковой речью, супруга
В бой посылает опять. И я сам полагаю, что лучше
В битву идти: переменчива к мужу бывает победа.
Ты подожди здесь, пока облекусь я в доспехи Арея.

6-340

Или ступай, за тобой я пойду и надеюсь настигнуть".

Молвил он так. Ничего не сказал шлемовеющий Гектор.
С речью медовой к нему обратилась в то время Елена:
"Деверь любезный! О, деверь бесстыдной жены и зловредной!
Пусть бы в тот день, как на свет меня только что мать породила,

6-345

Ветра жестокий порыв налетел и унес меня в горы,
Или понес по волнам в даль широко шумящего моря.
Волны б умчали меня, перед тем как все беды случились.
Но уже если послать эти бедствия боги решили,
Пусть хоть была б я супругою более храброго мужа,

6-350

Мужа, кто б чувствовать мог оскорбленья людей и укоры.
Этот же духом теперь не силен, да таким же наверно
Будет и впредь; он, надеюсь, плоды своей слабости вкусит.
Но посети нас покуда. Присядь на седалище это,
Деверь мой, ты, кто душой чаще прочих изведаль усталость

6-355

Из-за меня же бесстыдницы, из-за вины Александра,
Все из-за нас, кого Зевс осудил на печальную участь –
В песнях расславленным быть и среди поколений грядущих".
И отвечал ей тогда шлемовеющий Гектор великий:
"Нет, и любя, не проси, чтобы сел я: меня не упросишь.

6-360

Сердце зовет уж меня, чтоб спешил я троянцам на помощь.
Сильно, должно быть, они обо мне, отлучившемся тужат.
Ты же его побуди, да и сам пусть торопится также;
Пусть он догонит меня, когда снова вне города буду.
В дом свой теперь я иду, чтобы там повидать домочадцев,

6-365

Также супругу свою дорогую и малого сына.
Ибо не знаю, приду ль к ним еще раз обратно из битвы,
Иль укротят меня боги под острым оружием данайцев".

Так говоря ей в ответ, отошел шлемовеющий Гектор.
Вскоре за этим вступил он в покои с красивым убранством.

6-370

Но не застал во дворце белокурой жены Андрوماхи.
С милым ребенком она и прекрасно одетой служанкой
Вместе на башню взойдя, там стояла, стеная и плача.
И не заставши в дворце беспорочной жены своей, Гектор
Стал у порога и так, вопрошая, промолвил служанкам:

6-375

"Слушайте, слуги мои и в ответ мне поведайте правду:
Вы мне скажите, куда Андрوماха пошла из чертога?
В дом ли золовок своих иль невесток прекрасно одетых,
В храм ли Афины пошла, где теперь и другие троянки?
Милости просят у грозной прекрасноволосой богини?"

6-380

И отвечала ему домовитая ключница тотчас:
"Если велишь мне, о, Гектор, чтоб правду тебе я сказала,
Знай: не к золовкам она, не к невесткам прекрасно одетым,
Также пошла не во храм, где теперь и другие троянки
Милости просят у грозной прекрасноволосой богини."

6-385

Но к Илионской пошла она башне высокой, узнавши,
Что погибают троянцы, что сила ахейцев громадна.
По направлению к твердыне она, уподобясь безумной,
Быстро помчалась. Кормилица вслед понесла и ребенка".
Так она молвила. Гектор тогда из дворца устремился

6-390

Тем же путем, как пришел, среди красиво обстроенных улиц.
Только что, город пройдя, он приблизился к Скейским воротам –
Ибо чрез них проходить надлежало, чтоб выйти в долину, –
Тотчас навстречу к нему прибежала жена Андрوماха,
Дочь Этиона – царя, одаренная щедрым приданым,

6-395

Дочь Этиона, кто жил подо Плаком, горою лесистой,
В Фивах Плакийских и правил народом мужей киликийцев.
Дочь-то его и взята меднопанцирным Гектором в жены.
Вскоре она подошла, и прислужница шла вместе с нею,
Нежное к сердцу прижавши дитя, еще вовсе малютку –

6-400

Гектора сына-любимца, что яркой звезде был подобен.
Имя Скамандрия дал ему Гектор, но Астианаксом
Звали другие, за то, что лишь Гектор защитник был Трои.
Он улыбался теперь, на младенца безмолвно взирая.
Но Андромаха в то время приблизилась, льющая слезы,

6-405

За руку мужа взяла и такое промолвила слово:
"О, дорогой! Твоя храбрость погубит тебя. И не жалко
Малого сына тебе, ни меня, горемычной, кто скоро
Станет вдовою твоей, ибо скоро ахейские мужи
Все на тебя нападут и убьют. А тебя потерявши,

6-410

Лучше мне в землю сойти. Не будет мне радостей больше,
Если ты смерти навстречу пойдешь. Впереди ожидает
Только печаль. Нет отца у меня, нет и материм милой.
Первым отца моего умертвил Ахиллес богоравный,
В день, когда взял в Киликии высоковоротные Фивы,

6-415

Город прекрасный разрушив. Но он, хоть убил Этиона,
Все же доспехов не снял, оттого что в душе убоялся.
Вместе с оружием светлым его он сожжению предал,
Сверху ж могилу насыпал. И вязы кругом посадили
Горные нимфы, Эгидодержавного дочери Зевса.

6-420

Семеро братьев родных оставалось со мною в чертоге.
Все в один день отошли они вместе в обитель Аида,
Всех умертвил их герой богоравный Ахилл сын Пелея.
Пасших стада криворогих быков и овец белорунных.
Мать же мою, что в стране у лесистого Плака царила,

6-425

Ту он сначала под Трою привел среди прочей добычи,
Вскоре ж ее отпустил, получивши бесчисленный выкуп.
В отческом доме стрелой Артемида ее поразила.
Гектор, теперь для меня ты отец, ты и мать дорогая,
Ты мой единственный брат и ты же супруг мой цветущий.

6-430

Сжался над нами сегодня, останься на башне высокой,
Чтобы его сиротой, а меня не покинуть вдовою.
Войско меж тем размести невдали от смоковницы дикой,
Там где доступнее город, где легче на стену взобраться.
Трижды на приступ уже покушались храбрейшие мужи

6-435

Под предводительством Идоменея, обоих Аяксов,
И богоравных Атридов, и мощного сына Тидея.
Вещий какой прорицатель, быть может, открыл им то место,
Или же собственный дух устремил их туда и направил".
И отвечал ей на то шлемовеющий Гектор великий:

6-440

"Сам я, жена, этим всем озабочен. Но страшно б стыдился
Я благородных троян и троянок, влачащих одежды,
Если бы здесь вдалеке, точно трус, уклонялся от битвы.
Да и противится сердце мое, оттого что приучен
Доблестным быть я всегда и сражаться средь первых троянцев,

6-445

Громкую славу отца, также славу свою соблюдая.
Знаю в душе хорошо и предчувствую сам это сердцем:
Будет когда-либо день, и погибнет священная Троя,
Вместе погибнет Приам и народ копьеносца Приама.
Но не страшат меня столько страдания прочих троянцев,

6-450

Даже Гекубы самой и отца скиptronосца Приама,
Бедствия братьев родных, что большою толпой и отважной
Все же полягут во прах под руками мужей супостатов, –
Сколько твои, Андромаха. В тот день меднобронный ахеец,
Льющую слезы, тебя уведет и похитит свободу.

6-455

Будешь ты в Аргосе ткать, под надзором жены чужеземной,
Будешь там воду носить из Мессеиса иль Гипереи,
Нехотя сильно, но все же нужда роковая заставит.
Скажет тогда кто-нибудь, увидав тебя, льющую слезы:
Гектора это жена, кто из храбрых наездников Трои

6-460

Первым в сраженьях бывал, когда бились вокруг стен Илиона.
Скажет он так. Для тебя же то будет страданием новым
Вспомнить о муже, кто мог бы тебя от неволи избавить.
Пусть же я раньше умру и могильной покроюсь землею,
Чем я услышу твой плач и твое похищенье увижу".

6-465

Молвив, блистательный Гектор к ребенку простер свои руки.
С криком дитя отвернулось к кормилице, пышно одетой,
К сердцу прижалось, испугано видом отца дорогого.
Меди оно устршилось и гребня из гривы косматой,
Что колебался так грозно повыше блестящего шлема.

6-470

И улыбнулись почтенная мать и любезный родитель.

Шлем с головы своей снял блистательный Гектор великий,
Ярко сверкавшую медь положил он на землю поспешно,
Милое обнял дитя, на руках покачал и, поднявши,
Молвил, взывая с молитвой к Зевесу и прочим бессмертным:

6-475

"Зевс и вы, прочие боги! О, дайте, чтоб сын мой любезный
Сделался мужем, как я: наилучшим среди войска троянцев;
Дайте, чтоб силой был славен и силой царил в Илионе.
Пусть говорят про него, когда будет с войны возвращаться:
"Многим он лучше отца". Пусть доспехи, залитые кровью,

6-480

Снимет с врага и приносит и радуется матери сердце".
Молвив, дитя возвращает он на руки милой супруге.
Сына взяла Андромаха, прижала к груди благовоной
И улыбнулась сквозь слезы. И сжалился Гектор над нею,
Нежно погладил рукой и такое промолвил ей слово:

6-485

"Милая, в сердце своем обо мне не печалься так много.
Против судьбы человек не пошлет меня в область Аида,
А от судьбы, полагаю, никто из людей не спасется,
Ни боязливый, ни храбрый, коль скоро на свет он родился.
Лучше, вернувшись домой, ты займись-ка там собственным делом,

6-490

Прялкой и ткацким станком – и блюди, чтоб служанки свершали
Точно работы свои. О войне ж позаботятся мужи,
Все, кто живет в Илионе, а я – наиболее прочих".
Так произнеши, блистательный Гектор свой шлем густогривый
Поднял с земли, а жена дорогая направилась к дому,

6-495

Все озираясь назад, проливая обильные слезы.
Вскоре вернулась в чертог, знаменитый богатым убранством,
Гектора мужеубийцы, где встретила много служанок.

И подняла Андромаха меж ними меж всеми рыданье.
Так еще заживо Гектор в своем был оплакан чертоге,

6-500

Ибо не ждали они, что домой он вернется обратно
С поля сраженья, избегнув отваги и силы ахеян.
Не оставался меж тем и Парис в своем доме высоком.
Но, облачившись в доспехи войны, испещренные медью,
Быстро прошел через город, ногам доверяясь проворным.

6-505

Как застоявшийся конь, что ячменем из яслей раскормлен,
Привязь порвавши, бежит и копытами бьет по долине,
Мчится к реке светлоструйной, где вольный привык он купаться;
Силой гордясь, высоко подымает он голову, грива
Вьется с обеих сторон вокруг плеч, и, доверившись мощи,

6-510

Быстро несут его ноги к знакомым тем пастбищам конским:
Так и Парис Приамид, весь блистая оружием, как солнце,
Радости полный, спускался с высокой твердыни Пергама.
Быстро несли его легкие ноги. И вскоре настиг он
Богopodobного брата, едва лишь тот место оставил,

6-515

Где незадолго пред этим беседовал с милой супругой.
Первый к нему обратился тогда Александр боговидный:
"Милый! Тебя задержал я, меж тем как торопишься сильно.
Медля, не в пору пришел я урочную, как повелел ты".
И, отвечая ему, так сказал шлемовеющий Гектор:

6-520

"Брат мой! Ничтожным тебя никто из людей справедливых
В деле войны не сочтет, оттого что ты сердцем отважен,
Но добровольно ты медлишь, трудиться не хочешь. Во мне же
Сердце болит, если слышу тебе от троянцев укоры,
Ибо усталости много они за тебя претерпели.

6-525

Только теперь поспешим. Мы все это загладим и после,
Если Зевес нам позволит, на память о дне избавленья,
Чашу поставить в чертогах богам небожителям вечным,
Если от Трои прогоним ахейн в прекрасных доспехах".

* * *

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ Единоборство Гектора с Аяксом

Так говоря, из ворот устремился блистательный Гектор
Вместе с ним шел его брат Александр, и в душе своей оба
Сильным горели желаньем они воевать и сражаться.
Точно как если б Зевес ниспослал мореходцам желанный
Ветер попутный, когда уж они по волнам утомились

7-5

Гладкими веслами бить и усталость их члены сковала:
Так и троянским войскам показались желанными оба.
Вскоре Парис умерщвляет Менесфия, сына владыки
Ареифоя, рожденного в Арне от палиценосца
Ариефоя царя с волоокою Филомедузой.

7-10

Гектор затем поразил Эонея копьем заостренным
В шею, под медным загибом от шлема, и тело расслабил.
Главк же, дитя Гипполоха, ликийских мужей предводитель,
Дротом ударил в плечо Ифиноя, бойца Декеада,
В схватке жестокой, когда Ифиной на коней устремился.

7-15

Наземь он пал с колесницы, и члены его ослабели.
Тут синеокая их увидала богиня Паллада –
Войско ахейских мужей, погибавших в сражении грозном.
Тотчас спустилась она с Олимпийских высот, и помчалась
К Трое священной. И к ней Аполлон спешает навстречу.

7-20

С выси Пергамской спускаясь: троянцам желал он победу.
Оба, навстречу ступая, сошлись они вместе у дуба.
Царь Аполлон, сын Зевеса, к ней первый тогда обратился:
"Так порываясь, зачем, о, дитя всемогущего Зевса,
Мчишься с Олимпа, каким побуждаема сильным желаньем?"

7-25

Или на сторону греков изменчивый жребий победы
Хочешь склонить? Никогда не жалеешь ты гибнущих троян.
Только послушай меня, ибо так будет лучше гораздо.
Дай прекратим на сегодня войну и неистовства битвы.
После пускай они снова воюют, пока не добьются

7-30

Гибели стен Илионских, уж если вы так порешили,
Вечно живущие боги, чтоб этот разрушен был город".
И синеокая молвила слово богиня Паллада:
"Так, Дальновержец, да будет. Сама размышляя о том же,
Я ниспускалась с Олимпа к троянским войскам и ахейским.

7-35

Только поведай мне, как прекратить собираешься битву?"
И, отвечая, промолвил ей царь Аполлон, сын Зевеса:
"В Гекторе, славном вознице, великую храбрость пробудим.
Сделает вызов, быть может, тогда он данайским героям,
Не пожелает ли кто с ним один на один состязаться.

7-40

И, негодуя, быть может, ахеяне в медных доспехах
С Гектором богоподобным кого-либо вышлют сразиться".
Так он сказал. Синеокая с ним согласилась Афина.
Сын же любезный Приама, Гелен, угадал в своем сердце
Волю богов и все то, что угодно им было замыслить.

7-45

Он перед Гектором стал, подошедши, и слово промолвил:
"Гектор, Приама дитя, по мудрости равный Зевесу!
Ныне послушай меня, ибо братом тебе прихожусь я.
Ты повели, чтобы сели троянцы и все аргивяне.
Сам же из войска ахейцев храбрейшего вызови мужа,

7-50

Против тебя пусть один он сразится жестокою битвой.
Ныне тебе не судьба умереть и достигнуть кончины.
Голос о том я услышал богов, существующих вечно".
Так он сказал, и с великою радостью внял ему Гектор.
Выйдя вперед среди войск, удержал он фаланги троянцев,

7-55

Взявши копье посредине, и все они тотчас уселись.
Также Атрид Агамемнон ахейцам в прекрасных доспехах
Сесть повелел. И Афина, а с ней Аполлон сребролукий
Сели на дубе высоком Эгидодержавного бога,
Зевса отца, уподобясь по виду двум коршунам хищным,

7-60

Зрелищем войск наслаждаясь. Густые ряды их сидели,
Медью щитов округленных и копий, и шлемов щетинясь.
Точно как зыбь, что над морем струится, когда лишь недавно
Западный ветер поднялся, и волны от зыби темнеют, –
Так волновались в долине фаланги сидевших троянцев

7-65

И аргивян. Приамид между ними поднялся и молвил:
"Слушайте, Трои сыны и ахейцы в прекрасных доспехах!
Ныне я слово скажу вам, как сердце в груди повелело.
Клятвам союза свершиться верховный Кронид не позволил.
Он, замышляя несчастья, обоим войскам предназначил

7-70

Биться, покуда или наш крепкобашенный город возьмете,
Или погибнете сами вблизи кораблей мореходных,
Ибо собрались у вас все храбрейшие мужи Ахеи.
Ныне же тот, кого сердце со мной побуждает сражаться,
Пусть выступает вперед и с божественным Гектором бьется.

7-75

Так предложу я, и Зевс да свидетелем будет пред нами:
Если меня он убьет заостренною медью, доспехи
Пусть он с меня совлечет и к судам отнесет мореходным,
Труп же он должен вернуть, чтоб троянцы и жены троянцев
Дома, когда я умру, мое тело огню приобщили.

7-80

Если ж его я убью – Аполлон пусть дарует мне славу –
Снявши доспехи с него, в Илион отнесу я священный,
В храме повешу их там Аполлона царя Дальновержца.
Прах же отдам отнести к многогребным судам я ахейским,
Чтобы его погребли пышнокудрые дети Ахеян,

7-85

Чтобы насыпали холм перед Геллеспонтом обширным.
Скажет тогда кто-нибудь из людей в поколениях грядущих,
На многовесельном судне по черному плавая понту:
– Вот надмогильный курган умершего древле героя.
Некогда, полного силы, убил его Гектор блестящий. –

7-90

Скажет он это, и слава моя никогда не погибнет".
Так он промолвил и все сохраняли молчанье, внимая,
Ибо стыдились отвергнуть, принять же боялись тот вызов.
Быстро поднялся тогда Менелай и промолвил им слово,
Всех упрекая обидно и сердце в нем тяжело стеноло:

7-95

"Горе! Хвастливое племя, ахеянки вы, не ахейцы!

Ныне поистине будет страшнейшим для нас посрамленьем,
Если никто из данайцев не выступит с Гектором биться.
Лучше б совсем вы пропали, развеялись прахом и паром,
Вы, кто сидите здесь вместе, без сердца в груди и без славы!

7-100

Сам я оружие беру против Гектора. В небе высоком
Жребий сокрыт у богов, существующих вечно".
Так говоря, он облекся в доспехи прекрасные брани.
Тут бы тебе Менелай, под могучей рукой Приаида,
Жизни конец подоспел – так как был он гораздо сильнее,

7-105

Если б вожди аргивян не сдержали тебя, устремившись,
Если б тебя Агамемнон, владыка с обширной властью,
Не взял за правую руку и слова тебе не промолвил:
"Что, Менелай, ты безумствуешь, Зевса питомец? Безумьем
Ты не поможешь себе. Воздержись, хоть печалишься сердцем.

7-110

С мужем, сильнейшим тебя, сгоряча не желай состязаться,
С Гектором, сыном Приама: его и другие страшатся.
Сам Ахиллес – а тебя он гораздо отважней душою –
С ним трепетал повстречаться в жестоком бою мужегубном.
Но повинуйся и сядь, удалившись к отрядам дружины.

7-115

Вышлют другого бойца против Гектора дети ахеян.
Как Приамид ни бесстрашен и как ни желает сражаться,
Все же он с радостью, верю, колени согнет, коль вернется
Ныне из губительной битвы, опасности страшной избегнув".
Так говоря, убедил Менелая герой Агамемнон,

7-120

Ибо советовал должное. Тот покорился. И тотчас
С плеч Менелая доспехи служители радостно сняли.
Нестор поднялся тогда средь ахейцев и слово промолвил:

"Горе! Великая скорбь, зная постигла ахейскую землю!
То-то бы старец наездник Пелей застонал теперь громко,

7-125

Мудрый советник дружин мирмидонских и славный вития,
Если б услышал, что все перед Гектором ныне трепещут,
Все аргиевны, чей род и потомство он, радуясь сердцем,
Некогда в доме своем узнавал от меня, вопрошая.
Руки к бессмертным богам он верно воздел, умоляя,

7-130

Чтобы из тела душа отлетела в обитель Аида.
Отче Зевес, Аполлон и Афина! О, если бы стал я
Моложе, как прежде, когда аркадийцы, метатели копий,
Встретив пилосцев вблизи Келадона, текущего быстро,
С ними сразились у вод Иардана, под башнями Феи.

7-135

Первым бойцом почитался Эревталион богоравный.
Ареифоя владыки носил он вокруг тела доспехи,
Дивного Ареифоя, по прозвищу Палиценосца.
Так его звали и мужи и пышноодетые жены,
Ибо не длинным копьем и не луком в бою подвизался,

7-140

Но булавою железной фаланги врагов сокрушал он.
Все же Ликург умертвил его, только лукавством, не силой:
В узком проходе настиг, где железною палицей гибель
Тот отклонить бы не мог. И Ликург, устремившийся первый,
Дротом пронзил его в грудь, и на землю свалился он навзничь.

7-145

Тот же доспехи совлек, подаренные медным Ареем.
Долго он сам их носил, уходя на работу Арея,
И наконец, когда дожил до старости в царском чертоге,
Отдал носить их соратнику другу Эревталиону.
Этот, доспехи надев, вызывать стал храбрейших героев.

7-150

Все трепетали; никто не решался вступить в состязанье.
Только меня устремило бесстрашное сердце сразиться
С дерзким бойцом, хоть и был я годами из всех наимладший.
С ним я сражался, и славой меня наградила Афина,
Ибо я мужа убил, кто сильнее меня был и выше.

7-155

Ростом громадный, он лег, по земле распростертый.
Если б я снова был молод, и прежняя сила вернулась,
Скоро дождался б тогда шлемовеющий Гектор сраженья.
Ныне ж хоть собраны вместе храбрейшие мужи Ахеи,
Не устремился никто добровольно, чтоб Гектора встретить".

7-160

Так порицал их старик. Поднялись тогда девять героев.
Первый восстал между ними владыка мужей Агамемнон;
Следом поднялся за ним Диомед, сын Тидея могучий;
После Аяксы поднялись, отваги стремительной полны;
Идомеи после них, также Идомеи товарищ

7-165

Встал Мерион, Эниалию, мужеубийце подобный.
Встали затем Эврипил, блистательный сын Эвемона,
Сын Андремона Фоас, да еще Одиссей богоравный.
Все они страстно желали с блистательным Гектором биться.
Снова тогда обратился к ним Нестор, наездник Геренский:

7-170

"Жребию нынче доверьтесь. Кого б он из вас ни назначил,
Будут равно ему рады ахейцы в прекрасных доспехах.
Сам же он в сердце своем будет рад лишь тогда, коль вернется
Ныне из губительной битвы, опасности страшной избегнув".
Так он промолвил. И каждый немедля свой жребий наметил

7-175

И опустил его в шлем Агамемнона, сына Атрея.
Войско ж молилось вокруг, и к богам воздевались их руки.
Каждый в толпе говорил, на пространное небо взирая:
"Зевс, наш отец: иль Аякса назнач, или сына Тидея,
Иль самого повелителя златообильной Микены!"

7-180

Так говорили. И Нестор Геренский все жребии вскинул.
Выпал из шлема тот жребий, который был войску желанен –
Жребий Аякса. И вестник, его обнося по собранью,
Всем показал полководцам, от правой руки начиная.
Но, не признав своего, все вожди от него отказались.

7-185

Вскоре к тому подошел он, неся по собранию жребий,
Кто опустил его в шлем и отметил, Аякс многославный
Руку протер, и глашатай, став ближе, вручил ему жребий.
Он посмотрел и увидел отметину, радуясь сердцем,
Бросил на землю к ногам и, ко всем обращаясь, воскликнул:

7-190

"Жребий, друзья, это мой. Сам я сердцем обрадован. Верю,
Что одержу я победу над Гектором богоподобным.
Вы же скорее, пока я доспехи войны надеваю,
Все вознесите молитву к владыке Зевесу Крониду,
Но про себя, молчаливо, дабы не внимали троянцы,

7-195

Или хоть вслух, потому что отнюдь никого не боимся.
Силой меня против воли никто, пожелав, не прогонит,
Или военным лукавством. Не столь уже глупым, надеюсь,
Был и рожден, и воспитан на острове я Саламине".
Так он сказал. Все воззвали к владыке Зевесу Крониду.

7-200

Каждый из них говорил, на пространное небо взирая:
"Зевс, наш отец, величайший, славнейший, на Иде царящий!
Дай, чтоб досталась Аяксу победа и светлая слава!
Если ж и Гектора любишь, и он тебя также заботит,
То удели им обоим ты равную славу и доблесть".

7-205

Так говорили они. Той порою Аякс ополчился
В светлую медь. Все доспехи войны возложивши на тело,
Он устремился вперед, как ступает Арей исполинский,
Если вмещается в битву мужей, кого Зевс Олимпиец
Злобой, снедающей душу, побудит друг с другом сражаться.

7-210

Так устремился Аякс исполинский, защита ахейцев.
Грозно лицо улыбалось, меж тем как, шагая широко,
Ставил он ноги вперед, потрясая копьем длиннотенным.
Видя Аякса таким, аргивяне почуяли радость
И содрогнулись троянцы: по членам их дрожь пробежала.

7-215

Даже у Гектора сердце в груди застучало сильнее.
Но уж теперь он не мог убежать и, назад отступая,
Слиться с толпою друзей, ибо сам сделал вызов к сраженью.
Близко Аякс подошел и держал он огромный, как башня,
Медный свой щит семикожный, что Тихий, трудясь изготовил,

7-220

Лучший из шорников всех, обитающих в городе Гиле.
Он же ему изготовил блистательный щит семикожный,
Шкуры сняв с тучных волов, с восьмой оболочкой из меди.
Сын Теламона Аякс, держа этот щит перед грудью,
Близко от Гектора стал и, назвав его, слово промолвил:

7-225

"Гектор! Сражаясь один на один, ты изведешь ныне,

Что за герои бойцы обретаются в строе данайцев,
Кроме Ахилла, рядов сокрушителя, львиного сердца.
Пусть он лежит на своих искривленных судах мореходных,
В сердце питая вражду к Агамемнону, пастырю войска.

7-230

Есть и меж нами другие, тебе чтобы выйти навстречу,
Даже не в малом числе, начинай же борьбу и сраженья".
И, отвечая, сказал шлемовеющий Гектор великий:
"Зевса питомец, Аякс Теламонид, племен предводитель,
Не искушай ты меня как младенца, лишённого силы,

7-235

Или как женщину в деле войны не искусную вовсе.
Ведаю сам хорошо и искусство войны и убийства.
Сам обращать я умею направо и также налево
Щит свой из кожи сухой, чтоб остаться в борьбе невредимым.
В битву умею бросать я своих кобылиц быстроногих,

7-240

Также умею плясать в честь Арея в бою рукопашном.
Как бы ты не был силен, я тебя поразить не хотел бы
Тайно, в засаде следя, но открыто, коль это удастся".
Так он сказал и, потрясши, копье длиннотенное бросил,
И поразил он Аякса в чудовищный щит семикожный,

7-245

Сверху по меди, служившей щиту оболочкой восьмою.
Крепкая медь через шесть оболочек прошла, разодрав их,
Но в оболочке седьмой задержалась. Вторым вслед за этим
Зевса питомец Аякс копье длиннотенное бросил.
И поразил Приаида он в щит, равномерно округлый.

7-250

Через блистательный щит копье тяжело пролетело.
И, через панцирь проникнув, отделанный с дивным искусством,
Прямо вдоль паха оно разодрало хитон Приаида.

Тот отклонился назад и погибели черной избегнул.
Оба исторгли обратно свои длиннотенные копья,

7-255

И налетели еще раз, подобные львам плотоядным
Или же двум кабанам, чья мощь не легко укротима.
Гектор копьем замахнулся и в щит посредине ударил.
Меди щита не пробив, острие у копья изогнулось.
После Аякс устремился и в щит поразил. И на вылет

7-260

Вышло копье через щит и назад оттолкнуло героя.
Медь оцарапала шею и черная кровь заструилась.
Не уклонился тогда от борьбы шлемовеющий Гектор,
Но отбежал и булыжник могучею поднял рукою,
Черный, большой, угловатый, лежащий пред ним среди поля,

7-265

И угодил им в Аяксов чудовищный щит семикожный,
В выпуклость, прямо в средину; вся медь на щите зазвенела.
В свой же черед Теламонид, взяв камень, значительно больший,
Бросил его, завертев и напрягши безмерную силу.
Щит посредине вогнул этот камень, огромный как жернов.

7-270

И поразил Приаида в колени; тот навзничь свалился,
Щит свой вплотную держа; Аполлон его на ноги поднял.
Тою порой на мечях они близко бы стали рубиться,
Не подойди к ним глашатаи, вестники Зевса и смертных, —
От меднобронных ахейцев один, а другой от троянцев,

7-275

Мудростью оба равно вдохновенны, Идеи и Талфибий.
Скиптры они протянули промежду героев. И слово
Молвил глашатай Идеи, многоопытный в мудрых советах:
"Полно, о, милые дети, еще враждовать и сражаться,
Ибо вас любит обоих Зевес, облаков собиратель.

7-280

Оба вы храбрые мужи; мы все это видим сегодня,
Но уже ночь настает. Хорошо покоряться и ночи".
И, отвечая ему, так промолвил Аякс Теламонид:
"Вы прикажите, Идей, чтобы Гектор сказал нам все это.
Сам на борьбу вызывал он храбрейших героев данайских.

7-285

Пусть начинается. А я покорюсь, если он подчинится".
И произнес ему так шлемовеющий Гектор великий:
"Славный Аякс, кому бог даровал и громадность, и силу
С мудростью вместе, копьем же владеешь всех лучше ахейцев,
Дай прекратим на сегодня вражду и жестокую битву.

7-290

После мы будем опять состязаться, пока не разлучит
Нас божество, одному из двоих даровавши победу.
Ночь наступает уже. Хорошо покоряться и ночи.
Сильно обрадуешь этим ты всех аргивян пред судами,
Больше всего же друзей и товарищей, если имеешь.

7-295

Также и я средь обширной столицы владыки Приама
Радость доставлю троянцам и пышно одетым троянкам,
Всем, кто молясь за меня, соберется в обители бога.
Ныне дарами богатыми дай поменяться друг с другом.
Пусть говорит о нас каждый ахеец и каждый троянец:

7-300

Бились они, разделяемы злобой, снедающей душу;
Связаны узами дружбы, они после битвы расстались".
Так говоря, Приамид подарил ему меч среброгвоздый,
Вместе подав и ножны, и ремень, что отрезан был гладко.
А Теламонид Аякс дал свой пояс пурпурно-блестящий.

7-305

После расстались они, и один удалился к ахейцам,
К войску троянцев – другой. И троянцев наполнила радость,
Видя, как Гектор подходит живым и здоровым,
Гнева Аякса избегнув и силы его не победной.
В город его повели, еле веря тому, что он спасся.

7-310

Тою порой аргивяне в прекрасных доспехах предстали
Пред Агамемноном дивным с Аяксом, победою гордым.
Только что все они вместе собрались в палатке Атрида,
В жертву заклал ради них он быка всемогущему Зевсу,
Взяв пятилетка самца, Агамемнон, владыка народов.

7-315

Кожу содрали с быка; приготовив, рассекли все тело
И вертелами пронзили, искусно разрезав на части.
После, прожарив заботливо, все от огня удалили.
Кончив труды, приготовили пир и за яства уселись,
И не нуждался никто в уделяемой поровну пище.

7-320

Длинной же частью хребтовой Аякса почтил в знак отличья
Славный герой Агамемнон, владыка с обширною властью.
После ж того, как они утолили и голод и жажду,
Нестор разумный совет раньше всех излагать стал пред ними,
Старец, которого мысль досель почиталась мудрейшей.

7-325

Благожелательно к ним обратившись, он слово промолвил:
"Славный Атрид и другие знатнейшие мужи ахеян!
Много меж нами погибло прекрасноволосых данайцев:
Неукротимый Арей близ реки светлоструйной Скамандра
Пролил их черную кровь, и в Аид ниспустились их души.

7-330

Вот почему удержать мы должны аргивян от сраженья
Завтра с зарей и собраться самим, чтоб свезти сюда трупы
На лошаках и волах. А потом предадим их сожженью
Недалеко от судов, чтобы кости родителей детям
Каждый доставил домой, если в отчую землю вернемся.

7-335

После того привезем из долины песку и воздвигнем
Общий курган близ костра, а с ним рядом высокие башни
Мы, торопясь, возведем, кораблям и себе на защиту.
В этих же башнях ворота, приладивши крепко, устроим,
Чтобы дорога чрез них оставалась удобной для конных.

7-340

А впереди мы поблизости ров прокопаем глубокий,
Чтобы троянцы на нас не обрушились битвой нежданно.
Он, окружая суда, остановит и пеших и конных".
Так он промолвил и все одобряли его полководцы.
Тою порою в Акрополе Трои, близь дома Приама,

7-345

Было собранье троянцев, ужасное, полное шума.
Начал тогда среди них говорить Антенор вдохновенный:
"Слушайте, мужи троянцы, дардане, союзное войско,
Чтобы я все вам поведал, как сердце в груди повелело.
Дайте немедля вернем аргивянку Елену Атридам,

7-350

С ней и богатства ее; ныне клятвы союза нарушив,
Мы продолжаем войну; никакого исхода полезней
Я не предвижу для нас, если так мы теперь не поступим".
Так он промолвил и сел, и тогда между ними поднялся,
Богopodobный Парис, муж прекрасноволосой Елены.

7-355

И, возражая ему, он крылатое слово промолвил:

"Речь, неугодную мне, Антенор, произнес ты пред нами.
Мог бы иные слова ты приличнее этих измыслить.
Если ж по истине ты это все нам обдуманно молвил,
Значит, рассудок в тебе погубили бессмертные боги.

7-360

Слово промолвлю и я знаменитым наездникам Трои.
Прямо в лицо им скажу: никогда не отдам я супруги.
Те же богатства ее, что из Аргоса в дом привезли мы,
Все я согласен вернуть и другие из дома прибавить".
Так он промолвил и сел. И тогда между ними поднялся

7-365

Старец Приам Дарданид, по мудрости равный бессмертным.
Доброжелательно к ним обратившись, он слово промолвил:
"Слушайте, мужи троянцы, дардане, союзное войско,
Чтобы я все вам поведал, как сердце в груди повелело.
В город идите теперь и за трапезу сядьте, как прежде.

7-370

После о страже ночной позаботьтесь и бдительны будьте.
Завтра с зарею Идей пусть идет к кораблям многоместным,
Чтобы Атрея сынам, Агамемнону и Менелаю,
Речь передать Александра, виновного распри возникшей.
Также пусть слово им скажет разумное, не согласится ль

7-375

От многошумной войны отдохнуть, пока трупы сожжению
Не предадим. А потом будем снова сражаться, покуда
Нас божество не разлучит, кому-нибудь давши победу".
Так он сказал, и они подчинились, внимательно слушав.
Сели за трапезу все, разойдясь на отряды по стану.

7-380

А на рассвете Идей отошел к кораблям многоместным.
Там он застал аргивян, слуг Арея, в собраньи народном
Пред кораблем Агамемнона крайним. И, став посредине

Зычногосый к ним вестник Идей обратился и молвил:
Дети Атрея и вы, о, первейшие мужи ахейцев,

7-385

Славный Приам повелел и другие старейшины Трои
(Пусть порученье мое вам покажется милым и сладким)
Речь передать вам Париса, виновника распри возникшей:
Ваши богатства, что он на своих кораблях углубленных
В Трою привез (о, зачем не погиб он задолго пред этим),

7-390

Все он согласен вернуть, и другие из дома прибавить.
Что ж до законной жены Менелая, покрытого славой,
Той он не хочет отдать, хоть его побуждали троянцы;
Также велели вам слово сказать: согласитесь, быть может,
От многошумной войны отдохнуть, чтобы трупы сожженью

7-395

Предали мы. А потом будем снова сражаться, покуда
Нас божество не разлучит, кому-нибудь давши победу".
Так он промолвил и все, присмиривши, хранили молчанье.
Вскоре им слово сказал Диомед, среди боя отважный:
"Ныне, конечно, никто да не примет богатств Александра,

7-400

Даже Елены самой. Очевидно теперь и младенцу,
Что над троянцами сети нависли погибели черной".
Молвил – и клик одобрения подняли дети ахейцев;
Все удивлялись словам Диомеда, возницы лихого.
И, обратившись к Идею, сказал Агамемнон владыка:

7-405

"Слово ахейцев, Идей, ты и сам, без сомнения, слышишь,
Как отвечают тебе. Их решение и я одобряю.
Что же до мертвых, то я не противлюсь несколько сожженью,
Ибо во всем, что умерших касается медлить не должно.
Тотчас за смертью вослед, их нужно огнем успокоить.

7-410

Клятвы мои да услышит муж Геры, Зевес Громовержец!"
Так он промолвил, свой жезл ко всем воздевая бессмертным,
И отошел к Илиону священному вестник обратно.
Там заседали в собраньи троянцы, потомки Дардана:
Вместе сойдясь, ожидали они возвращенья Идея.

7-415

Вскоре предстал он пред ними и, став посредине собранья,
Весть объявил. И, услышав, они снарядились поспешно:
В поле – одни, чтобы мертвых собрать, а другие – за лесом.
В свой же черед с многогребных судов устремились ахейцы:
В поле – одни, чтобы мертвых собрать, а другие – за лесом.

7-420

Солнце едва начинало за пашни отбрасывать отблеск,
Из глубины безмятежной широко-текущего моря
Вверх устремляясь на небо. И воины встретились в поле.
Там распознать было трудно им каждого мужа.
Прежде водой отмывали кровавые пятна с умерших,

7-425

Клади в повозки затем, проливая горячие слезы.
Но запретил им рыдать великий Приам. И в молчаньи
Трупы они на костер положили, терзаясь душою,
И на огне их сожгли и вернулись в священную Трою.
Также, с своей стороны, аргивяне в прекрасных доспехах

7-430

Трупы мужей на костер положили, терзаясь душою,
И на огне их сожгли и вернулись к судам изогнутым.
Раньше, чем вышла заря, еще среди сумерек ночи,
Встали, сойдясь у костра, все отборные мужи ахейцев.
Вскоре они привезли из долины песку и воздвигли

7-435

Общий курган близ костра, перед ним же устроили стену,
Также высокие башни, судам и себе на защиту.
Там же, немедля, воздвигли ворота, приладивши крепко,
Чтобы дорога чрез них оставалась удобной для конных.
А за стеною извне они ров прокопали глубокий,

7-440

Длинный весьма и широкий, и дно частоколом забили.
Так в это время трудился народ пышнокудых ахейцев.
Боги меж тем восседали у Зевса отца Громовержца
И с удивленьем глядели на подвиг великий данайцев.
К ним обращаясь, сказал Посейдон, потрясающий землю:

7-445

"Зевс, неужель на земле беспредельной отыщется смертный,
Кто уважал бы отныне советы бессмертных и мудрость?
Разве не видишь, что пышноволосяные дети ахейцев
Стену перед кораблями воздвигли и ров прокопали,
Но гекатомбою славной бессмертных богов не почтили?"

7-450

Слава об этом пройдет далеко, где заря только светит,
И позабудут о том, как некогда я с Аполлоном
Лаомедону герою построили город, трудившись".
И, негодуя, ответил Зевес, облаков собиратель:
"Боги! О, что ты промолвил, земли колебатель могучий!"

7-455

Пусть бы подобного дела боялся другой из бессмертных,
Кто и отвагой и силой тебе далеко уступает.
Слава твоя же повсюду живет, где заря только светит.
Но успокойся! Когда пышнокудые дети ахейцев
Вместе с судами вернутся в любезную отчую землю,

7-460

Стену тогда уничтожь, погрузи их в глубокие волны,
После песками покрой побережье пространное моря,
Пусть они сгинут бесследно, высокие стены ахейцев!"
Так говорили они, обращаясь друг к другу со словом.
Солнце зашло между тем, и окончилось дело ахейцев.

7-465

После заклали быков и за трапезу сели в палатках.
Тою порою пристало к ним много судов из Лемноса,
Черным вином нагруженных: прислал их Эней, сын Язона,
Тот, кто рожден Гипсипилой от пастыря войска Язона.
Детям Атрея, царям Агамемнону и Менелаю,

7-470

Чистого тысячу мер подарил он вина дорогого,
А остальное вино пышнокудрые дети ахейцев
Все покупали, железом и яркою медью,
Шкурой быков и самими быками,
Или рабами-людьми. И, пир учредивши обильный,

7-475

Пышноволосые дети ахейцев всю ночь пировали
На кораблях, а троянцы и мужи союзники – в Трое.
Зевс Промыслитель всю ночь измышлял для них беды,
Страшно гремя с высоты. И бледный напал на них ужас.
Наземь из чаш они лили вино. И никто не решался

7-480

Ранее пить, чем Кронида царю не свершал возлиянья.
После легли они спать и вкусили отраду покоя.

* * *

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ Прерванный бой

В светлой одежде заря надо всей распростерлась землею.

Молнелюбивый Зевес той порою собрание бессмертных
На многоверхом Олимпе, на крайней вершине, устроил.
Сам он промолвил им слово и все ему боги внимали:
"Слушайте слово мое, все вы, боги, равно и богини,

8-5

Дабы я все вам поведал, как сердце в груди повелело.
Пусть ни одна из богинь, пусть никто из богов не дерзает
Речи моей прекословить, но вместе ей все покоритесь,
Чтобы скорее свершились дела, предрешенные мною.
Если кого из бессмертных увижу я вдаль уходящим

8-10

И помышляющим помощь троянцам подать иль ахейцам,
Мною позорно побитый сюда на Олимп он вернется.
Или, схвативши, низрину его я в темнеющий Тартар,
В ту глубочайшую пропасть, что скрыта вдали под землю,
Столько же ниже Аида, насколько земля ниже неба:

8-15

Путь к ней ведет чрез ворота железные с медным порогом.
Будет он ведать тогда, сколь сильнее я прочих бессмертных
Или хотите меня испытать, чтобы всем убедиться?
Цепь золотую спустите с пространного неба на землю.
После возьмитесь за цепь все богини, а также все боги, –

8-20

Не совлечете верховного вы Промыслителя Зевса
С неба на землю, хотя бы, трудясь, утомились вы сильно.
Если же я, в свой черед, рассудивши, повлечь пожелаю,
Всех подыму я к себе совокупно с землею и морем,
Цепь же потом обвяжу вокруг высокой вершины Олимпа,

8-25

Так что вселенная вся вдруг повиснет в пространстве воздушном.
Вот я насколько сильнее богов и сильнее всех смертных".
Так он промолвил, и все неподвижно хранили молчанье,

Речи Зевеса дивясь, ибо властное слово сказал он.
И синеокая так возразила богиня Паллада:

8-30

"Зевс, наш отец, о, Кронид Олимпиец, верховный владыка!
Видим и так хорошо, сколько сила твоя непобедна.
Все же душою скорбим о данайцах, метателях копий,
Если погибнут они, постигнуты злою судьбою.
Мы от сраженья, как ты повелел, воздержаться согласны,

8-35

Только нельзя ли совет нам внушить аргивянам полезный,
Чтобы погибли не все, оттого что ты сильно разгневан".
Ей улыбаясь, ответил Зевес, облаков собиратель:
"Милая дочь, ободрись, Тритогения! Пусть говорил я
Ныне с неласковым сердцем, к тебе хочу быть благосклонным",

8-40

Так говоря, в колесницу он впряг лошадей быстролетных,
Меднокопытных, вокруг них золотые разметаны гривы.
Сам золотую вокруг тела он ризу надел, захвативши
Скрученный бич золотой и поднялся в свою колесницу,
Тронул коней, погоняя, и оба не против желанья

8-45

Между землею и небом, покрытым звездами, помчались.
Вскоре достигнул он Иды, отчизны зверей, многоводной,
Гаргара, где Громовержцу построен алтарь благовонный.
Там удержал лошадей отец и людей и бессмертных,
Из колесницы отпряг и облаком черным окутал.

8-50

Сам же он, славою гордый, воссел на Идейской вершине,
Глядя на город троянцев и флот меднобронных ахеян.
Трапезу тою порой пышнокудрые дети ахейцев
Быстро кончали в палатках и в бой вслед за тем ополчились.
В свой же черед и троянцы по городу в бой снаряжались,

8-55

Будучи в меньшем числе, но они по нужде неизбежной,
Пламенно рвались в сражение, супруг и детей защищая.
Все распахнулись ворота, и хлынуло войско наружу,
Пешие с конными вместе, и гул раздавался великий.
Только что, рядом сойдясь, на одном они месте столпились,

8-60

Встретились кожи и копья и силы мужей меднобронных,
Выпукло-круглые сшиблись со звоном щиты со щитами,
И от сражения гул поднимался вокруг многозвучный,
Вместе сливались в нем клик ликованья и вопли героев,
Кто погибал и губил; вся земля там окрасилась кровью.

8-65

Долго, пока рассветало, и день разрастался священный,
Сыпались стрелы с обеих сторон и валились герои.
Только что солнце достигло середины высокого неба,
Тотчас весы золотые отец натянул Олимпиец,
И, положивши два жребия смерти, смиряющей члены,

9-70

Жребий наездников Трои и медью покрытых ахеян,
Поднял в середине, и день роковой аргивян преклонился,
(Жребий ахейского войска коснулся земли плодородной,
Жребий троянских дружин взлетел до просторного неба).
Гроном великим потряс Олимпиец с Идейской вершины,

8-75

Молнию, ярко пылавшую, бросил в ахейское войско.
Те, увидав, содрогнулись, и страх овладел ими бледный.
Идомей не дерзнул оставаться, ни царь Агамемнон,
Не устояли Аяксы, служители бога Арея.
Нестор Геренский один лишь остался, защитник ахейцев.

8-80

Не добровольно, но конь обессилел: стрелой его ранил
Богopodobный Парис, муж прекрасноволосой Елены,
В верхнюю часть головы, подле черепа, где начинается
Конская грива расти, это место смертельнее прочих.
Взвился он, болью терзаем: стрела в самый мозг угодила.

8-85

Прочих расстроив коней, он кругом заметался от раны.
Но между тем как старик наклонился с мечом и старался
Упряжь коня разрубить, чрез смятение битвы летели
Гектора быстрые кони, возницу неся удалого,
Гектора. Тут бы старик и лишился дыхания жизни,

8-90

Если б его не узрел Диомед, среди боя отважный.
Страшно герой закричал, обращаясь к царю Одиссею:
"Зевса потомок, Лаерта дитя, Одиссей многоумный!
Ты ли, хребтом обратившись, как трус от толпы убегаешь?
Как бы тебе, беглецу, не вонзили оружия в спину!

8-95

Лучше вернись, отразим разъяренного мужа от старца!"
Так он сказал. Богоравный не внял Одиссей терпеливый,
Но обратился поспешно к ахейским судам изогнутым.
Сын же Тидея к передним бойцам и один устремился.
Рядом он стал с колесницею старца Нелеева сына

8-100

И, обратившись к нему, крылатое слово промолвил:
"Сильно, о, старец, тебя притесняют бойцы молодые.
Мощь ослабела твоя, удручает тяжелая старость.
Медлит слуга твой теперь, и твои обессилели кони.
Но поспеши, на мою колесницу взойди и увидишь,

8-105

Тросовы кони какие, как быстро они по долине
Мчатся вперед и назад, то, преследуя, то, убегая:
Отнял я их у Энея, коней, возбуждающих ужас.
Слуги твоих доглядят; а этих мы бросим в сраженье
Против отважных наездников Трои: пусть Гектор увидит

8-110

Что не напрасно в руке и своим я копьем потрясаю".
Так он сказал. Не ослушался Нестор, наездник Геренский.
Двое дружинников храбрых, Сфенел и боец Эвримедон,
Стали пещись о конях быстроногих Геренского старца.
Оба героя меж тем в колесницу вошли Диомеда.

8-115

Нестор хлестнул по коням, забравши блестящие вожжи,
И очутился близь Гектора вскоре. Тогда сын Тидея
Дротом в него замахнулся, летевшего прямо навстречу,
Но не попал в Приамида; лишь друга его и возницу,
Эниопея, дитя непреклонного духом Фивея,

8-120

Светлые вожжи державшего, в грудь поразил меж сосцами.
Грохнулся он с колесницы, в то время как быстрые кони
Взвились назад, от него же душа отлетела и сила.
Страшная скорбь по вознице окутала Гектору сердце,
Но, и печалься о друге, его он лежащим оставил,

8-125

Сам же другого возницу высматривал, храброго сердцем.
Быстрые кони тогда без вождя оставались недолго.
Архептолема, Ифитова сына, в толпе отыскал он.
Тот в колесницу поднялся, и Гектор вручил ему вожжи.
Быть бы несчастьем тогда и ужасным делам бы свершиться

8-130

В город, как стадо баранов, троянцы бы загнаны были,

Если бы их не увидел отец и людей, и бессмертных.
Страшно он громом потряс и блестящую молнию бросил,
Наземь ее он поверг пред конями Тидеева сына;
Грозное пламя поднялось и запах от серы горящей.

8-135

Кинулись под колесницу, объятые ужасом кони,
А у наездника Нестора вожжи из рук ускользнули.
Он содрогнулся душою, и слово сказал Диомеду:
"Вспять повернем, сын Тидея! Бежим на конях быстроногих!
Разве не видишь, что Зевс не тебе посылает победу?"

8-140

Ныне Зевесом Кронидом дарована Гектору слава,
После, быть может, опять уготовит и нам, коль захочет.
Ибо никто из людей не задержит решений Зевеса,
Даже сильнейший из них: Олимпиец безмерно сильнее".
И отвечал Диомед, сын Тидея, средь боя отважный:

8-145

"Это по истине, старец, разумное слово ты молвил.
Но бесконечная скорбь проникает мне в сердце и душу.
Скажет когда-нибудь Гектор, в кругу похваляясь троянцев:
Страхом объят предо мной, сын Тидея к судам устремился.
Будет он так похваляться. Пусть раньше земля меня скроет!"

8-150

И, возражая, сказал ему Нестор, наездник Геренский:
"Ты ли, Тидея могучего сын, это слово промолвил!
Если и выставит Гектор тебя боязливым и слабым,
Слову его не поверят троянцы, равно как дардане,
Жены ему не поверят троянских бойцов щитоносцев,

8-155

Те, чьих супругов цветущих во множестве в прах ты низринул".
Так говоря, быстроногих коней обращает он в бегство
Через смятение битвы, а мужи троянцы и Гектор

С криком ужасным во след посылают им звонкие стрелы.
Громко тогда закричал шлемовеющий Гектор великий:

8-160

"Слишком тебя, Диомед, быстроконные чтили данайцы,
Лучшее место давая, и яства, и полные чаши.
Ныне тебя почитать перестанут: ты женщине равен.
Мчись на погибель свою, о, трусливая дева! Как видно,
Ты на троянские башни, меня победив, не взберешься,

8-165

Не увезешь моих жен. Раньше твой уготовлю я жребий".
Так говорил он ему. Сын Тидея в душе колебался,
Не повернуть ли коней, не сразиться ль с противником силой?
Трижды он в бой порывался, колеблясь умом и душою,
Трижды с Идейских высот возгремел Промыслитель верховный,

8-170

Знак посылая троянцам победы, решающей битву.
Гектор тем временем громко кричал, побуждая троянцев:
"Други дардане, ликийцы, бойцы рукопашные Трои!
Будьте мужами теперь, помышляйте о бранной отваге!
Вижу, что мне благосклонный Кронид обещает победу

8-175

Вместе с великою славой, данайцам же гибель готовит.
Глупые! Стены успели они возвести пред судами,
Слабые стены, ничтожные, силе моей не помеха.
Ибо легко наши кони чрез вырытый ров перескочат.
Только, как будем вблизи от глубоких судов находиться,

8-180

Вспомните, други, тогда об огне, разносящем погибель,
Чтоб корабли я огнем уничтожил, самих же данайцев
Пред кораблями повергнул, мятущихся в облаке дыма".
Так говоря, он окликнул коней, ободряя их словом:
"Ксанф, и Подагр, и Эфон. И ты также, о, Ламп мой прекрасный,

8-185

Ныне, о, кони, вы мне оплатите за все попеченья
И за труды Андромахи, дитяти царя Этиона.
Вам подносила всегда она хлеба из сладкой пшеницы.
Вам наливала вина, когда сердце вас пить побуждало,
Раньше, чем мне, хоть ее быть горжусь я цветущим супругом.

8-190

Смело помчитесь вперед, полетите! Быть может, удастся
Несторов щит раздобыть нам: идет о нем слава до неба,
Будто он весь золотой, будто скобы его золотые.
Может быть, с плеч Диомеда, возницы лихого, мы снимем
Панцирь блестящий: его сам Гефест изготовил, трудившись.

8-195

Если все это возьмем, то надеюсь, что дети ахейцев
Скроются в эту же ночь на своих кораблях быстроходных".
Так говорил он, хвалясь. Негодуя, почтенная Гера
Двинула тронем своим, и великий Олимп содрогнулся.
Слово сказала она Посейдону, великому богу:

8-200

"Горе! Ужель у тебя, о, земли колебатель могучий.
Сердце в груди не скорбит о гибели храбрых данайцев?
Много отрадных даров не они ли тебе отправляют
В Эги, равно как в Гелику? Старайся послать им победу!
Ибо, скажу, если б все мы, друзья аргивян, пожелали

8-205

Войско троянцев прогнать, помешав Громовержцу Зевесу,
Грусти предался б он верно, один восседая на Иде".
Ей, негодуя, ответил земли колебатель могучий:
"Дерзкоязычная Гера! Какое ты молвила слово!
Не пожелал бы сражаться я против Кронида, хотя бы

8-210

С помощью прочих богов, оттого что сильнее он гораздо".
Так, обращаясь друг к другу, они меж собой говорили.
Тою порой все пространство меж башенным рвом и судами
Сделалось полным коней и ахейских мужей щитоносцев,
Скученных тесно. Стеснил же их Гектор, сын милый Приама,

8-215

Быстрому равный Арею: Зевес даровал ему славу.
Тут бы огнем беспощадным суда равномерные сжег он.
Если б почтенная Гера Атриду царю не внушила
Мысли войска ободрить, он и сам не бездействовал раньше.
Быстро направился царь к кораблям и палаткам ахейцев,

8-220

Длинный пурпуровый плащ, перекинув чрез мощную руку.
Стал он вблизи перед черным большим Одиссеевым судном,
Средним из всех кораблей, чтоб услышанным быть отовсюду –
На расстоянии между шатром Теламонова сына
И Ахиллесовой ставкой, – лишь эти вожди поместили

8-225

С краю свои корабли, полагаясь на доблесть и силу.
И закричал он тогда, громогласно взывая к данайцам:
"Стыд вам, аргивцы, о, трусы душой, лишь по виду герои!
Где же теперь похвальбы, уверенья, что всех мы сильнее,
Речи, которые вы на Лемносе тщеславно твердили,

8-230

Мясо от высокорогих быков поедая обильно
И попивая вино из наполненных кубков широких,
Будто бы каждый из вас против ста или двух сот троянцев
В битве один устоит? Ныне ж все одного недостойны, –
Гектора, кто корабли вскоре ярким огнем уничтожит!

8-235

Зевс, наш отец! О, кого из царей всемогущих донныне
Равной карал ты бедой, отнимая великую славу?
Ни одного между тем из твоих алтарей, утверждаю,
Не миновал я, сюда с кораблем отправляясь на гибель.
Жир в изобилии там сожигая и бедра бычачьи,

8-240

Ибо я страстно хотел крепкостенную Трою разрушить.
Ныне ж, о, Зевс Громовержец, услышь ты другое моление:
Дай хоть самим нам спастись и погибели черной избегнуть,
Трои сынам не дозволяй уничтожить ахейское войско!
Так он молил. И Зевес пожалел его, льющего слезы,

8-145

Дал ему знак, что народ не погибнет, а будет избавлен,
Был им ниспослан орел, что меж птицами всех совершенней,
С юным оленем в когтях, с детенышем скачущей лани.
Бросил оленя пред пышный он Зевсов алтарь, где ахейцы
Жертвы сжигали Зевесу, кто знаменья все посылает.

8-250

И, увидавши, что птица ниспослана Зевсом, ахейцы,
Вспомнив отвагу войны, на троянцев ударили храбро.
Тут из данайцев никто, хоть и было их много, не мог бы
Тем похвалиться, что он, обогнавши Тидеева сына,
Первый коней через ров устремил и сражение начал.

8-255

Всех впереди Диомед умертвил шлемоносца троянца
Сына Фрадмона бойца Агелая. Коней своих в бегство
Тот обращал – и бегущему в спину копье сын Тидея
Сзади вонзил между плеч, и сквозь грудь оно вышло наружу.
Пал с колесницы он в прах, и доспехи на нем загремели.

8-260

За Диомедом во след устремились Атреевы дети,

Дальше – Аяксы бойцы, облеченные бурною силой,
Идоменей вслед за ними, а также его сотоварищ
Вождь Мерион, Эниалию мужеубийце подобный,
Вслед Эврипил догонял их, блистательный сын Эвемона,

8-265

Сзади девятым шел Тевкр, упругий свой щит напрягая.
Тотчас он стал за щитом Теламонова сына Аякса.
Чуть лишь Аякс приподнимет свой щит, как герой, озираясь
Быстро наметит в толпе супостата и ранит стрелою.

8-270

Сам же, назад отойдя, укрывался он вновь за Аякса,
Точно ребенок за мать: тот щитом ограждал его светлым.
Кто ж меж троянцами первый был Тевкром убит беспорочным?
Первым убит Арсилох, вслед за этим Ормен с Офелестом,
Детор, равно как и Хромий, потом Ликафонт богоравный,

8-275

И, наконец, Амопаон Полиемонид с Меланиппом.
Всех, одного за другим, он поверг на кормилицу землю.
Радость в душе ощутил царь мужей Агамемнон, увидя,
Как своим луком могучим губил он фаланги троянцев,
Стал перед ним, подойдя, и такое сказал ему слово:

8-280

"Милый мой Тевкр, о, сын Теламона, владыка народов,
Так продолжай повергать их на радость ахейскому войску,
Также отцу Теламону, который вскормил тебя с детства,
В доме своем возрастил, хоть ему ты побочным был сыном.
Добрую славу ему добывай, хоть от нас он далеко.

8-285

Я ж обещаю тебе, и все это исполнено будет:
Если Эгидодержавный Зевес и Афина позволяют
Мне Илион ниспровергнуть, красиво построенный город,
Первый за мною вослед ты получишь почетный подарок,

Или треножник, иль двух лошадей с колесницею вместе,

8-290

Или рабыню – жену, что делить будет ложе с тобою".
Тевкр ему беспорочный на это сказал, отвечая:
"Славный Атрид! О, зачем ты меня побуждаешь словами?
Сам я усердно тружусь и не медлю, насколько есть силы.
С самых тех пор, как троянцев мы к Трое назад оттеснили,

8-295

Я убиваю мужей и стрелами вдали угощаю.
Восемь я с лука спустил уже стрел с наконечником острым,
Все они в кожу вонзились работников бога Арея.
Этот же бешеный пес – лишь в него угодить не могу я".
Так произнесши, другую стрелу с тетивы он бросает

8-300

В Гектора прямо, повергнуть его порываясь душою,
Но промахнулся. Зато беспорочного Горгифиона,
Нежного сына Приамова в грудь поразил он стрелою.
Матерью был он рожден, из Эзимы в замужество взятой,
Кастионирой прекрасной, по виду подобной богиням.

8-305

Точно как маковый стебель, весною в саду созревая,
На бок склоняет головку, плодом и росой отягченной,
Так он поник головою под тяжестью медного шлема.
Тевкр еще раз стрелу с тетивы заостренную бросил
В Гектора прямо, повергнуть его порываясь душою,

8-310

Но промахнулся опять: Аполлон отклонил ее быстро.
Архиптолема зато, Приамидова друга – возницу,
Ранил он в грудь близь сосца, когда тот устремился в сраженье.
Пал с колесницы он в прах, и его быстроногие кони
Взвильсь назад. От него же душа отлетела и сила.

8-315

Страшная скорбь по вознице окутала Гектору сердце,
Но и печалась о друге, его он на месте оставил
И повелел Кебриону, тут близко стоявшему брату,
Вожжи принять от коней, тот, услышав, ему покорился.
Сам же скорей с колесницы блестящей он спрыгнул на землю,

8-320

Страшно крича и рукою схвативши метательный камень,
Прямо на Тевкра пошел, порываясь героя ударить.
Тевкр тем временем горькую вынул стрелу из колчана
И к тетиве приложил. И тогда шлемовеющий Гектор,
В миг, когда тот, натянув тетиву, угрожал его жизни,

8-325

Камнем попал в него острым вблизи от плеча, где ключица
Шею и грудь разделяет – то место смертельнее прочих.
Камень порвал тетиву, и рука онемела у сгиба.
Рухнул герой на колени, и лук из руки его выпал.
Не оставался Аякс безучастным к упавшему брату,

8-330

Но, подбежавши, помог и щитом оградил его круглым
Двое товарищей милых над ним наклонились сейчас же,
Эхия сын Мекистей и Аластор, герой богоравный,
И понесли к кораблям углубленным стенавшего тяжко.
Снова в троянцах тогда возбудил Олимпиец отвагу:

8-335

Прямо к глубокому рву они войско ахейцев погнали.
Гектор в переднем ряду выступал, своей силою гордый.
Словно охотничий пес быстроногий в погоне за вепрем
Или за львом, его сзади хватает за ляжки и бедра,
Сам же следит постоянно, не хочет ли тот обернуться:

8-340

Так аргиев пышнокудрых в то время преследовал Гектор,
Всех позади умерщвляя, и дрогнуло войско ахейцев.
Но, пробежав через ров, частоколом покрытый и в бегстве
Много людей потеряв, укрощенных оружием Троянцев,
Стали недвижно они пред судами, врагов ожидая,

8-345

И ободря друг друга, ко всем олимпийцам бессмертным
Руки простерши и каждый взывая с молитвою громко.
Гектор повсюду меж тем попевал на конях пышногривых,
Взором подобный Горгоне иль мужеубийце Арею.
Сжалилась, их увидав, белорукая Гера богиня;

8-350

Тотчас к Афине она обратила крылатое слово:
"Горе, Эгидодержавного Зевса дитя! Неужели
В самом конце отречемся от гибнувших в битве данайцев?
Злобным постигнуто роком, быть может, все войско поляжет
Силой бойца одного. Он свирепствует ныне без меры,

8-355

Гектор, Приама дитя, и несчетные беды свершает".
И синеокая ей отвечала богиня Паллада:
"Верно, давно бы сей Гектор и силы, и жизни лишился,
Здесь, на родимой земле, укрощенный руками данайцев,
Если бы Зевс, мой отец, не упорствовал в пагубных мыслях,

8-360

Несправедливый, жестокий, моим начинаньям помеха!
Ныне забыл он, как часто я сына его выручала
В дни, как его Эристей подвергал испытаниям тяжким.
Часто он к небу взывал, и всегда-то Зевес Олимпиец
С неба меня посылал, чтобы я отвратила несчастье.

8-365

Если б все то, что теперь происходит, предвидеть могла я
Прежде, когда его сын был в Аид крепковратный ниспослан,
Чтобы Аидова страшного пса привести из Эреба,
Не избежал бы тогда он стигийских течений глубоких.
Ныне мной Зевс пренебрег, исполняя желанье Фетиды,

8-370

Той, что колени сжимала, касаясь рукой подбородка,
И умоляла почтить разрушителя стен Ахиллеса.
Время придет, будет вновь меня звать синеокой и милой.
Но запряги поскорее коней своих цельнокопытных,
Я же отправлюсь в чертоги Эгидодержавного Зевса

8-375

И боевые надену доспехи. Увидим мы вскоре,
Будет ли рад нам в душе Приамид шлемовеющий Гектор,
Если внезапно пред ним мы на поле сраженья предстанем,
Или, упав близ судов, кто-нибудь из троянцев, быть может,
Птиц плотоядных и псов своим жиром и мясом насытит".

8-380

Молвила так. Белорукая Гера послушалась слова.
Встала великого Кроноса дочь и, спеша, снарядила
Быстрых коней златосбруйных, богиня почтенная Гера.
Дочь же Эгидодержавного Зевса Афина Паллада
Сбросила легкий покров у порога отца Олимпийца,

8-385

Пестрый, который сама она сшила руками, трудившись.
Панцирь Зевеса, сбирателя туч, она быстро надела,
Вся облачилась в доспехи войны, причиняющей слезы,
И в колесницу из меди пылавшей поставила ноги.
Также копьём запаслась дочь родителя, славного силой,

8-390

Тяжким, большим, чтоб героев ряды укрощать им во гневе.
Гера коснулась бичом лошадей и, скрипя, растворились

Сами собою ворота небес; охраняют их Горы,
Те, чьим заботам доверен Олимп и великое небо,
Чтоб разверзать и смыкать над воротами темную тучу.

8-395

Этой дорогой послушных узде лошадей они правят.
С Иды меж тем увидал их Зевес и разгневался сильно.
С вестью немедля велел он лететь златокрылой Ириде:
"Быстро помчись к ним, Ирида, назад их верни, не дозволяй им
Дальше идти; не к добру они распря затеют со мною.

8-400

Ибо я так говорю, и угроза моя совершится.
Я легконогих коней обессилю под их колесницей,
Я колесницу сломаю, самих же во прах ниспровергну.
Десять годов, чередой совершая свой круг, пронесутся,
Но и тогда они ран не залечат, что гром нанесет им.

8-405

Пусть Синеокая видит, легко ли с отцом состязаться.
Геру же меньше виню и не так на нее негодную,
Ибо привыкла давно мне перечить во всяком желаньи".
Так он сказал. Ветроногая с вестью помчалась Ирида,
Быстро с Идейских высот на обширный Олимп опустилась.

8-410

Там, возле первых ворот многодольной горы Олимпийской
Их задержала, представ, и Зевесову речь возвестила:
"Бурно куда вы стремитесь, что сердце в груди взволновало?
Не позволяет Кронид заступаться за войско данайцев.
Ибо он так угрожал, если только исполнит угрозу:

8-415

Под колесницею вашей он быстрых коней обессилит,
Он колесницу сломает и вас опрокинет на землю.
Десять годов, совершая свой круг, пронесутся,
Но и тогда не залечите раны, что гром нанесет вам.

Пусть Синеокая видит, легко ли с отцом состязаться.

8-420

Геру же меньше винит и не так на нее негодует,
Ибо привыкла давно ему в каждом желаньи перечить.
Ты же, бесстыдная псица, строптивее всех, если вправду
На Олимпийца дерзнешь своим длинным копьем замахнуть".
Так говоря, быстроногая прочь удалилась Ирида.

8-425

Гера со словом тогда обратилась к Афине Палладе:
"Горе, Эгидодержавного Зевса дитя! Не хочу я,
Чтоб из-за смертных людей мы решились бороться с Зевесом.
Пусть погибают одни, пусть другие из них выживают,
Как решено им судьбой. Пусть между войском троянцев и греков

8-430

Зевс Олимпиец рассудит, как хочет, как в сердце замыслил".
Так говоря, она вспять обратила коней быстроногих.
Горы из их колесницы коней распрягли пышногривых
И привязали немедленно к яслям амврозии полным,
А колесницу к стене средь блестящих сеней прислонили.

8-435

Сами богини тогда в золотые седалища сели
Между другими богами, в душе опечалены обе.
С Иды меж тем лошадей с колесницей о легких колесах
Зевс направлял на Олимп и в собрание прибыл бессмертных.
Славный земли колебатель распряг лошадей у Зевеса,

8-440

А колесницу поднял на подставку, холстом затянувши.
Сам же на трон золотой Олимпиец далеко гремящий
Сел – и великий Олимп под ногами его содрогнулся.
Гера с Афиной одни от Кронида уселись далеко,
Не предлагая вопросов и не обращаясь со словом.

8-445

Только Зевес разгадал, что у них на душе, и промолвил:
"Чем опечалены так, о Паллада Афина и Гера?
Вы не устали доныне, участвуя в гибельной битве,
Войско троянцев губить, ненасытную злобу питая.
Только покуда при мне непобедные руки и сила,

8-450

Вам не сломить мою волю, вы все Олимпийские боги.
Ваши прекрасные члены заранее дрожь охватила,
Прежде чем битву со мной вы узрели и ужасы битвы.
Ибо я так говорю и мое бы исполнилось слово:
Громом моим сражены, на своей колеснице блестящей

8-455

Вы б не вернулись сюда на Олимп, где жилище бессмертных".
Так он сказал. Возроптали Паллада Афина и Гера,
Сидя одна близь другой и беду замышляя троянцам.
Но молчалива была и не молвила слова Афина:
Гнев против Зевса отца и ярость ее обуяли.

8-460

Гера же злобы в душе не сдержала и так говорила:
"О, жесточайший Кронид, какое ты вымолвил слово!
Знаем и так хорошо мы, что сила твоя непобедна.
Все же душою скорбим о данайцах, метателях копий,
Если погибнут они, достигнуты злою судьбою.

8-465

Мы от сраженья, как ты повелел, воздержаться согласны,
Только нельзя ли совет нам внушить аргивянам полезный,
Чтобы погибли не все, оттого что ты сильно разгневан".
Ей отвечая, промолвил Зевес, облаков собиратель:
"Завтра с зарей, волоокая Гера почтенная, можешь,

8-470

Если желаешь, увидеть, как Зевс всемогущий Кронион
Большую гибель пошлет на ряды аргивян копьеносцев,
Ибо воинственный Гектор от битвы отстанет не раньше,
Чем быстроногий Пелид со своих кораблей устремится,
В день как войска подойдут к корабельным кормам и сражаться

8-475

В давке ужаснейшей будут вокруг мертвого тела Патрокла.
Так предназначено роком. Твоим же я гневом нимало
Не озабочен, хотя б удалилась к пределам ты крайним
Суши и моря, – туда, где Япет пребывает и Кронос,
Не наслаждаясь ни светом высоко идущего солнца,

8-480

Ни дуновением ветра – глубокий объемлет их Тартар.
Даже когда бы туда ты, блуждая, дошла, я нимало
Гневом твоим не смущусь, ибо ты всех на свете бесстыдней".
Не возражала ему на ту речь белорукая Гера.
Тою порой в Океан погрузилось блестящее солнце,

8-485

Черную ночь за собою влача на кормилицу землю.
Не были рады троянцы закату; зато аргивянам
Черная ночь показалась отрадной и трижды желанной.
Доблестный Гектор в то время устроил собранье троянцев.
К многопучинной реке, где от трупов свободен был берег,

8-490

Он далеко от судов на пространное вывел их место.
Все с колесниц опустили на землю и слушали слово
Гектора, милого Зевсу. В руке своей сильной держал он
Мерой в одиннадцать локтей копье – и сверкала на древке
Острая медь впереди, а кругом шло кольцо золотое.

8-495

Он, на копье опершись, обратился к троянцам со словом:
"Слушайте слово, троянцы, дардане, союзное войско!
Ныне уж я уповал, истребив корабли и данайцев,
С вами вернуться в священную, ветрам открытую Трою.
Но темнота наступила заранее; это всех больше

8-500

Войско ахейцев спасло и суда на побережии моря.
Так покоримся покуда темнеющей ночи, о, други!
Ужин давайте готовить. Сперва лошадей пышногривых
Из колесниц отпрягите и пищу пред ними сложите.
Тучных овец и быков приведите из города после

8-505

И нацедите в сосуды вино, веселящее душу,
Хлеб из домов принесите и дров соберите побольше,
Ибо всю ночь до зари, выходящей из сумерек ранних,
Много огней будем жечь, – вплоть до неба достигнет их отблеск, –
Чтобы в ночной темноте пышнокудрые дети ахейцев

8-510

Не устремились бежать по широкому гребню морскому
И не взошли на суда без усилий, путем безопасным.
Пусть, и вернувшись домой, каждый должен залечивать рану,
Острою медью ему нанесенную или стрелою
В миг, как на судно он прыгал; пускай и другие страшатся

8-515

К храбрым наездникам Трои приплыть с многослезной войною.
Вы возвестите по городу, вестники, милые Зевсу,
Пусть седовласые старцы, равно как и дети подростки
Вкруг Илиона сберутся на боговоздвигнутых башнях.
Женщины ж, робкие сердцем, пусть яркий огонь зажигают,

8-520

Каждая в доме своем. Неусыпно да длится их стража,
Чтобы в отсутствии войск не проникла в наш город засада.

Так, да и будет, о, храбрые Трои сыны, как велю я.
Эту я речь говорю лишь о том, что теперь нам полезно.
Завтра со словом опять обращаюсь я к наездникам Трои.

8-525

Зевса и прочих богов призываю с мольбой и, надеюсь,
Вскоре мы псов отразим, занесенных к нам Парками смерти.
Парки пускай их назад унесут на судах чернобоких.
Только одну эту ночь мы должны сторожить неусыпно;
Завтра мы встанем с зарей и, в доспехи войны облачившись,

8-530

Подле глубоких судов беспощадную сечу возбудим,
И посмотрю я, меня ль Диомед, сын могучий Тидея,
От кораблей отразит к Илионским стенам иль его я
Этим копьём умерщвлю и кровавые сдерну доспехи.
Завтра он доблесть свою обнаружит, коль выдержит в стычке

8-535

Натиск копья моего, но скорее, надеюсь, из первых
Ляжет сраженный он в прах, среди многих товарищей павших, –
Завтра, лишь солнце взойдет. О, если бы так, несомненно
Стал я бессмертным теперь, нестареющим многие годы,
Чтимым везде, наряду с Аполлоном царем и Афиной,

8-540

Как несомненно, что завтра беда угрожает ахейцам".
Так он промолвил – и шумно его одобряли троянцы.
Потом покрытых коней от ярма отпрягли они тотчас
И привязали ремнями – пред своей колесницею каждый.
Тучных овец и быков из города быстро пригнали

8-545

И нацедили в сосуды вино, веселящее душу,
Хлеб из домов принесли, также дров приготовили много
И безупречные в жертву бессмертным сожгли гекатомбы.
Ветер с долины помчал сладкий дым от горящего жира

Вплоть до небес – но его не вкусили блаженные боги,

8-550

Жертву презрев: ненавистна была им священная Троя,
Был ненавистен Приам и народ копьеносца Приама.
Так среди поля сраженья троянцы всю ночь просидели,
Гордые мысли питая. Горели огни их без счета.
Точно как на небе звезды, вокруг яркой луны зажигаясь,

8-555

Кажутся дивно прекрасными в тихом безветрии ночи;
Видны внизу все лощины, высокие холмы и скалы.
А в небесах разверзается светлый эфир необъятный,
Все проступают в нем звезды, и рад им пастух в своем сердце:
Так между Ксанфом рекой и судами ахейцев пылали

8-560

Пред Илионом огни, – наблюдали за ними троянцы.
Тысяча верно огней средь долины пылало; пред каждым
Пламенем, ярко горевшим, мужей пятьдесят находилось.
Тут же их кони кормились ячменем отборным и полбой,
Стоя вблизи колесниц, до прихода зари светлотронной.

* * *

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Посольство к Ахиллесу. Мольбы

Так помышляли троянцы о страже; но мысли о бегстве,
Дружные с холодом страха, с небес на данайцев слетели.
Даже храбрейшие все нестерпимой тоскою терзались.
Точно как понт многорыбный взволнован, когда из Фракии
Вместе Борей и Зефир, налетевши внезапно, столкнутся,

9-5

Черные волны встают, громоздятся одна на другую
И на побережье кругом изрыгают подводные травы:
Так и в груди аргивян раздиралась душа от печали.

Царь же Атрид Агамемнон, постигнутый горем великим,
Войско кругом обходил, и велел он глашатаям звонким

9-10

Всех поименно старейшин, без клича, созвать для собрания, –
С ними пошел он и сам и не менее прочих трудился.
Сели в собрании все опечалены. Царь Агамемнон
Встал между ними тогда, проливая обильные слезы,
Точно ручей темнотруйный, что бьет под высоким утесом.

9-15

Тяжко стеляя, он слово держал пред вождями ахейцев:
"Други мои! О, вожди аргивян и советники также!
Бедствием тяжким опутал меня Олимпиец Кронион,
Он, кто, жестокий, сперва мне кивнул головой в знак согласия
И обещал, что вернусь, Илион крепкостенный разрушив;

9-20

Ныне же, злобный обман замышляя, велит Олимпиец
В Аргос без славы уйти, погубивши здесь много народа.
Так пожелал он теперь, всемогущий Зевес Громовержец,
Он, кто доньше низринул венцы с городов уже многих,
Да и сломает еще, ибо сила его беспредельна.

9-25

Но поспешите теперь, повинуйтесь тому, что скажу я.
Вместе бежим с кораблями в любезную отчую землю,
Ибо уже не разрушить нам Трои широкодорожной".
Так он сказал им, и все неподвижно хранили молчанье.
Долго сидели безмолвно печальные дети ахейцев.

9-30

И, наконец, Диомед, среди боя отважный, промолвил:
"Спорить с тобою, о, царь, как в собрании нам подобает,
Первый готов я, когда ты не прав. – Только слушай без гнева.
Прежде всего опорочил ты доблесть мою перед войском,
Слабым считая меня и негодным к войне. Но об этом

9-35

Всем аргивянам давно, молодым как и старым, известно.
Зевс хитроумный тебе лишь одно из двух благ предоставил:
Скипетр царский вручил, чтобы ты возвышался над всеми,
Доблести ж не дал тебе, а лишь в ней величайшая сила.
О, безрассудный, ужели ты веришь, что дети ахейцев

9-40

Так не способны к войне и бессильны, как вслух говорил нам?
Если же вправду тебя побуждает душа возвратиться, –
Что ж, удались! Путь открыт пред тобой, а вблизи у побережья
Много стоит кораблей, что с тобой из Микены приплыли.
Прочие ж все подождут пышнокудрые дети ахейцев

9-45

Здесь, пока Трою разрушим. А если б и все пожелали
Вместе бежать с кораблями в любезную отчую землю,
Я и Сфенел – мы вдвоем будем биться, пока не настанет
Трое конец, ибо мы не без помощи бога приплыли".
Молвил – и клик одобрения подняли дети ахеян,

9-50

Всё удивляясь речам Диомеда, возницы лихого.
Нестор наездник тогда между ними поднялся и молвил:
"Истинно ты Диомед, изо всех своих сверстников юных
И на совете мудрейший, равно как сильнейший в сраженьях.
Не опорочит никто из ахейских мужей твоей речи,

9-55

Не возразит ничего, – только речь до конца не довел ты.
Правда, ты молод еще. Ты моим приходился бы сыном
Младшим из всех по годам, и, однако, разумное слово
Перед царями ахейцев держал, говоря, как прилично.
Я же, гордящийся тем, что старше тебя несравненно,

9-60

Слово скажу свое ныне, его до конца доведу я,
И не осудит никто моей речи, – ни царь Агамемнон.
Тот лишь, кто, чуждый законам, бездомным живет и безродным,
Междоусобную любит войну, леденящее сердце.
Но покоримся покуда ночной темноте наступившей.

9-65

Ужин давайте готовить. И стражи от каждого войска
Пусть расположатся станом вдоль рва, что прорыт за стеною.
Юношам я поручаю все это, – а ты, Агамемнон,
Примешь начальство потом, ибо ты у нас царь над царями.
Пир для старейшин устрой: то прилично тебе и не трудно.

9-70

Много в палатках твоих есть вина, что из дальней Фракии
Наши суда каждый день по широкому понту привозят.
Всякое есть у тебя угощенье: ты царь надо всеми.
Много вождей собери и тому повинуйся, кто лучший
Даст нам совет, ибо сильно нуждаются все аргивяне

9-75

В добром и мудром совете: враги уж костры разложили
Близко от нашего флота; кого ж это радовать может?
Нынешней ночью ахейцам готовится смерть иль спасенье".
Так он сказал, и они подчинились, внимательно слушав.
Стража в доспехах войны устремилась немедленно в поле.

9-80

Были вождами над ней: Фразимед Несторид, царь народов,
Двое Арея детей – полководцы Аскалаф, Иалмен,
Храбрый в бою Мерион, Афарей, Деипир благородный
И от Креона рожденный герой Ликомед богоравный.
Семеро было у стражи вождей; выступала за каждым

9-85

Сотня бойцов молодых, взявши в руки огромные копья.
Идя меж рвом и стеною, они на земле разместились,
Тут же огонь разложили – и каждый стал ужин готовить.
Тою порой Агамемнон привел всех старейшин ахейских
В ставку свою, где обильное им предложил угощение.

9-90

И к приготовленным яствам старейшины руки простерли.
После ж того, как желанье питья и еды утолили,
Первым среди них излагать свои мудрые помыслы начал
Нестор старик, чьи советы всегда наилучшими были.
Доброжелательно к ним обратившись, он слово промолвил:

9-95

"О, многославный Атрид, о, владыка мужей, Агамемнон!
Кончу я слово тобой и с тебя же начну. Ты родился
Многих народов царем, и тебе же Кронид Олимпиец
Скипетр вручил и законы, чтоб ими ты правил разумно.
Вот отчего тебе должно и слово сказать и послушать,

9-100

И подчиниться порой, если сердце побудит другого
Слово на благо сказать, – от тебя ж исполнение зависит.
Буду теперь говорить то, что кажется мне наилучшим.
Ибо никто среди нас не сумеет придумать решение
Лучше того, что и ныне, и с давних уж пор замышляю, –

9-105

С тех пор, как ты, о, Зевесов питомец, из ставки Ахилла,
Гневом объятого, деву насильно увел Бризеиду,
Против желанья всех нас. И хоть долго тебя в это время
Я отговаривал – ты, уступая надменному сердцу,
Лучшего мужа обидел, которого боги почтили,

9-110

Ибо наградой его ты владеешь, насильно отнявши.

Дайте ж обдумать, нельзя ли смягчить его гнев, предлагая
Много подарков отрадных и действуя сладкою речью?"
И, отвечая, промолвил владыка мужей Агамемнон:
"Старец, вполне справедливо мои ты вины обличаешь.

9-115

Не отпираюсь и сам, согрешил я тогда. Тот воитель
Стоит дружины большой, кого Зевс полюбил в своем сердце
Ныне его он почтил, погубивши немало ахейцев.
Но согрешивши тогда, и последовав пагубным мыслям,
Ныне желаю мириться, и выкуп назначу бесценный.

9-120

Славные эти дары я исчислить готов перед вами:
Семь не служивших треножников, золота десять талантов,
Двадцать блестящих тазов, лошадей крепконогих двенадцать,
Первых на конских ристаньях, где брали награды за легкость.
Не был бы тот бедняком безземельным, нужды не терпел бы

9-125

В золоте ценном, кому бы досталось так много сокровищ,
Сколько наград эти кони своей быстротой принесли мне.
Семь подарю ему жен, безупречно искусных работниц,
Семь лесбиянок, всех женщин красой далеко превзошедших,
Избранных мною, когда он Лесбос покорил населенный.

9-130

Всех подарю – и меж ними ту деву, что силою отнял, –
Дочь молодую Бризея. Верну ее с клятвой великой,
Что не всходил к ней на ложе, ни разу в любви не смешался,
Как у людей среди жен и мужей происходит обычно.
Эти подарки сейчас все готовы. Но если в грядущем

9-135

Город великий Приама дозvoлят нам боги разрушить,
Пусть он придет, когда будем делить меж собою добычу,
Золотом целый корабль для себя пусть наполнит и медью.

Пусть меж троянскими женами сам изберет себе двадцать
Самых прекрасных наружностью – после Елены Аргивской.

9-140

Если же в Аргос вернемся, в Ахею, текущею млеком,
Зятем его нареку, наравне возвеличу с Орестом,
Кто в изобилии полном воспитан, последнерожденный.
Дочери три у меня, что цветут в пышнозданном чертоге:
Ифианасса, а с ней Лаодика и Хризотемида.

9-145

Пусть он в Пелеев дворец без подарков, какую захочет,
Милой женой отвезет, – я ж в приданое ей предоставлю
Столько добра, как никто своей дочери не дал доныне.
Семь отделю я ему городов, хорошо населенных:
Гиру, средь ярко зеленых лугов, Кардамилу, Энопу,

9-150

Скрытую низко средь пастбмщ Анфею, священную Феру,
Город прекрасный Эпею, Педас, виноградом обильный.
Все подле моря лежат, от Пилоса песчаного близко.
Люди живут в них богатые овцами, также быками.
С богом его наравне они чествовать будут дарами,

9-155

Будут под скипетром его платить богатейшие дани.
Все это дам я как выкуп, пусть только гнев свой отложит,
Сердце смирит. Лишь Аид недоступен мольбам, непреклонен,
Но оттого из богов он всего ненавистнее людям.
Пусть же уступит он мне, ибо здесь я первейший по власти,

9-160

Да и к тому же горжусь, что я старше его по рождению".
И, отвечая, сказал ему Нестор, наездник Геренский:
"Сын знаменитый Атрея, владыка мужей Агамемнон!
Не малоценные ты предлагаешь дары Ахиллесу.
Дайте ж назначим послов, поторопим их, чтобы скорее

9-165

В ставку к Ахиллу пошли, к благородному сыну Пелея.
Если позволишь, я сам изберу их, они ж подчинятся:
Феникс пускай во главе им предшествует, Зевса любимец,
Дальше великий Аякс и герой Одиссей богоравный,
А из глашатаев Одий пойдет им во след с Эврибатом.

9-170

Но принесите воды, чтобы руки умыть, и притихнем,
К Зевсу Кронида с мольбой обратимся, да сжалится ныне".
Так им советовал старец и всем угодил своим словом.
Вестники взяли воды и царям поливали на руки.
Юноши доверху чаши наполнили сладким напитком,

9-175

После разлили по кубкам и роздали всем полководцам.
И возлиянье свершив и отпив по желанию сердца,
Вышли послы из палатки владыки Атреева сына.
Нестор, возница Геренский, еще им наказывал долго,
Взор замедляя на каждом, на сыне ж Лаерта всех дольше,

9-180

Чтобы старались склонить беспорочного сына Пелея.
Тотчас они отошли многошумного моря побережьем
И Посейдону, земли колебателью, долго молились.
Чтоб он помог им склонить дух великий Эакова внука.
Вскоре пришли они к мирмидонским судам и палаткам

9-185

И Ахиллеса героя нашли услаждающим душу
Звонкою цитрой, прекрасной, с серебряной верхней доскою.
Город разрушив царя Этиона, он добыл ту цитру;
Ею он дух услаждал, напевая о славе героев.
Против него лишь Патрокл сидел, сохраняя молчанье

9-190

И ожидая, пока внук Эака играть перестанет.
В ставку вступили послы – Одиссей им предшествовал мудрый –
И подошли к нему близко. Ахилл устремился навстречу,
С цитрой в руках, изумленный, покинув скамью, где сидел он.
Также Патрокл поднялся, вошедших увидев героев.

9-195

Их принимая с приветом, сказал Ахиллес быстроногий:
"Радуйтесь, гости желанные! Верно, нужда привела вас,
Но и в гневе моем вы из всех аргивян мне милее".
Так говоря, Ахиллес богоравный подвел их поближе
И усадил на скамьи, что коврами пурпурными крыты.

9-200

В то же он время промолвил стоявшему близко Патроклу:
"Быстро, Менойтия сын, принеси наибольшую чашу,
Крепче вина нацеди, приготовив для каждого кубок,
Ибо под кровом моим обретаются те, кто мне дорог".
Так он сказал, и Патрокл подчинился любезному другу.

9-205

Стол перед ярким огнем он просторный поставил для мяса,
Выложил части спинные овцы и козы разжиревшей,
Также хребет утучненного борова, жиром блестящий.
Мясо держал Автомедон, рубил Ахиллес боговидный
И, на куски разделивши, пронзил их насквозь вертелами.

9-210

Яркое пламя зажег сын Менойтя, муж богоравный.
После ж того, как поленья сгорели, и пламя померкло,
Угли Ахилл разровнял, простер вертела и на каждый
Сыпал священную соль, приподнявши его о подпору.
Вскоре, изжаривши мясо, его на доске распластал он.

9-215

Хлеб на обеденный стол пред гостями в корзинах прекрасных
Ставил Патрокл меж тем, а мясо делил сын Пелея.
Против царя Одиссея, с другой стороны своей ставки,
Сел Ахиллес, повелевши любезному другу, Патроклу,
Жертву богам принести: тот в огонь благовония бросил.

9-220

Гости тогда принялись за лежавшие яства пред ними.
После ж того как желанье еды и питья утолили,
Фениксу знак дал Аякс: Одиссей богоравный, заметив,
Кубок наполнил вином и приветствовал так Ахиллеса:
"Век благоденствуй, Ахилл! Недостатка в еде изобильной

9-225

Не было нынче у нас, – как и прежде в палатке Атрида,
Так и теперь у тебя. Много вкусного подано было.
Но не о сладких пирах нам пристало заботиться ныне.
Горе большое, о, Зевса питомец, мы в страхе предвидим,
Ибо сомнительно стало, спасем ли наш флот крепкоснастный,

9-230

Иль потеряем совсем, если ты не воспрянешь для битвы.
Близко от самых судов и стены они лагерем стали,
Гордые дети троянцев и войско союзников славных,
Много по стану зажегши огней и твердя, что недолго,
Нам устоять, что мы вскоре к судам побежим чернобоким.

9-235

А Громовержец Зевес им являет благие приметы:
Справа им молнию бросил. И Гектор, могуществом гордый,
Страшно свирепствует, Зевсу доверясь. Уже не боится
Он ни людей, ни богов. Весь проникнут неистовством бурным,
Молится он о скорейшем священной Зари наступленьи,

9-240

Ибо надежду таит, что концы на кормах пообрубит,

Что истребит корабли беспощадным огнем, а данайцев
Подле судов умертвит, мятущихся в облаке дыма.
Сильно боюсь я в душе, как бы этим угрозам свершиться
Не дали боги теперь, как бы волей судьбы нам под Троей,

9-245

От Арголиды, богатой конями, вдали не погибнуть.
Но, Ахиллес, хоть и поздно, воспрянь, наконец, если хочешь
Выручить рать аргивян, удрученных напором троянцев.
Будешь ты после и сам бесполезно терзаться душою:
Если беда уж настала, спасение трудно измыслить.

9-250

Ты же обдумай пока что, как зло отвратить от данайцев.
О, дорогой! Ведь Пелей, твой отец, убеждал тебя в том же,
С речью такую отправив к Атриду из Фтии далекой:
"Силу, о, сын мой, дадут тебе Гера с Палладой Афиной,
Если они пожелают. Но сдерживать сам постарайся

9-255

Гордое сердце в груди, – миролюбие лучше гораздо, –
И уклоняйся от распри злотворной, чтоб дети ахейцев
Все почитали тебя, молодые, равно как и старцы".
Вот что наказывал старец; ты это забыл. Но хоть ныне
Тягостный гнев отложи, примиришь. И тебе Агамемнон,

9-260

Только вражду прекрати, достойные выдаст подарки.
Если послушать желаешь, то я перечислю, пожалуй,
Что за подарки тебе царь Атрид обещал в своей ставке:
Семь не служивших треножников, золота десять талантов,
Двадцать блестящих тазов, лошадей крепконогих двенадцать,

9-265

Первых на конских ристаньях, где брали награды за легкость.
Не был бы тот бедняком безземельным, нужды не терпел бы
В золоте ценном, кому бы досталось столь много сокровищ,

Сколько Атриду наград принесли быстротой эти кони.
Семь он дает тебе жен, безупречно искусных работниц,

9-270

Семь лесбиянок, всех женщин красой далеко превзошедших,
Избранных им, когда ты покоришь нам Лесбос населенный.
Всех он дает – и меж ними ту деву, что силою отнял,
Дочь молодую Бризея. Вернет ее с клятвой великой,
Что не всходил к ней на ложе, ни разу в любви не смешался,

9-275

Как среди жен и мужей то обычно, о, царь, происходит.
Эти подарки сейчас все готовы. Но если в грядущем
Город великий Приама нам боги дозволят разрушить,
Можешь придти, когда будем делить меж собою добычу, –
Золотом целый корабль для себя ты наполнишь и медью,

9-280

Сам меж троянскими женами ты изберешь себе двадцать
Самых прекрасных наружностью после Елены Аргивской.
Если же в Аргос вернемся, в Ахею, текущую млеко,
Зятем тебя наречет, наравне возвеличит с Орестом,
Кто в изобилии славном воспитан, последнерожденный.

9-285

Дочери три у него, что цветут в пышнозданном чертоге:
Ифианасса, а с ней Лаодика и Хризотемида.
Можешь в Пелеев дворец без подарков, какую захочешь,
Милой женой отвезти, – он в приданое ей предоставит
Столько добра, как никто своей дочери не дал доныне.

9-290

Семь он тебе отделит городов, хорошо населенных:
Гиру средь ярко зеленых лугов, Кардамилу, Энопу,
Скрытую низко средь пастбищ Анфею, священную Феру,
Город прекрасный Эпею, Педас, виноградом обильный,
Все подле моря лежат, от Пилоса песчаного близко.

9-295

Люди живут в них богатые овцами, также быками.
С богом тебя наравне они чествовать будут дарами,
Будут под скипетром твоим платить богатейшие дани.
Вот что тебе он подарит, коль гневаться ты перестанешь.
Если ж и после сего Агамемнон тебе ненавистен,

9-300

Он и подарки его, – пожалей остальных всех данайцев,
Сильно теснимых: тебя почитать они будут, как бога.
Славу великую приобретешь между ними,
Гектора можешь убить: он, на гибель свою обезумев,
Близко к тебе подойдет, ибо мнит, что ему среди ахейцев

9-305

Равного нет никого, сколько их на судах ни приплыло".
И отвечая ему, так сказал Ахиллес быстроногий:
"Зевса питомец, Лаерта дитя, Одиссей многоумный!
Должен я, видно, теперь откровенное высказать слово,
Все, как я думаю в мыслях и как несомненно свершится, –

9-310

Чтобы вы, каждый твердя о своем, надо мной не жужжали.
Точно ворота Аида, мне тот человек ненавистен,
Кто в своих мыслях скрывает одно, говорит же другое,
И оттого я скажу только то, что мне кажется правдой.
Ни Агамемнон Атрид, полагаю, меня не упросит,

9-315

Ни остальные данайцы. Без устали вечно сражайся
С храброй толпой их врагов, – благодарности их не увидишь.
Тот же удел у них ждет и передних бойцов, и отставших,
Даже при жизни и трус, и герой у них в равном почете,
Смерти ж подвластны равно и ленивый, и много свершивший.

9-320

Более незачем мне – ибо сердцем я выстрадал много –
Жизнью своей рисковать и без отдыха биться с врагами.
Точно как птица-наседка всю пищу, какую находит,
В клюве приносит бескрылым птенцам, а сама голодает, –
Также и я не однажды бессонною ночью томился,

9-325

Кровопролитные дни проводил среди битвы тяжелой,
С войском враждебных мужей из-за ваших супругов состязаясь.
Морем плывя на судах, городов я разрушил двенадцать,
Пешим одиннадцать взял на троянской земле плодородной,
Много сокровищ богатых из каждого города вывез.

9-330

Все я принес и вручил Агамемнону, сыну Атрея.
Он же, на быстрых судах позади пребывавший все время,
Взявши добычу, лишь малое роздал, но много присвоил.
Все же знатнейшим вождям и царям он назначил награду.
Всякий свое сохранил. У меня одного из ахейцев

9-335

Отнял жену он любезную, – с нею да спит, наслаждаясь.
Из-за чего аргивяне войну объявили троянцам?
Ради чего Агамемнон собрал и привел это войско?
Разве не ради Аргивской Елены прекрасноволосой?
Так неужели из всех, говорящих раздельною речью,

9-340

Только Атриды супруг своих любят? Нет, каждый разумный
Добропорядочный муж свою любит жену и жалеет.
Так же и ты я любил от души, хоть копьем ее добыл.
Ныне ж, меня обманув и награду отняв, пусть он больше
Не искушает напрасно; теперь хорошо его знаю.

9-345

Пусть он с тобой, Одиссей, и с другими царями обсудит,
Как от глубоких судов отвратить истребительный пламень.
Много и так без меня он свершил уже подвигов трудных,
Стену воздвиг пред судами и ров прокопал пред стеною,
Длинный, широкий весьма, и забил его дно частоколом.

9-350

Все же он этим могуществу Гектора мужеубийцы
Не помешал. А как я среди войска ахейцев сражался,
Битву далеко от стен ему затевать не хотелось;
Только всего он ходил, что до Скейских ворот или дуба.
Раз поджидал меня там и с трудом моей силы избегнул.

9-355

Больше не буду сражаться я с Гектором богоподобным.
Завтра я жертвы сожгу Зевесу и прочим бессмертным,
И на широкое море суда нагруженные сдвину.
Можешь увидеть ты сам, если хочешь и нужным считаешь,
Как по волнам Геллеспонта, обильного рыбой, с зарею

9-360

Полны прилежных гребцов, корабли мои быстро помчатся.
Если счастливый даст путь знаменитый земли колебатель,
Вскоре на третий же день, в плодородную Фтию прибуду.
Много там благ я оставил, сюда направляясь на горе,
Да и отсюда еще отвезу я не мало сокровищ:

9-365

Золото, красную медь, опоясанных жен и железо, –
Все, что по жребию взял. Лишь награду, что сам уделил мне,
Отнял назад Агамемнон Атрид, поступая бесчестно.
Вы всенародно ему передайте, что я поручаю.
Пусть остальные данайцы, как я, негодуют. Быть может,

9-370

Он обмануть замышляет другого еще среди ахейцев,

Муж, облеченный бесстыдством всегда. Но и будучи наглым
Пусть не дерзает в лицо мне взглянуть. Не намерен отныне
С ним я советы держать, и ему я в делах не помощник.
Ибо меня обманул и обидел он. Больше словами

9-375

Не обойдет, полагаю. Довольно с него. Пусть спокойно
Мчится к гибели. Разум отнял у него Олимпиец.
Гнусны дары мне его; я ценю их, как волос упавший.
Дай он мне в десять раз, подари он мне в двадцать раз больше,
Чем он имеет теперь и когда-либо после получит,

9-380

Дай он столько богатств, сколько собрано их в Орхомене,
Или в египетских Фивах – (жилища там полны сокровищ;
В городе том сто ворот, столь широких, что могут из каждых
Двадцать мужей с лошадьми, с колесницами выехать рядом) –
Дай он мне столько богатств, сколько в мире песчинок и пыли,

9-385

Даже тогда не склонит мою душу Атрид Агамемнон,
Прежде чем всю не искупит обиду, что сердцу нанес он.
Не избери себе в жены я дочери юной Атрида.
Если б она в красоте с золотой состязалась Кипридой,
Если б в работах она Синеокой равнялась Афине,

9-390

В жены ее не возьму. Пусть другого найдет он ахейца,
Мужа достойней, чем я, мужа более царственной крови.
Ежели боги меня сохранят, и вернусь я в отчизну,
Сам в свое время Пелей для меня уж отыщет супругу:
Много ахеенок юных в Элладе живет и во Фтии,

9-395

Дочери славных мужей, города защищающих силой.
Ту, что понравится мне, назову дорогою супругой.
Ибо отважное сердце давно уж меня побуждает

Дома с достойной супругой, с законной женой сочетаться
И насладиться богатством, что собрано старцем Пелеем.

9-400

Нет ничего равноценнее жизни. Ничто перед нею
Все достоянье, каким, говорят, Илион многолюдный
Прежде, в дни мира, владел, до прихода ахейского войска,
Или сокровища все, что за каменным скрыты порогом
В доме далеко разящего Феба в Пифоне скалистом.

9-405

Ибо все можно добыть и похитить: треноги из меди,
Тучных овец и быков и коней золотистые гривы;
Только душа человека, едва за уста отлетела,
Вспять не вернется: нельзя ни поймать ее вновь, ни похитить.
Слышал от матери я, среброногой богини Фетиды,

9-410

Будто двоякие Парки конец моей жизни готовят:
Если останусь я здесь, вокруг твердыни троянцев сражаясь,
Мне не вернуться в отчизну, за то буду славой бессмертен.
Если ж домой я отправлюсь, в любезную отчую землю,
Слава погибнет моя, но за то стану сам долговечен

9-415

И не внезапно я буду постигнут кончиною смертной.
Я бы и всем остальным посоветовал детям ахейцев
Плыть по домам: не дождетесь гибели Трои высокой,
Ибо над нею Зевес Олимпиец, далеко гремящий,
Руку в защиту простер, и троянцы воспрянули духом.

9-420

Вы отправляйтесь теперь и знатнейшим вождям среди ахейцев
Речь возвестите мою, – таково преимущество старцев;
Пусть, обсудив, они примут другое решение, получше,
Как бы спасти им суда, а равно и данайское войско
На мореходных судах; ибо то, что надумали ныне,

9-425

Не оказалось удачным: я в гневе своем пребываю.
Феникс же пусть остается средь нас и в палатке ночует,
Чтобы со мною на судне отплыть в дорогую отчизну
Завтра с зарей, если хочет: насильно его не возьму я".
Так он промолвил. Они неподвижно хранили молчанье,

9-430

Слышанной речи дивясь, ибо сильное слово сказал он.
Феникс ему, наконец, престарелый, ответил,
Слезы ручьем проливая, – за флот аргивян он боялся:
"Если, о, славный Ахилл, ты и вправду задумал вернуться,
Если от быстрых судов отвратить истребительный пламень

9-435

Ты не желаешь, и гнев так глубоко запал тебе в душу, –
Как я один без тебя здесь останусь, дитя дорогое?
Старец наездник Пелей послал меня вместе с тобою,
В день, как из Фтии тебя к Агамемнону в Аргос отправил,
Юным еще, не выдавшим войны, без разбора жестокой,

9-440

И не искусным в советах, где многие славы достигли.
С тем он меня и послал, чтоб тебя здесь всему научил я:
Быть и витией в речах, и в делах исполнителем скорым.
Вот почему, дитя дорогое, с тобою расстаться
Я б не желал, даже если б какой-нибудь бог обещал мне

9-445

Старость с меня соскоблить, сделав столь же цветущим, каким я
Был, покидая Элладу, где жены прекрасны,
Гнева отца избегая – Аминтора, сына Ормена.
Из-за наложницы он рассердился прекрасноволосой,
Ибо, ее полюбив, он жену – мою мать – презирать стал.

9-450

Мать же, касаясь колен, беспрестанно меня умоляла
С девой смешаться в любви, чтобы старец ей стал ненавистен,
Так, повинуюсь, я сделал. Узнавши, отец меня вскоре
Проклял проклятьем великим, взывая к Эринниям страшным,
Чтоб на колени к нему никогда не садился любезный

9-455

Сын, от меня порожденный. Исполнили боги проклятье,
Зевс преисподней – Плутон – с Персефоной, внушающей ужас.
В гневе хотел я отца умертвить заостренной медью,
Только, должно быть, бессмертный смирил этот гнев и напомнил
Мне о народной молве и людских укоризнах без счета.

9-460

Как бы потом не прослыть мне меж греками отцеубийцей.
Не позволяло, однако, в груди моей гордое сердце
Дольше в дворце оставатся, покуда отец мой сердился.
Тесной толпою меня обступили друзья и родные,
Долго меня умоляли, чтоб с ними в дворце я остался.

9-465

Тучных немало овец и тяжелых быков криворогих
В жертву заклали они, и не мало свиней утучненных
Было изжарено ими над пламенем ярким Гефеста.
Выпито было немало вина из кувшинов отцовских.
Девять ночей провели они рядом со мной, неотступно

9-470

Стражу держа чередой. Два огня никогда не тушилось:
В портике внешнем один – перед входом во двор защищенный.
В самом чертоге другой – в сенях, у дверей моей спальни.
Чуть лишь десятая ночь для меня опустилась, чернея,
Выломал в спальном покое я крепко сплоченные двери,

9-475

Вышел во двор и, легко чрез ограду его перелезши,
Скрылся от стражи мужей и служанок, меня охранявших.
Долго скитался потом я вдали по Элладе пространной
И, наконец, в плодородную Фтию, где овцы плодятся,
Прибыл к Пелею царю. Там он принял меня благосклонно.

9-480

Вскоре ж, душой полюбив, как отец лишь единого любит
Сына, рожденного к старости лет, средь большого достатка,
Сделал богатым меня и народа мне выделил много.
Жил на границе я Фтии и правил народом долонов.
Я же тебя полюбил от души, мой Ахилл богоравный,

9-485

И возрастил столь большим, – оттого что ни с кем не желал ты
Сесть за обеденный стол или кушать отдельно в чертоге,
Прежде чем я не приду и, тебя посадив на колени,
Не накрошу тебе мяса и кубка с вином не приближу.
Часто, бывало в беспомощном детстве, питье изрыгая,

9-495

Ты мне забрызгивал грудь, и хитон мой вином обливался.
Много я ради тебя потрудился и выстрадал много,
Помня, что волей богов, от меня не родится потомства,
Сына старался обрести я в тебе, Ахиллес богоравный,
Чтоб отвратил от меня ты со временем жребий позорный.

9-490

Ныне молю, Ахиллес, укроти свою гордую душу.
Сердцем не будь беспощаден. Преклонны и самые боги,
Хоть превосходят людей они доблестью, славой и силой.
Если и против богов согрешит человек иль преступит,
Все же смягчить их возможно мольбами. Обетом угодным,

9-500

И возлияньем вина, и жертвой, и запахом жира.

Ибо Мольбы – это дочери Зевса, великого силой,
Хромы. С морщинистой кожей, с глазами, глядящими косо,
Вслед за Обидой они озабоченно сзади плетутся.
Только Обида сильна и проворна: она оставляет

9-505

Их далеко за собой и, всю землю кругом обегая,
Многих язвит, а Мольбы, отставая, несут исцеленье.
Тот, кто приветит представших пред ним дочерей Олимпийца,
Пользу и сам обретет: и они его просьбы услышат.
Кто ж от себя оттолкнет их и с гневом упорным отвергнет,

9-510

Против того обратят они Зевса, моля, чтоб Обида
Всюду гналась вслед за ним, чтоб свой гнев искупил он, терзаясь
Не откажи, Ахиллес, дочерям Олимпийца в почете,
Ибо они преклоняли сердца знаменитых героев.
Если б тебе Агамемнон даров не принес и в грядущем

9-515

Не обещал принести, а упорствовал в гневе жестоком,
Я бы и сам не просил, чтобы ты, отказавшись от гнева,
Детям ахейцев помог, как в тебе ни нуждаются сильно.
Ныне он много дает, да еще обещает в грядущем,
Ныне с мольбою к тебе, средь ахейского войска избравши

9-520

Лучших послал он мужей, всех милее тебе из данайцев.
Не презирай их речей, их поступка не делай бесплодным.
Гнев твой доньне, Ахилл, порицания не был достоин.
Слава идет о мужах, о героях времен стародавних,
Что и они поддавались порою жестокому гневу,

9-525

Но умягчались дарами, словам убежденья внимали.
Старое вспомнил я дело, для вас, может быть и не новость, –
Все же, как было, хочу рассказать вам, друзья дорогие:

– Этолияне, упорные в битве, и войско куретов
Бились вокруг стен Калидона, друг с друга снимая доспехи.

9-540

Этолияне прекрасный родной Калидон защищали,
Войско куретов горело желанием город разрушить.
Эту беду златотронная им Артемида послала
В гневе за то, что Эней от садовых плодов ей начатков
В жертву не сжег. Боги все меж собой гекатомбы делили,

9-535

Жертвы лишь ей не принес он, рожденной от славного Зевса,
Не пожелав иль забыв – оскорбил он в душе ее сильно.
Стрелолобивая дочь Громовержца, объятая гневом,
Вепря послала тогда, белозубого, дикого зверя.
Много вреда причинил он, сады посещая Энея,

9-540

Много деревьев могучих низринул он наземь и спутал
И уничтожил их вместе с цветами плодов и корнями.
Вепря того, наконец, умертвил Мелеагр, сын Энея,
После того, как охотников, вместе с их псами, из чуждых
В помощь призвал городов: ибо с малой толпою не мог он

9-545

Зверя настигнуть, кто многих послал на костер погребальный.
Тут среди мужей этолийских, бесстрашных в бою, и куретов
Брань возбудила богиня, и споры, и шум из-за вепря,
Из-за его головы и покрытой щетиною шкуры.
Долго, пока Мелеагр, любимец Арея, сражался,

9-550

Трудно в бою приходилось куретам. Хоть было их много,
Все же они не могли вне стены городской утвердиться.
Вдруг обуял Мелеагра погибельный гнев, что порою
Сердце волнует в груди у мужей и со здравым рассудком.
Он на родимую мать рассердился в душе, на Алфею,

9-555

И удалился к законной жене – Клеопатре прекрасной,
От белоногой Марпессы, дитяти Эвена, рожденной
И от Идеса, меж всеми людьми, населявшими землю,
Самого сильного мужа: он против царя Аполлона
Лук свой решил поднять, в борьбе из-за нимфы прекрасной.

9-560

Ту Клеопатру отец и почтенная мать Алкионой
Прозвали дома за то, что мать Клеопатры Марпесса,
Равную с многострадальной имея судьбу Алкионой,
Много рыдала, когда ее Феб Дльновержец похитил.
Подле жены отдыхал Мелеагр, снедаемый гневом,

9-565

(Ибо на мать рассердился: она в своей скорби великой
Против него призывала бессмертных за братоубийство.
Пав на колени, обильными грудь орошая слезами,
Яростно била руками она по земле плодоносной
И к Персефоне жестокой, к Плутону взывала с мольбою,

9-570

Смерти для сына прося. И Эринния, ночи жилица,
Неумолимая сердцем, вняла ей из мрака Эреба).
Вскоре вблизи от ворот – так как башни низринуты были –
Грохот сраженья раздался. Тогда этолийские старцы
Самых почтенных жрецов к Мелеагру послали с мольбою

9-575

Выйти и город спасти, обещая большую награду:
От Калидона вблизи, где он почву найдет плодоносней,
Лучший участок земли они выбрать ему разрешили,
Мер в пятьдесят, позволяя одну половину нарезать
Средь виноградных садов, а другую – средь пахоти цельной.

9-580

Старец наездник искусный Эней убеждал его долго,
Стоя извне у порога пред спальным покоем высоким,
В дверь запертую стучась, преклоняя колени пред сыном.
Братья просили его и почтенная мать умоляла.
Он отвечал им отказом. Просили товарищи брани,

9-585

Те, кто вернее других ему был и дороже всех прочих,
Но не могли преклонить его гордое сердце, покуда
Спальный покой не затрясся. А куреты меж тем поднимались
На крепостные валы и уж город кругом поджигали.
Тут Мелеагра супруга прекрасно одетая стала,

9-590

Плача, его умолять, исчисляя пред ним все напасти,
Что угрожают народу, чей приступом город берется:
Мужи убиты оружием, дома превращаются в пепел,
Дети уводятся в плен, как и пышноодетые жены.
Внемля ужасным делам, Мелеагр душою воспрянул,

9-595

Из дому вышел, одетый в доспехи блестящие брани.
Так он погибельный день отклонил от мужей этолийских,
Сердцу покорный. Они же обещанной щедрой награды
После ему не вручили, – однако, он спас их от бедствий.
Не подражай ты ему, мой любезный! Пусть боги иначе

9-600

Мысли настроят твои. Корабли, коль они запылают,
Будет спасти нелегко. Но теперь, примиренный дарами,
С нами ступай. Точно бога, тебя будут чтить аргивяне.
Если ж, отвергнув дары, ты потом уже вступишь в сраженье,
Даже когда победишь, не дождешься ты почестей равных".

9-605

И, отвечая ему, так сказал Ахиллес быстроногий:
"Феникс, потомок Зевеса, о, старец родной! Не нуждаюсь
В почестях их. Я Зевесом почтен; свою помощь, надеюсь,
Мне на судах многоместных и впредь он окажет, покуда
Станет дыханья в груди и колени носить меня будут.

9-610

Я же другое скажу, ты в уме это слово запомни:
Душу мою не смущай, понапрасну стеная и плачась,
Сыну Атрея в угоду: его и любить ты не должен,
Чтоб ненавистным не сделаться мне, кто давно тебя любит.
Должен со мною ты всех оскорблять, кто меня оскорбляет.

9-615

Царский мой сан и почет пополам разделяй ты со мною.
Эти пускай отправляются с вестью; а ты, здесь ночуя,
Ляжешь на мягкое ложе. Затем, с появлением рассвета,
Вместе обсудим: вернуться ль к своим иль остаться подТроей".
Кончивши слово, Патроклу он знак дал бровями безмолвный

9-620

Фениксу мягкое ложе немедля постлать, чтоб скорее
Вспомнили те об уходе из ставки. Тогда Теламонид
Богopodobный Аякс такое им слово промолвил:
"Зевса потомок, Лаерта дитя, Одиссей многоумный,
Должно, как видно, идти, ибо, кажется, цели посольства

9-625

Этим путем не достигнем. Скорей возвестить аргивянам
Слово ответное нужно, – хотя и недоброе слово.
Нас поджидая, они, может быть до сих пор заседают.
Сделалось диким теперь Ахиллесово гордое сердце.
Злобный, не думает он о приязни товарищей прежних,

9-630

Как близ глубоких судов мы его больше всех почитали.

Жалости чуждый в душе! Даже тот, чьего брата убили,
Чье умертвили дитя, искупительный дар принимает.
Выкуп большой уплатив, остается убийца в народе,
А принимающий выкуп, смиряется гордой душою.

9-635

В сердце ж твое, сын Пелея, вселили бессмертные боги
Непримиримую злобу – и все из-за девы единой!
Семь мы теперь предлагаем отборнейших дев, а в придачу
Много подарков других. О, смягчи свое гордое сердце,
Гостеприимство почти! От ахейских дружин мы пришельцы

9-640

Ныне под кровлей твоей, мы, кто более прочих ахейцев
Страстно желали всегда оказать тебе дружбу и верность".
И, отвечая ему, так сказал Ахиллес быстроногий:
"Зевса питомец, Аякс Теламонид, владыка народов,
Мне показалось, что ты от души говорил это слово.

9-645

Но разгорается сердце от гнева, едва лишь припомню
Речи Атрида в тот день, когда он перед войском ахейским
Мне оскорбленье нанес, как пришельцу, лишенному чести.
Но удалитесь теперь и ответную речь возвестите.
Я не подумаю раньше о кровопролитном сраженьи,

9-650

Чем от владыки Приама рожденный божественный Гектор
Не нападет на суда и палатки дружин мирмидонских,
Много ахейцев убив и огнем их суда уничтожив.
Перед моей же палаткой, моим кораблем чернобоким
Гектор, и сильно желая, от битвы воздержится, верю".

9-655

Кончил, и каждый, взяв кубок двойной, совершил возлиянье.
После вернулись они к кораблям, – сын Лаерта шел первым.
Тою порою Патрокл друзьям повелел и служанкам

Мягкое ложе для старца как можно быстрее приготовить.
Те, повинувшись, постель приготовили, как повелел он,

9-660

Шкуры овечьи постлав, одеяло и холст тонкотканый.
Там успокоился Феникс, зари ожидая священной.
Вскоре заснул и Ахилл в глубине своей крепкой палатки.
Рядом легла с ним жена, приведенная им из Лесбоса,
Фарбаса дочь, Диомеда, прекрасноранитная дева.

9-665

Тут же Патрокл в другом лег конце, а с ним рядом заснула
Дева Ифеса, – ее Ахиллес ему дал, покоривши
Скирос высоко лежащий, столицу царя Эниея.
Тою порою послы возвратились в палатку Атрида.
Кубки держа золотые, сидели там дети ахейцев,

9-670

К ним поспешили навстречу и тут же расспрашивать стали:
Первый вопрос предложил им владыка Атрид Агамемнон:
"Что же, скажи, Одиссей многославный, о, гордость ахейцев,
Хочет ли он от судов отвратить истребительный пламень,
Иль отказался и гневом надменное сердце объято"?

9-675

И, отвечая ему, Одиссей многоопытный молвил:
"О, многославный Атрид, о, владыка мужей Агамемнон!
Нет, погасить он свой гнев не желает, но больше, чем прежде,
Ярости полон; тебя же отринул он вместе с дарами.
Сам, говорит он, ты должен средь войска данайцев обдумать,

9-680

Как бы спасти корабли и народ пышнокудрых ахейцев.
Он угрожает, лишь только дождется зари появленья,
В море кривые совлечь корабли, оснащенные крепко.
Так же и всем остальным он советуется детям ахейцев
Плыть по домам; не дождемся, мол, гибели Трои высокой,

9-685

Ибо над нею Зевес Олимпиец, далеко гремящий
Руку в защиту простер, и троянцы воспрянули духом.
Так говорил он и то же повторят вам спутники эти,
Храбрый Аякс, как и оба глашатая, разумом славных.
Феникс остался там спать. Ахиллес предложил ему вместе

9-690

С ним на судах возвратиться в любезную отчую землю
Завтра с зарей, если хочет, насильно его не возьмет он".
Так он промолвил. И все неподвижно хранили молчанье,
Слышанной речи дивясь, ибо сильное слово сказал он.
Долго безмолвно сидели печальные дети ахейцев,

9-695

И, наконец, Диомед, среди боя отважный, промолвил:
"О, многославный Атрид, о, владыка мужей Агамемнон!
Лучше бы ты не просил беспорочного сына Пелея,
Столько даров предлагая. Он был уже раньше надменен,
Ныне же в сердце его ты вселил еще большую гордость.

9-700

Только оставим его – пусть уходит, пускай остается.
Он, может быть еще станет участвовать в битве кровавой,
Если в груди его сердце захочет и боги заставят!
Вы же, друзья, поступите согласно тому, как скажу я.
Спать удалитесь теперь, усладив свое милое сердце

9-705

Хлебом и черным вином, ибо сила от них и отвага.
А с появлением завтра прекрасной зари розоперстой
Ты соберешь пред судами немедленно пеших и конных
И, побудив их к войне, сам в переднем ряду будешь биться".
Так он промолвил, – цари одобренья ответили криком,

9-710

Все удивляясь речам Диомеда, возницы лихого.
Вскоре, свершив возлиянье, вожди разошлись по палаткам;
Там улеглись они спать и вкусили отраду покоя.

* * *

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ О Долоне

Прочие подле судов полководцы ахейского войска
Спали всю ночь до утра, укрощенные сном благодатным.
Лишь на Атрида царя Агамемнона, пастыря войска,
Сладостный сон не сходил: он обдумывал многое в мыслях.
Точно как молнией блещет муж Геры прекрасноволосой,

10-5

Ливень большой бесконечный, иль град посылая на землю,
Или готовя метель, когда снег устилает долины,
Или же горькой войны ненасытную пасть разверзая:
Так непрерывно Атрид Агамемнон из сердца глубоко
Грудью могучей вздыхал; вся внутренность в нем содрогалась.

10-10

Взор обращая вперед, на долину и войско троянцев,
Он изумлялся несчетным кострам, перед Троей горевшим,
Звукам свирелей и флейт, и далекому шуму людскому;
И, озираясь назад, на суда и дружины ахейцев,
С корнем он пряди волос вырывал, обращаясь к Зевесу,

10-15

В светлом живущему небе – стенало в нем гордое сердце.
И показалось Атриду в душе наилучшим решеньем
К Нестору, сыну Нелея, отправиться раньше, чем к прочим,
С ним не удастся ли вместе измыслить совет беспорочный,
Как бы от всех аргивян отвратить неизбежную гибель.

10-20

Быстро с постели поднявшись и грудь облачивши хитоном,
Пару сандалий красивых к блестящим ногам подвязал он,
Бросил на плечи до пят доходившую шкуру
Страшного силой, огромного льва – и мечом ополчился.
Той же порой и царя Менелая тревога объяла,

10-25

Сон и к нему не сходил на ресницы. Он страхом томился,
Не пострадали б ахейцы, что ради него к Илиону
Плыли по влаге пространной, отважные битвы затеяв.
Пестрою барсовой шкурой покрыл он широкую спину,
Медный на голову шлем возложил, от земли приподнявши,

10-30

Также копье захватил длиннотенное в мощную руку
И, разбудить собираясь, отправился к брату, кто властно
Всеми ахейцами правил, как бог, почитаем народом.
Но на корме корабельной его увидал надевавшим
Пышные латы вокруг плеч, – тот пришедшего радостно встретил.

10-35

Первый промолвил тогда Менелай, среди боя отважный:
"Брат дорогой, ты зачем ополчаешься так? Иль намерен
Ты из дружины кого в соглядатаи вызвать к троянцам?
Сильно боюсь, что никто на такой не отважится подвиг, –
Ночью священной пойти одному в неприятельский лагерь,

10-40

Чтобы тайком осмотреть: дерзновенным владел бы он сердцем".
И, отвечая ему, Агамемнон владыка промолвил:
"Ныне и мне, и тебе, Менелай, о, питомец Зевеса,
Нужен полезный совет, что сберечь бы помог иль избавить
Войско ахейцев и флот. Изменились намеренья Зевса,

10-45

И преклонился душою он больше к дарам Приаида.
Ибо еще я досель не видал и рассказа не слышал,
Чтобы один человек столько бед совершил в день единый,
Сколько теперь причинил нам Зевесом возлюбленный Гектор,
Смертный простой, ни богини любезный потомок, ни бога.

10-50

Дел он свершил, о которых, я думаю, долго и часто
Будем, скорбя, вспоминать: столько бед совершил он ахейцам.
Но отправляйся, к судам поскорее беги и Аякса
С Идоменеем зови, я же к Нестору старцу отправлюсь
И посоветую встать, – может быть, он придти согласится

10-55

К страже в отряд их священный, а также начальствовать ими.
Будут охотно они его слушаться; сын его милый
С Идоменеевым другом, вождем Мерионом, над стражей
Приняли власть, им двоим доверяем мы больше, чем прочим".
И отвечал ему так Менелай, полководец бесстрашный:

10-60

"Как посоветуешь мне и прикажешь ты царственным словом:
Там ли среди них оставаться и ждать твоего к ним прихода,
Или назад прибежать, передавши твое порученье?"
Снова к нему обращаясь, владыка сказал Агамемнон:
"Там оставайся; не то разминуться мы можем друг с другом,

10-65

Вместе блуждая: дорог здесь разбито не мало.
Всех окликай на ходу, повели им от сна воздержаться,
Каждого мужа зови ты по отчеству, также по роду,
Всех величай, восхваляй, перед ними не надо гордиться.
Сами должны мы теперь потрудиться. Как видно, с рожденья

10-70

Зевс Олимпиец на нас возложил это тяжкое горе".
Так говоря, царь Атрид отпустил с наставлением брата.

Сам же, немедля, отправился к Нестору, пастырю войска.
Пред кораблем чернобоким, близь ставки, на мягкой постели
Старца нашел он; доспехи прекрасные рядом лежали, –

10-75

Выпуклый щит, два копья, также шлем из блистающей меди;
Тут же был брошен пестро-разукрашенный пояс; им старец
Тело свое опоясывал, в пагубный бой отправляясь,
Войско ведя, – ибо он не смирялся пред старостью грустной.
Голову быстро подняв, он привстал, опираясь на локоть,

10-80

И обратился к Атриду и слово сказал, вопрошая:
"Кто ты, идущий один вдоль судов, по широкому стану,
В мраке ночном, когда люди другие объяты покоем?
Мужа из стражи ночной иль кого из товарищей ищешь?
Голос подай! На меня так не двигайся, молча. Что нужно?"

10-85

И отвечая ему, царь мужей Агамемнон промолвил:
"Нестор, потомок Нелея, великая слава ахейцев!
Ты Агамемнона видишь, кого одного среди смертных
Зевс осудил Олимпиец на вечные муки, покуда
Станет дыханья в груди и двигаться будут колени.

10-90

Так я скитаюсь теперь, оттого что мне сон благодатный
Глаз не сомкнул: о войне и несчastьях данайцев забочусь.
Страшно боюсь за судьбу аргивян, и в душе моей прежней
Твердости нет. Я тревогой объят: из груди моей сердце
Выпрыгнуть хочет и дрожью объяты прекрасные члены.

10-95

Если ты к делу готов – ибо сон и тебя не коснулся –
Дай-ка отправимся к страже поблизости здесь и посмотрим,
Не обессилены ль мужи усталостью вместе с дремотой,
Не улеглись ли и спят, совершенно забыв про охрану.

Враг расположен вблизи; между тем ничего мы не знаем,

10-100

Не порешит ли еще он в течение ночи сразиться".
И, отвечая, сказал ему Нестор, наездник Геренский:
"О, многославный Атрид, о, владыка мужей Агамемнон!
Мудрый Зевес, может статься, не все замышленья исполнит
Гектора, как он теперь ожидает. Еще он, надеюсь,

10-105

Многих натерпится бед, когда славный Ахилл, сын Пелея,
Милое сердце свое отвратит от тяжелого гнева.
Рад я с тобою идти. По дороге и прочих разбудим:
И Диомеда, метателя копий, и сына Лаерта,
Скорого в битвах Аякса и мощного сына Филея.

10-110

Если б к тому ж кто-нибудь согласился пойти и призвать к нам
Идомея царя и Аякса, подобного богу,
Ибо не близко стоят их суда, далеко от нас будет.
Но Менелая царя, как бы ни был он мил и почтенен,
Буду за то порицать – и не скрою, хоть гневаться можешь –

10-115

Что он покоится сном, а тебе предоставил трудиться.
Должен бы сам он теперь потрудиться и войска старейшин
Всех умолять: приближается не выносимое горе".
И, отвечая ему, царь мужей Агамемнон промолвил:
"Сам бы его пожурить я в другое просил тебя время,

10-120

Ибо нередко он медлит и мало желает трудиться.
Он уступает не лени или неспособности мыслить,
Но на меня все взирает и ждет моего понуканья.
Ныне же раньше меня он проснулся и первый явился.
Сам я его отослал пригласить всех, кого ты исчислил.

10-125

Но поспешим. Остальных мы найдем среди стражи
Подле ворот, ибо там я назначил им вместе собраться".
И, отвечая, сказал ему Нестор, наездник Геренский:
"Ежели так, то никто из ахейян его не осудит,
Слову послушным не будет, какое ни даст приказанье".

10-130

Так ему старец промолвил и, грудь облачивши хитоном,
Пару сандалий красивых к блестящим ногам подвязал он,
Плащ на плече застегнул он пурпурного цвета, широкий,
Сшитый из ткани двойной, с густо вьющейся шерстью наружу.
Древко огромное взял с наконечником острым из меди

10-135

И устремился поспешно к судам аргивян меднобронных.
Прежде всего Одиссея, по мудрости равного Зевсу,
Нестор, наездник Геренский, от сна разбудить попытался,
Зычно крича. И донесся тот окрик до сердца героя.
Вышел из ставки он тотчас и слово такое сказал им:

10-140

"Ночью священной зачем вдоль судов по широкому стану
Бродите ныне одни? Неотложное ль дело случилось?
И, отвечая, сказал ему Нестор, наездник Геренский:
"Зевса питомец, Лаерта дитя, Одиссей многоумный,
Ты не сердись, ибо горе большое настигло ахейцев.

10-145

С нами ступай, мы разбудим и всех стальных, с кем прилично
Вместе обдумать совет, бежать ли теперь иль сражаться?"
Так он сказал. Одиссей многоумный вернулся в палатку,
Щит испещренный накиннул на плечи и вышел к обоим.
К сыну Тидея пошли и застали они Диомеда

10-150

Вместе с оружием вне ставки. Кругом почивала дружина;
Каждый под голову щит положил свой: их копья прямые
Воткнуты нижним концом были в землю, а сверху далеко
Медь пламенела, как молнии Зевса отца. Между ними
Спал и герой, подослав недубленную шкуру воловью,

10-155

А в головах у него расстился ковер многоцветный.
Ставши вблизи, разбудил его Нестор, наездник Геренский,
Сильно толкнувши ногой, и корить пробужденного начал:
"Встань, сын Тидея! Ужели всю ночь будешь спать непробудно?
Разве не слышишь, как близко от флота по скату долины

10-160

Дети троянцев сидят? Разделяет нас мало пространства".
Так он сказал, и от сна сын Тидея мгновенно очнулся.
К Нестору речь обращая, он слово крылатое молвил:
"Неутомим ты, о, старец, и не покидаешь работы.
Разве моложе тебя никого нет среди войска ахеев,

10-165

Кто бы теперь согласился от сна разбудить полководцев,
Всех обходя по порядку? Но ты не сговорчив, о, старец!"
И, отвечая, сказал ему Нестор, наездник Геренский:
"Точно, мой милый, все это ты высказал с правдой согласно.
Есть у меня беспорочные дети, есть много дружины.

10-170

Мог бы из них кто-нибудь обойти и созвать полководцев.
Но удручает теперь аргивян величайшее горе.
Ныне ахеев все, на меча острие распростерты,
Либо печальный конец, либо жизнь предстоит и спасенье.
Но поспеши, Филеида и быстрого в битве Аякса

10-175

Сам разбуди, коль жалеешь меня: ты к тому же и младший!"
Молвил. Тот бросил до пят доходившую шкуру
Страшного силой, огромного льва и мечом ополчился.
В путь он немедля пошел и привел, разбудивши, героев.
Вскоре собрались они и, когда очутились меж стражей,

10-180

Ни одного из вождей не нашли от усталости спящим.
Бодрствуя, в ярких доспехах войны, полководцы сидели.
Точно как псы беспокойно овец охраняют в загоне,
Если слышат рычание бесстрашного дикого зверя,
В чащи лесные сходящего с гор; шум смятенья великий

10-185

Люди подъемлют и псы, – в них желание сна погибает:
Также от век полководцев, в ту грустную ночь стороживших,
Сладостный сон отлетел, ибо часто они обращались
В сторону поля, не слышно ль оттуда идущих троянцев.
Радость почуял старик, увидав их, и громко одобрил.

10-190

К ним обращаясь тогда, он промолвил крылатое слово:
"Так вы и впредь сторожите, о, милые дети. Дремоте
Пусть не поддастся никто, да врагов не обрадуем наших".
Так говоря, он чрез ров перепрыгнул. За ним поспешили
Следом цари аргивян, приглашенные им для совета.

10-195

Был Мерион среди них, также Нестора сын благородный,
Ибо цари их просили участвовать в общем совете.
И, через вырытый ров перепрыгнув, они поместились
В месте просторном, где чистой земля оставалась от трупов.
В месте, откуда назад обратился стремительный Гектор,

10-200

Много ахейцев убив, когда ночь всю окрестность покрыла.
Там разместились они и беседовать стали друг с другом.

Первый со словом тогда обратился к ним Нестор Геренский:
"Други! Ужель никого между нами отважное сердце
Не побуждает к бесстрашным троянцам отправиться в лагерь?"

10-205

Мог бы кого из врагов он забрать на окраинах стана,
Мог бы молву как-нибудь он услышать о том средь троянцев,
Что порешили они в своем сердце? Упорно ль желают
Здесь оставаться вблизи от судов, иль намерены скоро
В город обратно уйти, покоривши ахейское войско?

10-210

Все это выведать мог бы, потом невредимый обратно
К нам бы пришел. Велика в поднебесной была б его слава
Между людьми, и почетный ему бы достался подарок.
Сколько ни есть воевод, что судами начальствуют властно,
Каждый отдельно овцу ему черную в дар предназначит,

10-215

Матку с ягненком сосущим, – награду, которой нет равной.
Будет присутствовать он на пирах и собраниях".
Так он промолвил, и все неподвижно хранили молчанье.
И, наконец, Диомед отозвался, средь боя отважный:
"Нестор, меня побуждает и сердце и дух мой бесстрашный

10-220

В лагерь враждебных мужей, пребывающих близко троянцев,
Тайно проникнуть. Но если б другой мне сопутствовал воин,
Крепче была бы надежда, и тверже решимость обоих.
Двое коль вместе идут, кто-нибудь всегда раньше заметит,
Как им полезнее быть, но один, даже если б заметил,

10-225

Все ж неподвижнее духом, – его измышленья слабее".
Так он сказал, – и сопутствовать много вождей пожелало:
Вызвались оба Аякса, служители бога Арея,
Вызвался вождь Мерион, также Нестора сын благородный,

Вызвался царь Менелай, сын Атрея, копьем знаменитый,

10-230

Да Одиссей терпеливый идти пожелал и проникнуть
В лагерь врагов, ибо сердце в груди его вечно дерзало.
Слово тогда между ними сказал царь мужей Агамемнон:
"О, Диомед, сын Тидея, душе моей много любезный!
Выбери сам ты кого пожелаешь, в товарищи мужа,

10-235

Из предстоящих сильнейшего, – вызвалось много героев!
Только из чувства стыда как бы ты не забыл о храбрейшем,
Как бы не выбрал кого послабее, стыду ли поддавшись,
Или взирая на знатность рожденья и первенство власти".
Так он сказал, опасаясь в душе за царя Менелая.

10-240

Слово промолвил опять Диомед, среди боя отважный:
"Если вы мне самому разрешите товарища выбрать,
Как позабуду тогда о божественном я Одиссее, –
Муже, чей дух непреклонный находчив во всякой напасти,
И возлюбила которого дочь Громовержца Афина.

10-245

Если его да в попутчики мне, – из огня невредимо
Оба вернемся к судам, оттого что он думать умеет".
И терпеливый ему отвечал Одиссей богоравный:
"Не восхваляй меня слишком и не порицай, сын Тидея!
Ибо ты речь обращаешь к ахейцам, кто все это знает.

10-250

Но поспешим. Подвигается ночь, и заря уже близко.
Звезды ушли далеко и склонились. Уж больше двух долей
Ночи прошло; только третья нам доля осталась".
Так говоря, облачились в доспехи блестящие оба,
Сыну Тидееву дал Фразимед, внук возницы Нелея,

10-255

Меч обоюдный и щит (тот свои подле судна оставил).
Кожаный шлем возложил он на голову сына Тидея,
Шлем без султана и гребня; зовут его плоскою каской,
Голову им защищают в бою лишь бойцы молодые.
А Мерион Одиссею свой лук предоставил с колчаном,

10-260

Дал ему меч и на голову шлем возложил свой, из кожи
Сделанный крепко. Внутри этот шлем неразрывно смыкался
Множеством тонких ремней, а снаружи держался клыками
Белыми от среброзубого вепря, усаженный ими
Дивно, с искусством большим, – посредине ж был войлоком выстлан.

10-265

Некогда отнял его у Аминтора, сына Ормена,
Вождь Автолик в Елеоне, разрушив дворец его крепкий.
Амфидамасу Киферскому шлем подарил он в Скандее;
Амфидамас подарил его Молу на память, как гостю;
Тот его отдал носить Мериону, любезному сыну;

10-270

Голову он Одиссея теперь покрывал, защищая.
Оба вождя, ополчившись в доспехи ужасные брани,
Быстро ушли, оставляя на месте других полководцев.
Справа тогда от пути им богиня Паллада Афина
Цаплю навстречу послала; ее не видали глазами

10-275

В сумерках ночи они, только слышали, как закричала;
Птице обрадован был Одиссей и взмолился Афине:
"Внемли молитве моей, дочь Эгидодержавного Зевса!
Ты, кто во всех мне трудах предстоишь, от кого не могу я
Скрыться, куда бы ни шел, – возлюби меня ныне, Паллада!

10-280

Дай невредимым вернуться к судам, хорошо оснащенным,
Дело большое свершить, чтоб запомнили дети троянцев!"
В свой же черед Диомед стал молиться, средь боя отважный:
"Ныне услышь и меня, непобедная дочь Громовержца!
Ты мне сопутствуй, как прежде отца моего провожала

10-285

В Фивы, когда богоравный Тидей был послом от ахейцев.
Он близь Азопа реки меднобронных ахейцев оставил!
Сам же со сладкою речью к потомкам отправился Кадма.
А на возвратном пути много подвигов страшных свершил он,
С дивной богиней, с тобой, помогавшей ему благосклонно.

10-290

Также теперь благосклонно и мне помогай, охраняя.
Жертвой тебя я почту – годовалою телкой лобастой,
Не подведенной никем под ярмо и трудом не смиренной.
Телку такую тебе принесу я, рога позлативши".
Так умоляли они. И вняла им Паллада Афина.

10-295

Дочери Зевса великого кончив мольбы, зашагали
Оба, подобно двум львам, окруженные темною ночью,
Смертью, телами убитых, оружием и черною кровью.
Но и троянцам божественный Гектор уснуть не дозволил,
А приказал воедино созвать всех старейшин троянских,

10-300

Всех полководцев и вместе советников, сколько их было.
Собранным Гектор тогда предложенье разумное сделал:
"Кто обещает из вас за великий подарок исполнить
Дело, что я предложу? То желанная будет награда,
Ибо я дам колесницу и пару коней крутошеих –

10-305

Лучших из всех, что на быстрых ахейских судах обретутся,
Дам их тому, кто, себе добывая великую славу,
Близко к судам быстроходным решится пойти и разведать,
Все ли враги охраняют свои корабли, как доныне,
Или уже, укрощенные силою рук наших тяжких,

10-310

Мысли о бегстве домой обсуждают и больше нельзя им
Стражу ночную держать, изнуренным усталостью страшной".
Так он промолвил, и все неподвижно хранили молчанье.
Был средь троянцами некто Долон по названью, Эвмеда
Вестника сын, много меди и золота много имевший,

10-315

Воин, весьма безобразный на вид, но проворный ногами.
Был он единственный сын меж пятью дочерьми у Эвмеда.
К Гектору он и троянцам со словом тогда обратился:
"Гектор, меня побуждает и сердце, и дух мой отважный
Близко к судам быстроходным пойти и что нужно разведать.

10-320

Только сперва поклянись мне, свой царственный скипетр поднявши,
И обещаю подарить колесницу, блестящую медью,
И лошадей, что везут беспорочного сына Пелея.
Буду разведчик не праздный, не ниже твоих ожиданий,
Ибо пойду я по стану ахейцев, пока не достигну

10-225

Судна Атреева сына, где верно теперь полководцы
Держат совет меж собою, бежать ли иль дальше сражаться".
Так он промолвил, и Гектор взял в руки свой жезл и поклялся:
"Сам да услышит Зевес, муж Геры, высоко гремящий:
Не повлекут никого из троянцев те кони другого, –

10-330

Ты лишь один, обещаю, всегда ими будешь гордиться".
Так он сказал и напрасно поклялся, Долона ж уверил.

Крепкий изогнутый лук он немедля накиннул на плечи,
Поверху лука окутался шкурою серого волка,
Шлемом покрылся хорьковым и в руки взял дрот заостренный.

10-335

Быстро от стана пошел он к судам; от судов же обратно
Не суждено ему было доставить ответ Приамиду.
Чуть лишь покинул он стан, где теснились и люди, и кони,
И зашагал по дороге, – его приближенье заметил
Зевса потомок герой Одиссей и шепнул Диомеду:

10-340

"Вон, посмотри, Диомед, приближается кто-то из стана,
Только не знаю, к судам ли идет соглядатаем тайным,
Или желает совлечь с одного из убитых доспехи.
Пусть он сперва нас минует, немного пройдет по долине,
После вдвоем устремившись, его без труда мы поймаем.

10-345

Если же ног быстротою он нас превосходит обоих,
Нужно, копьем угрожая, к судам его гнать постоянно,
Дальше от войска троянцев, чтоб в город не спасся он бегством".
Так говоря, они оба легли и укрылись меж трупов
Подле дороги; спеша, мимо них он прошел, безрассудный,

10-350

Но удалился едва на длину борозды, что проходит
Пара мулов (им всегда пред волами дают предпочтенье,
Ежели плугом тяжелым глубокую новь подымают),
Оба погнались за ним. И он стал, чуть услышав их топот,
Думая в сердце своем, не друзья ли его пожелали

10-355

В лагерь троянский вернуть. Не зовет ли блистательный Гектор.
И уж когда на полет отстояли копья, или меньше,
В них, наконец, узнает он враждебных мужей и расправил
Быстрые ноги для бегства; они ж догонять устремились.

Точно два пса острозубых, искусных в охоте за зверем,

10-360

Долго без устали зайца преследуют или оленя
Местом лесистым, а он убегает пред ними и стонет:
Так сын Тидея и с ним Одиссей, городов разрушитель,
Долго без устали гнали Долона, отрезав от войска.
Но перед тем, как он, в бегстве к судам, уже должен был скоро

10-365

Стражи достигнуть, Афина внушила совет Диомеду,
Дабы никто из ахейн, гордясь, что его предвосхитил,
Первый не ранил троянца, а сам он вторым не явился.
И, замахнувшись копьем, закричал сын Тидея могучий:
"Стой или брошу копье. И тогда, уповаю, недолго

10-370

Будешь ты жить, избежав моих рук и погибели черной".
Молвил и бросил копье, но того не задел им нарочно.
Прямо над правым плечом пролетев, заостренное древко
В землю вонзилось концом. Весь дрожа, бормоча от испуга,
Стал неподвижно троянец; во рту его зубы стучали,

10-375

Бледность покрыла лицо. Запыхавшись, они подбежали,
За руки взяли его. Он же, плача, промолвил им слово:
"В плен заберите живым! Откуплюсь. Ибо есть у нас дома
Золота много и меди, чеканного много железа.
Радостно вам от всего даст отец мой бесчисленный выкуп,

10-380

Если узнает, что жив, на ахейских судах обретаюсь".
И, отвечая ему, Одиссей многоумный промолвил:
"Ты ободрись и пусть мысли о смерти души не смущают.
Лучше ты вот что поведай и все разъясни мне подробно:
К нашим судам ты зачем из троянского стана приходишь

10-385

Темною ночью один, когда смертные спят остальные?
Мертвое тело задумал тайком обнажить от доспехов,
Гектор послал ли тебя, чтобы высмотрел все ты украдкой
Подле глубоких судов, иль душа самого побудила?"
Быстро ответил Долон, его члены от страха дрожали:

10-390

"Гектор мне ум затемнил, чтоб в несчетные беды повергнуть,
Мне обещал подарить колесницу, блестящую медью,
И быстроногих коней благородного сына Пелея.
Он то меня побудил быстролетною черною ночью
Близко к враждебным мужам подойти и украдкой разведать,

10-395

Все ль охраняются ваши суда, как доньше бывало,
Или, уже укрощенные силою рук наших тяжких,
Вы обсуждаете мысли о бегстве и больше нельзя вам
Стражу ночную держать, изнуренным усталостью страшной".
И, улыбаясь, ему Одиссей многоумный промолвил:

10-400

"Истинно, сердце твое захотело великих подарков,
Быстрых коней Эакида – героя! Да людям-то смертным
Их нелегко укрощать и трудно впрягать в колесницу,
Всякому, кроме Ахилла, рожденного вечной богиней.
Только ты вот что поведай и все разъясни мне подробно:

10-405

Где, удаляясь, оставил ты Гектора, пастыря войска?
Где боевые доспехи стоят у него и где кони?
Как расположены прочих троянцев палатки и стражи?
Что замышляют они в своем сердце? Упорно ль желают
Здесь оставаться вблизи от судов, иль намерены скоро

10-410

В город обратно уйти, покоривши ахейское войско?"
И, отвечая на это, Долон, сын Эвмеда, промолвил:
"Все я тебе расскажу и вполне обозначу подробно.
Гектор, от шума вдали, окруженный толпою старейшин,
Держит совет пред курганом царя богоравного Ила.

10-415

Что же до стражи ночной, о которой, герой, вопрошаешь,
Нет никого, кто б наряжен был войско стеречь, ограждая.
Только в местах, где у Троян пылают костры, поневоле
Бодрствуют люди кругом, окликаая друг друга для стражи.
Все же союзники мужи, из стран приглашенные многих,

10-420

Спят, предоставив троянцам самим охранять свое войско.
Ибо не их здесь поблизости дети живут и супруги".
И, прерывая его, Одиссей многоумный промолвил:
"Как они спят, вперемежку среди храбрых наездников Трои,
Или от них в стороне? Говори, да узнаю всю правду".

10-425

И, отвечая на это, Долон, сын Эвмеда, промолвил:
"Все я тебе расскажу и вполне обозначу подробно.
Рать пеонян криволуких, карийцев, лелегов, кавконов
И богоравных пеласгов покоятся к морю поближе.
Войску ж фригийских наездников, конных мэонян, ликийцев

10-430

И непреклонных мизийцев назначено место близь Фимбры.
Только зачем от меня вы все это разведать хотите?
Если намерены тайно вы в лагерь троянский проникнуть,
Сзади, отдельно от всех, новопришлые стали фракийцы.
С ними и Рез, их властитель, рожденный от Эионея.

10-435

Видел его я коней, красотой превосходных и ростом.
Цветом белее, чем снег, быстротою похожих на ветер.
Золото и серебро украшают его колесницу,
И золотые с собой он доспехи привез боевые,
Пышные, чудо для глаз; не людям бы смертнорожденным

10-440

Эти доспехи носить, а богам, существующим вечно.
Но поведите меня вы теперь к кораблям быстроходным,
Или же здесь, наложив беспощадные узы, оставьте,
Дабы пойти вы могли и проверить меня, убедившись,
Верно ли это я все говорю вам теперь, иль неверно".

10-445

Но, исподлобья взглянув, Диомед ему молвил могучий:
"Ты на спасенье, Долон, понапрасну в душе не надейся,
Давши полезный совет, оттого что попал в наши руки.
Если теперь мы тебя назад отошлем и отпустим,
После ты снова придешь к кораблям быстроходным ахейцев,

10-450

С тем, чтоб высматривать тайно, иль с нами открыто сражаться.
Если ж, моею рукой укрощенный, ты жизни лишишься,
Больше уже никогда повредить агивянам не сможешь".
Так он сказал. И Долон, подбородка рукою касаясь,
Начал молить, но Тидид, замахнувшись мечом, посредине

10-455

В шею его поразил, и обе рассек ему жилы.
Губы шептали еще, когда в прах голова покатилась.
С мертвого тела немедленно шлем они сняли хорьковый
Вместе со шкурою волчьей, и дротом, и луком упругим.
Поднял высоко в руке Одиссей богоравный доспехи

10-460

В славу Афины, дающей добычу, и так ей промолвил:
"Радуйся дару, богиня! Меж всеми богами Олимпа

К первой тебе мы взывали. В награду за это, Афина,
Ты нам сопутствуй теперь к лошадям и палаткам фракийцев".
Так он сказал и, высоко поднявши доспехи, повесил

10-465

Их на мириковый куст; тут же явственный знак положил он,
Стеблей нарвав камыша и мириковых веток цветущих,
Чтоб не искать, на возвратном пути темной ночью.
И, окруженные бранным оружием и черною кровью,
В путь они дальше пошли и достигли отряда фракийцев.

10-470

Те почивали, трудом изнуренные; тут же доспехи
Пышные их в три ряда на земле расположены были
В должном порядке, и пара коней перед каждым стояла.
Рез посередине лежал; рядом с ним быстроногие кони
К внешней скобе колесницы привязаны были ремнями.

10-475

И Одиссей, увидав, указал на него Диомеду:
"Вот, сын Тидея, тот муж, вот и кони его, о которых
Нашей рукой умерщвленный лазутчик Долон говорил нам.
Что же, теперь прояви свою храбрость и силу. Не время
Праздно с оружием стоять. Отвяжи лошадей поскорее,

10-480

Или мужей убивай, о конях же я сам позабочусь".
Так он сказал, и Афина вдохнула в героя отвагу.
Стал он рубить вокруг себя, и раздались ужасные стоны
Тех, кого меч поражал; и земля вся окрасилась кровью.
Точно как лев, что подкрался тайком к беззащитному стаду

10-485

Коз иль овец и обрушился вдруг, замышляя худое:
Так Диомед напал на фракийцев, покуда двенадцать
Не умертвил среди них. И кого, подойдя, сын Тидея,
Тяжким мечом поражал, Одиссей многоумный немедля

За ноги сзади хватал и прочь отволакивал тело,

10-490

В мыслях заботясь о том, чтоб скорей пышногривые кони
Вышли из стана врагов, чтоб не дрогнули сердцем от страха,
Если пойдут по телам, ибо к трупам еще не привыкли.
Тою порой Диомед приближался к владыке Фракийцев.
Рез был тринадцатый муж, кого сладостной жизни лишил он

10-495

Тяжко стонавшим: в ту ночь Диомед в сновидении тяжком
Над изголовьем его, по внушенью Афины, склонился.
Цельнокопытных коней между тем Одиссей терпеливый
От колесницы отпряг и, связавши их вместе ремнями,
Вывел скорее из лагеря, луком своим погоняя:

10-500

Бич он блестящий забыл захватить в колеснице прекрасной.
После он свистнул, зовя богоравного сына Тидея.
"Тот же, замедлив, решал, как теперь поступить дерзновенней:
Взять ли ему колесницу, где сложены были доспехи,
Вывести иль унести, подымая высоко,

10-505

Или ж дыханье похитить у множества спящих фракийцев.
Но между тем как все это он взвешивал в мыслях, Афина,
Ставши вблизи, богоравному сыну Тидея сказала:
"Вспомни, Тидид, о дороге обратной к судам углубленным,
Дабы отсюда тебе не пришлось потом бегством спасаться,

10-510

Ежели кто из бессмертных троянское войско разбудит".
Так говорила она. Он послушался речи богини,
Быстро вскочил на коней, Одиссей их стегнул своим луком,
И полетели они к кораблям быстроходным ахейцев.
Но сторожил не напрасно и Феб Аполлон сребролукий,

10-515

Как увидал, что Афина сопутствует сыну Тидея.
Гневом пылая, проник он в толпу многолюдную Троян
И разбудил среди фракийцев разумного Гиппокоона.
Славного родича Реза. Тот, богом от сна пробужденный,
Видя пространство пустым, где быстрые кони стояли,

10-520

Видя мужей, трепетавших в мучениях смерти ужасной,
Вопль испустил из груди и товарища милого кликнул.
Шум и смятенье без меры поднялись по стану троянцев.
Люди, сбегаясь толпами, взирали на страшное дело,
Тою порой, как свершители к быстрым судам удалялись.

10-525

Места достигнув, где Гектора был умерщвлен соглядатай,
Быстрых коней задержал сын Лаерта, любезный Зевесу;
Прыгнув на землю, Тидид передал Одиссею доспехи.
Кровью и прахом покрытые; сам же, вскочивши обратно,
Быстрых стегнул лошадей; те к глубоким судам полетели

10-530

Не против воли своей, ибо мчаться им по сердцу было.
Раньше, чем прочие, Нестор услышал их топот и молвил:
"Милые друзья, вожди и советники войска ахейн!
Правду ль скажу иль солгу, но душа говорить побуждает.
Топот коней быстроногих мне в слух западает.

10-535

Если б то Лаертид с Диомедом, в сраженьях могучим,
Цельнокопытных коней из троянского стана пригнали!
Только я сильно в душе за аргивских вождей опасуюсь,
Не пострадали ль они, меж троянцев поднявши тревогу".
Слова старик не окончил, как оба вождя прилетели.

10-540

Тотчас они соскочили на землю и все их, ликуя,
Правой рукой привечали и медоточивую речью.
Первый расспрашивать начал их Нестор, наездник Геренский:
"Ты нам скажи, Одиссей знаменитый, ахейская слава,
Как лошадей вы достали? В толпу ли троянцев проникли,

10-545

Или бессмертный какой, вам навстречу идя, подарил их,
Солнца лучам светозарным они совершенно подобны!
Я всегда обращаюсь с троянцами; празно, надеюсь,
Я не стою пред судами, хотя и седой уже воин;
Но я таких лошадей не видал, не приметил доньне!

10-550

Бог, без сомненья, навстречу явившийся, вам даровал их:
Ибо вас любит обоих Зевес, облаков собиратель,
И синеокая дочь Эгидодержавного Зевса".
И, отвечая ему, Одиссей многоумный промолвил:
"Нестор, потомок Нелея, великая слава ахейцев!

10-555

Бог, если б он пожелал, лошадей и получше бы этих
Мог нам легко подарить, так как вечные боги всеильны.
Эти же кони, старик, о которых меня вопрошаешь,
Внове пришли из Фракии; царя, управлявшего ими,
Храбрый убил Диомед, с ним – двенадцать товарищей ратных;

10-560

Счетом тринадцатым пал соглядатай, настигнутый нами
Близь кораблей углубленных. Лазутчиком к нашему войску
Гектор отправил его и другие советники Трои".
Так говоря, он погнал через ров лошадей быстроногих,
Сердцем ликуя; за ним, веселясь, перешли и другие.

10-565

Вскоре достигли они крепкозданной палатки Тидида
И лошадей привязали скроенными гладко ремнями
К яслям просторным, где прочие все Диомеда стояли
Цельнокопытные кони, питаясь пшеницею сладкой.
А Лаертид взял покрытые кровью доспехи Долона

10-570

И на корму положил в ожидании жертвы Афине.
Оба героя затем погрузились в широкое море, обильный
Пот отмывая на голенях, бедрах могучих и шее.
После ж того как морская волна от обильного пота
Кожу очистила их и сердце в груди оживила,

10-575

В гладкие ванны они перешли и водой обливались.
Кончив купанье и тело блестящим намазавши маслом,
Сели за ужин они – и вино возливали Афине
Сладкое столь же, как мед, из наполненной черпая чаши.

* * *

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Подвиги Агамемнона

С ложа восстала Заря и с прекрасным рассталась Тифоном,
Свет собираясь нести и бессмертным, и смертнорожденным.
Зевс ниспослал к кораблям быстроходным ахейского войска
Неодолимую Распря, державшую знаменье брани.
Стала она перед черным большим кораблем Одиссея,

11-5

Средним из всех, чтоб ее на обоих концах было слышно,
Как у палаток Аякса, дитяти царя Теламона,
Так и палаток Ахилла: и тот и другой поместили
С краю свои корабли, полагаясь на силу и доблесть.
Став посредине меж ними, богиня воскликнула громко

11-10

Голосом зычным и страшным и каждому в сердце ахейцу
Буйную силу вдохнула и страсть воевать и сражаться.
И показалась война им внезапно милей возвращенья
На кораблях углубленных в любезную отчую землю.
Крикнул тогда и Атрид, повелев опоясаться в битву

11-15

Детям ахейян, и сам стал в блестящую медь облачаться.
Прежде всего наложил он на голени латы ножные,
Дивные видом; они на серебряных пряжках держались.
Панцирь затем закрепил вокруг могучей груди. Этот панцирь
В прежнее время Кинир подарил ему в память, как гостю.

11-20

Ибо до слуха Кинира на Кипре молва долетела,
Ради чего на судах аргивяне под Трою собрались;
Панцирь тогда подарил он, царю аргивян угождая.
Десять в том панцире было полос из чернеющей стали,
Двадцать полос оловянных, двенадцать из золота было.

11-25

Иссиня-темные змеи на панцире к шее тянулись,
По три с обеих сторон, точно радуга, что Олимпиец
В туче своей укрепляет, как знаменье смертнорожденным.
После того через плечи властитель Атрид перекинул
Меч, золотыми сверкавший гвоздями, в ножны заключенный

11-30

Из серебра; золотая их перевязь плотно держала.
Взял он прекрасный свой щит, укрывающий мужа, тяжелый;
Десять изогнутых медных полос этот щит окружали,
И между ними виднелись из олова выпуклин двадцать
Белых, а в самой середине – одна из чернеющей стали.

11-35

С краю тот щит был увенчан свирепо глядящей Горгоной,
Страшной для взора, и Трепет и Страх с нею рядом виднелись.

Из серебра прикреплялась к щиту рукоять, на которой
Иссиня-темный дракон наверху извивался трехглавый;
Головы, вместе сплетаясь, из шеи одной вырастали.

11-40

Выпуклый шлем на себя он надел с четырьмя ободками,
С конскою гривой и гребнем, вверху колебавшимся грозно.
Два он взял крепких копья, заостренною медью обитых,
И далеко до небес восходило сиянье от меди.
Гроном тогда потрясли и Паллада Афина и Гера

11-45

В славу того, кто царил над Микеною златообильной.
Тою порой полководцы, отдав приказанье возницам
В должном порядке держать колесницы от рва недалеко,
Сами в оружии бранном вперед устремились поспешно,
И несмолкаемый гомон поднялся еще до рассвета.

11-50

Конных с трудом обогнав, пехотинцы у рва поместились,
И, отставая слегка, подвигались во след колесницы.
Зевс Громовержец меж ними зловещее поднял смятенье
Капли кровавой росы из эфира на землю роняя:
Много отважных голов захотел он в Аид ниспровергнуть.

11-55

В свой же черед ополчались троянцы по скату долины
Вкруг исполинского Гектора, Полидамаса героя,
Также Энея, Кто войском троянцев как бог почитался,
Трех сыновей Антенора, Полиба, вождя Агенора
И молодого бойца Акамаса, подобного богу.

11-60

Гектор стал в первом ряду, со щитом равномерно-округлым.
Как иногда из-за тучи звезда роковая проглянет,
Ярко блеснет и опять же за темную скроется тучу:
Так и стремительный Гектор, давая войскам приказанья,

То средь передних бойцов, то средь задних на миг появлялся.

11-65

Медью он весь пламенел, точно молния Зевса Кронида.
Словно жнецы, что иду полосой пшеницы иль жита,
Друг против друга навстречу, на поле богатого мужа,
И перед ними валятся охапки густые колосьев:
Так аргивяне и Трои сыны, нападая взаимно,

11-70

Смерть разносили; никто о погибельном бегстве не думал.
Близко лицом они бились к лицу и, как волки, бросались.
Распря, причина страданий, взирая на них, веселилась;
Только одна из бессмертных она находилась в сраженьи,
Боги же прочие все, удалившись от боя, спокойно

11-75

В светлых сидели дворцах, там, где каждому богу отдельно
Дивный построен чертог средь глубоких ущелий Олимпа.
Все обвиняли они облаков собирателя Зевса
В том, что троянскую рать порешил возвеличить он славой.
Только Отец пренебрег их словами. Ушедши далеко,

11-80

Сел он от всех в стороне и один своей славой гордился,
Глядя на город троянцев, на флот быстроходный ахеян,
На пламеневшую медь, на героев, что гибнут и губят.
Долго, покуда светало и день разрастался священный,
Сыпались стрелы с обеих сторон и валились герои.

11-85

А с приближением часа, когда приступает к обеду
Муж дровосек на горе, ибо, лес подрубая высокий,
Руки его притомились, душой овладела усталость,
И разгорелось в сердце желание сладостной пищи, –
Славные дети ахеян отважно прорвали фаланги,

11-90

Вдоль по рядам окликая друг друга. И царь Агамемнон
Бросившись первый, убил Бианора, начальника войска,
Вместе с возницей его, Оилеем, наездником резвым.
Тот, соскочив с лошадей, устремился навстречу Атриду.
Но, как рванулся вперед, сын Атрея копьем заостренным

11-95

Прямо сразил его в лоб; не препятствовал шлем меднотяжкий,
Но через шлем острое пролетело и кость проломило,
Мозг сотряхнулся внутри, и смирился порыв Оилея.
Вскоре властитель мужей Агамемнон покинул их трупы,
Голой белевшие грудью, – с обоих совлек он хитоны, –

11-100

И устремился вперед, чтобы Иса повергнуть с Антифом,
Двух от Приама рожденных законного сына с побочным,
Бывших в одной колеснице. Побочный в ней правил конями,
Рядом в оружьи стоял и сражался Антиф благородный.
Некогда, пасших овец, их забрал на прогалинах Иды,

11-105

Гибкой лозою связав, Ахиллес, но дал волю за выкуп.
Царь Агамемнон, герой, облеченный обширною властью,
Иса ударил копьем прямо в грудь под сосцом, и Антифа
Острым мечом поразил подле уха и сверг с колесницы.
Быстро с обоих совлек он доспехи прекрасные брани,

11-110

Ибо узнал их, выдав уже раз близ судов быстроходных,
В день, как с Идейских высот их привел Ахиллес быстроногий.
Точно как лев проникает в убежище лани проворной,
И, захватив ее нежных детей в свои крепкие зубы,
Кости дробит им легко и лишает их жизни веселой,

11-115

Мать им не может помочь, даже если б вблизи находилась,
Ибо сама в это время бессильною дрожью объята
И без оглядки бежит от неистовства мощного зверя
Мимо дубов, чрез кусты, задыхаясь, покрытая потом:
Так не могли и троянцы от смерти спасти Приамидов,

11-120

Ибо и сами они перед войском ахеян бежали.
После того он пошел на Пизандра с бойцом Гипполохом,
Двух сыновей Антимаха, отважного сердцем. Когда-то
Золото взял у Париса, подкупленный даром блестящим,
Более всех помешал он Елену вернуть Менелаю.

11-125

Ныне его сыновей захватил Агамемнон владыка,
Бывших в одной колеснице и правивших вместе конями.
Тотчас блестящие вожжи из трепетных рук ускользнули.
Оба застыли, когда Агамемнон, как лев, появился.
Из колесницы взмолились они, упав на колени:

11-130

"Жизнь подари нам, Атрид, и достойный получишь ты выкуп.
Много сокровищ лежит в чертоге царя Антимаха,
Золота много и меди, чеканного много железа.
С радостью даст от всего наш отец тебе выкуп бесценный,
Если узнает, что мы на судах обретаемся живы".

11-135

Слезы ручьем проливая, царя они так умоляли
Медоточивую речью, но горькому вняли ответу:
"Если вы дети того Антимаха, отважного сердцем,
Кто обратился когда-то к собранью троянцев с советом
Не отпустить к аргивянам, но тут же убить Менелая,

11-140

С вестью пришедшего в Трою с божественным сыном Лаерта,
То за бесславную дерзость отца вы заплатите ныне".
Так он сказал и Пизандра во прах с колесницы низвергнул,
В грудь поразивши копьем, и тот грохнулся навзничь на землю,
А Гипполох соскочил, но его на земле умертвил он,

11-145

Руки мечом отрубил и с размаху рассек ему шею,
После толкнул, что колоду, и тот чрез толпу покатился.
Мертвых покинул Атрид, а за ним остальные ахейцы
Все устремились туда, где стеснились фаланги троянцев.
Пещие пещих губили, бежавших помимо желанья,

11-150

Конные резали конных блистающей острою медью.
Пыль поднялась над землей из-под звонких копыт лошадиных
Но Агамемнон Атрид неустанно преследовал войско,
Сам убивая мужей и ахеян других побуждая.
Точно на девственный лес истребительный падает пламень,

11-155

Ветер закрутит его и разносит по всем направлениям,
С корнем валятся кусты, вырываемы силой пожара:
Так под рукой Агамемнона головы наземь валились
Быстро бегущих троянцев. И много коней крутошеих
По полю мчалось, со звоном влача колесницы пустые,

11-160

О беспорочных возницах скорбя. Те же в прахе лежали
Мертвые, коршунам хищным отныне милей, чем супругам.
Гектора Зевс той порой удалил и от стрел и от пыли,
От мужегубной резни, от смятения битвы и крови.
Сын же Атрея, взывая к своим, за троянцами гнался.

11-165

В город спасаясь, они по долине к смоковнице мчались
Мимо гробницы потомка Дарданова, древнего Ила.

Но Агамемнон властитель преследовал их неустанно,
Зычно крича, и в крови обагрят непобедные руки.
А добежавши до Скейских ворот и достигнувши дуба,

11-170

Стали троянцы недвижно, мужей остальных поджидая.
Те посредине долины бежали, как будто коровы,
Если рассеет их лев, нападаая средь сумрака ночи;
Все убегут, но одну настигает жестокая гибель;
В мощные зубы схватив, он сперва раздробит ей затылок,

11-175

После горячую кровь и всю внутренность жадно проглотит:
Так Агамемнон Атрид, умерщвляя последнего мужа,
Неутомимо их гнал и бежали они в беспорядке,
Падая наземь с коней под рукою могучей Атрида,
Навзничь и ниц; вкруг себя бушевал он с копьем заостренным.

11-180

Мало уже оставалось ему, чтоб добраться до Трои
И до высокой стены; вдруг отец и людей и бессмертных
Сел на вершине Идейской горы, изобильной ключами.
С неба на землю сойдя, взял он молнию в сильные руки
И златокрылой Ириде сказал, чтобы с вестью помчалась:

11-185

"В путь отправляйся Ирида и Гектору слово поведай.
Как бы он долго ни видел владыку народов Атрида
Бьющимся в первых рядах и разящим фаланги троянцев,
Пусть не вступает в сраженье, а только других побуждает
С войском враждебных мужей состязаться в губительной битве.

11-190

После ж, едва Агамемнон, копьем иль стрелой пораженный,
На колесницу взберется, я Гектора силой одену,
Пусть убивает, пока не подступит к судам оснащенным,
Солнце пока не зайдет и священный не спустится сумрак".

Так он сказал. Ветроногая не отказалась Ирида,

11-195

Быстро с Идейских высот в Илион полетела священный
И богоравного Гектора, сына Приама, героя
На лошадях густогривых, на крепкой нашла колеснице.
Ставши вблизи, быстроногая слово сказала Ирида:
"Гектор, сын храбрый Приама, Зевесу по мудрости равный!

11-200

Зевс Олимпиец к тебе ниспослал меня с вестью такою:
Как бы ты долго ни видел могучего сына Атрея,
Бьющимся в первых рядах и разящим фаланги троянцев,
Сам от борьбы воздержись, лишь других побуждай своей речью
С войском враждебных мужей состязаться в губительной сече.

11-205

После, лишь только Атрид, пораженный копьем иль стрелой,
На колесницу взберется, Зевес тебя силой оденет,
Будешь сражаться, пока не подступишь к судам многогребным
Солнце пока не зайдет и священный не спустится сумрак".
Так говоря, быстроногая прочь удалилась Ирида.

11-210

Гектор в доспехах войны соскочил с колесницы на землю;
Острые копья колебля, кругом обошел он все войско,
Всех побуждая сражаться и вызвал ужасную свалку.
Те повернулись и грудью ахейское встретили войско.
В свой же черед и ахейцы свои укрепили фаланги.

11-215

Бой закипел, оба войска сошлись. И Атрид Агамемнон
Ринулся первый: желал впереди всех других он сражаться.
Ныне скажите мне, Музы, домов Олимпийских жилицы,
Кто из троянцев самих или войска союзников славных
Против царя Агамемнона выступил первый навстречу?

11-220

Ифидамас, и большой, и воинственный сын Антенора,
Он, кто возрос в плодородной Фракии, питающей агнцев.
Дедом по матери был он с младенчества в доме воспитан,
Славным Киссеем, отцом прекраснolanитной Феаны.
После, когда уж достиг он поры возмужалости славной,

11-225

Дед удержал его дома, и дочь свою дал ему в жены.
Но и женатый покинул он брачное ложе для славы
И на двенадцати отплыл кривых кораблях к Илиону.
Но соразмерные эти суда он оставил в Перкоте,
Сам же отправился пеший и прибыл в священную Трою.

11-230

Он то и вышел тогда против сына Атрея навстречу.
Только что оба сошлись, наступая один на другого.
Быстрый Атрид промахнулся: копьё его мимо скользнуло.
Ифидамас же пониже от панциря в пояс ударил,
Сам поналег на копьё, своей тяжкой руке доверяясь,

11-235

Только не смог он пробить пестро разукрашенный пояс:
На серебро наскочив, острие как свинец, изогнулось.
И, разъяренный как лев, царь Атрид ухватился за древко,
Мощной рукой потянул и копьё у противника вырвал,
Тут же мечом разрубил ему шею и члены расслабил.

11-240

Так злополучный свалился и сном успокоился медным,
Пал, за сограждан сражаясь, вдали от законной супруги,
Юной, чьих ласк не видал, хоть и много принес ей подарков:
Сто подарил ей сперва он быков, а потом обещал ей
Тысячу коз и овец, что паслись в его стаде несчетном.

11-245

Тою порой Агамемнон Атрид, обнажив его тело,
Быстро к толпе аргивян удалился с прекрасным оружием.
Только что это увидел Коон, среди мужей знаменитый,
Сын первородный царя Антенора, и тяжкое горе
Очи затмило ему: пожалел он о брате погибшем.

11-250

Стал он с копьем своим сбоку, от сына Атрея незримо,
И посредине руки, ниже локтя, ударил героя;
Вышло насквозь острие светлой медью снабженного древка.
Царь Агамемнон, владыка мужей, в первый миг содрогнулся,
Но не оставил сраженья и гибельной битвы не бросил.

11-255

С пикой, питомицей вихря, он ринулся вслед за Кооном.
Тот увлекал торопливо, убитого брата родного,
За ногу взяв, и на помощь сзывал всех троянцев храбрейших.
Но между тем, как он труп волочил, его острою медью
Ранил под круглым щитом Агамемнон и члены расслабил.

11-260

И, подбежав, отрубил ему голову тут же над братом.
Так сыновья Антенора, под мощной рукою Атрида,
Оба свершили свой жребий и в область Аида спустились.
Долго, пока еще теплая кровь истекала из раны,
Царь Агамемнон Атрид, остальные ряды обегая,

11-265

Медью копья и меча и большими камнями сражался.
После ж, как рана засохла и кровь перестала сочиться,
Резкие боли проникли в могучую душу Атрида.
Точно как острые стрелы болей роженицу пронзают,
Те, что Илифии мечут, помощницы в муках рожденья,

11-270

Дочери Геры богини, виновницы горьких страданий:
Острые боли такие пронзили и душу Атрида.
На колесницу вскочил он и дал приказанье вознице
Гнать к углубленным судам, ибо сердцем от мук обессилел.
Все же он, голос возвысив, пронзительно крикнул данайцам:

11-275

"Милые друзья, вожди и советники войска ахейн!
Сами старайтесь теперь отразить от судов мореходных
Грозный сражения шум, оттого что Зевес Промыслитель
Не пожелал, чтобы я целый день против Троян сражался".
Так он сказал, и возница, стегнув по коням пышногривым,

11-280

К быстрым погнал их судам, и, не против желанья помчавшись,
Кони, со взмыленной грудью, внизу обдаваемы прахом,
Быстро несли из сраженья царя, изнуренного болью.
Гектор, едва увидал, что Атрид удалился из битвы,
Зычно воскликнул, взывая к троянским бойцам и ликийским:

11-285

"Друзья троянцы, ликийцы, дардане – бойцы удалые,
Будьте мужами теперь, помышляйте о бранной отваге!
Воин храбрейший ушел, мне ж готовит великую славу
Зевс Громовержец. Направьте коней своих цельнокопытных
Прямо на мощных данайцев, чтоб славой великой покрыться".

11-290

Так говоря, пробудил он в троянцах отвагу и силу.
Точно охотник, преследуя льва или дикого вепря,
Стаю собак белозубых в погоню за ним направляет:
Так Приамид, уподобясь губителю смертных Арею,
Против ахейских дружин устремил непреклонных троянцев.

11-295

Сам он в переднем ряду выступал, горделивый душою,
И налетел на сраженье, подобно грозе поднебесной,

Если, обрушась, она темносинее море взволнует.
Первым кого же убил и кого из ахейцев последним
Гектор, Приама дитя, когда Зевс даровал ему славу?

11-300

Первым убил он Эзея, потом Антиноя, Опита,
Также Долопса Клитида, Офелтия и Агелая,
Ора, Эзимна и стойкого в битве бойца Гиппоноя.
Всех их, данайских вождей, умертвив, на толпу он нагрянул.
Точно как западный ветер, дохнув ураганом могучим,

11-305

Тучи разметет, сгущенные южным порывистым ветром,
И, закрутившись, огромный поднимется вал, и без счета
Брызги высоко взлетят, под дыханьем блуждающей бури:
Столько ж голов аргивян под рукой Приамида упало.
Быть бы несчастьем тогда и свершиться делам безвозвратным,

11-310

На корабли устремилось бы войско бегущих ахеян,
Если бы царь Одиссей не воззвал к Диомеду герою:
"Славный Тидид, неужель мы забыли о бранной отваге?
Ближе, мой милый, сюда, стань со мною. То будет позором,
Если захватит суда шлемовеющий Гектор великий".

11-315

И, отвечая, сказал Диомед, сын Тидея могучий:
"Я то останусь в бою и тебя поддержу, только прока
Будет немного от нас, ибо Зевс, облаков собиратель,
Ныне троянцам охотней, чем нам, посылает победу".
Молвил и в прах с колесницы копьем ниспровергнул Фимбрея,

11-320

В правый ударив сосец. В то же время от рук Одиссея
Пал Молион, богоравный возница того полководца.
Сделав негодными к бою, они отошли от упавших
И на толпу устремились, свирепствуя, будто два вепря,

Что на охотничьих псов опрокинулись, полны отваги:

11-325

Так они гнали троянцев, губя. И свободно вздохнуло
Войско ахейя, досель перед Гектором дивным бежавших.
Тою порою они колесницу отбили, низвергнув
Двух из народа храбрейших, детей перкозийца Меропса.
Лучший гадатель из всех, на войну мужегубную детям

11-330

Не разрешил он идти, но они не послушали слова,
Ибо вперед увлекали их Парки погибели черной.
Их Диомед, сын Тидея, копья знаменитый метатель,
Жизни лишил и дыханья, и славные взял их доспехи.
А Лаертид Одиссей Гипподама убил с Гиперохом.

11-335

С Иды взирая, в то время над ними простер Громовержец
Равные жребии битвы; они ж умерщвляли друг друга.
Тою порой сын Тидея в бедро поразил Агастрофа,
Сына Пеона бойца. Тут бы бегством спастись, да не близко
Кони троянца стояли; его погубило безумье,

11-340

Ибо возница держал лошадей вдалеке, сам же пеший
В первом ряду бушевал он, пока не сгубил своей жизни.
Гектор, завидевши их меж рядами, вперед устремился,
Зычно крича, а за ним повалили фаланги троянцев.
Вздрогнул, заметив его, Диомед, среди боя отважный,

11-345

И Одиссею промолвил, к нему подошедшему близко:
"Снова на нас этот бич надвигается, Гектор могучий,
Только давай устоим, подождем и прогоним троянца".
Так он сказал и, потрясши, копье длиннотенное бросил,
Не промахнулся тогда сын Тидея, но, в голову целя,

11-350

Поверху шлема ударил, и медь отскочила от меди,
Тела не тронув прекрасного: шлем воспротивился крепкий,
С гребнем высоким, трехпластный, подарок царя Аполлона.
Гектор мгновенно назад отскочил и с толпою смешался.
Стал он, упав на колени, могучей рукой упираясь

11-355

В землю, в то время, как взоры окутались черною ночью.
Но между тем как Тидид среди передних бойцов направлялся
Вслед за копьем полетевшим, воткнувшимся в землю поодаль,
Гектор очнулся и, быстро вскочив на свою колесницу,
К войску троянцев погнал и погибели черной избегнул.

11-360

Длинным копьем потрясая, воскликнул Тидид знаменитый:
"Снова, собака, ты смерти избегнул теперь, хоть опасность
Близко была. Аполлон из беды тебя вызволил снова!
Видно, взывая к нему, ты вступаешь меж копий свистящих.
Только покончу с тобой и потом, среди битвы столкнувшись,

11-365

Если среди вечных богов у меня хоть один есть заступник.
Но устремлюсь я покуда на прочих, кого ни настигну".
Молвив, оружие совлек с Пэонида, метателя копий.
Тою порой Александр, муж Елены прекрасноволосой,
Начал натягивать лук против пастыря войска Тидида,

11-370

Прячась за мраморный столб, на могильном холме рукотворном
Ила, потомка Дардана, старейшины древнего Трои.
И между тем как Тидид с груди Агастрофа героя
Панцирь блестящий снимал, также щит с его плеч и тяжелый
Шлем с головы, Александр нажимал рукоятку от лука.

11-375

И не напрасно стрела из руки Приаида помчалась:
В правую ногу в подъем он попал и, насквозь пролетевши,
В землю воткнулась стрела. И ликующим смехом залившись,
Выскочил он из засады и слово сказал, похваляясь:
"В цель я попал, не напрасно стрела полетела. О, если б

11-380

В пах угодил я повыше и жизни лишил тебя ныне!
После всех бедствий, быть может, тогда бы вздохнули троянцы,
Ибо как лев среди блеющих коз, ты внушаешь им ужас".
Духом не дрогнув, ему отвечал сын Тидея могучий:
"Тоже стрелок и обидчик! На дев бы глядел, а не хвастал

11-385

Луком блестящим своим! Вот осмелся в оружии выйти
И убедишься, насколько твой лук и все стрелы помогут!
Ныне, подошву ноги оцарапав, ты так расхвалился,
Я ж и не чувствую, точно ребенок ударил иль дева.
Ибо тупой долетает стрела малосильного труса.

11-390

Быстрые стрелы мои, даже если немного заденут,
Рану наносят не так: они мужа кладут бездыханным.
С горя по нем и супруга ногтями лицо раздирает,
Дети его сиротеют, и, прах обагрив своей кровью,
Сам он гниет, а кругом больше птиц соберется, чем женщин".

11-395

Так он сказал. И тогда Одиссей копьеносец, приблизясь,
Стал впереди, а за ним сын Тидея, присев, из подошвы
Быструю вынул стрелу, его тело пронзило страданье.
На колесницу вскочив, он соратнику дал повеленье
Гнать к углубленным судам, ибо сердцем от мук обессилел.

11-400

Тою порой Одиссей был себе самому предоставлен.
Не находилось при нем никого, ибо все устрашились.
Тяжко вздохнув, к своему обратился он храброму сердцу:
"Горе мне, что предприму я? Позорно, толпы испугавшись,
Прочь побежать иль ужасно с толпой одному состязаться,

11-405

Ибо всех прочих данайцев Кронид устрашил Олимпиец.
Только зачем я теперь вопрошаю об этом свой разум?
Знаю и так хорошо, что из битвы лишь трус убегает.
Кто же в бою первенствует, тот должен стоять непреклонно,
Сам ли наносит удары, другие ль его поражают".

11-410

Но между тем как он это обдумывал в мыслях и в сердце,
С разных сторон подоспели ряды щитоносцев троянских
И оцепили его, окружили свою же погибель.
Точно как стая собак и юноши, полные силы,
Выследят вепря, когда из глубокой выходит он чащи,

11-415

Белые зубы остря меж изогнутых челюстей крепких;
Псы налегают кругом, и хоть слышно, как лязгают зубы,
Всеж не отходят от зверя, ужасного силой и видом:
Так Одиссея, любезного Зевсу, теснили троянцы.
Он же, на них наскочив с длиннотенным копьем заостренным,

11-420

Первым в плечо поразил беспорочного Деиопита,
После того умертвил и Фоона бойца и Эннома,
Керсидамаса потом, с лошадей соскочившего наземь,
Снизу ударил в живот под щитом округленным.
В прах повалился троянец, хватая ладонями землю.

11-425

Их покидая, он ранил копьем Гиппасида Харопса,
Брата родного Сокоса, бойца, знаменитого родом.

К брату на помощь тогда устремился Сокок богоравный,
Близко он стал, подошедши, и слово сказал Одиссею:
"Славный герой Одиссей, неустанный в трудах и обманах,

11-430

Ныне тебе предстоит иль Гиппаса детьми возгордиться,
Двух умертвивши подобных мужей и забрав их доспехи,
Иль самому под моим же погнубить копьем заостренным".
Так произнесши, ударил он в щит равномерно округлый.
Через блистательный щит копье тяжело пролетело.

11-435

И, через панцирь проникнув, отделанный с дивным искусством,
С ребер оно отделило всю кожу, но в чрево героя
Глубже проникнуть ему помешала Паллада Афина.
Понял герой, что копье не на место смертельное пала.
Быстро назад отступил он и слово промолвил Сококу:

11-440

"А, злополучный, сейчас тебя злая погибель постигнет.
Правда, меня прекратить ты заставил с Троянцами битву,
Но говорю я тебе, что сегодня и тут же обнимешь
Черную Парку и смерть, этим острым копьем пораженный.
Мне ты дашь славу, Аиду ж, конями известному, душу".

11-445

Так он сказал, а Сокок между тем убегал, повернувшись,
Но, обращенному в бегство вонзил Одиссей богоравный
В спину копье между плеч и оно через грудь пролетело.
Звякнув оружием, он пал и над ним Лаертид похвалялся:
"Храбрый Сокок, сын Гиппаса, коней укротителя быстрых,

11-450

Смерть обогнала тебя, от нее ты и бегством не спасся.
О, злополучный, тебе ни почтенная мать, ни родитель
Мертвому глаз не закроет. Скорей плотоядные птицы
Выклюют их, вокруг тебя потрясая густыми крылами.

Мне ж, как умру, богоравные тризну устроят ахейцы".

11-455

Так говоря, из щита округленного, также из кожи
Он извлекает копье, что отважный Сокос в него бросил.
Тотчас же брызнула кровь, и боль его сердце смутила.
Видя в крови Одиссея, бесстрашные дети троянцев
Все на него устремились, друг друга в толпе побуждая.

11-460

Он же назад отступал и товарищей кликал на помощь.
Трижды он крикнул тогда, что в груди только голоса было,
Трижды кричавшему внял Менелай, муж любезный Арею.
Тотчас промолвил он слово стоявшему близко Аяксу:
"Зевса потомок, Аякс Теламонид, владыка народов,

11-465

Слышу звучит вокруг меня Одиссея могучего окрик.
Так он взывает, как будто остался один и троянцы
В губительной схватке его притесняют, отрезав от прочих.
Дай сквозь толпу проберемся, поможем скорей. Опасаюсь,
Как бы, покинутый нами, не пострадал от троянцев.

11-470

Сильно ахейцы тогда пожалеют о доблестном муже".
Молвил и бросился первый, за ним и Аякс богоравный.
Вскоре нашли Одиссея, любезного Зевсу. Троянцы
Гнались за ним, обступивши, подобные рыжим шакалам,
Что на горе над сраженным рогатым оленем стопились;

11-475

Муж его ранил стрелой с тетивы, и помчавшись, бежал он
Долго, пока еще кровь не застыла и двигались ноги;
После ж того, как он пал, укрошенный стрелой быстрой,
В темном гористом ущелье шакалы терзать его стали;
Вдруг кровожадного льва божество привело на то место;

11-480

Вмиг разбежались шакалы, а лев пожирает добычу:
Так, обступив многоумного храброго сына Лаэтра,
Сильной толпой на него напирали троянцы; герой же
Длинным копьем отражал их, грозящую смерть отклоняя.
Но лишь Аякс Теламонид предстал перед ними, подъемля

11-485

Башнеподобный свой щит, врассыпную бежали троянцы.
За руку взяв Одиссея, Атрид его вывел из битвы
И постоял с ним, покуда соратник пригнал колесницу.
Тою порою Аякс, на троянцев с копьем устремившись,
Жизнь у Дорикла похитил, побочного сына Приама,

11-490

После он ранил Пандокла, Лизандра, Пираса, Пиларта.
Точно как бурный поток устремляется с гор на долину,
Полный от ливней Зевеса, разбухший от талого снега,
И, увлекая с собою засохшие дубы и сосны,
Много обломков и тины ввергает в далекое море:

11-495

Так по долине, бушуя, блистательный сын Теламона
Мчался, рубя лошадей и людей. И об этом не ведал
Гектор: на левом крыле он от битвы вдали подвизался,
Подле Скамандра потока. Там больше всего среди боя
Падало наземь голов и воинственных кликов звучало –

11-500

Около Нестора старца и бурного Идомедея.
Там находился и Гектор, фаланги мужей сокрушая,
Сеял погибель, искусно владея копьем и конями.
Все же ахейцы отважные не уступили бы поля,
Если б тогда Александр, муж прекрасноволосой Елены,

11-505

Не обессилил бойца Махаона, начальника войска,
В правое ранив плечо оперенной стрелой трехгранной.
То увидав, испугались дышавшие силой ахейцы,
Как бы он не был убит и сраженья судьба изменилась.
Идоменой той порой богоравному Нестору молвил:

11-510

"Нестор, сын храбрый Нелея, великая слава ахейян,
На колесницу взойди, Махаон станет рядом с тобою,
Целнокопытных коней ты к судам устреми поскорее.
Многих воителей стоит один врачеватель искусный,
Тот, кто и стрелы извлечь и лекарством посыпать умеет".

11-515

Так он сказал. Не ослушался Нестор, наездник Геренский,
Тотчас оставил сраженье, взошел на свою колесницу;
Сын Эскулапа, врача беспорочного, встал к нему рядом.
Старец хлестнул по коням и помчались не против желанья
К быстрым они кораблям, ибо сердцем туда порывались.

11-520

Тою порой Кебрион, в колеснице близ Гектора стоя,
Видел смятенье троянцев и слово сказал Приамиду:
"Гектор, Приама дитя, мы сражаемся против ахейян
Здесь, у окраины битвы злосчастной, меж тем как троянцы
Все остальные мнутся, и люди и кони смешались.

11-525

Там Теламонид бушует; его хорошо я заметил
Ибо широкий свой щит он несет на плечах. Так давай же
Бросим коней с колесницей туда, где всего беспощадней
Воины губят друг друга, затеяв кровавую сечу,
Пешие с конными вместе и крик несмолкаемый слышен".

11-530

Так говоря, Кебрион по коням пышногривым ударил
Звонким бичом, и внимая бичу, подчинилися кони,
С легкой неслись колесницей среди аргивян и троянцев,
Трупы топча и щиты; обагрилася черною кровью
Ось колесницы внизу, также оба с боков полукружья

11-535

Красные брызги туда и от конских копыт долетали
И от ободьев колес. Шлемовеющий Гектор пытался
В гущу проникнуть врагов и прорвать их фаланги с налета.
Злое смятенье подняв, он копьем то и дело работал
И, обегая кругом все ряды по широкому войску,

11-540

Медью копья и меча и большими камнями сражался,
Лишь одного избегал – Теламонова сына, Аякса,
Зевсова гнева боясь, если б с мужем храбрейшим сражался.
Ужас в Аякса вселил той порой Олимпиец верховный.
Щит семикожный закинув, он стал и, охваченный страхом,

11-545

То озираясь как зверь, то на войско троянцев уставясь,
Начал слегка отступать, за коленом колено сгибаая.
Точно как рыжего льва от загона быков криворогих
Стая собак и толпа молодых поселян отражает;
Все они, зверю мешая бычачьего жира отведать,

11-550

Бодрствуют целую ночь; он же, алчущий свежего мяса,
Хочет прорваться, но тщетно: из рук дерзновенных навстречу
Частые сыплются дроты и связки пылающих веток,
Ужас внушая ему, несмотря на порыв; а с зарею
Он уже бродит поодаль, и голод терзает в нем сердце:

11-555

Так и Аякс отступал пред троянцами, нехотя сильно,
Сердцем скорбя, оттого что за флот аргивян опасался.

Точно беспечный осел, проходя близ засеянной пашни,
Сходит с дороги и щиплет зеленый посев, не взирая
На понуканья детей, что колотят его, обступивши,

11-560

Палки ломают на нем – но ничтожны их детские силы –
И прогоняют с трудом, когда он уж насытился пищей:
Так Теламонова сына, громадного ростом Аякса,
Храбрые дети троянцев с толпою союзников славных
Копьями гнали вперед, посредине щита поражая

11-565

И временами Аякс, о воинственной вспомнив отваге,
Вдруг поворачивал щит против резвых наездников Трои
И, задержав их фаланги, опять обращался для бегства.
Так подвизался он, стоя среди аргивян и троянцев,
Целому войску один подступить к кораблям не давая.

11-570

Острые копья в героя летали из рук дерзновенных,
Только одни, устремляясь, в огромном щите застревали,
А остальные в середине, не тронувши белого тела,
В землю вонзались, хоть страстно желали насытиться кровью.
Тою порою увидел блистательный сын Эвемона,

11-575

Вождь Эврипил, что Аякс осаждаем густыми стрелами.
Ставши вблизи от него, он блестящим копьем замахнулся
И Фавсиада сразил, Аписаона, пастыря войска,
В печень, внизу от грудной перепонки, и члены расслабил,
Сам устремился вперед и снимать с его плеч стал оружие.

11-580

Но Александр боговидный, увидев, что сын Эвемона
С плеч Фавсиада снимает доспехи, немедленно лук свой
Против него натянул и в бедро его правое ранил.
И тростниковое древко сломилось, бедро отягчая.

Быстро в толпу он друзей отступил, убегая от Парки,

11-585

Голос издал из груди и пронзительно крикнул данайцам:
"Милые друзья, вожди и советники войска ахейян,
Станьте, к врагу обернитесь и гибельный день отклоните
От Теламонида храброго: стрелы его удручают.
Сам он сегодня, боюсь, не вернется из битвы злошумной.

11-590

Вы становитесь вокруг Теламонова сына Аякса".
Так им кричал Эврипил, хоть и ранен был сам. И ахейцы
Стали толпою пред ним, над плечами щиты наклоняя,
Копья поднося. К ним навстречу великий Аякс приближался
И, очутясь меж товарищей, стал и лицом обернулся.

11-595

Так воевали ахейцы, бушуя, как ярое пламя.
Тою порой кобылицы Нелида, покрытые потом,
Нестора мчали из битвы и пастыря войск Махаона.
Их увидавши, узнал богоравный Ахилл быстроногий,
Ибо в то время стоял на большом корабле своем крайнем.

11-600

Глядя на тягостный труд и плачевное бегство ахейян.
Он обратился немедля к Патроклу, соратнику – другу,
Звонко крича с корабля. Тот, услышав, из ставки явился,
Равный Арею герой. И тогда началась его гибель.
Первое слово промолвил Менойтия сын благородный:

11-605

"Что, Ахиллес, меня кличешь? Какое мне дашь приказанье?"
И, отвечая ему, так сказал Ахиллес быстроногий:
"Славный Менойтия сын, моему ты возлюбленный сердцу!
Нынешним днем, полагаю, ахейцы, обнявши колена,
Будут меня умолять: нестерпимое горе подходит.

11-610

Но оправляйся теперь, о, Патрокл, Зевесу любезный,
Справься у Нестора старца, кто раненый тот полководец,
Им увезенный из битвы? Он сзади врачу Махаону
Асклеиаду подобен, в лицо же не видел я мужа,
Ибо стрелой пронеслись, порываясь вперед, кобылицы".

11-615

Так он промолвил. Патрокл послушался милого друга
И побежал к быстроходным судам и палаткам ахейн.
Тою порой полководцы достигли палатки Нелида,
Сами они с колесницы сошли на кормилицу землю.
Эвримедон же отпряг лошадей: то соратник был старца.

11-620

Раньше всего они пот на хитонах своих обсушили,
Став на побережии моря, дыханию ветра навстречу.
После в палатку вошли и в покойные кресла уселись.
А между тем Гекамеда, прекрасноволосая дева,
Дочь Арсиноя владыки, им стала готовить напиток.

11-625

Нестор ее в Тенедосе, разрушенном сыном Пелея,
В дар получил от ахейцев, за первенство в мудрых советах.
Прежде всего она стол пододвинула тесаный гладко,
С темными ножками, дивный; а после на стол перед ними
Медное блюдо поставила с луком – приправой к напитку –

11-630

С медом зеленым, а также с ячменной крупой освященной;
Кубок потом подала, привезенный из дома Нелидом,
Дивно прекрасный, гвоздями усеянный весь золотыми.
Ручки имел он четыре, и около каждой паслися
Горлицы две золотые; на двух он держался подставках.

11-635

Всякий другой бы с усилием сдвигал со стола этот кубок,
Полный до края вином; без труда подымал его старец.
В нем-то смешала напиток с богинями равная дева;
Козьего сыра она над Прамнейским вином наскоблила
Теркою медной, а сверху обсыпала белой крупюю.

11-640

Сделав напиток, она его пить предложила героям.
Те по желанью испили, утишили жгучую жажду
И, обращаясь друг к другу, вдвоем наслаждались беседой.
Тою порою в дверях показался Патрокл богоравный.
Старец, завидя его, устремился с блестящего кресла,

11-645

За руку гостя берет и с собой приглашает садиться.
Но отказался Патрокл и Нестору слово промолвил:
"Старец, воспитанный Зевсом! Не время сидеть, не упросишь.
Страх и почтенье внушает мне муж, повелевший разведать,
Кто этот раненый вождь, приведенный тобой из сраженья?"

11-650

Впрочем, я вижу и сам, ибо вижу царя Махаона.
Но возвращаюсь теперь, чтобы весть передать Ахиллесу.
Ведаешь сам хорошо, о, питомец Зевеса, как страшен
Этот герой: он легко и невинного мужа осудит".
И, отвечая, сказал ему Нестор, наездник Геренский:

11-655

"Что это вдруг Ахиллес так печалиться стал об ахейцах,
Кто из них ранен стрелой? Иль еще до сих пор он не знает,
Горе какое постигло все войско? Храбрейшие мужи
На кораблях все лежат, кто копьем, кто стрелой пораженный.
Ранен Тидея воинственный сын, Диомед непреклонный,

11-660

Ранен метатель копья Одиссей, Агамемнон владыка,
Ранен стрелой в бедро Эврипил, славный сын Эвемона.
Вот я и этого мужа недавно привел из сраженья,
Где он стрелой был ранен из лука. Но, силою гордый,
Храбрый Ахилл не скорбит и данайцев ничуть не жалеет.

11-665

Ждать ли он хочет, пока, несмотря на усилья ахеян,
Наши суда на побережье огнем истребительным вспыхнут
И до единого сами погибнем на узком пространстве?
Ныне исчезла та сила, что в гибких была моих членах.
Если б мне снова расцвести, если б силой исполниться крепкой

11-670

Прежних тех дней, когда распря возникла средь нас и элеян
Из-за угона волов! Той порой Гиперохова сына
Итимонея убив, знаменитого мужа элейца,
Много скота отогнал я в возмездье. Быков защищая,
Он из моей же руки был достигнут копьем заостренным,

11-675

В первом свалился ряду, и бежали бойцы поселяне.
Много добычи тогда мы собрали средь вражьей долины.
Стад пятьдесят мы быков и не меньше свиней отогнали,
Столько ж овечьих отар и раздольно пасущихся козых,
И полтора ста еще лошадей быстроногих отбили,

11-680

Все кобылиц, и бежали за многими вслед жеребята.
Целую ночь мы их гнали и в город владыки Нелея,
В славный Пилос привели. И Нелей был обрадован в сердце,
Видя, как много я добыл, хоть в битву отправился юным.
Вестники кликнули клич, лишь заря показалась на небе,

11-685

Всех призывая сойтись, кто урон потерпел от элейцев.
Вместе собравшись, пилосцев вожди разделили добычу,

Ибо пред многими нами в долгу находились элейцы;
Будучи в малом числе, мы, пилосцы, терпели обиды,
С давних времен, с той поры, как Геракл могучий явился

11-690

И притеснял нас, убивши храбрейших из наших сограждан.
Было двенадцать числом сыновей у владыки Нелея,
Только один я остался в живых, все другие погибли.
Вот отчего, возгордясь, меднобронные дети элеян
Много над нами творили бесчинств, издеваясь надменно.

11-695

Старый Нелей отделил себе стадо быков криворогих,
В триста голов отобрал он отару овец с пастухами,
Ибо в великом долгу перед ним находилась Элида:
Некогда он четырех лошадей с колесницей отправил
На состязанья, в которых треножник назначен наградой.

11-700

Авгий, владыка мужей, отобрал лошадей с колесницей,
Только возница вернулся, потерей коней огорченный.
Вот отчего, рассердясь на слова и поступки владыки,
Старец взял выкуп несчетный, а прочее отдал народу
Для дележа, чтоб никто не ушел, своей части лишенный.

11-705

Все поделив, учреждали мы в городе жертвы бессмертным.
Вдруг, торопливо собравшись, элейцы на третьи же сутки
В наши пределы пришли; было много и пеших и конных.
Вместе с другими явились в доспехах войны Молионы,
Двое подростков, еще не изведавших бранной отваги,

11-710

Некий есть город Фрион на высоком холме близ Алфея,
Дальний, у самых пределов песчаного края Пилоса;
Город разрушить желая, пилосцы его осадили.
Только едва они дол перешли, как с Олимпа Афина

Вестницей к нам среди ночи пришла и к оружию призвала.

11-715

И не ленивый народ вокруг богини собрался в Пилосе,
А порывавшийся в битву. Лишь мне ополчиться в сраженье
Старец Нелей не давал и коней с колесницей припрятал,
Ибо он думал тогда, что я в бранном не опытен деле.
Все же, хоть пешим ушел, я среди конных бойцов отличался,

11-720

Так как судьбою войны управляла Афина Паллада.
Некий поток Минеей близ Арены вливается в море;
Там на заре мы стояли – пилосское конное войско –
И ожидали, покуда сходились ряды пехотинцев.
Быстро собравшись, оттуда мы все устремились в оружи

11-725

И подоспели к полудню на берег священный Алфея.
Тотчас прекрасные жертвы принесли верховному Зевсу,
Также Алфею заклавши быка и бычка Посейдону,
А синеокой Афине Палладе – корову из стада,
К ужину мы приступили, и войско разбилось толпами.

11-730

С тела оружия не сняв, мы немедленно спать уложились
Подле Алфея реки. А надменные дети эляян
Город уже осаждали, разрушить его порываясь,
Но ожидало их раньше великое дело Арея.
Ибо, когда над землею взошло лучезарное солнце,

11-735

Мы завязали сраженье, Зевесу молясь и Афине.
Только что битва разлилась по нашим рядам и Элейским,
Первый я мужа сразил и угнал лошадей его быстрых,
Храброго Мулия, зятя царя, ибо он себе в жены
Старшую Авгия дочь, русокудрую взял Агамеду,

11-740

Знавшую свойства всех трав, что растут на земле необъятной.
Медным копьем я его поразил, когда он приближался.
Грузно свалился он в прах; я ж, в его колесницу вскочивши,
Стал меж передних бойцов. И отважные дети Элеян
Все врассыпную бежали, увидев, как пал этот воин,

11-745

Конных мужей предводитель, кто первым считался в сраженьи.
Черной подобный грозе, я за ними в погоню пустился,
Взял пятьдесят колесниц. И двое героев при каждой,
Землю хватали зубами, моей укрощенные медью.
Я б уничтожил и Актора юных детей Молионов,

11-750

Если б отец Посейдон, всемогущий земли колебатель,
Их из сраженья не спас, осенив своей тучей густою.
Славу великую Зевс в этот день приготовил пилосцам,
Ибо преследуя их, по обширной мы мчались долине
И умерщвляли мужей и доспехи вослед подбирали,

11-755

Долго, пока не пригнали коней в многохлебный Бупрасий
И к Оленийской скале и к холму, от Ализия близко.
Только оттуда назад нашу рать повернула Афина.
Там я последнего мужа убил и отстал. И ахейцы
Взад повернули коней из Бупрасия к стенам пилосским.

11-760

Все прославляли в бессмертных Зевеса, а Нестора в людях.
Вот я какой среди воинов был, если был когда-либо.
Но Ахиллес насладиться один своей доблестью хочет.
Много, боюсь, будет плакать он после, как войско погибнет.
Вспомни, о, милый мой друг, что тебе заповедал Менойтий

11-765

В день, как из Фтии тебя к Агамемнону в войско отправил.
Мы, обретаясь внутри – я с божественным сыном Лаерта –
Слышали все во дворце, как тебя он напутствовал словом.
Ибо в то время пришли мы к Пелею в дворец населенный,
Войско вербуя везде по Ахейской земле плодородной.

11-770

Там мы внутри увидали Менойтия, храброго мужа,
Также тебя с Ахиллесом. Пелей, престарелый наездник,
Жирные бедра быка сожигал Громовержцу Зевесу,
Стоя в ограде двора. И он чашу держал золотую,
Темным вином окропляя горевшие части от жертвы.

11-775

Вы ж рассекали, как следует, мясо быка. И в преддверьи
Я с Одиссеем стоял. Вдруг Ахилл, изумясь, устремился,
За руку взял нас и ввел, указал нам сиденья обоим
И предложил угощенье, какое гостям подобает.
После того, как едой и питьем усладили мы сердце,

11-780

Первый я слово сказал, предлагая отправиться с нами.
Радостно вы согласились, они же напутствовать стали.
Царь престарелый Пелей наказывал сыну Ахиллу
Доблестным быть постоянно, над всеми людьми возвышаться.
После Менойтий, сын Актора, вот что тебе заповедал:

11-785

"О, дорогое дитя, по рождению ты ниже Ахилла,
Старше годами зато, хоть тебя он гораздо сильнее:
Должен ему помогать ты советом и словом разумным,
И наставленьем, а он – быть послушным, себе же на благо".
Вот что наказывал старец, а ты позабыл. Но и ныне

11-790

Слово Ахиллу скажи: может быть убедится могучий.
С помощью бога, как знать, не склонишь ли его, увещая?
Ибо на благо всегда увещания друга нам служат.
Если ж боится в душе он какого-нибудь прорицанья,
Если почтенная мать ему знаменье Зевса открыла,

11-795

Пусть бы тебя он послал, а с тобой и других мирмидонцев,
И аргивян, быть может, тогда просияет спасенье.
Пусть бы тебе ополчиться в доспехи свои он позволил,
Чтобы троянское войско, тебя за него принимая,
Вспять отступило, чтоб храбрые дети ахеян вздохнули,

11-800

Ныне теснимые страшно, чтоб отдых настал хоть недолгий.
Свежих исполнены сил, вы мужей, обессиленных в битве,
К Трое прогнали б легко от судов и палаток ахеян".
Так он промолвил и сердце в груди взволновал у Патрокла.
Тот побежал вдоль судов к Ахиллесу, потомку Эака,

11-805

Но, прибежав к кораблям богоравного сына Лаерта,
К месту тому, где собранье и судьбище были ахеян,
Где и бессмертным богам алтари у них сложены были,
Он Эвемонова сына, вождя Эврипила увидел:
Шел он из битвы, хромя, стрелою в бедро пораженный:

11-810

Пот с головы Эврипила и с плеч его лился ручьями,
Черная брызгала кровь из зияющей раны ужасной.
Но, не взирая на это, владел он сознанием твердо.
Видя его, сын Менейтия храбрый почувствовал жалость
И, удрученно вздыхая, крылатое слово промолвил:

11-815

"О, злополучные мужи! Так здесь, далеко от отчизны
И от друзей, на троянской земле, суждено вам насытить

Резвых собак своим жиром, вожди и советники войска!
Но говоря, о, питомец Зевеса, герой Эвемонид,
В силах ахейцы ль еще устоять перед Гектором грозным,

11-820

Или погибнуть уже, и падут под копьем его медным?"
И, отвечая, сказал Эврипил, пораженный стрелой:
"Нет, о, питомец Зевеса, ахейцам не будет спасенья
И к чернобоким судам они вскоре толпой устремятся.
Ибо все воины наши, дотолле храбрейшие в битве,

11-825

Ныне лежат на судах, кто копьем, кто стрелой пораженный
Храбрых троянских бойцов; их же сила растет постоянно.
Но помоги мне теперь, отведи на корабль чернобокий,
Вынь мне стрелу из бедра и обмой тепловатой водою
Черную кровь, также рану посыпь облегчительным зельем

11-830

Славным: его, говорят, ты узнал от Ахилла Пелида,
Он – от Хирона узнал, кто кентавров был всех справедливей.
Что же до наших врачей, Подалирия и Махаона,
То опасуюсь, что этот в палатке лежит, пораженный,
Сам в беспорочном теперь врачевателе нужду имея,

11-835

Тот же находится в поле, в кровавой с троянцами битве".
Снова к нему обратился Менойтия сын знаменитый:
"Чем это все завершится? Что делать, герой Эвемонид?
Я к Ахиллесу бегу, чтобы слово герою поведать
Так, как наказывал Нестор Геренский, защитник ахеян.

11-840

Но и тебя не оставляю я здесь истощенным от раны".
Молвил и, пастыря войска обнявши под грудью, уводит
В ставку его, где служитель постлал ему шкуры воловьи.
Там он героя кладет и мечом из бедра вырезает

Острую жгучую медь, и смывает водой тепловатой

11-845

Черную кровь, и, в руках растерев, корешком обсыпает
Горьким, смягчающим боли, и все вдруг утихли страданья.
Вскоре и рана обсохла, и кровь перестала сочиться. –

* * *

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ Бой у стены

Так под навесом палатки Менойтия сын благородный
Рану лечил Эврипила, меж тем как троянцы и греки
Все еще бились толпами. Но рвом и стеною широкой,
Вдоль кораблей возведенной, ахейцы уж не были в силах
Войско троянцев сдержать. Они ров прокопали в защиту

12-5

Быстрых своих кораблей, нагруженных несметной добычей,
Но позабыли тогда беспорочные сжечь гекатомбы
В жертву бессмертным богам. И, воздвигнута против желанья
Вечных богов, та стена простояла недолгое время.
Гектор покуда был жив и Ахилл пребывал в своем гневе

12-10

И не разрушенным город Приама царя оставался,
Греков большая стена пред судами дотоле стояла.
После ж того, как троянцы храбрейшие пали в сраженьи,
А из ахейн одни уцелели, другие погибли
И на десятое лето разрушен был город Приама

12-15

И на судах в дорожную отчизну уплыли ахейцы,
Феб Аполлон с Посейдоном вдвоем меж собой порешили
Стену с землею сравнять и направили силу потоков
Тех, что с Идейских высот ниспадают и в море струятся:
Реса, а с ним Гептапора и Родия, также Кереса,

12-20

Граника и Симоиса с Эзипом и дивным Скамандром, –
Быстрых потоков, где много щитов округленных и шлемов
Некогда в прахе валялось и гибли бойцы-полубоги.
Устья у всех этих рек Аполлон повернул воедино,
Против ахейской стены девять дней направляя их волны.

12-25

Зевс непрерывно дождал, чтоб скорей погрузить ее в море.
Сам колебатель земли наступал, захвативши трезубец,
Силой валов увлекал он основы из брусьев и камней,
Те, что ахейцы, трудясь, заложили в земле под стеною.
После он, сгладив пространство над быстрой волной Геллеспонта,

12-30

Снова усыпал песком все побережье обширное моря.
Стену с землею сравнив, повернул он потоки обратно,
В русла, где прежде они светлоструйные воды катили.
Так сотворили впоследствии Феб Аполлон с Посейдоном.
Только теперь вкруг стены крепкозданной пылало сраженье,

12-35

Балки на башнях высоких трещали под силой ударов.
Дети ахейян, бичом укрощенные Зевса Кронида,
На кораблях оставались глубоких, куда их направил
Страх перед Гектором грозным, могучим виновником бегства.
Он же, на бурю похожий, как прежде свирепствовал в поле.

12-40

Точно как лев или вепрь, людьми окруженный и псами,
Мечется в разные стороны, силе своей доверяясь,
А звероловы, сплотившись фалангою, крепкой как башня,
Стали навстречу пред ним и вступают в сраженье, бросая
Частые стрелы из рук, но не дрогнет в нем гордое сердце,

12-45

Страх не объемлет его, а скорее бесстрашие губит;
Всюду бросается он, испытывая ряды звероловов,
И расступаются люди, где б зверь не явился пред ними:
Так по троянскому войску метался и Гектор, дружины
Ров перейти убеждая. Но быстрые кони не смели;

12-50

Тяжко храпели они, упираясь у самого края;
Сильно пугал их тот ров шириною своей – и казалось
Трудным равно перейти иль вблизи чрез него перепрыгнуть,
Ибо и с той, и с другой стороны простирались повсюду
Кручи отвесных боков, а над ними и колья торчали

12-55

Длинные, вбитые часто, которыми дети ахейцев
Ров окружили глубокий, преграду для вражьего войска.
Там с колесницею быстрою конь нелегко бы продрался,
Пешие – даже те размышляли, удастся ль попытка.
Полидамас в это время предстал перед Гектором с речью:

12-60

"Гектор и все полководцы троянских дружин и союзных!
Было бы делом безумным коней через ров переправить:
Страшно тяжел переход, да еще заостренные колья
Стали вверху, и за ними стена поднимается близко,
Войску не спешиться там, и равно с колесниц не сражаться.

12-65

В узком пространстве, боюсь, они все, пораженные, лягут.
Если Зевес Громовержец, замыслив беды аргивянам,
Всех их решил уничтожить, а войско троянцев избавить,
То пожелаю, чтоб это немедля теперь же свершилось:
Здесь, от Аргоса вдали, да погибнут ахейцы без славы!

12-70

Если ж враги обернутся и прочь от судов нас прогонят,
Если мы в ров угодим, пред стеною глубоко прорытый,
То опасуюсь, тогда ни единый из нас, даже вестник.
В город назад не спасется, едва обернутся ахейцы.
Но поспешите и все повинуйтесь тому, что скажу вам:

12-75

Здесь, подле рва, пусть коней наготове служители держат,
Мы же сойдем с колесниц и, покрыты доспехами брани,
Все устремимся толпой вслед за Гектором, сыном Приама.
Не устоят аргивяне, коль гибель над ними нависла".
Так он сказал, и понравилось Гектору мудрое слово.

12-80

Тотчас в доспехах войны с колесницы на землю он спрыгнул;
Не оставались тогда на конях и другие троянцы:
Все они спешили, видя, что спрыгнул божественный Гектор,
Каждый из них своему отдавал приказанье вознице
В должном порядке держать лошадей ото рва недалеко.

12-85

Сами ж они разделились, в порядок построившись бранный,
На пять разбились дружин, и пошли за своими вождями.
Всех многолюдней толпа и храбрей устремилась за славным
Полидамасом и Гектором, больше других порываясь
Стену врагов сокрушить, пред глубокими биться судами.

12-90

Третьим за ними пошел Кебрион, ибо Гектор оставил
Воина при колеснице другого, слабей Кебриона.
Перед другою толпой шли Парис, Алкафой с Агенором.
Третью Гелен предводил с богоравным бойцом Деифобом,
Двое Приама детей; с ними вместе начальствовал Азий,

12-95

Азий герой Гиртакид, тот, кого привезли из Арисбы

От берегов Селлефента огромные рыжие кони.
Перед четвертой толпой шел Эней, сын отважный Анхиза,
Вместе же с ним выступали и двое детей Антенора,
Всяким владевших оружием, герой Архелох с Акамасом.

12-100

А Сарпедон предводил всю дружину союзников славных,
Главка с собою забрав и отважного Астеропея:
Воинов прочих они ему оба казались храбрее
После него самого, ибо он отличался пред всеми.
Сдвинув щиты из искусно отделанной кожи, троянцы

12-105

Рвались, полны отваги, в надежде, что дети ахейян
Не устоят против них, а на черных судах все погибнут.
Так в это время троянцы и войско союзников дальних
Все подчинились словам беспорочного Полидамаса.
Лишь Гиртакид, повелитель мужей, не послушался Азий:

12-110

Он ни с возницей соратником, ни с лошадьми не расстался,
Но в колеснице, безумный, к судам быстроходным помчался.
Не суждено ему было погибельных Парок избежать
И, похваляясь конями и пышной своей колесницей,
Править назад от судов к Илиону, открытому ветрам,

12-115

Ибо копьем Девкалида, прекрасного Идоменея,
Раньше настиг его Рок, чье название ужаса полно.
Азий пустил колесницу на левую сторону флота,
Тем же путем как с долины бежали ахейцы с конями.
Этой дорогою Азий погнал лошадей с колесницей.

12-120

Створы ворот он нашел не примкнутыми длинным засовом:
Настеж открытыми их оставляли ахейцы на случай,
Если б товарищ к судам из сражения бегством спасался.

Прямо в ворота, отважный, погнал он коней, и дружина
С криками вслед устремилась, надеясь, глупцы, что данайцы

12-125

Не устоят против них, а на черных судах все погибнут.
Двое бесстрашных мужей у ворот ожидали троянцев,
Двое бойцов копьеносцев из племени храбрых лапитов,
Сильный в бою Полипит, благородного сын Пирифоя,
И Леонтей, истребителю смертных Арею подобный.

12-130

Перед высокими близко стояли воротами оба.
Точно два дуба нагорных, высоко поднявши вершины,
Целыми днями выносят и вихорь могучий, и ливень,
К почве приросши большими, простертыми всюду корнями:
Так они оба тогда, полагаясь на руки и силу,

12-135

Ждали, не дрогнув, пока приближался к ним Азий огромный.
Тою порою, щитами из кожи сухой прикрываясь,
Громко крича, и другие спешили к стене крепкозданной,
Те, кем начальствовал Азий владыка, Орест с Иалменом,
Азия сын Адамас и Фоон с Ономаем проворным.

12-140

Оба лапита в то время ахеян в прекрасных доспехах,
Стоя внутри за стеною, к защите судов побуждали.
Но увидав, что троянцы толпою к стене приступили,
А среди войска ахеян возникло смятение бегства,
Ринулись оба вперед, чтоб вдвоем пред воротами биться,

12-145

Диким подобные вепрям, когда на горах они слышат
Шумное к ним приближенье собак и мужей звероловов
И, стороною кидаясь, кругом сокрушают деревья,
С корнем кусты вырывают и лязгают громко клыками,
Долго, покуда охотник стрелой не лишит их дыханья:

12-150

Так на груди у лапитов от стрел, против них устремленных,
Лязгала светлая медь. Но они неуклонно сражались,
Собственной силой доверясь и воинам прочим, что сверху
С башен, устроенных крепко, бросали в троянцев камень,
Сами себя защищая, палатки и флот быстроходный.

12-155

Точно как снежные хлопья с воздушных пространств ниспадают,
В час как порывистый ветер, подвинувши темные тучи,
Снегом густым далеко устилает кормилицу землю:
Так в это время без счета из рук аргивян и троянцев
Сыпались легкие стрелы. Щиты, и тяжелые шлемы

12-160

Глухо гудели кругом, под ударами частыми камней.
Громко тогда возопил, ударяя руками по бедрам,
Азий, сын храбрый Гиртака, и слово сказал, негодуя:
"Отче Зевес, неужель и тебе полюбилась неправда?
Я уж в душе уповал, что ахейские эти герои

12-165

Не устоят против нашей отваги и сил непобедных.
Только свирепствуют оба, как гибкие осы иль пчелы,
Если они прикрепили гнездо к придорожным утесам
И не желают покинуть жилище свое опустелым,
А защищают детей, на охотников храбро кидаясь:

12-170

Так и они, хоть их двое, ворот не желают оставить,
Прежде чем жизни лишат их, иль в плен заберут их живыми".
Так говорил он, но сердца Зевеса тем словом не тронул,
Ибо Зевес порешил только Гектору славу доставить.
Там и другие бойцы пред другими воротами бились,

12-175

Но не сумел бы, как бог, я поведать про все их деянья.
Точно огонь бушевал перед каменной крепкой стеною.
Дети ахейн, хоть горем терзались в душе, поневоле
Перед судами сражались. И боги печалились сердцем,
Все, кто доньне в боях заступался за войско данайцев.

12-180

Оба лапита меж тем отличались в жестоком сраженьи.
Первый тогда Полипит, бестрепетный сын Пирифоя,
Ранил Дамаса копьем, угодивши по медному шлему.
Не воспрепятствовал шлем, но насквозь острие пролетело,
Кость проломило внутри, и весь мозг в голове сотряхнулся.

12-185

Так усмирил он Дамаса, горевшего жаждой сражаться.
После того умертвил он Пилона, равно как Ормена.
В свой же черед Леонтей, благородный потомок Арея,
В пояс копьем поразил Гиппомаха, дитя Антимаха.
Вскоре за тем, из ножен извлекая свой меч заостренный,

12-190

Ринулся он сквозь толпу и напал на бойца Антифата.
Раненый близко мечем, по земле распростерся тот навзничь.
А Леонтей умертвил Иамена, Менона с Орестом,
Всех, одного за другим, повалил на кормилицу землю.
Тою порой как они обнажали тела от доспехов,

12-195

Гектор и Полидамас со своей подступали дружиной,
И многолюдней других, и храбрее, из воинов юных,
Жаждавших стену разрушить и пламенем флот уничтожить.
Долго они колебались, у рва нерешительно стоя,
Ибо в тот миг, как уже перейти через ров собирались,

12-200

Птица явилась им слева, орел, в поднебесьи царящий,
С чудищем страшным в когтях, со змеей, обогрною кровью;
Та извивалась еще и, живая, готовилась к битве,
Ибо, назад изогнувшись, орла, что держал ее крепко,
В грудь укусила близь шеи, и он, застонавши от боли,

12-205

Наземь швырнул ее прочь, уронив среди войска троянцев,
Сам же, пронзительно крикнув, с дыханием ветра помчался.
Вздрыгнули сердцем троянцы, увидев змею, что меж ними,
Корчась, лежала – Эгидодержавного знаменье Зевса.
К Гектору Полидамас подошел в это время и молвил:

12-210

"Гектор, всегда-то меня на собраниях ты порицаешь,
Хоть бы полезный я подал совет. Но никто из народа
Ни на войне, ни в собраньи тебе прекословить не должен,
Только твою подобает ему увеличивать славу.
Все же я снова скажу то, что кажется мне наилучшим:

12-215

Не устремимся теперь из-за флота с ахейцами биться,
Ибо все кончится так, как предвижу в душе, если вправду
В самый тот миг, когда мы через ров перейти собирались,
Птица явилась нам слева, орел, в поднебесьи царящий,
С чудищем страшным в когтях, со змеей, обогрною кровью,

12-220

Если, гнезда не достигнув, ее уронил он живую
И не успел донести, чтобы малых птенцов ей насытить.
Также и мы, коль ворота и крепкую стену ахейян
Силой разрушим теперь и ахейцы пред нами отступят,
Той же дорогой назад от судов не вернемся в порядке.

12-225

Многих на месте оставим троянских мужей, укрощенных

Медью ахейских бойцов, защищающих флот быстроходный.
Так бы теперь рассудил и гадатель, кто словом умеет
Знаменья все изъяснять, – и его бы послушалось войско".
Но, исподлобья взглянув, отвечал шлемовеющий Гектор:

12-230

"Полидамас, ты сегодня не по сердцу речь произнес мне.
Мог бы другие слова ты угоднее этих измыслить.
Если ж поистине это обдуманно все ты промолвил,
Значит рассудок в тебе погубили бессмертные боги.
Ты мне велишь позабыть о намереньях Зевса Кронида,

12-235

Тех, что он сам обещал мне исполнить, кивнув головою;
Вместо того ты советуешь слушаться птиц большекрылых.
Я ж не забочусь ничуть и нисколько меня не тревожит,
Справа ли мчатся они, направляясь к восходу и солнцу,
Или же слева летают к закату, объятому тьмою.

12-240

Будем и впредь подчиняться советам великого Зевса,
Кто управляет людьми и бессмертными всеми богами.
Доброе знаменье есть лишь одно – за отчизну сражаться.
Ты почему испугался сраженья и битвы жестокой?
Даже когда бы мы все остальные и были убиты

12-245

Перед судами врагов, – ты о смерти своей не печалься,
Ибо и сердце в тебе не отважно, и в битве ты робок.
Если же сам от войны уклонишься иль мужа другого,
Речью своей обольстив, от жестокого боя удержишь, –
Тотчас, моим пораженный копьем, ты испустишь дыханье".

12-250

Так произнесши, пошел он вперед, а за ним и другие
Ринулись, громко крича. И Зевес, веселящийся громом,
Поднял с Идейской вершины порывистый ветер, что прямо

Пыль устремил на суда аргивян. Той порой он ахеян
Разум затмил, а троянцам и Гектору славу готовил.

12-255

Знаменьям этим Зевеса и собственным силам доверясь,
Начали приступ троянцы, чтоб стену разрушить большую.
Выступы башень они сокрушили, громили бойницы
И опрокинули сваи торчавшие – те, что ахейцы
В землю глубоко забили, как первые башен опоры.

12-260

Их вырывали троянцы затем, чтоб стена пошатнулась.
Не уклонились, однако, от битвы и дети ахейцев.
Но, оградивши бойницы щитами из кожи воловьей,
Стрелы оттуда метали в троянцев, к стене подступавших.
Оба Аякса в то время обход совершали по башням

12-265

И ободряли войска, возбуждая отвагу ахеян,
С ласковой речью к одним и суровой к другим обращались,
Если видали мужей, кто совсем уклонялся от битвы:
"Други Ахеяне, те, кто по силе других превосходит,
Те, кто слабее других и кто среднюю силу имеет

12-270

(Ибо в сраженьи не все одинаковы мужи бывают), –
Ныне, как видите сами, для всякого дело найдется.
Да не отступит никто к кораблям, чьи б ни слышал угрозы.
Все устремитесь вперед, побуждая друг друга словами.
Молниевержец Олимпа Зевес Промыслитель, быть может,

12-275

Приступ нам даст отразить и прогнать неприятелей в город".
Так они, громко крича, побуждали ахеян сражаться.
Точно как снежные хлопья зимою летают без счета,
В день, когда Зевс Промыслитель из облака снег посылает,
Стрелы свои обнажая пред взорами смертнорожденных,

12-280

Сыплет из туч, убаюкавши ветры, пока не покроет
Темя высокое гор и далеко нависшие скалы,
Долы, родящие лотос, и тучные нивы людские,
И не устелет побережье и гавани моря седого;
Только волна, набегая, противится снегу, а сверху

12-285

Все им одето, пока не обрушится ливень Зевеса:
Так с двух сторон в это время и камни без счета летали,
То в аргивян от троянцев, то в них от ахейн обратно,
И над стеною кругом несмолкаемый шум раздавался.
Тою порой ни троянцы, ни даже блистательный Гектор

12-290

Не сокрушили б в стене ни ворот, ни запора большого,
Если б мудрый Кронид Сарпедона, любезного сына,
На аргивян не послал, точно льва на быков криворогих.
Тотчас вперед он уставил свой щит равномерно-округлый.
Медный, прекрасный, чеканный. Сковал его медник искусный,

12-295

После внутри закрепил он во множестве кожи бычачьи
И золотыми гвоздями приладил к наружному кругу.
Этот оставивши щит, два колебля копья медноострых,
Ринулся вождь Сарпедон, точно лев, на горах возвращенный,
Мяса лишенный давно и гонимый безтрепетным сердцем

12-300

Тучных спроведать овец и в загон мимо стражи проникнуть;
Если он даже и много мужей пастухов там увидит,
Стадо свое берегущих с оружием и быстрыми псами,
Все же назад без борьбы от загона уйти не захочет,
Но устремится бесстрашно и либо добычу похитит,

12-305

Либо, копьем из проворной руки пораженный, свалится:
Так Сарпедона, подобного богу, душа побуждала
Ринуться против стены, не сорвет ли бойницы на башнях.
Главка тогда он окликнул бойца, Гипполохова сына:
"Главк, почему нам в Ликийи почет воздают перед всеми

12-310

Местом передним и мясом отборным, и полною чашей
И обращают к нам взоры, как будто к богам вечносущим?
Мы отчего подле Ксанфа богатым владеем наделом,
И виноградником славным, и пашней, ячмень приносящей?
Вот почему нам теперь надлежит пред ликийской дружиной

12-315

В ряде переднем стоять и в горячую ринуться битву.
Пусть говорит о нас всякий ликийский боец крепкобронный:
– Нет, не лишены славы, ликийской страной управляют
Наши вожди и недаром едят они тучных баранов,
Сладким, как мед, запивая вином; они доблестны силой,

12-320

Ибо в переднем ряду пред ликийской дружиною бьются. –
Друг мой, о, если бы мы, убежавши теперь из сраженья,
Стали бессмертными оба и чуждыми старости вечно,
То не хотел бы я сам среди войска переднего биться,
Да и тебя не послал бы в тот бой, прославляющий мужа.

12-325

Только везде окружают нас Парки несчетные смерти,
И человеку нельзя убежать от нее, ни укрыться.
Так повоюем, – себе ли иль недругу славу добудем".
Так он сказал. Не ослушался Главк, позади не остался.
Ринулись оба вперед с многолюдной дружиной ликийцев.

12-330

Их увидав, задрожал Менесфей, храбрый сын Петеоса,
Ибо на башню его они шли, принося разрушение.
Он озирался кругом вдоль стены аргивян, не видать ли
Близко вождей, кто беду отвратить бы сумел от дружины.
Двух он Аяксов тогда увидал, ненасытных в сраженьи;

12-335

Тевкр стоял подле них, из палатки недавно вернувшись.
Но Менесфей, хоть и громко их звал, ими не был услышан:
Столь оглушительный гул раздавался до неба от криков,
От столкновенья щитов, от украшенных гривами шлемов
И от ворот: они все осаждаемы были врагами,

12-340

Всюду стояли троянцы, пробить и ворваться пытаясь.
Вестником тотчас к Аяксу отправил он мужа Тоота:
"Славный Тоот, ты беги, призови поскорее Аякса,
Или обоих, коль можно, – так было бы лучше гораздо, –
Ибо великая скоро над нами беда разразится.

12-345

Сильно теперь нас теснят полководцы ликийской дружины,
Кто и досель отличался неистовством в бурных сраженьях.
Если ж и там, как и здесь, разгорелась упорная битва,
Пусть Теламонид могучий один поспешит нам на помощь
Вместе с воинственным Тевкром, кто луком искусно владеет".

12-350

Так он промолвил и, внявши ему, не ослушался вестник,
А побежал вдоль высокой стены меднобронных данайцев,
Перед Аяксами стал и поспешно промолвил им слово:
"Славный Аякс Теламонид, о, вождь аргивян меднобронных!
Сын дорогой Петеоса, питомца Кронида, вас просит

12-355

Хоть ненадолго к нему поспешить и помочь в затрудненьи.

Просит обоих он вас; будет лучше, коль оба пойдете,
Ибо великая скоро над нами беда разразится.
Сильно теперь нас теснят полководцы ликийской дружины,
Кто и досель отличался неистовством в бурных сраженьях.

12-360

Если ж и здесь, как и там, угрожает вам трудная битва,
Пусть Теламонид один поспешит к нам на помощь
Вместе с воинственным Тевкром, кто луком искусно владеет".
Так он сказал. Подчинился великий Аякс Теламонид
И Оилееву сыну крылатое слово промолвил:

12-365

"Сын Оилея Аякс, вы вдвоем с Ликомедом отважным
Здесь оставайтесь и к битве ряды аргивян побуждайте.
Я же отправлюсь туда и участие приму в их сраженьи;
После назад возвращусь, оказавши им нужную помощь".
Так говоря, удалился Аякс Теламонид великий;

12-370

Рядом шел Тевкр, ему по отцу приходившийся братом;
Лук же изогнутый Тевкра понес Пандион вслед за ними.
Идя внутри за стеной, они прибыли скоро на башню,
Где Менесфея дружину застали теснимой жестоко,
Ибо герои вожди и советники войска ликийцев

12-375

Приступом шли на бойницы, подобные темному вихрю.
В свалку вмешались герои – и грохот сраженья поднялся.
Первым Аякс Теламонид убил Сарпедонова друга
Сильного духом бойца Эпikleя; в него угодил он
Камнем большим угловатым, лежавшим внутри за стеною

12-380

Подле бойницы вверху; из людей, существующих ныне,
Муж и в цветущую пору его без труда не поднял бы,
Обе напрягши руки; он же быстро схватил и низринул.

Шлем с четырьмя ободками пробил этот камень и кости
Все размозжил головные, и тот, как ныряющий в воду,

12-385

С башни высокой слетел; и душа от костей отлучилась.
Тевкр меж тем Гипполохова сына, могучего Главка,
Видя, что он, устремившись, оставил открытую руку,
С башни стрелой поразил и сраженье заставил покинуть.
Тот соскочил со стены, притаясь, чтоб никто из ахейцев

12-390

Не увидел его раны и громко не стал похваляться.
Сделалось больно в душе Сарпедону, едва он заметил,
Как удаляется Главк. Но герой не забыл о сраженьи,
А в Алкмаона, Фесторова сына, копье, изловчившись,
Быстро вонзил и обратно извлек, и тот навзничь свалился,

12-395

Следуя взмаху копья, и доспехи на нем загремели.
Мощно руками тогда Сарпедон за зубец ухватившись,
Двинул к себе, и зубец за руками последовал тотчас.
Верх обнажился стены, и проложен был путь всем троянцам.
Разом и Тевкр, и Аякс той порой в Сарпедона попали.

12-400

Первый стрелой пернатой прицелившись в грудь Сарпедона,
В светлый ударил ремень, что держал его щит исполинский;
Смерть отражая, Зевес ему не дал упасть пред кормами.
А Теламонид копьем по щиту, наскочивши, ударил.
Вышло насквозь острие и назад оттолкнуло героя.

12-405

Он от бойницы слегка отступил, но не вышел из битвы,
Ибо бестрепетным сердцем надеялся славы достигнуть,
И, обернувшись, воззвал громогласно он к войску ликийцев:
"Что ослабели вы так, о, ликийцы, в порыве отважном?
Мне одному тяжело, не взирая на силу и доблесть,

12-410

Брешь проломивши в стене, и дорогу до флота очистить.
Все устремитесь за мной: сообща облегчается дело".
Так он сказал, и тогда, испугавшись угрозы владыки,
Мужи сплотились тесней вокруг царя, кто советовал мудро.
В свой же черед и ахейцы сплотили фаланги,

12-415

И завязалась опять между ними жестокая свалка.
Ибо равно не могли ни могучие дети ликийцев
Путь проложить к кораблям, хоть отверстие в стене проломил,
Ни копьеносцы ахейцы – рассеять дружину ликийцев
И отразить от стены, до которой вплотную добрались.

12-420

Точно как двое мужей, находясь на полях пограничных,
С мерой в руках о меже состязаются громко друг с другом,
Спорят о малом пространстве, чтоб равным владеть им наделом:
Так лишь бойницы одни в это время врагов разделяли,
И над стеной они бились, рубя на груди друг у друга

12-425

Кожи округлых щитов и легких щитков оперенных.
Было немало тогда пораженных безжалостной медью;
Тылом кто был обращен, в непокрытую ранен был спину,
Кто обращен был лицом, те сквозь щит получали удары.
Всюду с обеих сторон и бойницы, и самые башни

12-430

Кровью мужей обагрелись от рук аргивян и троянцев.
Но аргивяне держались, – троянцы прогнать не могли их.
Точно работница честная, шерсти на вес покупая,
Чтоб дорогим своим детям промыслить ничтожную плату,
Держит весы неуклонно и трогает чашки, равняя:

12-435

Так и победы весы над сражением ровно висели.
Прежде чем Гектора Зевс не покрыл величайшею славой:
Первым из всех Приамид за стеной аргивян очутился.
Он, обратившись к троянцам, пронзительным голосом крикнул:
"Ближе, наездники Трои! Ломайте ахейскую стену

12-440

И разрушительный пламень мечите на флот быстроходный!"
Так он сказал, ободряя, и все, его голос услышав,
Тесной толпою на стену пошли и в короткое время
Вверх на раскаты взобрались, держа заостренные копья.
Гектор меж тем подбирает огромный булыжник, лежавший

12-445

Перед воротами, книзу тупой, а вверху заостренный.
Камень такой от земли из людей, существующих ныне,
Двое работников лучших на воз без труда не взвалили б,
Но Приамид и один без усилия взмахнул, приподнявши,
Камнем, которому легкость придал Громовержец в ту пору.

12-450

Точно пастух, что несет без усилия шерсть от барана,
Взявши одною рукой и не чувствуя тяжести ноши:
Также легко сын Приама понес им приподнятый камень
Прямо к высоким воротам, досчатым, о двух половинках,
Гладко и крепко сплоченных; внутри они вместе держались

12-455

Парою встречных запоров и длинным смыкались засовом.
Ставши вблизи, он булыжник швырнул в середину, упершись,
Ноги удобно расставив, чтоб силы удар не лишился.
Крючья сорвал он с обеих сторон; всю тяжестью камень
Рухнул меж ними – и громко ворота кругом затрещали.

12-460

Не устояли засовы, и створы ворот растворились.
В них устремился мгновенно блистательный Гектор великий,
Видом похожий на быструю ночь, вокруг тела блистая
Грозною медью, колебля два острых копья. И никто бы,
Выйдя навстречу его не сдержал, как он прыгнул в ворота,

12-465

Разве один из бессмертных. Огнем его очи пылали.
Он обернулся к троянцам и крикнул толпе, побуждая
Всех перебраться чрез стену – и те устремились послушно.
Но между тем как одни пробирались стеною, другие
Прямо воротами шли. Побежали тогда аргивяне

12-470

В страхе к судам углубленным – и гул непрерывный поднялся.

* * *

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ Бой перед судами

Зевс, проводивши троянцев и Гектора к флоту ахеян,
Там их оставил одних, да воюют, страдая безмерно,
Сам же в ту пору назад отвратил свои ясные очи,
Вдаль устремил их на землю фракийцев, наездников резвых,
Мизян, кулачных бойцов, Абиян, справедливейших смертных,

13-5

И Гиппомолгов прекрасных, живущих молочной пищей.
Больше ни разу не кинул на Трою он ясного взора,
Ибо не ждал в своем сердце, чтоб кто из бессмертных явился,
Помощь желая подать аргивянам иль войску троянцев.
Но сторожил не напрасно земли колебатель могучий.

13-10

Он, изумляясь взирал с высоты на сраженье и битву,
Сидя на крайней горе Самофракии, славной лесами.

С этого места пред ним вдалеке открывалась вся Ида,
Также весь город Приама и флот быстроходный ахеян.
Там-то он, выйдя из моря, сидел, негодуя на Зевса,

13-15

В сердце жалея данайцев, троянцами сильно теснимых.
Малое время спустя, он сошел с каменной вершины,
Быстро ногами ступая. И лес и высокие горы
Все задрожали кругом под нетленной стопой Посейдона.
Трижды шагнул он вперед; с четвертым же шагом он прибыл

13-20

В Эги, туда, где его возведенные пышно чертоги
Блещут в морских глубинах, золотые нетленные вечно.
В дом сей войдя, лошадей в колесницу он впряг быстроходных,
Меднокопытных, – вокруг них золотые разметаны гривы.
Сам золотые одежды вокруг тела надел он, прекрасный

13-25

Бич захватил золотой и, поднявшись в свою колесницу,
Быстро погнал по волнам. И немедля узнавши владыку,
Чудища моря кругом из убежищ запрыгали дальних.
Воды, ликуя, разверзлись. И, кони с такой быстротою
По морю мчались, что медная ось не касалась влаги.

13-30

Кони несли его вскачь к быстроходному флоту ахеян.
В безднах глубокого моря широкая скрыта пещера,
Меж Тенедосом и Имбром крутым в расстоянии равном.
Там лошадей он поставил, земли колебатель могучий,
Из колесницы отпряг и божественной бросил им пищи.

13-35

В то же им время вокруг ног золотые накиннул им путы, –
Что ни порвать, ни расторгнуть, – чтоб ждали его возвращенья.
Сам же отправился в лагерь ахейских мужей меднобронных.
Тою порою троянцы, огню или вихрю подобны,

Вместе за Гектором шли, ненасытной пылая отвагой.

13-40

Полны смятенья и криков; они уповали, что вскоре
Флот аргивян заберут и убьют близь судов всех данайцев.
Но Посейдон, вседержитель земли и земли колебатель,
Выйдя из бездны морской, ободрил аргивян меднобронных,
Ставши подобно Калхасу и видом и голосом звонким.

13-45

Прежде других он окликнул Аяксов, и без того храбрых:
"Только тогда вам, Аяксы, спасти аргивян, коль отвага
Будет у вас на уме, а не кровь леденящее бегство.
Не опасаясь нигде вдоль сражения силы троянцев,
Хоть удалось им толпой перейти чрез великую стену.

13-50

Всех удержать их сумеют ахейцы в прекрасных доспехах.
Только боюсь, как бы там не случилось с нами несчастье,
Где этот бешеный вождь, как огонь, выступает пред войском, –
Гектор, гордящийся тем, что рожден от могучего Зевса.
Пусть бы и вам кто-нибудь из бессмертных вдохнул теперь в сердце

13-55

Храбрость сражаться самим и другими начальствовать в битве!
Вы бы при всей его силе от быстрых судов отразили,
Если б и сам Олимпиец Зевес побуждал в нем отвагу".
Так говоря, вседержитель земли и земли колебатель
Посохом тронул обоих и крепкой исполнил их силой,

13-60

Гибкими сделал суставы, проворными руки и ноги.
Сам же, подобно тому, как с места снимается ястреб,
Ежели он над скалой недоступною взмыл, быстрокрылый,
И устремился в долину, другую преследуя птицу:
Так Посейдон, колебатель земли, удалился внезапно.

13-65

Первым меж ними узнал его сын Оилея проворный.
Тотчас он слово сказал Теламонову сыну Аяксу:
"Верно, Аякс, кто-нибудь из богов на Олимпе живущих,
Образ провидца приняв, нам сражаться велел пред судами,
Ибо то не был Калхас, прорицающий птицегадатель.

13-70

Сзади его я узнал, когда он уходил, по движенью
Голеней легких и ног: без труда узнаваемы боги.
И у меня же в груди встрепенулось любезное сердце;
Больше, чем прежде оно захотело сражаться и биться.
Ноги горят подо мной, а вверху так и движутся руки".

13-75

И, отвечая на это, Аякс Теламонид промолвил:
"И у меня за копье ухватились мощные руки.
Сила разлилась по телу, а ноги внизу так и ходят.
Страстно хотел бы теперь я сражаться один с Приамидом,
С Гектором славным, хоть сам он горит ненасытной отвагой".

13-80

Так в это время они обращались друг к другу со словом,
Радясь бранному пылу, что в сердце вдохнул им бессмертный.
А вседержитель земли, между тем, ободрял тех данайцев,
Что позади, подле быстрых судов отдыхали душою.
От непосильных трудов их усталые члены ослабли,

13-85

Горе терзало их сердце, с тех пор как они увидали,
Что чрез великую стену толпой перебравшись троянцы.
Слезы, при виде троянцев, у них под ресницами лились,
Ибо казалось ахейцам, что не избежать им несчастья.
Но Посейдон, чуть явился, легко ободрил их фаланги.

13-90

Раньше других он к Леиту и Тевкру пошел, побуждая,
Также к бойцу Пенелею, к Фоасу, к вождю Деимиру
И к Мериону, равно к Антилоху – зачинщикам в битве.
Их побуждая к сраженью он слово крылатое молвил:
"Стыд, аргивяне, бойцы молодые! На вас-то всех больше

13-95

Я уповал, что, сражаясь, вы быстрый нам флот отстоите.
Если ж и вы от опасной войны воздержаться решили,
Знать наступил уже день, когда нам от троянцев погибнуть.
Боги! По истине, чудо великое вижу глазами,
Страшное, – я никогда не гадал, что оно совершится!

13-100

Видю троянцев, идущих на наши суда, тех троянцев,
Что походили, бывало, на робких оленей среди леса,
В страхе мятущихся, слабых, себя защищать не способных,
Годных лишь только в добычу шакалам, волкам и пантерам.
Так и троянцы досель никогда не имели желанья

13-105

Грудью стоять, поджидая отважных и сильных ахеян.
Ныне ж, от Трои вдали, близ глубоких судов они бьются,
Лишь по причине безумья Атрида и розни народов,
Что, на вождя негодуя, скорее согласны погибнуть
Подле своих кораблей, чем в защиту их биться с врагами.

13-110

Все же, хотя несомненно, что всем злоключеньям виною
Царь Агамемнон Атрид, облеченный обширною властью,
Ибо бесчестье нанес быстроногому сыну Пелея, –
Нам-то ничуть не пристало от боя теперь отрекаться.
Дайте исправим ошибку: героев сердца излечимы.

13-115

Вы же храбрее других, вы первейшие в войске ахейском,
И оттого забывать вам о бранной отваге позорно.
Я не корил бы того, кто от битвы совсем отказался,
Будучи сердцем труслив; но на вас всей душой негодную.
Неженки, ленью своей вы похуже накличете горе.

13-120

Вспомните, други, скорей о стыде и людских укоризнах,
Ибо великая битва теперь для ахейян возникла:
Гектор, средь боя отважный, уже пред судами воюет,
Бурный герой, сокрушивший ворота с огромным засовом".
Так говоря, колыбель земли укрепил в них отвагу.

13-125

В строй становились фаланги, теснясь вокруг обоих Аяксов,
Мощные, – сам бы Арей, появившись, не стал порицать их,
Не осудила б Афина, кто в бой подстрекает героев.
И богоравного Гектора ждали отборные мужи.
Все, кто храбрейшим считался, на Гектора шли и троянцев,
Тесно сомкнув свои копья, щиты свои сдвинувши близко.

13-130

Сплочен был щит со щитом, шлем со шлемом и с воином воин.
Шлемы в движении бойцов шишаками сверх гребней сшибались:
Так они тесно в то время стояли в рядах друг от друга.
Мощными сжаты руками, дрожали скрещенные копья.
Прямо вперед порывались ахейцы, желая сражаться.

13-135

Но и троянцы стремились толпой. Впереди их шел Гектор,
Против ахейцев несясь напролом, точно камень огромный,
Если разбухший поток его сдвинул с вершины утеса
Бурной волною подмыв основание глыбы нависшей;
Прыгая, лес оглашает он громом, взлетает высоко,

13-140

Неудержимо несется, пока не достигнет равнины,

Где остается лежать, не взирая на силу порыва:
Так в это время и Гектор грозил, что, мужей убивая,
К морю пробьется легко до судов и палаток ахейских.
Но, лишь едва налетел на фаланги данайцев,

13-145

Должен был стать неподвижно. И храбрые дети ахеян,
Противоставив мечи и колебля двуострые копья,
Гнали его от себя и он вспять отступил, отраженный.
Голосом зычным тогда он воскликнул, взывая к троянцам:
"Мужи троянцы, ликийцы, дардане – бойцы удалые!

13-150

Стойте со мною! Недолго противиться будут ахейцы,
Хоть и сомкнулися тесно фалангою, крепкой как башня.
Скоро, надеюсь, они пред копьем моим крепким отступят,
Ежели вправду муж Геры, верховный мне бог помогает".
Так говоря, увеличил он в каждом отвагу и силу.

13-155

Тою порой Деифоб Приамид отделился от строя.
Гордый в душе, впереди со щитом равномерно округлым,
Ноги он ставил легко, под прикрытьем щита выступая.
Тотчас блестящим копьем Мерион в него целиться начал,
Бросил и в кожаный щит угодил равномерноокруглый.

13-160

Только щита не пробивши, копья длиннотенного древко
Подле копейца сломалось; меж тем Деифоб, сын Приама,
Кожей обтянутый щит далеко пред собою уставил,
Ибо он в сердце боялся копья Мериона героя.
Тот отступил и смешался с дружиной, рассерженный сильно

13-165

Тем, что сломалось копье и победа из рук ускользнула.
Быстро назад он пошел к кораблям и палаткам ахейцев,
Чтобы копье принести, у него припасенное в ставке.

Битва меж тем продолжалась и крик раздавался немолчный.
Тевкр, дитя Теламона, героя убил копьеносца,

13-170

Имбрия, Ментора сына, конями богатого мужа.
Он, до прихода ахейских дружин, обитал в Педоне,
Муж незаконной Приамовой дочери Медесикасты.
После ж прибытия ахейских судов обоюдокруглых
Снова он в Трою пришел и блистал среди войска троянцев,

13-175

В доме Приама живя, наравне с сыновьями любимый.
Сын Теламона его ниже уха копьем своим длинным
Ранил и вырвал копье. Тот же наземь свалился как ясень,
Что на вершине горы, отовсюду открытый для взора,
Медью подрублен, простер по земле свои нежные листья:

13-180

Так он упал, – загремели покрытые медью доспехи.
Тевкр вперед устремился, совлеч пожелавши оружие,
Но как рванулся вперед, тотчас Гектор копьем в него бросил.
Он же, увидевши раньше, чуть-чуть от копья уклонился,
И Антимаха, Ктеатова сына, Акторову внука,

13-185

В грудь поразило копье, когда в битву хотел он вмешаться.
Грузно он на земь упал, и доспехи на нем загремели.
Гектор вперед устремился, чтобы с головы Антимаха
Снять его шлем густогривый, к вискам прилегающий плотно.
Но как рванулся вперед, светлым древком Аякс замахнулся.

13-190

Только он Гектора тела не видел; тот грозною медью
Весь был покрыт. И он, выпуклый щит по средине ударив,
С страшною силой толкнул Приаида, – тот вспять возвратился,
Оба покинувши труп; ахейцы к себе повлекли их.
Труп Антимаха бойца Менесфей богоравный и Стихий, –

13-195

Войска афинян вожди, – понесли, направляясь к ахейцам.
Имбрия взяли Аяксы, дышавшие бурною силой.
Точно похитив козу из-под стражи собак острозубых,
Двое бестрепетных львов ее в частый кустарник уносят,
В челюстях крепких держа высоко над землею добычу:

13-200

Так, высоко приподняв, облеченные в шлемы Аяксы
С трупа снимали доспехи. И, гневный из-за Антимаха,
Сын Оилея от нежной отсек его голову шеи.
После, шаром завертев, чрез толпу ее бросил к троянцам:
В прах она к самым ногам богоравного Гектора пала.

13-205

Тою порой Посейдон в своем сердце разгневался сильно
Из-за того, что погиб его внук среди сечи жестокой.
Быстро направил шаги он к судам и палаткам ахейцев,
Чтоб аргивян ободрить, а троянцам беды приготовить.
Идоменей, знаменитый копьем, тут попался навстречу.

13-210

Он возвращался от друга, что битву недавно покинул,
Раненый ниже колена копья заостренною медью.
Вынесен он был дружиной. Его-то, врачам поручивши,
Идоменей возвращался в шатер: еще жаждал он битвы.
С речью к нему обратился земли колебатель могучий,

13-215

Голос в ту пору приняв Андрононова сына Фоаса,
Кто в Калидоне высоком, равно как в Плевроне обширном,
Средь этолиан царил и как бог почитался народом:
"Идоменей, о, советник воинственных критян, куда же
Делись угрозы тех дней, как троянцам грозили ахейцы?"

13-220

Идоменей отвечал ему, критских дружин предводитель:
"В этом, Фоас, невиновен никто из мужей, мне известных,
Ибо мы все, как один, непреклонно умеем сражаться,
Не обуял никого между нами испуг малодушный,
Не уклонился никто из-за лени от пагубной битвы.

13-225

Так, без сомненья, угодно великому силой Крониду,
Чтоб аргвяне вдали от отчизны здесь пали без славы.
Но, о, Фоас, ты, кто сам отличался доньше отвагой,
Да и других побуждал, если видел кого ослабевшим,
Не отступись и теперь, уговаривай каждого мужа".

13-230

И Посейдон, колебатель земли, отвечая, промолвил:
"Идоменей, пусть тот воин домой не вернется из Трои,
Пусть он в игралище псов превратится на поле сраженья,
Кто пожелает в сей день своевольно остаться вне боя.
Но поскорее ступай, захвативши оружие. Нам вместе

13-235

Нужно спешить, чтоб принести нам вдвоем хоть и малую пользу.
Лишь сообща не бесплодны усилья мужей даже слабых:
Мы же с тобою умеем и с храбрыми биться врагами".
Слово окончив, бессмертный вернулся в сражение смертных.
Идоменей же, достигнув своей крепкозданной палатки,

13-240

Пару взял копий, на тело надел дорогие доспехи
И устремился, похожий на молнию, если Кронион
В руку захватит ее и со светлого бросит Олимпа
В страшное знаменья людям, – и свет ее вспыхнет далеко:
Так на груди у бежавшего медь пламенела.

13-245

И повстречался ему Мерион, его храбрый соратник,
Недалеко от шатра, – он за медным копьем отправлялся.
Идоменей благородный, к нему обращаясь, промолвил:
"О, Мерион, быстроногий сын Мола, товарищ милейший,
Что ты вернулся, покинув сражение и грозную сечу?"

13-250

Ранен ли ты где-нибудь и стрелы острее тебя мучит,
Или за мною пришел ты, как вестник? Но сам не желаю
Я оставаться в шатре, а скорей порываюсь в сражение".
Мудрости полный, ему Мерион, отвечая, промолвил:
"Идоменей, о, советник и вождь меднопанцирных критян!

13-255

Шел я за острым копьем, у тебя не найдется ль в палатке?
То, что я прежде имел, мы недавно в бою изломали,
В круглый ударивши щит Деифоба, надменного сердцем".
Идоменей отвечал ему, критских дружин предводитель:
"Копий, когда пожелаешь, одно ты отыщешь иль двадцать,

13-260

В ставке стоящих моей и к блестящим стенам прислоненных,
Копий троянских, что я отобрал у врагов, мной убитых,
Ибо не в нраве моем с неприятелем издали биться,
Вот отчего у меня есть и копья, и шлемы, и брони,
Выпуклокруглых есть много щитов ослепительно ярких".

13-265

Мудрости полный, ему Мерион, отвечая промолвил:
"И у меня на моем корабле чернобоком и в ставке
Много доспехов троянских, да только достать их не близко.
Ибо скажу, что и я не забыл о военной отваге,
Но постоянно в бою, прославляющем храброго мужа,

13-270

В первом ряду становлюсь, лишь поднимется бранная распря.

Может, другому кому из ахейских мужей меднобронных
Я неизвестен остался, ты ж сам меня видел, надеюсь".
Идоменей отвечал ему, критских дружин предводитель:
"Знаю, каков ты отвагой; зачем говоришь мне все это?"

13-275

Если б теперь выбирали храбрейших мужей пред судами
Чтобы в засаду идти, где легко проявляется доблесть,
Где познается скорей и трусливый душой, и бесстрашный,
(Ибо кто робок, в лице тот меняется часто и резко,
Нет в нем присутствия духа, чтоб место хранить неподвижно,

13-280

Он то одну, то другую, то обе ноги поджигает;
Сильно в груди у него боязливое сердце трепещет,
И в предвкушении смерти стучат в его челюстях зубы;
Тот же, кто сердцем отважен, в лице не меняется вовсе,
И не трепещет, когда уже сел он в засаде с мужами,

13-285

Только стремится скорей в беспощадную страшную битву), –
Не осудили б и там ни силы твоей, ни отваги.
Если б, в бою находясь, ты был ранен копьем иль стрелою,
Медь бы не сзади настигла тебя ни в затылок, ни в спину,
Но угодила бы в грудь иль в живот, повстречавшись с тобою,

13-290

Храбро идущим вперед, среди передних бойцов наилучших.
Но поспеши, и не станем болтать здесь, как праздные мужи,
Стоя без дела, – не то кто-нибудь упрекнет нас жестоко,
Быстро в палатку ступай и копье принеси боевое".
Так он сказал; Мерион же, проворному равный Арею,

13-295

Быстро достав из палатки копье, заостренное медью,
Идоменею отправился вслед, порываясь в сраженье.
Как истребитель народов Арей отправляется в битву,

Вместе с возлюбленным сыном, бестрепетным Страхом могучим,
Кто ужасает порою и воина, храброго сердцем,

13-300

Если они из фракийской приходят земли, ополчившись
Против эфиров иль гордых флегийских дружин и, не внемля
Просьбам обоих народов, одним лишь даруют победу:
Так и мужей предводители, Идомей с Мерионом,
Ринулись в грозную битву, покрытые огненной медью.

13-305

Первый тогда Мерион обратился к другому и молвил:
"О, Девкалид, ты куда устремиться желаешь в сраженье?
В правом ли хочешь крыле, в середине ли войска сражаться,
Или налево пойдешь? Оттого что нигде, полагаю,
Так тяжело не придется прекрасноволосым ахейцам".

13-310

Идомей отвечал ему, критских дружин предводитель:
"Пред серединою войска защитою стали другие,
Двое Аяксов и Тевкр, который всех лучше ахеян
Луком умеет владеть и отличен в бою рукопашном.
Эти измучают вдоволь хотя бы привычного к битве

13-315

Гектора, сына Приама, на силу его невзирая.
Будет ему не легко, как ни пламенно жаждет он битвы,
Этих героев отвагу и крепкие руки осилив,
Пламенем сжечь корабли, – разве сам бы Кронид Громовержец
Бросил пылающий факел на флот быстроходный ахеян.

13-320

Но человеку не сдастся Аякс Теламонид великий,
Если то – смертнорожденный, кормящийся хлебом Деметры,
Если доступен он ранам посредством копья или камня.
Даже Ахиллу, рядов сокрушителю, он не уступит,
В битве на месте одном, – только скоростью ног не сравнится.

13-325

Станем поэтому оба на левом крыле. Там посмотрим,
Мы же кому из врагов, или нам они славу доставят".
Так он сказал. Мерион, быстроногую равный Арею,
Тронулся в путь – и герои достигли рядов, где решили.
Идоменея завидев, похожего силой на пламя,

13-330

Вместе с товарищем брани, покрытого светлою медью,
Кинулись все на него, побуждая друг друга, троянцы,
И пред кормами судов завязалась всеобщая свалка.
Точно гроза налетает, дыханьем гонимая ветров,
В день, когда пылью густой покрываются всюду дороги,

13-335

Ибо с грозой подымается облако праха:
Так разразилось сраженье на тесном пространстве, где мужи
Острою медью друг друга в толпе умерщвлять порывались.
Поле жестокого боя щетинилось множеством копий,
Длинных, пронзающих тело, могучими сжатых руками.

13-340

Очи слепило сияние меди на шлемах блестящих,
Ярких щитах и старательно чищенных панцирях светлых.
В битву ряды подвигались. И только безжалостный сердцем
Мог бы на труд их взирать беззаботно, душой не терзаясь.
Но Посейдон и Зевес, всемогущие Кронаса дети,

13-345

Оба с различной целью, героям готовили горе.
Зевс порешил Приамиду победу послать и троянцам,
Чтобы Ахилла вознесть, быстроногую сына Пелея.
Он не хотел аргивян погубить совершенно пред Троей,
Только Фетиду почтить пожелал с ее сыном отважным.

13-350

А Посейдон ободрял аргивян, среди битвы вращаясь,
Тайно из моря седого возник, негодуя на Зевса,
В сердце жалея данайцев, троянцами сильно теснимых.
Хоть одного они оба и рода и племени были,
Только Зевес из них первый родился и больше изведаль.

13-355

Вот почему Посейдон, не решаясь на явную помощь,
Тайно всегда появлялся в рядах, уподобившись мужу.
Так, завязавши узлом, над войсками они протянули
Крепкие сети, – они неразрывны и неразрешимы, –
Сети войны и раздора, у многих расслабив колени.

13-360

Тою порой, предводя аргивян, хоть седой вполовину,
Идомоней налетел на троян и навел на них ужас.
Отрионея убил он; тот в Трою придя из Кабеса,
Только в последнее время прельстился военной славой.
Сватал Приама он дочь, всех прекраснее видом, – Кассандру.

13-365

Он без приданого деву просил, да к тому ж похвалялся
Подвиг великий свершить – всех прогнать аргивян из-под Трои.
Старец Приам согласился и дочь обещал ему в жены.
Вот почему он сражался, царя обещанию веря.
Но Девкалид заметил бойца, выступавшего гордо,

13-370

Светлое бросил копье и попал: острие угодило
В среднюю часть живота, не задержано медной бронейю.
Шумно он грохнулся в прах, и герой, похваляясь воскликнул:
"Отрионей, выше прочих тебя почитать буду смертных,
Если ты вправду исполнишь все то, что свершить похвалялся

13-375

Сыну Дардана Приаму; тебе ж свою дочь обещал он.
То же и мы обещаем – и все нерушимо исполним.
Из дочерей Агамемнона ту, что лицом всех прекрасней,
Из Арголиды сюда приведем и дадим тебе в жены,
Если поможешь ты нам Илион многолюдный разрушить.

13-380

Следуй же быстро за мной, заключим на судах мореходных
Брачный с тобой договор, ибо свекры и мы не скупые".
Так говоря, его за ногу взял и повлек через битву
Идомений. Но за тело явился заступником Азий,
Пеший идя пред конями; они у него за спиною

13-385

Тяжко храпели, – возница держал их все время вплотную.
В Идоменя он метил, но тот, поспешив нападеньем,
В шею внизу подбородка пронзил его медью навывлет.
И повалился он в прах, точно дуб или тополь серебристый
Или прямая сосна, если, брус корабельный готовя,

13-390

Плотники их на горе вновь отточенной срубят секирой:
Так распростертый он пред колесницей лежал и конями,
Тяжко хрипя и хватаясь за землю, облитую кровью.
И у возницы его помутилось в то время сознание:
Не догадался он вспясть повернуть лошадей, чтоб избегнуть

13-395

Вражьей руки. И тогда Антилох, непреклонный в сраженьи,
В тело сразил его светлым копьем. Острие угодило
В среднюю часть живота, не задержано медной бронейю.
Тотчас он дух испустил и с прекрасной упал колесницы.
А лошадей Антилох, сын отважного Нестора старца,

13-400

Быстро погнал от троянцев к ахейцам в прекрасных доспехах.

Тою порой Деифоб, полный грусти по Азии павшем,
К Идоменею приблизясь, копье медносветлое бросил.
Идоменей же, увидев его, от копья уклонился,
Ибо успел оградиться щитом равномерно округлым,

13-405

Светлою медью покрытым, воловьей обтянутым кожей,
Плотно к руке прикрепленным при помощи двух рукоятей.
Весь под щитом он собрался, и сверху копье пролетело,
Только по краю скользнув; глухо щит зазвенел от удара.
Но не напрасно копье из тяжелой руки полетело,

13-410

А Гипсенора сразило, владыку мужей Гиппасида,
В печень, внизу от брюшной перепонки, расслабив колени.
Громко тогда закричал Деифоб, похваляясь базмерно:
"Истинно Азий лежит отомщенный. Теперь утверждаю,
Он, хоть спустился к Аиду, кто крепко врата охраняет,

13-415

Все же в душе веселится; ему я попутчика выбрал".
Так он хвалился – и больно ахейцам от слов его стало,
Всех же больнее он сердце бойцу уязвил Амфилоху.
Но, и печалясь, герой не покинул убитого друга,
Но подбежал и блестящим щитом приукрыл, охраняя.

13-420

И, поместившись за ним, тотчас двое товарищей милых,
Эхия сын Мекистей и Аластор, герой богоравный,
Подняли труп и к судам понесли, безутешно стеная.
Идоменей же, отвагой дыша, порывался, как прежде,
Или кого из троянцев окутать подземною ночью,

13-425

Или упасть самому, от ахейн беду отвращая.
Тою порою любимого сына царя Эзиета
Он полководца убил Алкафоя, Анхизова зятя.

Был он на старшей женат его дочери Гипподамии,
Страстно любимой отцом и почтенною матерью в доме.

13-430

Ибо она красотой, умом и искусством в работах
Всех затмевала в кругу своих сверстниц; поэтому в жены
Взял ее мощный герой, знаменитейший в Трое пространной.
Ныне его Посейдон усмирил под рукой Девкалида,
Ясные очи затмил и сковал благородные члены.

13-435

Он не успел ни назад отскочить, ни избегнуть удара.
Гордо стоящим, как будто колонна иль тополь высокий,
В самую грудь поразил его светлым копьем заостренным
Идомей благородный, пробив на груди Алкафоя
Медный хитон, отвращавший доныне от тела погибель.

13-440

Ныне, разрезан копьем, он глухое издал дребезжанье.
Шумно свалился герой, лишь вонзилось копье ему в сердце,
Что трепетало еще и дрожать острие заставляло.
В сердце копье ослабело, – орудье могучее брани.
Идомей той порой закричал, похваляясь безмерно:

13-445

"Что, Деифоб, неужель назовем мы достойным возмездьем
Смерть одного за троих? Ты недавно так громко хвалился.
Лучше, несчастный, ко мне выходи ты в оружьи,
Чтоб убедиться каков я пришел к вам, потомок Зевеса.
Ибо Зевес породил охранителя Крита Миноса;

13-450

Сына оставил Минос – беспорочного Девкалиона;
Девкалион же меня породил и на Крите просторном
Стал я царем над людьми. А теперь я приплыл с кораблями,
Горе принеши тебе и отцу, и всем прочим троянцам".
Так он сказал. Деифоб же в уме своем надвое думал:

13-455

Быстро ль ему отступить и среди храбрых героев троянских
В помощь товарища взять, или в бой одному устремиться.
И размышлявшему так показалось ему наилучшим
В помощь Энея призвать. И героя нашел он стоящим
Сзади, последним в толпе; он в душе на Приама сердился,

13-460

Кто почитал его мало, на доблесть его не взирая.
Ставши вблизи от Энея, он слово крылатое молвил:
"Славный Эней, о, советник троянцев, теперь заступиться
Должен за шурина ты, если им озабочен хоть мало.
Следуй за мной, отобьем Алкафоя; когда-то, как шурина,

13-465

Малым ребенком тебя он воспитывал в царском чертоге.
Идомея, знаменитый копьем, поразил его ныне".
Так он промолвил и сердце в груди его тронул словами.
На Девкалида пошел он, исполненный жажды сражаться.
Но не поддавался испугу и тот, как младенец бессильный,

13-470

А поджидал их, как будто кабан, что, ногам доверяясь,
В месте пустынном, в горах, слышит шум, постоянно растущий
Многих мужей звероловов: встает на нем дыбом щетина,
Пламенем светят глаза, и острит он могучие зубы,
Силой готовясь прогнать и собак, и мужей звероловов:

13-475

Так приближенья Энея, проворного в битве, не дрогнув,
Идомея поджидал, знаменитый копьем, и на помощь
Кликнул товарищей он, Аскалафа и с ним Афарейя
И Деипира вождя, Мериона с бойцом Антилохом.
Их увидав, побуждая, он слово крылатое молвил:

13-480

"Други, сюда! Я один. Помогите мне. Страшно боюсь я,
Ибо Эней быстроногий идет на меня, наступая,
Он, кто силен чрезвычайно и в битве мужей убивает.
Юностью также цветет он, а в ней величайшая сила.
Если б с отвагой моей мы по возрасту сверстники были,

13-485

Скоро бы я или он увенчался великою славой".
Так он сказал. И герои, одним все исполнены духом,
Стали вблизи от него и щиты опустили на плечи.
В свой же черед и Эней стал товарищей кликать, завидя
Невдалеке Деифоба, Париса с бойцом Агенором,

13-490

Храбрых, как он полководцев среди войска отважных троянцев.
Вслед и войска устремились, как овцы спешат за бараном
С пастбища на водопой, и пастух веселится, их видя:
Так и Эней благородный тогда был обрадован в сердце,
Видя, как много народа за ним отправляется следом.

13-495

Вскоре кругом Алкофоя они завязали сраженье,
Длинные копья колебля. И медь на груди у героев
Страшно звучала, меж тем как они поражали друг друга.
И, отличаясь пред всеми, бестрепетных двое героев,
Идоменей и Эней, на Арея похожие оба,

13-500

Сильно желали друг друга пронзить заостренною медью.
Первый Эней в Девкалида копье свое бросил.
Во время тот увидал и успел от копья уклониться;
Быстро колеблясь, копье острием своим в землю вонзилось,
Ибо напрасно оно из могучей руки полетело.

13-505

А Девкалид Ономаоса ранил в живот посредине,
Выпуклость панциря пробил, и медь разорвала утробу.
Тотчас он в прах повалился, ладонями землю хватая.
Идомеией лишь копье длиннотенное вынул из трупа,
Но остальных не сумел разукрашенных пышно доспехов

13-510

С плеч Ономаоса снять, ибо стрелы его удручали.
Полный отваги, в ногах не имел он уж твердости прежней,
Чтоб за своей устремиться стрелой или вражьей избегнуть.
В битве на месте одном еще мог отклонять он погибель,
Но далеко от сраженья не скоро несли его ноги.

13-515

И замахнулся тогда на него, отступавшего тихо,
Светлым копьем Деифоб, ибо гневом пылал на героя,
Но промахнулся и он, а копьем поразил Аскалафа,
Сына Арея, насквозь чрез плечо острие пролетело.
Тотчас он в прах повалился, хватая ладонями землю.

13-520

Но не узнал Эниалий могучий и зычноголосый,
Что в беспощадном сраженьи лежит его сын пораженный.
На Олимпийской вершине он скован решеньем Зевеса,
Под золотыми сидел облаками, где все находились
Вечные боги тогда, удаленные Зевсом от битвы.

13-525

Вскоре кругом Аскалафа бойцы завязали сражение.
Блещущий шлем с Аскалафа сорвал Деифоб непреклонный,
Но Мерион, быстротою похожий на бога Арея,
Тут же, вперед устремившись, копьем его в руку ударил.
Трубчатый шлем зазвенел, из руки упавая на землю.

13-530

А Мерион, налетевши вторично, быстрее, чем коршун,

Вырвал копье боевое из края руки Деифоба
И, отступивши, смешался с толпою товарищей милых.
Брат Деифоба Полит его обнял рукой посредине
Да из погибельной сечи повел, пока оба достигли

13-535

Быстрых коней, что вблизи от смятения битвы жестокой
Ждали, – возница держал их, на пышную став колесницу.
Тотчас они его в город помчали, стенавшего тяжко,
Сильно страдавшего: кровь из руки пораженной сочилась.
Все же другие сражались, и крик раздавался немолчный.

13-540

Тою порою Эней Афарея дитя Калетора,
В горло ударил копьем, когда воин к нему обернулся.
Голову на бок склонил он, и щит вместе с шлемом повисли.
И душегубная смерть, распростершись, окутала мужа.
Той же порой, увидав, что Фоон повернулся спиною,

13-545

Вождь Антилох, наскочив, его ранил и жилу разрезал,
Что по спине восходя, поднимается вплоть до затылка.
Всю он разрезал ее, и тот навзнич во прах повалился,
Обе руки пред собой простирая к товарищам милым.
И, озираясь кругом, Антилох налетел и доспехи

13-550

С тела совлек. А троянцы, стеснившись толпой, в беспорядке,
Щит поражали его, разноцветно сверкавший, огромный,
Но не могли за щитом оцарапать жестокою медью
Нежное тело бойца: Посейдон, потрясающий землю,
Сам защищал Несторида, средь множества стрел оперенных.

13-555

Не удалялся герой от врагов, а вращался меж ними,
Не оставалось копье неподвижным в руке Антилоха,
А, потрясаемо им, непрерывно и сильно дрожало.

И размышлял он, метнуть ли копье или с ним устремиться,
Но, размышлявшего так, Адамас среди строя заметил,

13-560

Азия сын, и, к нему подбежав, заостренною медью
В щит посредине ударил, но острую медь обессилил
Бог Посейдон темнокудрый, ревнуя о жизни героя.
Древко сломалось, что кол обожженный: одна половина
В щит Антилоха вонзилась, другая упала на землю.

13-565

И Адамас удалился к друзьям, уклоняясь от Парки.
Но отступавшему вслед Мерион устремился и, бросив
Острую медь, меж пупом и стыдливými ранил частями, –
Где для людей злополучных всего болетворней удары.
В это он место вонзил острие, и троянец, свалившись

13-570

По направленью копья, заметался, как бык среди поля,
Если ремнями связав, пастухи поведут его силой:
Так трепетал и троянец, пронзенный копьем, но не долго,
А до тех пор как из тела герой Мерион, подошедши,
Вынул обратно копье. Тотчас тьма ему очи покрыла.

13-575

Тою порою Гелен по виску поразил Деипира
Длинным фракийским мечом и рассек его шлем густогривый;
Шлем отскочил от удара и, наземь слетев, покатился
Между ногами бойцов, – кто-то поднял его из ахейцев.
Вскоре подземная ночь Деипиру окутала очи.

13-580

Грусть ощутил Менелай, сын Атрея, воитель отважный.
Слово угрозы сказав, он пошел на Гелена героя,
Острым копьем потрясая. Гелен же за лук ухватился.
Так они оба сошлись, порываясь друг друга ударить –
Этот – стрелой с тетивы, а тот – светлым копьем заостренным.

13-585

Первый тогда Приамид Менелая ударил стрелою
В выпуклость панциря, в грудь, но стрела от брони отлетела.
Как по большому гумну от широкого веяла скачут
В кожицах черных бобы иль горошины, вдале относимы
Силою мужа, кто веет созвучно дыханию ветра:

13-590

Так далеко от брони Менелая, покрытого славой,
Прочь отлетела стрела, на большое упав расстояние,
Сын же Атрея, отважный воитель, попал Приамиду
В руку, которою лук, полированный гладко, держал он.
Руку пробивши, копьё заостренное в лук угодило.

13-595

Быстро к толпе он друзей отступил, уклоняясь от Парки,
Руку бессильно повесив, с влекущимся ясенным древком.
Медь из руки Приамида извлек Агенор благородный,
Руку ж пращей обвязал, крепко сшитой из шерсти овечьей, –
Взял он пращу у возницы Гелена. Владыки народов.

13-600

Тою порою Пизандр пошел на бойца Менелая.
Злая судьба его прямо к пределу направила смерти,
Чтобы тобой, Менелай, он в жестоком бою укрощен был.
После того как, идя друг на друга, сошлись они близко,
Первый Атрид промахнулся: копьё его в сторону взяло.

13-605

Вскоре за этим Пизандр по щиту Менелая ударил,
Но оказался не в силах насквозь пронизать его медью;
Щит задержал острие, близь копейца сломалось древко.
И на победу надеясь, троянец выиграл уже духом,
Но Менелай, извлекая из ножен свой меч серебровоздй,

13-610

Бросился с ним на Пизандра; а тот под щитом приготовил
Медный прекрасный топор, с топорищем большим из оливы,
Дивно отточенным, длинным, – и оба пошли друг на друга.
По шишаку густогривого шлема троянец ударил
Низко близь гребня. Но в миг, как ступил он вперед, сын Атрея

13-615

Над переносицей в лоб поразил его; хрустнули кости.
Выпали очи к ногам и, кровавые с прахом смешались.
Сам он согнулся и лег. И ногою на грудь наступая,
Снял Менелай все доспехи и слово сказал, похваляясь:
"Так отпадете и вы от судов аргивян быстроногих,

13-620

О, ненасытные в битве, надменные дети троянцев!
Вам не придется еще мне обиду нанести иль бесчестье,
Как уже раз нанесли, о, презренные псы, когда в сердце
Не убоялись тяжелого гнева гремящего Зевса
Гостеприимца, кто скоро высокий ваш город разрушит.

13-625

Вы у меня и супругу законную, вы и богатства,
Тайно бежав, увезли, хоть радушно ей приняты были.
Ныне вы страстно хотите во внутрь судов мореходных
Гибельный бросить огонь и убить всех героев ахейских.
Но, и отвагой горя, вы, быть может, покинете битву.

13-630

Отче Зевес! Утверждают, что мудростью ты превосходишь
Всех и богов и мужей. Между тем ты виною всех бедствий,
Ибо открыто мирволишь сим воинам наглым – троянцам,
В ком и отвага преступна всегда, оттого что не могут
Шумом насытиться битвы, для всех одинаково страшной.

13-635

Всем насыщаются люди: и сном, и любовью отрадной,
И песнопением сладким, и стройным движениям пляски,
Хоть насладиться всем этим мы больше хотим, чем войною.
Только троянцы одни ненасытно сражения алчут".
Так говоря, Менелай беспорочный с убитого мужа

13-640

Снял обгаренные кровью доспехи и отдал дружине.
Сам же, вернувшись, с бойцами передними снова смешался.
Сын Пилемена царя той порой на него устремился,
Гарпалион, кто отцу дорогому сопутствовал в Трою.
Но не вернулся обратно в любезную отчую землю.

13-645

Дротом в средину щита Менелая ударил он близко,
Но оказался не силах насквозь пронизать его медью
Быстро к толпе он друзей отступил, уклоняясь от Парки,
Вкруг озираясь из страха, не ранит ли кто его медью.
И Мерион, издали стрелу в отступавшего бросив,

13-650

В правое ранил бедро, и, пройдя под седалищной костью,
Вышло с другой стороны острие, чрез пузырь пролетевши.
Вмиг он присел, а потом на руках у товарищей милых
Дух испустил и лежал, словно червь, по земле распростертый.
Черная кровь вытекала струею, песок орошая.

13-655

И Пафлагонцы, отвагой дыша, хлопотали вокруг тела,
На колесницу его положили, терзаемы грустью,
И в Илион отвезли. С ними шел и родитель, рыдая,
Видя, как мертвого сына покинуло жизни дыханье.
Сильно разгневался в сердце Парис из-за смерти героя,

13-660

Ибо среди всех пафлагонцев ему приходился он гостем.

Гневом в душе воспылав, он стрелу медноострую бросил.
Некий был муж Евхенор, прорицателя сын Полиида,
Храбрый весьма и богатый, имевший жилище в Коринфе.
Знал он, садясь на корабль, что жестокая ждет его Парка.

13-665

Ибо не раз Полиид говорил ему, старец разумный,
Что или дома ему от ужасной болезни погибнуть,
Или упасть от троянской руки пред судами ахейцев.
Он избежал заодно и обидных укоров ахеян,
И ненавистой болезни, в душе убоявшись страданий.

13-670

Ранил его Приамид ниже уха и челюсти. Тотчас
Вышла из тела душа и глубокая тьма его скрыла.
Так поражая друг друга, они бушевали, как пламя.
Гектор, любезный Зевесу, еще не узнал и не ведал,
Что от оружия данайцев погибло налево от флота

13-675

Много троянских мужей, что, быть может, победа ахеян
Станет решительной вскоре – так сильно земли колебатель
Дух аргивян ободрял, да и сам помогал своей мощью.
Гектор стоял, где впервые прошел чрез ворота и стену,
Силой прорвавши густые ряды щитоносцев данайских.

13-680

Там, на возвышенный берег извлекши из моря седого,
Протезилай и Аякс поместили суда свои рядом;
Ниже чем в прочих местах аргивяне сложили там стену;
Там же сильнее всего бушевали герои и кони.
Тою порой беотийцы, ионяне в длинных хитонах,

13-685

Фояне, локры, равно как покрытые славой эпейцы
От кораблей отражали с трудом, но прогнать не сумели
Гектора, кто налетал, неустанный, похожий на пламя.

В первом стояли ряду из афинян отборные мужи.
Их предводил Менесфей, храбрый сын Петеоса, а также

13-690

Стихий, Фидас и могучий Биас. А Мегес, сын Филея,
Дракий с бойцом Амфионом ряды предводили эпейцев.
Фоян Медон предводил, а равно непреклонный Подаркес.
Сыном побочным Медон богоравного был Оилея,
Братом чрез то приходился Аяксу, но жил он в Филаке,

13-695

Вне своей отчей земли, ибо мужа убил на отчизне,
Мачехи Эриопиды, жены Оилеевой, брата.
Храбрый Подаркес был сыном царя Филакида – Ификла.
Оба они выступали пред строем воинственных фоян,
И, защищая суда, с беотийцами рядом сражались.

13-700

Все это время Аякс, сын царя Оилея проворный,
Не отходил ни на шаг от Теламонида Аякса.
Точно как двое быков темноокрасных по цельному пару
Крепко сколоченный плуг с одинаковым тащат усердьем,
Так что у корня рогов на них пот проступает обильный,

13-705

Все же влекут они плуг, по краям разрезающий пашню,
Рядом идя бороздой, лишь ярмом разделенные гладким:
Так они близко держались и обок стояли друг друга.
Но с Теламоновым сыном пришли и товарищи мужи,
Силой гордясь и числом; они щит, чередуясь, держали,

13-710

Если усталость и пот изнуряли колени героя;
Локры же в строй не пошли за вождем Оилеевым сыном,
Не закаленное сердце имея в бою рукопашном.
Не было даже у них густогривых блистающих шлемов,
Не было светлых щитов округленных, ни ясенных копий.

13-715

Лишь полагаясь на лук и на пращи из шерсти овечьей,
Под Илион крепкостенный они за Аяксом приплыли.
Часто стрелами они сокрушали фаланги троянцев.
Так впереди перед всеми Аяксы в доспехах прекрасных
С войском троянцев сражались и Гектором в панцире медном,

13-720

А позади притаились локры, стреляя из лука.
И позабыли троянцы про бой: одолели их стрелы.
Тою порой к Илиону, открытому ветрам, троянцы
Грустно ушли бы назад от судов и палаток ахеян,
Если бы Полидамас не сказал, подойдя к Приамиду:

13-725

"Гектор, всегда ты упрям и ничьим увещаньям не внимлешь.
Не оттого ли, что бог отличил тебя доблестью бранной,
Ты и возмнил, что умней, чем другие, советовать можешь?
Только едва ли все это один совместить в состояньи.
Боги дают одному отличиться военным искусством,

13-730

Этому – пляской, другому игрою на цитре и пеньем,
А у иного в груди громовержец Олимпа внедряет
Мудрость, – плодами ее наслаждается множество смертных.
Мудрый спасает других и себе он бывает полезен.
Ныне советовать стану, что кажется мне наилучшим.

13-735

Всюду, тебя окружая, все поле сраженья пылает.
Храбрые сердцем троянцы, чрез ров перешедши и стену,
Частью стоят в стороне под оружием, частью воюют
В меньшем числе против многих, рассеяны пред кораблями.
Лучше теперь отступи, собери всех героев храбрейших.

13-740

Вместе тогда и обсудим, какое принять нам решение,
Приступом взять ли суда многогребные храбрых данайцев, –
Ежели кто из богов даровать пожелает нам силу, –
Или назад от судов многогребных уйти невредимо.
Сильно боюсь, что вчерашний нам долг возместят аргивяне.

13-745

Муж ненасытный в сраженьи, у них на судах пребывает;
Он, опасаясь, недолго захочет остаться вне боя".
Так он сказал, и понравилось Гектору мудрое слово.
Тотчас с своей колесницы на землю он спрыгнул в оружьи,
И, обращаясь к герою, крылатое слово промолвил:

13-750

"Полидамас, ты бы сам всех собрал здесь храбрейших героев.
Я же отправлюсь туда, беспощадному бою навстречу.
После назад возвращусь, как все нужные дам приказанья".
Молвил и вдаль устремился, похожий на снежную гору,
Зычно крича, полетел меж троянских дружин и союзных.

13-755

Гектора окрик услышав, герои толпой поспешили
К Полидамасу, душою отважному сыну Панфоя.
Гектор пошел по переднему ряду, ища, не найдет ли
Славного силой Гелена царя и вождя Деифоба,
Азия сына Гортака. И сына его Адамаса.

13-760

Только нигде их не мог отыскать невредимых и целых.
Ибо одни на Ахейских кормах корабельных лежали,
С милой душою простясь под оружием отважных данайцев,
А остальные страдая от ран за стеной находились.
И повстречался ему от плачевного боя налево

13-765

Богopodobный Парис, муж прекрасноволосой Елены.
Милых товарищей он ободрял, побуждая сражаться.
Гектор, к нему подошедши, обидное вымолвил слово:
"Горе – Парис, женолобец, прекрасный лицом обольститель!
Где, говори, Деифоб, где Гелен, благородный владыка,

13-770

Где Азиад Адамас и сам Азий, сын храбрый Гиртака?
Отрионей где воинственный? Ныне высокая Троя
К гибели мчится стремглав, – и твоя несомненна погибель".
И, возражая ему, Александр боговидный промолвил:
"Гектор, отрадно тебе обвинять и того, кто невинен.

13-775

Некогда я уклонялся от битвы, но только не нынче.
Ибо почтенная мать и меня родила не бессильным.
Ныне все время, с тех пор как дружины повел ты в сражение,
Мы здесь стоим, и даем аргивянам отпор неустанно.
Те же герои убиты, о ком ты меня вопрошаешь

13-780

Только один Деифоб да Гелен, благородный воитель,
С поля вернулись живы, тяжелыми копьями оба
Ранены в руку, от смерти сберег их Кронид Олимпиец.
Ты нас теперь поведи, куда сердце тебя направляет,
Мы же последуем все за тобою, усердия полны.

13-785

Только хватало бы сил, недостатка не будет в отваге.
Свыше же сил воевать, как бы кто ни желал, – невозможно".
Так говоря, успокоил он сердце могучего брата.
Ринулся Гектор туда, где сражение кипело сильнее
Вкруг Кебриона вождя, беспорочного Полидамаса,

13-790

Фалка, Орфея, Аскания и Полифета героя,

Пальмиса, также Мориса, от Гиппотииона рожденных.
Все из Аскании тучной с вчерашней явились зарею,
Воинам прежним на смену: Зевес побуждал их сражаться.
Точно великая буря при встрече бушующих ветров

13-795

С громом Зевеса отца устремляется вниз на долину,
Падает с грохотом страшным на воды морские, и тотчас
Волны покроются пеной среди многошумного моря
И серебрятся, вздуваясь, и скачут одна на другую:
Так и троянцы, сплотясь, подвигались одни за другими

13-800

И за вождями стремились, покрыты сверкающей медью.
Гектор шел первым, похож на Арея, губителя смертных.
Перед собою держал он свой щит равномерно округлый,
Крепкой обтянутый кожей и толстою медью обшитый.
Шлем у него над челом пламенел, меднояркий и веял.

13-805

Все обошел он фаланги ахейских дружин, испытая,
Сможет ли он их прорвать, под прикрытьем щита наступаая.
Только души не смутил он в груди непреклонных данайцев.
Первый, широко ступая, Аякс вызывающе крикнул:
"Ближе ступай, горемычный. Зачем понапрасну пугаешь

13-810

Войско ахейян? И мы не без опыта в деле военном.
Но смиренны аргивяне бичем беспощадным Зевеса.
Верно, надеешься в сердце предать корабли разграбленью?
Руки же есть и у нас для защиты судов быстроходных.
Раньше, надеюсь, погибель настигнет ваш город богатый,

13-815

Нашими взятый руками, разрушенный до основания.
И для тебя, уповаю, уже недалеко то время,
Как, убегая ты взмолишься Зевсу и прочим бессмертным,

Чтобы скорее, чем соколы, кони твои полетели,
В город с тобою спасаясь и пыль по долине вздымая".

13-820

Только что кончил он слово, как справа поднялася птица –
Быстро парящий орел. Ободренные знаменьем добрым,
Вскрикнуло войско ахейн. А Гектор блистательный молвил:
"О, пустомеля Аякс! О, хвастливый болтун, что сказал ты?
Если бы столь несомненно всю жизнь считался я сыном

13-825

Эгидодержца Зевеса, рожденным почтенною Герой,
Если б меня почитали, как чтят Аполлона с Афиной,
Как несомненно, что нынешний день принесет вам погибель,
Всем без изъятия. И ты, в их числе, умерщвленный поляжешь,
Если дерзнешь дожидаться копья моего, что разрежет

13-830

Нежную кожу твою. И тогда, пред судами свалившись,
Воронов наших и псов своим жиром и мясом насытишь".
Так говоря, он пошел, а за ним все вожди устремились,
Крик издавая ужасный, а сзади кричало все войско.
Вскрикнули также ахейцы, в душе не забыв про отвагу,

13-835

Но поджидая бесстрашно троянских вождей наступавших.
Клики двух воинств достигли эфира и света Зевеса.

* * *

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ Усыпление Зевса

Нестор еще наслаждался питьем, когда клики услышал.
Он Эскулапову сыну крылатое слово промолвил:
"О, Махаон богоравный, подумай, чем кончится это?
Крики бойцов молодых пред судами становятся громче.
Но оставайся сидеть и вином наслаждайся искристым,

14-5

Выжди, пока Гекамед, прекрасноволосая дева,
Теплую баню нагреет и прах с тебя смочит кровавый.
Я же разведу все, поспешив на дозорное место".
Так произнеши, надел он округлый, стоявший в палатке,
Щит Фразимеда, коней укротителя, милого сына,

14-10

Медью сверкавший: с отцовским щитом Фразимед удалился.
Тяжкое взял он копье, на конце заостренное медью,
Выйдя из ставки, он вскоре увидел печальную битву,
Как отступали данайцы, а войско надменных троянцев
Сзади на них напирало, низринув ахейскую стену.

14-15

Точно как ветров свистящих предчувствуя скорую близость,
Дальнее море темнеет, колебля безмолвные волны
Ровно на месте одном, ни туда, ни сюда не бросая,
Долго, пока не примчится от Зевса решающий ветер:
Так колебался старик, обсуждая в душе два решенья,

14-20

Лучше ли броситься в битву в толпу быстроконных данайцев,
Или к Атриду пойти Агамемнону, пастырю войска.
И, размышлявшему так, показалось ему наилучшим
К сыну Атрея пойти. А бойцы той порою друг друга
В битве рубили, сражаясь, и громко вокруг тел их звенела

14-25

Медь под ударами тяжелых мечей или копий двуострых.
Вскоре ему повстречались владыки, возвращенные Зевсом;
Ранены острою медью, они из судов своих вышли,
Царь Диомед, Одиссей и могучий Атрид Агамемнон.
Все корабли далеко от сражения сдвинуты были

14-30

На берег моря седого. Передний лишь ряд аргивяне
Вплоть извлекли до равнины, стеной обведя пред кормами,
Ибо морское побережье, при всей ширине, не могло бы
Все корабли их вместить и войскам приходилось бы тесно.
Вот почему они флот разместили уступообразно,

14-35

Берег залива наполнив, пространство от мыса до мыса.
Вышли вожди, чтоб разведать причину смятенья и криков
И, опираясь на копья, вперед направлялись, безмерно
Горем терзаясь в душе. Той порой им навстречу попался
Нестор старик и сердца в их груди взволновал он испугом.

14-40

С речью к нему обращаясь сказал Агамемнон владыка:
"Сын благородный Нелея, великая слава Ахеян,
Нестор, зачем ты пришел, мужегубную битву покинув?
Сильно боюсь, как бы Гектор могучий не выполнил слова,
Как угрожал он недавно в троянских рядах, похваляясь,

14-45

Что в Илион от судов мореходных вернется не раньше,
Чем корабли уничтожит огнем и убьет всех данайцев;
Так он тогда угрожал, и все это сбывается ныне.
Боги, ужель и другие ахейцы в прекрасных доспехах
Гнев, на подобье Ахилла, в душе на меня затаили

14-50

И оттого пред кормами судов не желают сражаться!"
И, отвечая, сказал ему Нестор, наездник Геренский;
"Все это нынче сбылось, очевидными бедствия стали,
Сам бы высокогремящий Зевес не сумел отменить их.
Ибо стена уже пала, которую все мы считали

14-55

Несокрушимым оплотом судов и ахейского войска.
Ныне близ быстрых судов они бой завязали упорный,
И невозможно узнать, как бы ты наблюдать ни старался,
По направлению какому гонимые мчатся ахейцы.
Всюду их бьют без разбора и крики доходят до неба.

14-60

Дайте ж, обсудим теперь, чем окончится это. Быть может,
Мудрость спасет нас. Лишь в бой не советую вам я вернуться,
Ибо никак невозможно, чтоб раненый воин сражался".
Снова к нему обратился владыка мужей Агамемнон:
"Если, о, Нестор, враги пред кормами судов уж воюют,

14-65

Если и ров, и стена крепкозданная не помогли нам,
Хоть аргивяне не мало над ними трудились, в надежде
Несокрушимый оплот для себя и для флота построить –
Знать всемогущему Зевсу Крониду так было угодно,
Чтобы вдали от Эллады погибли ахейцы без славы.

14-70

Прежде я ведал, когда аргивян защищал он охотно,
Ведаю ныне, что он возвеличить желает троянцев,
Словно блаженных богов, и связал наши мощные руки.
Дайте ж поступим теперь, сообразно тому, что скажу вам:
Те корабли, что поближе лежат от воды на побережье,

14-75

Сдвинем скорей, совлечем на поверхность священного моря,
Там утвердим их высоко на якорных камнях, покуда
Снидет священная ночь и троянцы от битвы устанут.
А с наступлением ночи все сдвинем суда остальные,
Ибо не стыдно бежать от гибели даже среди ночи.

14-80

Лучше бежать и спастись. Чем остаться и сделаться пленным".

Но, исподлобья взглянув, Одиссей многоумный промолвил:
"Слово какое, Атрид, из уст твоих вырвалось ныне.
О, злополучный, тебе над трусливым бы властвовать войском,
А не начальствовать нами, которым Зевес Олимпиец

14-85

Много опаснейших войн предоставил успешно окончить,
С детства до старости самой, пока не умрет из нас каждый.
Так ли желаешь покинуть широкодорожную Трою,
Из-за которой мы столько уже претерпели несчастий?
Лучше молчи, чтоб никто из ахейских дружин не услышал

14-90

Слова, какого из уст никогда бы не выпустил воин,
Кто в своих мыслях умеет разумно обдумывать речи,
Кто скиптродержцем рожден и кому повинуются войско,
Столь же большое числом, как данайцы, которыми правишь.
Я отрицаю и пользу совета, который даешь нам,

14-95

Ибо в то время, как длится смятенье и битва, велишь ты
В море совлечь корабли оснащенные, чтобы троянцам
Большую радость доставить, уже победителям в битве,
Нам же погибель и смерть. Благородные дети ахеян
Не устоят среди боя, едва мы суда наши сдвинем,

14-100

Битву покинут они, озираясь, как броситься в бегство.
Тою порой твой совет нас погубит, владыка народов".
И, отвечая, промолвил владыка мужей Агамемнон:
"Тяжко мне душу пронзил, Одиссей, ты укором жестоким.
Я никогда не велел, чтобы храбрые дети ахейцев

14-105

Против желанья спустили суда на священное море.
Пусть же разумный совет кто-нибудь между вами предложит,
Муж молодой или старый: он будет равно мне любезен".

И отозвался среди них Диомед, среди боя отважный:
"Близок тот муж, не искать вам его, если слушать хотите.

14-110

Не осуждайте меня и не гневайтесь в сердце за то лишь,
Что между вами из всех прихожусь по рождению младшим.
Тем я горжусь, что рожден от героя отца, – от Тидея,
Мужа, кого подле Фив покрывает высокая насыпь.
Трое детей беспорочных родилось встарь у Порфея:

14-115

Жили в Плевроне они, а равно в Калидоне скалистом,
Агрый, Мелас и Эней – кто отца моего был родитель –
Третий из них по летам, но по воинской доблести первый.
Он в Калидоне остался, отец же мой, долго блуждая,
В Аргосе дом свой построил: так Зевс пожелал и все боги.

14-120

В жены избрал он Адрастову дочь, обитая в чертоге,
Благами жизни богатым, владея обширным участком
Тучной земли, окруженной густыми рядами деревьев,
Много имея скота. И среди всех аргивян отличался
Он как метатель копья. Вам известно, что все это правда.

14-125

Вот почему не считайте меня по рождению бессильным,
Не презирайте совета, который скажу вам, обдумав.
В битву идем, не взирая на раны: нужда заставляет.
Сами держаться мы будем вне стрел, от сраженья поодаль,
Чтобы вторично никто не был ранен на раненом месте.

14-130

Только других, побуждая, отправим в смятение битвы,
Тех, кто теперь, прохладаясь, стоят в стороне и не бьются".
Так он сказал, и они подчинились, послушны совету,
В битву пошли, предводимы владыкой народов Атридом.
Славный земли колебатель меж тем сторожил не напрасно,

14-135

Но, уподобившись старцу, пошел полководцам навстречу,
Взял Агамемнона, сына Атрея, за правую руку
И, обращаясь к герою, крылатое слово промолвил:
"Ныне, должно быть, Атрид, веселится в груди Ахиллеса
Злобное сердце при виде убийства и бегства ахейян!

14-140

Ибо в жестокой душе его нет сострадания нисколько,
Но да погибнет сей воин, пусть бог поразит его горем.
Нет, не в конец на тебя рассердились блаженные боги.
Будет пора, и вожди, и советники войска троянцев
Пыль по долине поднимут, и сам ты увидишь глазами,

14-145

Как побегут они в город от ваших судов и палаток".
Так говоря, он пронзительно крикнул и ринулся полем.
Точно как если б в сраженьи воскликнуло девять иль десять
Тысяч отважных мужей, приступающих к распре Арея:
Так из могучей груди знаменитый земли колебатель

14-150

Голос издал той порою. И каждому в сердце ахейцу
Буйную силу вдохнул он и страсть воевать и сражаться.
А златотронная Гера в то время за всем наблюдала,
Стоя на выси Олимпа. Видала она Посейдона,
Милого брата родного и деверя, как подвизался

14-155

Он в мужегубном сраженьи, – и в сердце своем веселилась.
Также видала Зевеса сидящим на крайней вершине
Иды, обильной ключами, и был ей Зевес ненавистен.
Стала тогда размышлять волоокая Гера богиня,
Как обольстить бы ей разум Эгидодержавного Зевса.

14-160

И показалось богине в душе наилучшим решением
Принарядиться сперва и взойти на высокую Иду,
Не пожелает ли Зевс Олимпиец вблизи ее тела
В сладкой любви опочить, не прольет ли она на ресницы
И на сознание его исцеляющий сон благодатный.

14-165

Гера пошла в свой покой, что Гефест, милый сын, ей построил,
К притолкам крепкие двери привесивши с тайным засовом.
Так чтоб никто из бессмертных его не умел отодвинуть.
Гера, вошедши туда, притворила блестящие двери.
Прежде всего она смыла всю грязь с обольстительной кожи

14-170

Светлой амврозией; после вся жирным натерлась елеем,
Что находился у ней, благовонный, божественно нежный:
Стоило тронуть его в меднозданном чертоге Зевеса,
И аромат разливался кругом по земле и по небу.
Этим елеем она умастивши роскошное тело,

14-175

Волосы стала чесать, заплетая руками их в косы;
Светлые, пышно они с головы ниспадали нетленной.
В легкий богиня затем облачилась покров, что Паллада,
Долго трудясь, ей соткала, и дивным шитьем испестрила.
Пряжками этот покров на груди застегнув золотыми,

14-180

Гера приладила пояс, украшенный ста бахромами,
Яркие вдела в отверстия ушей, проколотых ровно,
Серьги о трех жемчугах и большой красотой засияла.
Дивная в сонме богов покрывалом окуталась сверху,
Сшитым недавно, прекрасным, сияющим, точно как солнце,

14-185

Пару сандалий красивых к блестящим ногам подвязала.
И, украшения все возложив на прекрасное тело,
Вышла из спальни она и, поодаль от прочих бессмертных
В сторону взяв Афродиту, такое ей слово сказала:
"Ныне, дитя дорогое, мою ты исполнишь ли просьбу,

14-190

Или, быть может, откажешь, за то на меня негодуя,
Что аргивян защищаю, а ты помогаешь троянцам?"
Ей, отвечая, промолвила Зевсова дочь Афродита:
"Кроноса славного дочь, о, богиня почтенная Гера,
Выскажи просьбу; душа побуждает меня согласиться,

14-195

Если исполнить могу, если просьба твоя исполнима".
В мыслях коварствуя, ей отвечает почтенная Гера:
"Дай мне на время ту силу любви и желаний, которой
Всех ты равно покоряешь бессмертных и смертнорожденных.
Ныне к пределам иду плодоносной земли, чтоб увидеть

14-200

И Океана, – отца всех бессмертных, – и мать их Тефису,
Тех, что в чертоге своем воспитали меня и взрастили,
Взявши у Реи богини, в то время как Зевс Громовержец
Кроноса с неба низверг под пустынное море и землю.
Их посетить я иду и раздор прекратить непрерывный,

14-205

Ибо уж долгое время они избегают друг друга,
Гневом объятые в сердце, от ложа любви уклоняясь.
Если я речью смогу убедить их любезное сердце,
Если опять приведу их на ложе в любви сочетаться,
Вечно они меня будут желанною звать и почтенной".

14-210

Ей отвечала на то Афродита с улыбкою нежной:

"Нет, не хочу и нельзя твоего не исполнить желанья,
Ибо в объятых ты спишь Громовержца верховного Зевса".
Так говоря, на груди она пояс цветной развязала,
Дивно расшитый, в котором таились все чары богини:

14-215

В нем и любовь, и желанья, и сладкие сердцу беседы,
В нем и соблазн речей, ослеплявший порою и мудрых.
Пояс вручила она и такое промолвила слово:
"Вот он, бери и на грудь положи этот пояс узорный,
Все в нем скрываются чары и с ним ты, надеюсь, вернешься,

14-220

Не безуспешно свершив то, что ныне затеяла в мыслях".
Так говорила она; улыбнулась почтенная Гера
И, улыбаясь, на грудь положила узорчатый пояс.
В пышный чертог свой вернулась Зевесова дочь Афродита,
Гера же вдаль устремилась, покинув вершину Олимпа,

14-225

И Пиерию пройдя, и страну Эмафии прекрасной,
К снежным горам полетела фракийцев, наездников резвых,
К их высочайшим вершинам, земли не касаясь ногами,
После, минуя Афон, понеслась через бурное море,
И на Лемнос опустилась и прибыла в город Фоаса.

14-230

Там она Сон повстречала, кто братом приходится Смерти,
За руку бога взяла и такое промолвила слово:
"Сон, о, владыка всеобщий бессмертных и смертнорожденных,
Некогда просьбы мои исполнял ты, исполни и ныне.
Я же пребуду за это тебе навсегда благодарной.

14-235

Ты усыпи мне у Зевса под веками светлые очи
В самый тот миг, когда лежа, мы с ним насладимся любовью.
Трон подарю я тебе весь из золота, дивный, нетленный.

Сын мой любезный, Гефест обоюдохромой, потрудившись,
Сам изготовит его, а для ног прикрепил он скамейку,

14-240

Где, восседая в пирах, будешь белые ноги покоить".
И, отвечая на это, промолвил ей Сон безмятежный:
"Кроноса славного дочь, о, богиня почтенная Гера!
Я бы другого кого из богов, существующих вечно,
Мог без труда усыпить, даже бурный поток Океана,

14-245

Бога, который рождение дал остальным всем бессмертным.
Только к Зевесу Крониду приблизиться я не осмелюсь,
Не усыплю я его, коли сам он того не прикажет.
Ибо уже умудрен я твоею подобною просьбой,
В день, когда славный воитель, бестрепетный сын Громовержца,

14-250

От Илиона отплыл, разрушивши город троянцев.
Разум тогда усыпил я Эгидодержавного Зевса,
Нежно его обнимая. Ты ж гибель готовя Гераклу,
Подняла ветров дыханье поверху разъяренного моря
И отнесла его вдаль к населенному острову Косу

14-255

Прочь от товарищей всех. А проснувшись Кронид рассердился.
Всех разогнал он богов по чертогу, меня же всех больше
Гневно искал и с небес, уничтожив, низринул бы в море,
Если бы Ночь не укрыла, царица людей и бессмертных.
К ней убежал я, спасаясь, и Зевс, хоть рассерженный сильно,

14-260

Тотчас отстал: огорчить быстролетную Ночь он боялся.
Ныне опять мне велишь невозможное дело исполнить".
И волоокая так отвечала почтенная Гера:
"Сон, о, зачем ты об этом теперь вспоминаешь напрасно?
Разве боишься, что Зевс за троянцев заступится так же,

14-265

Как рассердился тогда из-за милого сына Геракла?
Лучше идем, и тебе я хариту одну из юнейших
В жены отдам, называть ее будешь супругой любезной,
Ту, по которой всегда ты томился в душе – Пазифею".
Так она молвила. Сон, восхищенный, сказал, отвечая:

14-270

"Ты поклянись мне сперва непреложною Стикса водою,
Правой рукою коснись необъятной земли плодоносной,
Левой – зеркального моря, и пусть нам свидетели будут
Все под землею живущие с Кроносом вечные боги,
Что необманно отдашь мне хариту одну из юнейших,

14-275

Ту, по которой всегда я томился в душе – Пазифею".
Так он сказал. Подчинилась ему белорукая Гера,
Клятву дала, как велел он, и всех поименно назвала
В Тартаре скрытых богов, которым название – Титаны.
После того, как она присягнула и клятву свершила,

14-280

Оба, окутаны тучей, обратной помчались дорогой,
Имбр и город Лемнос позади за собою оставив.
К Иде, отчизне зверей, прилетели они многоводной,
К мысу Лектону, где прежде покинули море; оттуда
Сушей пошли – и леса под ногами их низко качались.

14-285

Сон оставался там ждать, чтобы Зевс не видал его близко;
С этою целью он влез на громадную ель, что на Иде
В те времена поднималась по воздуху в область эфира.
Там, среди еловых ветвей, притаился он, образ принявши
Птицы, живущей в горах, голосистой, которую боги

14-290

Все называют Халкидой, а смертные люди – Килиндой.
Гера меж тем поспешила взобраться на Гаргар – вершину
Иды высокой – и Зевс увидел ее, туч собиратель.
Только ее он заметил – и страсть в нем окутала разум,
Точно в тот день, как впервые они сочетались любовью,

14-295

Оба на ложе взойдя, от родителей милых украдкой.
К ней подошел Громовержец и слово сказал, вопрошая:
"Гера, куда так поспешно с Олимпа шаги направляешь?
Ни колесницы твоей не видать, ни коней быстроногих".
В мыслях лукавя, ему отвечала почтенная Гера:

14-300

"Я отправляюсь к пределам земли плодоносной, чтоб видеть
И Океана, отца всех бессмертных, и мать их Тефису,
Тех, что в чертоге своем воспитали меня и взрастили,
Их навестить я иду и раздор прекратить непрерывный,
Ибо уж долгое время они избегают друг друга,

14-305

Гневом объятые в сердце, от ложа любви уклоняясь.
Кони стоят у подножия Иды, богатой ключами;
Быстро они понесут меня всюду по морю и суше.
Ради тебя с Олимпийской вершины сюда я спустилась,
Чтоб не сердился ты после, когда бы украдкой пошла я

14-310

В пышный чертог Океана, текущего в русле глубоком".
"И, отвечая, сказал ей Зевес, облаков собиратель:
"Гера, успеешь и после отправиться в дом Океана.
Ныне любовью с тобою давай насладимся на ложе,
Ибо ни разу любовь ни к богине, ни к женщине смертной,

14-315

Не покоряла так сильно меня, вокруг сердца разлившись.
Так никогда не любил я супруги царя Иксиона,
Что родила Пирифоя, с бессмертными равного мужа,
Ни белоногой Данай, Афризия дочери дивной,
Что родила мне Персея, славнейшего в сонме героев,

14-320

Ни красотой прославленной дочери Феникса милой,
Что родила мне Миноса, а также бойца Радамаса.
Так не любил я Семелы, ни в Фивах прекрасной Алкмены,
Что родила мне Геракла, отважного сердцем ребенка,
А Дионисий рожден был Семелой, – отрада для смертных.

14-325

Так не любил я Деметры, царицы прекрасноволосой,
Ни знаменитой Латоны, ни даже тебя, о, супруга.
Весь я исполнен любви и охвачен желанием сладким".
В мыслях лукавя, ему отвечает почтенная Гера:
"О, всемогущий Кронид, какое ты слово промолвил!

14-330

Хочешь на ложе теперь насладиться со мною любовью
Здесь, на возвышенной Иде, открытой для глаз отовсюду?
Что если нас кто-нибудь из богов, существующих вечно,
Спящими вместе увидит, а после расскажет всем прочим?
Вставши от ложа любви, не вернусь я потом в меднозданный

14-335

Твой Олимпийский чертог; то казалось бы мне непристойным.
Если же вправду желаешь и так твоей воле угодно,
Есть у нас спальня покой, что возлюбленный сын нам построил,
Славный Гефест, кто повесил на притолки крепкие двери.
Там мы и можем прилечь, если ложе тебя привлекает".

14-340

И, отвечая, сказал ей Зевес, облаков собиратель:

"Гера, не бойся, чтоб кто из богов или смертнорожденных
Спящими нас увидал: таким я густым приукрою
Облаком нас золотым. К нам и солнце тогда не проникнет,
Солнце, которого свет, проникая повсюду, все видит".

14-345

Так произнесши, Кронид заключает супругу в объятия.
Тотчас под ними земля возрастила цветущие травы,
Лотос, покрытый росой, и шафран, и цветы гиацинта,
Нежные, пышногустые, высоко вздымавшие стебли.
Там они оба легли, золотым осененные сверху

14-350

Облаком дивным, откуда, сверкая, роса ниспадала.
Так на возвышенном Гаргаре Зевс опочил безмятежно,
Геру в объятиях держа, побежденный и сном и любовью.
Сладостный Сон, между тем, побежал к кораблям быстроходным
С вестью спеша к Посейдону, кто землю колеблет и держит.

14-355

Близко к нему подойдя, он крылатое слово промолвил:
"Ныне, о, царь Посейдон, помогай благосклонно ахейцам,
Славу им в битве даруй хоть на краткое время, покуда
Зевс поживает. Глубоко я сном его сладким окутал.
Гера прельстила Кронида, чтоб с нею в любви опочил он!"

14-360

Так говоря, к племенам он разумных людей удалился,
Больше еще побудив Посейдона на помощь данайцам.
Бросившись к первым рядам, так воскликнул земли колыбель:
"Снова ли Гектору мы, аргивяне, уступим победу,
Сыну Приама, чтоб взял корабли он и славой покрылся?"

14-365

Так он хвалился, грозя, оттого что Ахилл быстроногий
На мореходных судах пребывает, терзаемый гневом.
Только по войне этом недолго бы мы тосковали,

Если бы сами все ринулись в бой, помогая друг другу.
Дайте, о други, теперь покоритесь тому, что скажу вам:

14-370

Бросим на плечи щиты, покрупней отобрав и покрепче,
Головы медью покроем далеко блистающих шлемов,
В руки же копья возьмем подлинней и отправимся в битву.
Я поведу вас вперед и недолго тогда, уповаю,
Гектор останется в поле, хотя он неистовством дышит.

14-375

Если же с легким щитком между нами есть доблестный воин,
Слабому пусть отдает этот щит и берет себе лучший".
Так он промолвил. Они же поспешно ему покорились.
Сами цари, хоть страдая от ран, их построили в битву, –
Храбрый Тидид, Одиссей и владыка Атрид Агамемнон.

14-380

Всю они рать обошли и обмен совершили оружия,
Лучшее лучшим давали, оставивши худшее худшим.
И аргивяне, облекшись вкруг тела блестящею медью,
В битву пошли; предводил их земли колебатель могучий,
Тяжкой рукою сжимая губительный меч длинноострый,

14-385

Блеском похожий на молнию: с ним невозможно тягаться
В сече кровавой, – он страхом удерживал храбрых героев.
В свой же черед и троянцев построил блистательный Гектор
Спор беспощадного боя тогда меж собой завязали
Бог Посейдон темнокудрый и Гектор, блистательный смертный,

14-390

Этот бесстрашных троянцев, а тот аргивян защищая.
Море кипело, шумя, близь судов и палаток ахейских,
Тою порой, как войска с ужасающим криком столкнулись.
Но и морские валы не дробятся так шумно об землю,
Если Борей их повсюду подьемлет дыханием грозным,

14-395

С силой такой и пожар не гудит, расплавшись далеко
В чаще лесной, когда пламя встает и весь лес пожирает,
Ветер так громко не воет в вершинах дубов густокудрых,
Ежели он, разыгравшись, бушует с неистовой силой,
Как закричали тогда аргивяне и мужи троянцы.

14-400

С криком ужасным герои одни на других устемились.
Первый ударил Аякса копьем шлемовеющий Гектор,
Прямо лицом обращенный к герою, и не промахнулся.
В грудь он попал, где сходились два пояса, стянутых крепко,
Первый с щитом. А другой. Что поддерживал меч среброгвоздый.

14-405

Нежное тело они защитили. Разгневался Гектор,
Видя, что острая медь полетела напрасно.
Быстро к толпе он друзей отступил, убегая от Парки.
Только что он повернулся, Аякс Теламонид великий
Камень приподнял из тех, что тогда меж ногами ахейцев

14-410

Кучей валялись, опорой служа для судов быстроходных,
И через обод щита поразил его в грудь, подле шеи.
Камень он кубарем бросил и тот полетел, завертевшись.
Точно как падает дуб от удара гремящего Зевса,
Вырванный с корнем, и серы зловещий разносится запах,

14-415

Бодрости духа лишая того, кто вблизи это видит,
Ибо ужасны перуны великого Зевса Кронида:
Также мгновенно и Гектор на землю во прах повалился.
Древко из рук уронил он, и щит покатился со шлемом,
Звякнули громко на нем испещренные медью доспехи.

14-420

С криком пронзительным дети ахейцев к нему подбежали,
Тело надеясь увлечь и бросая несчетные стрелы.
Только никто из ахейян не мог предводителя войска
Ранить копьем иль мечем, ибо раньше вожди подоспели, –
Полидамас и Эней, и герой Агенор богоравный,

14-425

И Сарпедон, полководец ликийцев, и Главк беспорочный.
Также другие друзья не покинули Гектора в поле,
Но оградили, оставив щиты, округленные ровно,
И понесли на руках из сраженья, пока не достигли
Быстрых коней, что вблизи от смятения битвы жестокой

14-430

Ждали, – возница держал их, на пышную став колесницу.
В город помчали они Приаида, стенавшего тяжко.
Вскоре друзья привезли его к броду реки светлоструйной,
Многопучинного Ксанфа, дитяти бессмертного Зевса.
Сняв с колесницы, они положили героя на землю

14-435

И поливали водой: он очнулся, глаза открывая.
После привстал на колени и харкать стал черною кровью,
Но опрокинулся снова на землю – и светлые очи
Сумрак окутал ночной: он еще оглушен был ударом.
Лишь увидали ахейцы, что Гектор герой удалился,

14-440

Как налетели опять на троянцев, подумав о битве.
Сын Оидея, проворный Аякс, впереди перед всеми
С острым копьем устремился и сына Энопса ударил
Сатния. Нимфою был он рожден беспорочной Няядой
Пасшему стадо Энопсу вблизи берегов Сатниия.

14-445

Сын Оилея, копьем знаменитый, подвинулся близко,
В пах его ранил и на землю поверг, а над телом героя
Гибельный бой завязали троянцы и дети ахейян.
Полидамас Панфоид за убитого мстителем вышел;
Бросив копье, он в плечо Профознора ранил

14-450

Арлеиликова сына, – копье чрез плечо пролетело.
Тотчас он в прах повалился, хватая ладонями землю.
Полидамас же тогда закричал, похваляясь безмерно:
"Нет, не напрасно опять, полагаю, копье пролетело,
Брошено мощной рукой непреклонного сына Панфоя.

14-455

Некий ахейский герой его в теле понес и, надеюсь,
В область Аида сойдет он, на это копье опираясь".
Так он хвалился, и больно ахейцам от слов его стало.
Всех же больней уязвил он словами отважное сердце
Теламонида Аякса: с ним рядом сражался убитый.

14-460

На отступавшего мужа он светлым копьем замахнулся,
Но Панфоид уклониться успел от погибели черной,
В сторону прыгнув; удар же достался бойцу Архелоху,
Сыну вождя Антенора; на смерть обрекли его боги.
В место ударил он, где голова прикрепляется к шее,

14-465

В верхний попал позвонок, обе шейные мышцы разрезав.
И голова Архелоха ноздрями и ртом, при паденьи,
Раньше коснулася праха, чем голени ног и колени.
Громко Аякс закричал, обращаясь к Панфоеву сыну:
"Полидамас, рассуди и скажи мне всю правду; ужели

14-470

Этот упавший герой Протоэнору не равноценен?

Сам не плохим он казался, а также родителей добрых.
Не Антенору ль, коней укротителю, братом иль сыном
Он приходился? Похож он весьма на родню Антенора".
Так вопрошал он, хоть знал хорошо; огорчились троянцы.

14-475

И Акамас, заступаясь за брата, копьем замахнулся
На беотийца Промаха, тащившего за ноги тело.
Громко тогда Акамас закричал, похваляясь безмерно:
"О, хвастуны, в похвальбах ненасытные дети ахейцев!
Нет, не одним только нам суждено и страдать, и трудиться.

14-480

Время настанет, и вы, умерщвленные, ляжете в поле.
Вот посмотрите, как спит укрощенный копьем моим острым,
Воин Промах; умертвил я его, чтобы брат мой недолго
Мщения ждал и возмездья. – Желал бы и всякий, чтоб дома
Родич подобный остался, на случай несчастья мститель".

14-485

Так он хвалился и больно ахейцам от слов его стало
Всех же больнее он грудь уязвил Пенелею герою.
На Акамаса пошел он, но тот нападения не выждал.
Илионея тогда поразил Пенелей воевода,
Сына Фербаса, овцами богатого мужа, кто в Трое

14-490

Более прочих любим был Гермесом и взыскан богатством.
Мать от него родила одного только Илионея.
Ранил его Пенелей в основание глаза, под бровью,
И уничтожил зрачек. А копьё через глаз пролетело
И до затылка проникло. Он сел и простер свои руки.

14-495

С острым мечем устремился герой Пенелей и ударил
В шею его посредине, и вмиг голова покатилась
Вместе со шлемом на землю; копьё же снабженное медью,

Все еще было в глазу. И как маковый стебель с головкой,
Поднял копьё Пенелей и врагам показал, похваляясь:

14-500

"Вы расскажите об этом, троянцы, родителям милым
Славного Илионея, да плачут о сыне в чертоге.
Но и супруга Промаха, вождя Алегенора сына,
Не возликует, встречая любимого мужа, в то время
Как на судах возвратимся из Трои мы, дети ахейцев".

14-505

Так он сказал, похваляясь, и дрожь охватила их члены.
Каждый из них озирался, чтоб гибели черной избежать.
Ныне поведайте мне, на Олимпе живущие Музы,
Кто их Ахейя всех раньше кровавые добыл доспехи,
В день как земли колебатель склонил на их сторону битву?

14-510

Первый Аякс Теламонид великий убил Гиртиада
Гиртия, храброго мужа, владыку бестрепетных мизян.
Вождь Антилох обнажил от доспехов Мермера и Фалка.
Гиппотииона с Морисом убил Мерион благородный.
Тевкр сразил Профоона, а также бойца Перифета.

14-515

Царь Менелай умертвил Гиперенора, пастыря войска;
В пах он его поразил и копьё разорвало утробу,
Выйдя насквозь, и тогда чрез отверстие зияющей раны
Быстро умчалась душа, и глаза его мраком покрылись.
Больше же всех умертвил неприятелей сын Оилея:

14-520

С ним не равнялся никто быстротой, чтоб преследовать в битве
С поля бегущих мужей, когда Зевс поселяет в них ужас.

* * *

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ Обратное бегство

В бегстве назад миновав частокол и за ров перешедши,
Многих бойцов потеряв, укрошенных оружием данайцев,
Подле своих колесниц в ожидании стали троянцы,
Бледны от страха, испугом объята. В то время проснулся
Зевс на вершине Идейской, где спал с златотронною Герой.

15-5

На ноги быстро вскочив, увидел аргивян и троянцев:
Эти бежали толпой, а данайцы на них напирали.
Между рядами мужей он заметил царя Посейдона,
Также увидел, как Гектор среди поля лежал, а дружина
Окрест сидела. Он тяжело дышал и, лишенный сознания,

15-10

Кровь изрыгал: не слабейший его поразил аргивянин.
И пожалел его видя, отец и людей и бессмертных.
Грозно взглянув исподлобья, он Гере богине промолвил:
"Это твоя, о несчастная Гера, зловредная хитрость.
Сделала Гектора к битве негодным и войско смутила.

15-15

Только не знаю, не первая ль ты насладишься плодами
Замыслов злобных своих, коль стрелами побью тебя грома.
Или не помнишь тот день, как с высокого неба повисла?
Две наковальни к ногам прикрепил я, надевши на руки
Крепкую цепь золотую, – ты же в тучах висела в эфире.

15-20

Все на просторном Олимпе тогда возмутились боги,
Но, подступив, не могли развязать. И кого ни хватал я,
Взявши, с порога небес я швырял, и летел он, покуда
Падал на землю без сил. Но и этим в душе не смирил я
Скорби своей безутешной о богоподобном Геракле,

15-25

Ибо ты, злое замыслив, гнала его морем бесплодным,
Сильную бурю поднявши при помощи ветра Борея,
И отнесла, наконец, к населенному острову Косу.
Там я избавил его, перенесшего много страданий,
И возвратиться помог ему в Аргос, конями обильный.

15-30

Ныне об этом тебе я напомним, да бросишь лукавство,
Да убедишься, как мало любви помогло тебе ложе,
Где, удалясь от богов, ты со мной сочеталась обманно".
Так он сказал. Содрогнулась почтенная Гера богиня
И, отвечая Зевесу, крылатое молвила слово:

15-35

"Ныне клянусь я землею и небом пространным над нею,
Стикса водою подземной, – его же блаженные боги
Клятвой считают из всех величайшей и страшной, –
И головою твоею священной, и собственной нашей
Брачной постелью, а ей необдуманно клясться не стану, –

15-40

В том, что не волей моей Посейдон, потрясающий землю,
Гектору с войском троянцев вредит, помогая ахейцам.
Сам он к тому добровольно душою своей побуждаем.
Он аргиев пожалел, увидав пред судами их гибель.
Я же согласна ему посоветовать битву покинуть

15-45

И удалиться, куда лишь прикажешь, о, туч собиратель".
Молвила так. Улыбнулся отец и людей и бессмертных
И, отвечая супруге, крылатое слово промолвил:
"О, волоокая Гера почтенная, если б отныне
В мыслях со мной ты сходилась, в собранье богов заседая!

15-50

Скоро тогда Посейдон, хоть и сильно желая другого,
Должен был по сердцу мне и тебе свою волю направить.
Если ты истинно все говорила и с правдой согласно,
То отправляйся к бессмертным богам и сюда призови мне
Славного луком своим Аполлона с богиней Иридой.

15-55

С вестью Ирида пусть мчится к рядам аргивян меднобронных
И Посейдону владыке, земли колебателю, скажет,
Чтобы, покинув сражение, в свои он вернулся чертоги.
Гектора ж Феб Аполлон пусть опять восстановит для битвы,
Новую силу вдохнет и поможет забыть ему боли,

15-60

Что удручают теперь его душу. Пусть снова ахейцев
Он повернет к кораблям и постыдное бегство устроит.
В бегстве они устремятся к судам многогребным Ахилла,
Храброго сына Пелея. Тот милого друга Патрокла
В битву пошлет, а его умертвит шлемовеющий Гектор,

15-65

После того как Патрокл погубит вблизи Илиона
Многих героев и сына среди них моего Сарпедона.
Мстя за Патрокла, Ахилл, вслед за тем умертвит Приамида.
С той лишь поры я устрою обратное бегство троянцев
От кораблей мореходных, пока не возьмут аргивяне

15-70

Трои высоколежащей, послушны совету Афины.
Но не отстану я раньше и сам от великого гнева,
И не позволю, чтоб кто из богов помогал аргивянам,
Прежде чем просьба Ахилла вполне не исполнена будет,
Как обещал я ему и своею кивнул головою,

15-75

В день как богиня Фетида колени мои обнимала

И умоляла почтить сокрушителя стен Ахиллеса".
Так он сказал. Не ослушной была белорукая Гера.
Тотчас с Идейских вершин на высокий Олимп устремилась.
Точно как мысль человека, кто многие земли изъездил,

15-80

Их облетает мгновенно, и думает сам он с собою:
"Быть бы мне там или там" – и о многом в душе вспоминает:
Так же почтенная Гера мгновенно домчалась до места.
Вскоре вступила она на высокий Олимп и в собраньи
Вечных богов очутилась, в чертоге Зевеса. И боги,

15-85

Геру увидев, вскочили, приветствуя кубками шумно.
Но, пропустив остальных, от прекраснolanитной Фетиды
Кубок она приняла; та навстречу ей кинулась первой
И, обращаясь к богине, крылатое молвила слово:
"Гера, зачем ты пришла? Ты мне кажешься страхом объятой.

15-90

Уж не Кронид ли тебя утратил, твой супруг Олимпиец?"
И, отвечая на то, белорукая молвила Гера:
"Не вопрошай ты меня о подобном, богиня Фетида.
Знаешь сама, каково его сердце надменно и злобно.
Сядь меж богами в чертоге, в пиру председай равномерном.

15-95

Там среди прочих бессмертных услышишь, какими бедами
Зевс Олимпиец грозит. И никто, полагаю я, сердцем
Не возликует тогда, ни бессмертный, ни смертнорожденный,
Если теперь среди них кто-нибудь и пирует беспечно".
Так говоря, она села. И боги, сердясь, возроптали,

15-100

Сидя в чертоге Зевеса. Она ж улыбалась устами,
Но над бровями густыми чело оставалось печальным.
И, негодую в душе, она с речью ко всем обратилась:

"Глупые, снова на Зевса мы все рассердились безумно.
Вот мы желаем к нему подойти и смирить его ярость

15-105

Словом иль силой. А он-то сидит в стороне, не кручинясь,
Не помышляя о нас, ибо верит, что в сонме бессмертных
Мощью и крепостью рук далеко всех других превосходит.
Вот почему и терпите, кому бы он зла ни готовил.
Ныне уже, полагаю, несчастье постигло Арея,

15-110

Ибо в сраженьи убит его сын, из героев милейший,
Вождь Аскалаф: исполинский Арей называл его сыном".
Молвила так. И Арей, опустив свои руки, ударил
Ими по бедрам могучим и слово промолвил, стеная:
"Не осуждайте меня, на Олимпе живущие боги,

15-115

Если за сына я мстить к кораблям аргивян отправляюсь.
Пусть мне судьба быть сраженным перунами Зевса Кронида
И меж телами убитых лежать среди крови и праха".
Так произнесши, он Страху и Трепету дал приказанье
Впрячь лошадей и в доспехи блестящие сам облачился.

15-120

Так бы в тот день навлекли на себя вечносущие боги
Гнев и возмездие Зевса, страшнее и хуже, чем прежде,
Если б Афина Паллада, за всех опасаясь бессмертных,
Не устремилась к преддверью, покинувши трон, где сидела.
Быстро богиня сняла с него шлем, так же щит округленный,

15-125

Вырвала древко из мощной руки и поставила близко,
И, негодуя, сказала жестокому богу Арею:
"Знать ты рассудка лишен и погиб, о, несчастный. Напрасно
Уши имеешь, чтоб слышать. И разум и стыд потерял ты?
Разве не слышал того, что сказала нам Гера богиня,

15-130

Та, что вернулась недавно от Зевса отца Олимпийца?
Иль самому захотелось всю меру несчастий изведать
И на Олимп возвратиться насильно, в страданиях тяжких,
Также на прочих бессмертных навлечь неисчетные беды?
Ибо тогда он оставит ахейн и гордых троянцев

15-135

И устремится сюда, чтобы нас сокрушить на Олимпе.
Всех по порядку сразит нас виновных, равно как невинных.
Вот почему я советую гнев усмирить из-за сына.
Много героев других, и храбрее чем он, и славнее,
Пало в сраженьях доньше и будет убито в грядущем.

15-140

Весь человеческий род невозможно от смерти избавить".
Так говоря, усадила на трон она гневного бога.
Гера меж тем позвала Аполлона поодаль от дома
Вместе с Иридой – посланницей быстрой богов Олимпийских,
И, обращаясь к обоим, крылатое молвила слово:

15-145

"Зевс приказал вам немедля пойти на высокую Иду.
Вы поспешите туда и, представ пред лицо Громовержца,
Все исполняйте, как он повелит и попросит исполнить".
Молвив, почтенная Гера ушла и, в чертог свой вернувшись,
Села на трон. Аполлон же с Иридой, спеша, полетели

15-150

И к многоводной примчались Иде, зверями богатой.
Зевса нашли там, сидящим на Гаргаре – крайней вершине.
Вкруг же него, как венец, благовонная туча висела.
К Зевсу, сбирателю туч, подошли они близко и стали.
И, увидав их двоих, Кронид не разгневался в сердце,

15-155

Ибо исполнили скоро приказ его милой супруги.
Речь обращая к Ириде, он слово крылатое молвил:
"В путь, быстроногая, мчись и царю Посейдону
Все, что я ныне скажу, да не будешь мне вестницей лживой.
Пусть он немедля покинет сраженье героев и битву

15-160

И удалится в собрание богов иль в священное море.
Если ж, презрев мою речь, не захочет он мне покориться,
Пусть поразмыслит сперва и душою и сердцем любезным,
Сможет ли, если приду, устоять он при всей своей силе.
Я и по силе первейший, равно по рождению старший.

15-165

Только чужда его сердцу боязнь, и себя он дерзает
Равным со мной объявлять, перед кем все другие трепещут".
Так он сказал. Ветроногая вмиг подчинилась Ирида.
Быстро с Идейских высот она к Трое священной примчалась.
Точно из облака падает снег или град холодящий,

15-170

Бурным гонимы дыханьем Борей, питомца туманов:
Так в это время поспешно проворная мчалась Ирида.
Ставши вблизи, возвестила она колебателью суши:
"С некоей вестью к тебе, темнокудрый земли вседержитель,
Я прилетела сюда от эгидодержавного Зевса.

15-175

Он повелел, чтоб немедля покинув сраженье и битву,
Ты удалился в собрание богов иль в священное море.
Если ж, презрев его речь, не захочешь ты ей покориться,
Сам угрожает сюда он придти и сразиться с тобою.
Только советует Зевс избегать его рук, утверждая,

15-180

Что и по силе он первый и старше тебя по рождению.
Ты же не знаешь боязни и в сердце бесстрашном дерзаешь
Равным считать себя с ним, перед кем все другие трепещут".
Славный земли колебатель промолвил в ответ, негодуя:
"Боги! И будучи сильным, сказал он надменное слово,

15-185

Если меня понуждает, кто равен ему по почету.
Трое нас братьев, Кронидов, родилось от Реи богини:
Я и Зевес, и Аид, кто царит над тенями умерших.
На трое все поделив, получили мы каждый удел свой,
Жребии бросив. И мне для обители вечной досталось

15-190

Море седое, Аиду – жилище кромешного мрака,
Зевсу – пространное небо среди облаков и эфира.
Общей для всех оставалась земля, да вершина Олимпа.
Вот почему поступать не желаю по мысли Зевеса.
Будучи мощным, пусть третьим спокойно владеет уделом.

15-195

Не устрасит он меня, словно слабого труса, насильем.
Лучше б гораздо он сделал, когда бы сердитою речью
Собственных стал наставлять дочерей с сыновьями своими.
Те поневоле должны покоряться его приказаньям".
И, вопрошая его, ветроногая молвит Ирида:

15-200

"Так ли, как ты говорил, темнокудрый земли вседержитель
Зевсу должна передать твое грозное, сильное слово?
Или уступишь, быть может? Уступчивы сильные волей.
Знаешь и сам, что всегда благосклонны Эринии к старшим".
Ей отвечая, сказал Посейдон, потрясающий землю:

15-205

"Ныне, богиня Ирида, ты мудрое молвила слово.

Благо, коль вестник умеет судить справедливо.
Но бесконечная скорбь проникает мне в сердце и душу,
Ибо он бранной мне речью грозит и приказывать вздумал,
Мне, кто по силе с ним равен и равному року подвластен.

15- 210

Все же, хоть гневом объятый, Зевесу теперь уступаю.
Но я другое скажу и угрозы в душе не забуду:
Если и мне вопреки, и Афине, дающей добычу,
Если и Гере назло, и Гефесту царю и Гермесу,
Трою высокую он пощадит, не желая разрушить,

15-215

Ни даровать аргивянам великую силу, пусть знает:
Непримиримая после вражда между нами возникнет".
Так говоря, колебатель земли покидает сражение
И погружается в море, – Ахейцы о нем пожалели.
К Фебу тогда обратился Зевс, облаков собиратель:

15-220

"Феб мой любезный, ступай к меднобронному Гектору быстро,
Ибо уже Посейдон, кто всю землю колеблет и держит,
Скрылся в священное море, чтоб нашего гнева избегнуть.
Если б остался, то все бы о нашей услышали битве,
Даже подземные боги, живущие с Кроносом вместе.

15-225

Но для меня и себя самого поступил он разумней
Тем, что от длани моей уклонился, хоть гневался раньше,
Ибо едва ли без пота закончился б спор между нами.
Ныне возьми бахрамами снабженную в руки эгиду,
Сильно ты ей потрясай, устрашая героев ахейских,

15-230

И позаботься потом, Дальновержец, о Гекторе славном.
Силу большую дотоле вдохни ему в сердце, покуда
Не побегут аргивяне к судам и волнам Геллеспонта.

После того буду сам я заботиться делом и словом,
Чтобы ахейцы опять от трудов облегченно вздохнули".

15-235

Так он сказал, Аполлон не ослушался речи отцовской,
Тотчас с Идейских высот он слетел, точно сокол проворный,
Горлиц лесных истребитель, меж всеми быстрейшая птица,
И богоравного сына Приама увидел сидящим.
Гектор уже не лежал. Собирался он с духом очнувшись

15-240

И на друзей озираясь. Отдышка и пот прекратились,
Ибо одна уже мысль Зевеса дала ему силу.
Ставши вблизи от него, Аполлон Дальновержец промолвил:
"Гектор, Приама дитя, ты зачем от нас всех удалившись,
Праздно сидишь в стороне? Иль, быть может, беда приключилась?"

15-245

Голосом слабым в ответ шлемовеющий Гектор промолвил:
"Кто ты из вечных богов, что меня вопрошаешь?
Разве еще ты не слышал, как перед судами ахеян
Сын Теламона, когда вокруг него истреблял я дружину,
Камнем сразил меня в грудь и сраженье заставил покинуть?"

15-250

Я уже думал, что нынче увижу как тени умерших,
Так и обитель Аида, – меня покидало дыханье".
И, возражая, сказал ему царь Аполлон Дальновержец:
"Ныне мужайся, заступника сильного Зевс Олимпиец
С Иды к тебе ниспослал, чтоб тебя провожать, охраняя,

15-255

Феба с мечом золотым, – меня, кто по собственной воле
Часто доньине спасал и тебя и твой город высокий.
Но ободрись поскорей, повели всем наездникам Трои
Быстро погнать лошадей по дороге к судам крутобоким.
Сам я пойду впереди и сравняю весь путь пред конями,

15-260

В бегство сперва обративши фаланги ахейских героев".
Так говоря, он вдохнул в полководца великую силу.
Как застоявшийся конь, что ячменем из яслей раскормлен,
Привязь порвавши, бежит и копытами бьет по долине,
Мчится к реке светлоструйной, где вольный привык он купаться;

15-265

Силой гордясь, высоко поднимает он голову; грива
Вьется с обеих сторон вокруг плеч, и, доверившись мощи,
Быстро несут его ноги к знакомым тем пастбищам конским:
Также и Гектор ногами легко и коленями двигал.
Конницу строил он в битву, услышав божественный голос.

15-270

Точно охотничьи псы и толпа поселян звероловов
Гонятся вслед за рогатым оленем иль дикой козюю,
Долго, покуда нависший утес иль тенистая чаща
Зверю приюта не даст, где настигнуть его невозможно;
Вдруг на их шум средь дороги является лев бородатый,

15-275

И обращает их в бегство, хотя увлеченных охотой:
Так до сих пор аргивяне, толпой за троянцами гнавшись,
Их поражали мечами и медию копий двуострых, –
Но, увидавши, что Гектор обходит фаланги троянцев,
Вздрогнули все от испуга, и в страхе душа их упала.

15-280

Сын Андремона Фоас той порой обратился к ним с речью,
Средь этолийн храбрейший; он лучший был дрота метатель,
Также боец рукопашный; когда ж молодые ахейцы
В силе речей состязались, немногие верх над ним брали.
Он, благомыслящий, к ним обратился и слово промолвил:

15-285

"Боги! Знать, чудо большое своими я вижу глазами!
Гектор, избегнувши Парок, опять невредимый поднялся
После того, как мы все уповали в душе непреложно,
Что навсегда он погиб, укрощенный оружием Аякса.
Видно его кто-нибудь из богов от напасти избавил.

15-290

Он и доньне у многих данайцев колени расслабил;
То же случится, боюсь, и теперь. Не без помощи Зевса
Держится он впереди перед войском, неистовства полный.
Но подчинитесь совету и все, как скажу, поступайте.
Дайте, прикажем толпе отступить к кораблям мореходным,

15-295

Сами же все, кто себя причисляет к храбрейшим по войску,
Здесь устоим, приготовивши копья; быть может, удастся
Грозным отпором его напугать. И отвагой пылая,
Он побоится, надеюсь, проникнуть в средину ахейцев".
"Так он сказал, и охотно они подчинились совету.

15-300

Идоменея царя обступив и Аякса героя,
Тевкра с вождем Мерионом и равным Арею Мегесом,
Встретили грудью они Приамида и войско троянцев
И завязали сраженье и воинов лучших сзывали,
Тою порой как толпа отступала к ахейскому флоту.

15-305

Но и троянцы стремились вперед; во главе их шел Гектор,
Крупно шагая, и Феб Аполлон выступал пред героем,
Тучей одетый вокруг плеч. Он шествовал с бурной эгидой,
Дивною, страшной на вид, обоюдокосматой. Зевесу
Дал ее медник Гефест, да носят на ужас героям.

15-310

С этой эгидой в руках Аполлон выступал перед войском.
Но аргивяне, сплотившись, их встретили храбро; раздался
Крик оглушительный битвы и стрелы с тетив полетели.
Копья, в огромном числе из бестрепетных рук устремившись,
Частью вонзились в тела служителей юных Арея,

15-315

Частью застряли в земле и не тронули кожи блестящей,
Между рядами упали, желая насытиться кровью.
Долго, покуда эгиду держал Аполлон неподвижно,
Стрелы с обеих сторон проносились и воины гибли,
После ж, едва Аполлон на ахеян взглянул и эгидой

15-320

Перед лицом их потряс и пронзительным голосом крикнул,
Сердце в груди их упало, и все позабыли про битву.
Точно как стадо быков иль большую отару баранов
Двое зверей плотоядных внезапно приводят в смущенье,
Если во мраке ночном нападают в отсутствии стражи:

15-325

Так ужаснулись ахейцы, лишённые сил. Дальновержец
Страхом смутил их, даруя троянцам и Гектору славу.
Бой врассыпную разлился, и муж умерщвляем был мужем.
Стихия с Аркезилаем убил шлемовеющий Гектор.
Стихий начальником был беотийских мужей меднобронных,

15-330

Аркезилай был соратником верным вождя Менесфея.
Храбрый Эней обнажил от доспехов Медона с Иасом.
Сыном побочным Медон приходился царю Оилею,
Братом – Аяксу герою. Но в городе жил он Филаке,
Ибо из отчего края бежал, где убил человека,

15-335

Мачехи Эриопиды, жены Оилеевой, брата.

А богоравный Иас был начальником войска афинян;
Сфел, от Букола рожденный, его называл своим сыном.
Полидамас умертвил Мекистея, в ряду же переднем
Эхий сражен был Политом, а Клоний – вождем Агенором.

15-340

Сзади Парис в край плеча Деиоха бегущего ранил
В строе передних бойцов, и копье проскочило навывлет.
Тою порой как они от доспехов тела обнажали,
Войско ахейн спешило чрез колья и ров перебраться:
В бегство ударились все, принужденные скрыться за стену.

15-345

Гектор меж тем громогласно взывал, побуждая троянцев:
Быстро к судам! Побросайте залитые кровью доспехи!
Если кого среди вас в стороне от судов я замечу,
Смертный тому приготовлю конец. И не будет по смерти
Пламени он приобщен, как желали бы сестры и братья:

15-350

Тело его растерзают собаки пред городом нашим".
Так говоря и бичом лошадей по хребтам ударяя,
Он по троянским помчался рядам, побуждая сражаться,
С криком погналы они лошадей, колесницы влекущих,
И за вождем полетели. И Феб Аполлон перед ними

15-355

Землю с окраины рва отломил без усилья ногами,
Бросил ее в середину и путь проложил им широкий
На расстоянии, равном полету копья боевого,
Ежели муж, испытующий силу руки его кинет.
Этой дорогой троянцы рядами прошли; предводил их

15-360

Феб с драгоценной эгидой в руках, и он стену разрушил
Так же легко, как ребенок песок рассыпает по взморью,
Ежели он, забавляясь, песчаную гору построил,

После же сам разрушает руками ее и ногами:
Также и ты, Аполлон Дальновержец, легко уничтожил

15-365

Труд и старанья ахеян, самих обращая их в бегство.
Только достигнув судов, они стали, врагов поджидая,
И ободряли друг друга. И, руки высоко воздевши,
Каждый из них вечносущим богам громогласно молился.
Нестор Геренский молился всех громче, защитник ахеян,

15-370

Обе руки простирая к пространному звездному небу:
"Отче Зевес, если кто в Арголиде, богатой пшеницей,
Тучные бедра быка иль овцы сожигал тебе в жертву,
О возвращеньи моля, ты же знаменем дал обещанье, –
Вспомни о том, Олимпиец, и день отврати беспощадный,

15-375

Не позволяй, чтоб троянцы так страшно избili ахеян",
Так он молился. И громко Кронид загремел Промыслитель
В знак, что он внемлет молитве владыки Нелеева сына.
Только что войско троянцев услышало грохот Зевеса,
Вспомнив о битве, они на ахеян сильней устремились.

15-380

Точно как вал необъятный широкодорожного моря
Бьет чрез помост корабля, погоняемый силою ветра,
В день как порывистый вихорь вздувает огромные волны:
Так и троянцы ворвались за стену с воинственным кликом,
Вместе с конями. И бой закипел пред кормами вплотную.

15-385

На колесницах троянцы двуострыми копьями бились,
А с чернобоких судов аргивяне, взобравшись высоко,
Крепкими их отражали шестами, обитыми медью,
Их на судах для морского сраженья хранили.
Долго, покуда ахейцы и храброе войско троянцев

15-390

Перед стеной воевали, вдали от судов мореходных,
Славный Патрокл в палатке сидел Еврипила героя,
Речью его занимал и сверху зияющей раны
Сыпал целительным зельем, смиряющим черные боли.
Но, услышав, что троянцы толпою прорвались чрез стену,

15-395

А среди войска ахейн господствуют крики и бегство,
Тяжко вздохнул он, ударил руками по бедрам могучим
И, обратясь к Еврипилу сказал ему грустное слово:
"Долее, друг Еврипил, не могу при тебе оставаться,
Хоть еще нужен тебе, но зловещая битва возникла.

15-400

Пусть твой служитель покуда тебя занимает и лечит,
Я же к Ахиллу спешу, побуждать его стану сражаться.
С помощью бога, как знать, не склоню ль его дух, увещая,
Ибо на благо всегда увещания друга нам служат".
Так он сказал, и вперед его быстрые ноги помчали.

15-405

Натиск троянских рядов между тем отражали ахейцы,
Будучи в меньшем числе. Только не были в силах троянцы
От кораблей их прогнать и вовнутрь судов и палаток
Силой проникнуть самим, сквозь фаланги ахейн прорвавшись.
Точно равняльный шнурок выпрямляет бревно судовое,

15-410

Ежели им управляют искусные плотника руки,
Кто изучил свою мудрость, покорный внушеньям Афины:
Так над войсками был ровно натянут сражения жребий.
Перед судами везде рассыпную сражались герои.
Гектор в то время сошелся с Аяксом, гордящимся славой.

15-415

Оба трудились они пред одним кораблем, но напрасно.
Гектор Аякса не мог удалить, чтобы факел свой бросить,
Этот не мог отразить Приамида, ведомого богом.
Тою порой Теламонид Калетора, Клития сына,
Несшего пламя к судам, ударил копьем против груди.

15-420

Шумно он грохнулся в прах, головня из руки повалилась,
А шлемовеющий Гектор, едва лишь увидел, что родич
В прах, пораженный, свалился перед кораблем чернобоким,
Зычно крича, обратился к троянским войскам и ликийским:
"Мужи троянцы, ликийцы, дардане, бойцы удалые!

15-425

Вы не бросайте сраженья, в такую попавши теснину.
Клития сына спасайте, дабы от доспехов ахейцы
Не обнажили его, пред судами упавшего храбро".
Так говоря, он в Аякса копьё меднояркое бросил.
Но, промахнувшись, попал в Ликофрона, Масторова сына,

15-430

Был из Киферы он родом, но, ратный товарищ Аякса,
Жил у него, ибо мужа убил на священной Кифере.
В голову Гектор под ухом сразил его острою медью,
Рядом стоявшего с бурным Аяксом. С кормы корабельной
Навзничь на землю упал он, – ослабили колени героя.

15-435

Дрогнул Аякс Теламонид и милому брату промолвил:
"Тевкр любезный, смотри, вот убит у нас верный соратник,
Тот Масторид, кто, придя из Киферы, средь нас поселился
И почитаем был нами не менее родичей милых.
Ныне убил его Гектор бестрепетный. Где ж твои стрелы,

15-440

Быстро несущие смерть, где твой лук – Аполлона подарок"?
Так он сказал. Тот услышал его, прибежал и стал рядом.
Лук свой упругий держа и колчан, заключающий стрелы,
И по троянцам стал сыпать поспешно стрелу за стрелою.
В Клита попал он сперва, Пизанорова славного сына,

15-445

Полидамаса вождя Панфоида товарища брани.
Вожжи держал он тогда, оттого что к коням был приставлен.
Радость вселяя в сердца и Троянцев, и Гектора, правил туда он,
Где наиболее сражалось фаланг. Но героя настигла
Смерть – и никто не избавил его, только все пожалели.

15-450

В шею он сзади был ранен стрелою, рождающей стоны,
И повалился во прах. Опустевшей гремя колесницей,
Прянули кони назад. Их немедля увидел владыка
Полидамас. Он же первый навстречу коням устремился
И Астиною передал их, Протианову сыну,

15-455

Близко держать приказав и за ними смотреть неусыпно.
Сам же вернулся и вновь среди передних бойцов очутился.
Тевкр другую стрелу в меднобронного Гектора бросил.
Тут бы конец положил он сраженью перед кораблями,
Если б дыханья лишил бушевавшего сына Приама.

15-460

Но не укрылся тогда он от мудрого взора Зевеса;
Гектора Зевс охранял и лишил Теламонида славы,
Свитую крепко порвал тетиву он на луке прекрасном
В миг, как ее он спустил. И стрела, отягченная медью,
Вкривь полетела, блуждая, и лук из руки его выпал.

15-465

Дрогнул воинственный Тевкр и милому брату промолвил:

"Боги! Нам, видно, бессмертный отрезал все средства защиты.
Вот беспорочный он лук из руки моей вырвал и бросил,
Новую мне тетиву, что сегодня лишь утром
Я привязал, чтоб могла она частые выдержать стрелы"

15-470

И, отвечая, промолвил Аякс Теламонид великий:
"Милый, оставь, положи этот лук свой и быстрые стрелы,
Если, ревнуя к данайцам, их бог бесполезными сделал.
В руки копьё захвати и, щит перекинув чрез плечи,
Сам ополчись на троянцев и прочим приказывай биться.

15-475

Вспомним теперь об отваге. Уж если враги одолеют,
Пусть не без тяжких усилий возьмут они флот многогребный".
Так он промолвил. И, лук со стрелами в палатке оставив,
Щит свой в четыре пласта Теламонид накиннул на плечи,
Шлем возложил на могучию голову, сделанный пышно,

15-480

С конскою гривой и гребнем, вверху колебавшимся грозно,
Древко огромное взял с наконечником острым из меди,
Вышел из ставки своей, побежал и стал рядом с Аяксом.
Видя, что Тевкровы стрелы безвредными сделались, Гектор,
Зычно крича, обратился к троянцам и войску ликийцев:

15-485

"Вы, о, троянцы, ликийцы, дардане, бойцы удалые!
Ныне мужайтесь, друзья, помышляйте о бранной отваге
Подле глубоких судов! Сам я только что видел глазами,
Как обессилит Зевес воителя храброго стрелы.
Сила Зевеса Кронида легко познается мужами,

15-490

Теми, кому он дарует великую доблесть и славу,
Также и теми, кого обессилит, помочь не желая.
Ныне он силу ахейн смирил, чтобы нас возвеличить.

Дайте, сомкнемте ряды и сразимся перед кораблями.
Если ж кому суждено от стрелы или дрота погибнуть,

15-495

Пусть умирает, как муж: хорошо умереть за отчизну.
После него и жена в безопасности будет, и дети,
Неповрежденным останется дом, достояние – целым,
Если ахейцы уйдут на судах в свою отчую землю".
Так говоря, увеличил он в каждом отвагу и силу.

15-500

В свой же черед и Аякс говорил, ободряя дружину:
"Стыдно, ахейцы! Теперь наступила пора иль погибнуть,
Или спастись и спасти от гибели флот быстроходный.
Не уповаете ль вы, что пешком по волнам возвратитесь
Каждый в отчизну свою, если Гектор суда уничтожит?

15-505

Или не слышали все, как войска отовсюду сзывает
Гектор, желающий страстно наш флот истребить многогребный?
Не в хоровод он зовет их идти, а в жестокую битву.
Не отыскать нам совета разумней и дела полезней,
Как на троянцев ударить, сцепиться в бою рукопашном.

15-510

Лучше, мне кажется, сразу решить между жизнью и смертью,
Нежели долго и тщетно себя изнурять пред судами
В битве кровавой с врагом, уступающим нам по отваге".
Так говоря, увеличил он в каждом отвагу и силу.
Гектором тою порой умерщвлен полководец фокеец,

15-515

Схедий, дитя Перимеда. А доблестный сын Антенора
Лаодомас, предводитель пехоты, сражен был Аяксом.
Полидамас же доспехи совлек с Килленийца Отоса,
Друга Мегаса Филида, – с начальника храбрых эпеян.
Это увидел Мегес и с копьем налетел, но троянец

15-520

Кинулся в сторону: тот промахнулся. Панфоеву сыну
Не дал погибнуть в переднем ряду Аполлон Дальновержец.
В Кресма попало копье и ударило в грудь посредине.
Шумно он пал и Филид стал снимать с его тела доспехи.
Тою порой на Мегеса троянец Долопс устремился,

15-525

Славный метатель копья, от могучего Лампа рожденный,
Лаомедонова сына, военное знавший искусство.
Сына Филеева в щит он ударил копьем посредине,
Близко к нему подбежал, но панцирь сберег его крепкий,
Собранный весь из чешуек. Когда-то Филей этот панцирь

15-530

От берегов Селеиса из города вывез Эфира,
Где от Эвфета царя получил его в дар, как от друга,
Чтобы в сраженьях носить, от мужей супостатов защиту.
Ныне от сына его отвратил он грозившую гибель.
С острым копьем на Долопса в то время Мегес устремился;

15-535

В верхнюю выпуклость он густогривого шлема ударил.
Гребень из конских волос оторвался от шлема и наземь
Весь покатился во прах, сверкая там пурпуром свежим.
Но между тем как они в ожиданьи победы сражались,
Храбрый герой Менелай подоспел на защиту Мегеса.

15-540

Сзади с копьем притаившись, Долопса в плечо он ударил,
И острое, порываясь вперед и всю грудь пронизавши,
Вышло наружу. Троянец лицом повалился на землю.
Ринулись оба, чтоб с плеч его снять дорогие доспехи.
Но шлемовеющий Гектор всех родичей скликнул Долопса

15-545

Прежде всего к Меланиппу он речь обратил укоризны,
Гикетаонову сыну. Когда еще враг был далеко,
В городе жил он Перкоте и пас там быков криворогих.
После ж прибытья ахейских судов обоюдоокруглых,
Он поспешил в Илион, где блистал среди войска троянцев,

15-550

В доме Приама живя, наравне с сыновьями любимый.
Гектор к нему обратился и слово сказал укоризны:
"Так мы врагам и уступим? Ужель, Меланипп, твое сердце
Не повернулось от боли, при виде как пал этот родич?
Вон погляди, как хлопочут они о доспехах Долопса!

15-555

Следуй за мною. Нельзя нам с ахейцами издали биться.
Нужно, чтоб мы погубили ахеян, иль чтобы ахейцы
Взяли высокую Трою и всех умертвили в ней граждан".
Молвил и бросился первый, за ним – и герой богоравный.
В свой же черед аргивян ободрял Теламонид великий:

15-560

"Будьте мужами, друзья, и стыд в своем сердце блюдите.
Друг перед другом стыдитесь бежать из жестокого боя.
Там, где стыдятся друг друга, спасается больше, чем гибнет,
А для бегущего нет впереди ни спасенья, ни славы".
Так он сказал. Аргивяне, и сами врагов отражая,

15-565

Приняли к сердцу то слово и медной стеной оградили
Флот мореходный. Но Зевс и троянцев исполнил отваги.
Тою порой Менелай Антилоху сказал, ободряя:
"Нет никого, Антилох, ни моложе тебя средь ахеян,
Ни в беспощадном отважней бою, ни быстрее ногами.

15-570

Вот бы тебе устремиться и мужа троянца повергнуть".
Так он промолвил и сам отошел, подстрекнув Антилоха.
Выбежал тот из рядов и, с угрозой кругом озираясь,
Бросил сверкающий дрот. Отступили троянцы, увидев,
Как замахнулся герой. И стрела не напрасно помчалась,

15-575

В Гикетаонова сына попала, в бойца Меланиппа,
Ранила в грудь близь сосца, когда тот устремился в сраженье.
Шумно он грохнулся наземь, и тьма его очи покрыла.
И Антилох устремился вперед, точно пес налетает
На пораженную лань, что из чаши родной побежала,

15-580

Но зверолов в нее метко попал и сковал ей колени:
Так на тебя, Мелантипп, налетел Антилох непреклонный,
Чтобы доспехи сорвать. Но от Гектора он не укрылся,
Через смятенье рядов, ему Гектор навстречу помчался,
И Антилох дожидаться не смел, хоть проворный был воин.

15-585

В страхе, дрожа, побежал он, как зверь, натворивший несчастье,
Если он, пса разорвав иль убив пастуха подле стада,
Бегством спасается раньше, чем люди толпою сберутся:
Так Несторид побежал, а троянцы и Гектор великий
Сыпали вслед убежавшему стрелы, родящие стоны.

15-590

Только достигнув дружины он встал и к врагам обернулся.
Тою порою троянцы, подобные львам плотоядным,
Приступом шли на суда, исполняя намеренья Зевса.
Мощь он вдохнул в них большую и дух ослепил у данайцев,
Бодрость он в них возбудил, затмевая ахейскую славу,

15-595

Ибо прославить задумал он Гектора, сына Приама,

Чтоб на кривые суда ненасытное бросил он пламя,
Чтобы свершилась вполне зловещая просьба Фетиды.
Вот почему Промыслитель Зевес дожидался мгновенья,
Как приметит глазами сиянье горящего судна.

15-600

Ибо тогда для троянцев должно было бегство начаться
От кораблей к Илиону, а слава – для войска Ахейн.
Это замыслив, Зевес Приамова сына направил
Против глубоких судов – он и сам порывался туда же.
И бушевал Приамид, как Арей, кто копьем потрясает,

15-605

Или огонь на горе, среди чащи глубокого леса.
Пена у рта показалась, и очи зажглись под дугами
Мрачно нависших бровей, и блистающий шлем колебался
Грозно вокруг головы воевавшего сына Приама,
Ибо с эфирных высот помогал ему сам Громовержец.

15-610

Зевс лишь его одного среди многих героев троянских
Славой почтил, оттого что немного ему оставалось
Века прожить, и Паллада Афина уже торопила
Гибельный день для него – под оружием Пелеева сына.
Гектор прорваться желал сквозь ряды аргивян и пытался,

15-615

Там, где толпу замечал многолюдней и ярче доспехи.
Только прорваться не мог, хотя сильным объят был желаньем.
Тесно сомкнувшись фалангой, ахейцы пред ним устояли.
Точно огромный утес над белеющим морем нависший
Гордо встречает порыв быстролетный свистящего ветра,

15-620

Также громады валов, что идут на него, разбиваясь:
Так устояли, не дрогнув, ахейцы пред силой троянцев.
Гектор же, медью сверкая кругом, устремился вторично

И налетел на ахеян, как ветром и тучей взрощенный
Скачущий вал налетает на быстрый корабль среди моря:

15-625

Весь покрывается пеной корабль, и дыхание ветра
Грозно свистит в парусах, и трепещут душой мореходцы,
Страхом объятые все, ибо только что смерти избегли:
Так и в груди у ахеян сердца беспокойством терзались.
Точно как лев, замышляющий гибель, встречает на пастьбе

15-630

Стадо коров без числа средь поемного луга большого;
Есть и пастух подле стада, но он не умеет разумно
Обороняться от зверя, спасая коров криворогих;
То впереди он идет перед ними, то следует сзади;
Лев же, завидя коров, на средину бросается стада

15-635

И пожирает одну, когда все обращаются в бегство:
Так все ахейцы бежали пред Гектором и Олимпийцем,
А Приамид одного лишь убил – Перифета микенца,
Милого сына Копрея, который в минувшее время
Вестником часто ходил от царя Еврисфея к Гераклу.

15-640

Сын от Копрея родился, отца далеко превзошедший
Всякою доблестью бранной, и силой и ног быстротою, –
А по уму среди первых считавшийся граждан микенских.
Ныне он сыну Приама великую славу доставил.
Ибо, назад повернувшись лицом, он об нижний споткнулся

15-645

Обод щита, что до ног простирался, защита от копий.
Он пошатнулся и навзнич упал, и от силы удара
Шлем на его голове, задрожав, оглушительно звякнул.
Гектор заметил мгновенно, скорей подбежал и став рядом,
В грудь его ранил копьем и убил близ товарищей милых.

15-650

Те пособить не могли, хоть и сильно скорбели о друге,
Ибо и сами дрожали пред Гектором богоподобным.
Стали теперь аргивяне лицом к кораблям, в полукруге
Первого ряда судов, но троянцы им вслед устремились,
И поневоле они от передних судов отступили,

15-655

Подле палаток сомкнулись и там в ожидании стали.
Но не рассеялись в бегстве по лагерю: стыд помешал им,
Страх удержал. Неустанно они окликали друг друга.
Всех же усерднее Нестор Геренский, защитник Ахейн,
Воинов громко молил, заклиная их именем предков:

15-660

"Ныне, о, други, мужайтесь! Блюдите в душе аргивяне,
Стыд перед всеми людьми. Вспоминайте, друзья, о любезных
Детях и женах своих, о добре, о родителях милых,
Живы ль они у кого иль давно уж похищены смертью.
Именем наших далеких семейств умоляю вас ныне:

15-665

Стойте недвижно в бою, опасайтесь удариться в бегство".
Так убеждая, он в каждом умножил отвагу и силу.
С глаз их в то время Афина отвела облако мрака,
Богом сгущенное: свет с двух сторон им открылся блестящий
И на ряды кораблей, и на поле всеобщего боя.

15-670

Тут увидали они Приамида со всею дружиной,
Тех увидали троянцев, что праздно стояли за битвой,
Также и тех, что сражались вблизи от судов быстроходных.
Не по душе показалось великому силой Аяксу
Там оставаться, куда отступили все дети ахейн.

15-675

По корабельным помчался он палубам, крупно шагая.
Длинным шестом потрясал, припасенным для боя морского,
В двадцать два локтя длиною, сколоченным крепко гвоздями.
Точно наездник, искусно конями умеющий править,
Выбрав из многих коней четырех подходящих по росту,

15-680

Рядом их всех зануздает и по полю в город погонит
Людной дорогой большой, где мужчины и женщины, глядя,
Будут ему удивляться, как он неустанно и ловко
С лошади скачет на лошадь, меж тем как вперед они мчатся:
Так Теламонид по палубам многих судов корабельных

15-685

Крупно и быстро шагал; до небес доходил его голос.
Он непрерывно и страшно кричал, убеждая ахеян
Флот и палатки свои защищать. Но и Гектор великий
Не оставался в рядах густобронных троянского войска.
Точно как черный орел с высоты нападает на стаю

15-690

Птиц легкокрылых, вблизи от потока пасущихся мирно,
Быстрых гусей, журавлей, а равно лебедей длинношеих:
Так шлемовеющий Гектор напал на корабль темноносый,
Прямо вперед устремляясь. И Зевс направлял его сзади
Мощной рукою своей, ободряя все войско троянцев.

15-695

Тою порой пред судами неистовый бой завязался.
Ты бы сказал, что два войска, усталости чуждых и свежих,
В битве впервые столкнулись: так яростно было сраженье.
И у сражавшихся дума такая была: аргивяне
Не полагали, что бедствий избегнут, но гибели ждали.

15-700

А у троянца у каждого сердце в груди уповало,
Что подожгут они флот и убьют всех героев ахейских.
С думой такую в душе они друг против друга стояли.
Гектор тогда за корму ухватился прекрасного судна,
Быстро скользя по волнам, привезло оно Протезилая

15-705

Под Илион, но назад не доставило в отчую землю.
Ныне пред судном его аргивяне и мужи Троянцы
Тесно сошлись, умершвляя друг друга в бою рукопашном.
Не издалека они ожидали падение копий,
Но становились друг к другу лицом и с отвагою равной

15-710

Острыми близко рубились секирами и топорами,
Длинными бились мечами и медию копий двуострых.
Много мечей из червлёных ножен с рукоятями вместе
Наземь упало из рук ратоборцев и с плеч их скатилось.
И почернела земля и кругом заструилась кровью.

15-715

А Приамид, как за выгиб кормы ухватился рукою,
Так и держал неослабно, крича и взывая к троянцам:
"Дайте огня! Вы сомкнитесь рядами и бой оживите!
Нынешним днем Олимпиец за все возместил нам, дозволив
Взять корабли, что сюда против воли бессмертных приплыли

15-720

И причинили нам много страданий по трусости старцев.
Ибо когда б ни желал пред кормами судов я сражаться,
Старцы всегда мне мешали и прочее войско держали.
Если досель Громовержец Зевес ослепил наш рассудок,
Ныне зато он в сражение сам нас ведет и торопит".

15-725

Молвил, и стали троянцы сильней напирать на ахеян.

Не устоял тут Аякс, ибо стрелы его удручали.
Словно почуяв кончину, назад он подался немного,
Стал на скамье для гребцов семифутовой, палубу кинув.
С этого места врагов сторожил он, копьем прогоняя

15-730

Всякого, кто приближался и нес истребительный пламень.
И, неустанно крича, ободрял он дружины ахейцев:
"О, дорогие, герои данайские, слуги Арея!
Ныне мужайтесь, друзья, помышляйте о бранной отваге.
Войско союзников что ль за собой мы надеемся встретить,

15-735

Или высокую стену, – защиту от гибели близкой?
Город нас что ли вблизи ожидает и крепкие башни,
Где бы спастись мы могли среди народа, цветущего силой?
Нет на долине троянцев, в кругу их рядов густобронных,
Здесь, далеко от отчизны, стоим мы, повиснув над морем.

15-740

Наше спасенье в руках, не в ленивом затишьи сраженья".
Так он кричал и копьем заостренным размахивал бурно.
Кто б из троянцев ни смел к кораблям подойти крутобоким
С пламенем ярим в руках, исполняя приказ Приамида, –
Всех убивал Теламонид, с огромным копьем нападая.

15-745

Так уложил он перед кораблями двенадцать троянцев.

* * *

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ О Патрокле

Так они бились тогда за корабль хорошо оснащенный.
Вскоре Патрокл предстал перед пастырем войска Ахиллом,
Жгучие слезы из глаз проливая, что ключ темноструйный,
Черные воды катящий с вершины утеса крутого.

Сжалился, видя его, богоравный Ахилл быстроногий

16-5

И обратился к нему, и крылатое слово промолвил:
"Что ты, любезный Патрокл, как малая девочка плачешь,
Если за платье хватаясь, бежит она с матерью рядом,
На руки просится к ней, и, шаги принуждая замедлить,
Плачет и смотрит сквозь слезы, пока ее мать не подымет:

16-10

Ей уподобясь, Патрокл, проливаешь ты нежные слезы.
Слово сказать ли желаешь ты мне или всем мирмидонцам?
Вести, быть может, один ты услышал из Фтии далекой?
Хоть говорят, еще жив и Менойтий, сын Актора славный,
Жив до сих пор и Пелей Эакид посреди мирмидонян, –

16-15

Их же обоих мы смерть наиболее б оплакивать стали.
Уж не жалеешь ли ты аргивян, что толпою великой
Подле глубоких судов по своей же неправде погибли?
Молви, в душе ничего не таи, пусть мы оба узнаем".
Тяжко вздыхая, ответил Патрокл, коней укротитель:

16-20

"О, Ахиллес, сын Пелея, безмерно храбрый в данайцах,
Полно сердиться! И так уже скорбь одолела ахеян,
Ибо все воины наши, дотоле храбрейшие в битве,
Ныне лежат на судах, кто стрелой, кто копьем пораженный.
Ранен Тидея воинственный сын, Диомед непреклонный,

16-25

Ранен метатель копья Одиссей и Атрид Агамемнон,
Ранен стрелой в бедро Эврипил, славный сын Эвемона,
Всех их врачи окружают, снабженные множеством зелий,
Лечат их раны, а ты, Ахиллес, непреклонен, как прежде.
Пусть я не ведаю гнева такого, как в сердце питаешь.

16-30

Гордый на горе всем нам! Чем обрадуешь ты и потомство,
Если несчастье теперь отвратить от ахейцев не хочешь?
О, беспощадный герой! Не наездник Пелей – твой родитель,
Мать – не Фетида. Но синее море и скалы крутые
В свет породили тебя, – от того твое сердце так жестко.

16-35

Если ж боишься в душе ты какого-нибудь прорицанья,
Если почтенная мать тебе знаменье Зевса открыла,
В бой хоть меня снаряди, а со мной и других мирмидонцев,
И аргиевнам, быть может, тогда просияет спасенье.
Дай возложить мне на плечи твои дорогие доспехи.

16-40

Мужи троянцы, быть может, меня за тебя принимая,
Бой прекратят, и вздохнут утомленные дети ахейцев,
Ныне теснимые сильно: пусть отдых настанет хоть краткий.
Свежих исполнены сил, мы бойцов, обессиленных в битве,
К Трое прогнали б легко от судов и палаток ахейских".

16-45

Так говорил он ему, умоляя, безумец великий,
Ибо себе самому он выпрашивал смерть и погибель.
Тяжко вздохнувши ему отвечал Ахиллес быстроногий:
"Горе! О, что ты сказал мне, потомок Зевеса!
Ни о каком не проведал я знаменья и не забочусь,

16-50

Мне ничего от Зевеса почтенная мать не сказала.
Но раздирает мне душу безмерная скорбь, лишь припомню,
Что полководец желает ограбить того, кто с ним равен,
Долю чужую похитить, лишь пользуясь большею властью.
Вот отчего я скорблю, ибо вытерпел много печали.

16-55

Деву, что дети ахеян назначили мне, как награду,
Добыл своим я копьем, населенный разрушивший город.
Ныне ее Агамемнон из рук моих вырвал насильно,
Как у презренного отнял пришельца Атрид повелитель.
Только оставим все эти былые дела. Невозможно

16-60

Вечно сердиться в душе. Я, однако, решил уж однажды
Гнев свой не раньше смягчить, чем смятение битвы и крики
Не разольются до самых моих кораблей быстроходных.
Ты же на плечи одень все мои дорогие доспехи.
Браннолюбивых веди мирмидонян с врагами сражаться,

16-65

Ежели вправду троянцы суда аргивян окружают
Черною тучей фаланг, а данайцы притиснуты к морю,
Где остается пред ними земли небольшое пространство.
Видно весь город троянцев помчался на бой дерзновенно,
Ибо не блещет пред ними налобник Ахиллова шлема

16-70

Близко, как в прежнее время, а то бы ударились в бегство,
Трупами рвы переполнив, будь только Атрид Агамемнон
Ласков со мною. Теперь же троянцы вокруг лагеря бьются,
Ибо в руке Диомеда копье не свирепствует больше,
Не отвращает от войска ахеян он гибели близкой.

16-75

И не слышать мне из уст ненавистных Атреева сына
Зычного крика. Кругом раздается лишь Гектора голос,
В битву зовущий троянцев; они же, крича неустанно,
Всю наводнили долину, ахеян в бою побеждая.
Ныне, Патрокл, обрушья на них изо всей своей силы,

16-80

Флот от несчастья спаси, чтоб троянцы, суда уничтожив
Ярым огнем, не лишили желанного нам возвращенья.
Но повинуйся тому, что я словом внедрю тебе в душу.
Если желаешь мне славу и почесть большую доставить
Пред аргивянами всеми, чтоб вскоре они мне вернули

16-85

Ту милovidную деву и ценные дали подарки,
То возвращайся немедля, лишь только врагов ты прогонишь.
Даже когда б Громовержец, муж Геры, покрыл тебя славой,
Все же вдали от меня не желай состязаться с рядами
Браннолюбивых троянцев, – иль вовсе меня опозоришь.

16-90

Шумом войны опьяненный, троянских мужей убивая,
Не подступай во главе мирмидонян к стенам Илиона.
Как бы с Олимпа тогда не сошел кто-нибудь из бессмертных;
Сильно троянских мужей возлюбил Аполлон Дальновержец.
Ты возвращайся, лишь только суда в безопасности будут,

16-95

И предоставь остальным средь долины друг с другом сражаться.
Отче Зевес, Аполлон и Афина Паллада! О, если б,
Смерти никто не избег из несметного войска троянцев,
Также никто из ахейян, а нас только двое осталось.
Чтобы вдвоем нам разрушить бойницы священные Трои!"

16-100

Так, обращаясь друг к другу, они меж собой говорили.
А Теламонид меж тем отступал, удрученный стрелами.
Зевсова воля сломила героя и стрелы троянцев.
Светлый вокруг головы его шлем издавал от ударов
Звон непрерывный и страшный: все время на крепкие бляхи

16-105

Сыпались стрелы. Без отдыха щит свой держа испещренный,
Левым устал Теламонид плечом. И, однако, троянцы

Не были в силах его отразить, хоть стрелами теснили.
Только он громко и тяжело дышал, и с усталого тела
Пот отовсюду катился обильный, и вскоре не мог он

16-110

Вовсе дышать: за бедою беда надвигалась на войско.
Ныне поведайте мне, на Олимпе живущие Музы,
Как на суда аргивян обрушилось пламя впервые.
Гектор, приблизясь к Аяксу, мечем по копьё замахнулся
И разрубил ему древко из ясеня выше копейца.

16-115

Надвое древко сломалось. Аякс Теламонид великий
Только обрубком копья потрясал, а вдали от героя
Наземь со звоном упал наконечник из меди блестящей.
И содрогнулся Аякс и узнал беспорочной душою
Дело богов. Он увидел, что Зевс Громовержец отрезал

16-120

Все ему средства к защите, даруя победу троянцам.
Тут из-под стрел отступил он. Тогда на корабль быстроходный
Бросили пламя троянцы, и неукротимый разлился
Быстро пожар, и огонь охватил всю корму. То увидев,
Сильно ударил по бедрам Ахилл и Патроклу промолвил:

16-125

"Встань, о, Патрокл, потомок Зевеса, коней укротитель!
Слышу свистящий огонь, перед флотом зажженный врагами.
Как бы суда не сожгли и не отняли путь к отступленью.
Быстро доспехи надень, я же войско сберу мирмидонян".
Так он сказал, и Патрокл в блестящую медь облачился.

16-130

Прежде всего наложил он на голени латы ножные,
Дивные видом, – они на серебряных пряжках держались.
Панцирь потом на груди укрепил, испещренный красиво,
Панцирь Эакова внука, украшенный дивно звездами.

После того через плечи он бросил свой меч среброгвоздый,

16-135

Медный; затем перекинул он щит и огромный, и крепкий,
Шлем возложил на могучую голову, сделанный пышно,
С конскою гривой и гребнем вверх, колебавшимся грозно,
Пару взял копий тяжелых, к руке приходившихся плотно.
Только единого не взял копья он Эакова внука

16-140

С древком тяжелым, огромным. Не мог ни один из ахеев
Им потрясать, лишь Ахилл без труда колебал это древко –
Ясень с горы Пелиона, отцу его данный Хироном,
Срубленный им на верху Пелиона, на гибель героям.
Автомедону велел он запрячь лошадей поскорее.

16-145

После Ахилла, убийцы мужей, больше всех его чтит он
И среди бранного шума на стойкость его полагался.
Автомедон под ярмо двух подвел лошадей быстроногих,
Ксанфа и Балия вместе летевших с дыханием ветра.
Гарпия их породила Подарга от ветра Зефира,

16-150

Пасши стада на лугу, недалеко от волн Океана.
С ними в пристяжку он впряг беспорочного родом Педаса:
Добыл его Ахиллес, Этиона разрушивши город.
Будучи смертным, он вместе с бессмертными мчался конями.
Тою порой Ахиллес обходил мирмидонские ставки,

16-155

Всех побуждая доспехи надеть и готовиться к бою.
Как плотоядные волки, дыша несказанной отвагой,
В месте гористом большую рогастую лань умертвивши,
Рвут ее тело, и пасти у всех у них красны от крови;
После всей стаей, толпясь, к роднику темнотруйному мчатся,

16-160

Где, изрыгая кровавое мясо растерзанной жертвы,
Острыми пьют языками поверхность волны оттененной;
Сердце их страха не знает, и чрево раздуто от пищи:
Так мирмидонского войска вожди и советники шумно
Вслед за соратником шли быстроногого внука Эака.

16-165

А посредине стоял между ними, подобный Арею,
Царь Ахиллес и ровнял лошадей и мужей щитоносцев.
Было числом пятьдесят быстроходных судов, на которых
Зевсу любезный под Трою приплыл Ахиллес, и на каждом
Храброй дружины мужей пятьдесят находилось при веслах.

16-170

Пять он избрал воевод и начальство им вверил над войском,
Сам же царил надо всеми, великую власть проявляя.
В первом отряде вождем был Менесфий, герой пестробронный,
Бога речного дитя, Сперхея, потомка Зевеса.
Смертная, с богом в любви сочетавшись, его от Сперхея

16-175

Дивная видом Пелеева дочь родила Полидора,
Только считался рожденным от Бора он Периерида,
Кто Полидору открыто взял в жены, дав много подарков.
Равный Арею Евдор был начальник второго отряда,
Девой рожденный герой, Полимелой, плясуньей прекрасной,

16-180

Дочерью дивной Филаса. Аргусоубийца могучий
Сильно ее полюбил, увидав, как неслась в хороводе
В честь Артемиды она – златокудрой охотницы бурной.
Вскоре Гермес благосклонный к ней в терем проник и украдкой
С нею в любви сочетался, и славного сына Евдора

16-185

Дева ему родила быстроногую, храброго в битвах.
После ж того как Илифия, муки родов облегчая,
Вывела к жизни дитя и сиянье увидел он солнца,
Храбрый герой Эхеклей Акторид Полимелу взял в жены
И поселил в своем доме, несчетные дав ей подарки.

16-190

Старец Филас воспитал и взрастил молодого Евдора
И окружил его нежной заботой, как сына родного.
Третьим отрядом Пизандр начальствовал, равный Арею,
Сын знаменитый Мемала, он, после Ахиллова друга,
Первый из всех мирмидонян в искусстве сразиться на копьях.

16-195

Феникс четвертым начальствовал, старец наездник.
Пятым же – Алкимедон, беспорочный потомок Лаерка.
В бранный поставив порядок войска с полководцами вместе,
С властной речью Ахилл обратился ко всем и промолвил:
"Пусть, мирмидонцы, никто не забудет угроз своих прежних,

16-200

Что на судах быстроходных, покуда я гневом томился,
Вы посылали троянцам и так меня все укоряли:
– Желчью вспоила тебя твоя мать, сын Пелея надменный!
О, беспощадный, друзей пред судами насильно ты держишь!
Лучше вернуться домой на судах мореходных,

16-205

Ежели гнев злополучный так сильно запал тебе в душу, –
Так меж собою сходясь, толковали вы часто.
Вот наступило оно, столь долго желанное дело.
Ныне, в ком храброе сердце, пусть вволю с троянцами бьется!"
Так говоря, увеличил он в каждом отвагу и силу.

16-210

Слушая слово царя, все фаланги теснее сомкнулись.
Точно как, ежели муж вокруг высокого дома слагает
Стену из камней сплоченных, оградою буйного ветра:
Так были сдвинуты тесно щиты и блестящие шлемы.
Сплочен был щит со щитом, шлем со шлемом и с воином воин.

16-215

Шлемы в движеньи бойцов шишаками сверх гребней сшибались,
Так они тесно стояли в рядах друг от друга.
А впереди перед всеми сияли доспехами двое
Храбрых героев – Патрокл и Автомедон, пламенея
Оба желаньем одним – во главе мирмидонян сражаться.

16-220

Царь Ахиллес удалился в палатку, где крышку приподнял
С дивно прекрасного ларя, который ему на дорогу
Был принесен на корабль среброногой Фетидой, наполнен
Множеством теплых плащей, и волнистых покров, и хитонов.
Там у него находился и кубок работы искусной.

16-225

Смертный другой из него еще не пил вина огневого
И никому, кроме Зевса, не делал он им возлияний.
Кубок из ларя достав, он сперва его серой очистил,
После старательно вымыл прекрасной водою прозрачной,
Руки умыл себе также, вином его темным наполнил,

16-230

Стал средь двора и, на небо смотря, возливал и молился,
И не укрылся от взоров он громолюбивого Зевса:
"Властный Додонский Зевес, Пеласгийский, далеко живущий,
В хладной царящий Додоне, толпою жрецов окруженный –
Селлов, не моющих ног, на земле отдыхающих голой!

16-235

Ты уже внял мне однажды, в тот день, как тебе я молился.
Много почтил ты меня, покаравши ахейское войско.

Ныне еще раз, как прежде, мое ты исполни моление.
Сам остаюсь я покуда в кругу кораблей быстроходных,
Только товарища друга с большою толпой мирмидонян

16-240

В бой посылаю. Даруй ему славу, о, Зевс Громовержец,
Сердце в груди у него укрепи и бестрепетным сделай.
Гектор пусть ныне увидит, каков на войне наш товарищ:
В силах один ли он биться, иль только тогда побеждают
Руки его, когда я с ним труды разделяю Арея.

16-245

После ж того, как сраженье и шум отразит он от флота,
Пусть невредимый ко мне он к судам быстроходным вернется
Вместе с доспехами всеми и всею дружиною храброй".
Так он молился, и Зевс Промыслитель услышал моление.
Первую просьбу исполнил, вторую отверг Олимпиец.

16-250

Дал удалить он Патроклу от флота сраженье и крики,
Но не позволил ему невредимым из боя вернуться.
И, совершив возлиянье и Зевсу отцу помолившись,
В ставку вернулся владыка и, в ларь положивши свой кубок,
Вышел и встал пред шатром, оттого что желал в своем сердце

16-255

Видеть ужасную схватку троянских мужей и ахейских.
А мирмидонцы меж тем, за Патроклом вождем ополчившись,
Двигались вместе, пока на врагов не обрушились грозно.
Тут врассыпную они налетели, подобно как осы,
Что при дороге ютятся в скале, обозленные сильно,

16-260

Ибо их часто дразнят и в гнезде придорожном тревожат
Глупые дети, готовя для многих великое горе;
Если потом как-нибудь по дороге идущий прохожий
Их и нечаянно тронет, они с дерзновенной отвагой

Все устремятся вперед, своих малых детей защищая:

16-265

Так мирмидонцы в то время, с таким же бестрепетным духом
Из кораблей налетели, и крик раздавался немолчный.
Голосом зычным Патрокл воззвал, обращаясь к дружине:
"О, мирмидонцы, товарищи брани Ахилла Пелида,
Будьте мужами, друзья, помышляйте о бранной отваге!

16-270

Дайте Пелида почтим, кто из всех аргивян пред судами
Неизмеримо сильнейший, как вы, его храбрые слуги.
Пусть познает Агамемнон, владыка с обширной властью,
Как безрассудно обидел сильнейшего он из ахеян".
Так говоря, увеличил он в каждом отвагу и силу.

16-275

И мирмидоняне все на троянцев обрушились разом.
Грозно суда огласились воинственным кликом ахеян.
Лишь увидали троянцы Менойтия храброго сына
Вместе с товарищем брани, покрытых оружием светлым,
Дрогнуло сердце у всех, и фаланги пришли в беспорядок,

16-280

Ибо они полагали, что сын быстроногий Пелея
Долгий свой гнев укротил и с ахейцами вновь примирился.
Каждый, дрожа, озирался, чтоб гибели черной избежать.
Первый Патрокл блестящим копьем замахнулся и бросил
Прямо в середину толпы, где теснилось больше героев,

16-285

Перед кормой корабля благородного Протезилая,
И поразил Пирехмеса; наездников храбрых пеонян
Из Абидоса привел он, где Аксиий струится широко.
В правое ранил его он плечо, и тот, громко стеноя,
Навзничь свалился во прах. Отступила дружина в испуге,

16-290

Ужас в пеонянах всех возбудил сын Менойтия храбрый,
Их полководца убив, кто в кровавом бою отличался.
Войско прогнав от судов, потушил он пылавшее пламя.
Наполовину сгоревшим глубокий корабль был покинут.
С криком троянцы меж тем побежали, и вновь пред судами

16-295

Тесно сплотились ахейцы и было смятенье большое.
Точно как если Зевес Громовержец от острой вершины
Необозримой горы отодвинет нависшую тучу;
Вдруг открываются взору все выступы скал, все долины
И проливается с неба блестящий эфир бесконечный:

16-300

Так аргивяне, опасность огня от судов отвративши,
Духом на миг просветлели. Но бой еще не был окончен,
Ибо троянцы пред войском данайцев, Арею любезных,
Не без оглядки бежали от черных судов быстроходных,
Но, по нужде отступая, к отпору готовились снова.

16-305

Бой закипел меж вождями, и муж умерщвляем был мужем.
Первым Патрокл могучий, Менойтия сын благородный,
Ареилика ударил, к нему обращенного тылом,
Острою медью в бедро. И насквозь острие проскочило,
Кость раздробив, и троянец на землю лицом повалился.

16-310

Царь Менелай, сын Атрея воинственный, ранил Фоаса
В грудь, не прикрытую круглым щитом, и сковал его члены.
Сын же Филея, заметив Амфикла с поднятым оружием,
Ранее бросил копье и в бедро его с краю ударил,
Там, где лежит у людей наиболее крупная мышца.

16-315

Медь разорвала все жилы, и тьма ему очи покрыла.
Нестора сын Антилох, той порою Атимния ранил
Острым копьем и оно через пах проскочило навывлет.
Рухнул Атимний пред ним, и тогда на бойца Антилоха
Марис копьем замахнулся, отмстить порываясь за брата,

16-320

Стоя у трупа его, но герой Фразимед богоравный
Раньше копье отпустил, предвосхитив удар, и попал он,
Не промахнувшись, в плечо. И копья острие разорвало
Мышцы предплечья всего и кость размозжило глубоко.
Шумно он грохнулся наземь и тьма ему очи покрыла.

16-325

Так, укрощенные острым оружием двух Несторидов,
В темную область Эреба спустились друзья Сарпедона,
Дети от Амизадора, вскормившего прежде Химеру,
Неодолимую в гневе, беды причинявшую многим.
Сын Оилея Аякс наскочил на бойца Клеобула

16-330

И овладел им живым, когда тот среди давки споткнулся,
Тут же лишил его силы, мечом по затылку ударив.
Меч с рукояткой прекрасной весь сделался теплым от крови.
Черная смерть и судьба закрыли глаза Клеобулу.
Тою порой Пенелей и Ликон друг на друга напали;

16-335

Оба сперва промахнулись, напрасно пустив свои копья,
И налетели с мечами. Ликон Пенелея ударил
По верху шлема его густогривого, только сломался
За рукояткою меч, и тогда Пенелей его ранил
В шею над ухом, и меч весь проник глубоко; уцелела

16-340

Кожа одна, голова же повисла и члены ослабли.
Вождь Мерион, Акамаса проворно настигнув ногами,
В правое ранил бедро, когда тот на коней поднимался.
Пал с колесницы он наземь – и тьма над глазами разлилась.
Идомей Эримаса безжалостной медью ударил

16-345

В рот, – проскочило навывлет копье с наконечником медным
Прямо под мозгом и белые кости ему раздробило,
Вышибло зубы из десен, и кровь переполнила очи,
Хлынув наружу чрез ноздри и рот, что раскрыт был широко.
Черное облако смерти окутало тотчас героя.

16-350

Каждый из этих данайских вождей умертвил по троянцу.
Точно как хищные волки на коз иль овец нападают
И похищают из стада всех тех, что бредут одиноко
По недосмотру пасущих; едва на горе их завидят,
Как увлекают мгновенно, бессильных и трепетных сердцем:

16-355

Так аргивяне напали на войско врагов, а троянцы,
Вспомнив про шумное бегство, забыли о бранной отваге.
Сын Теламона великий еще раз пытался ударить
Гектора в медных доспехах. Но, в бранных делах изощренный,
Плечи широкие Гектор воловьим щитом покрывает,

16-360

Свисту внимая летающих стрел и гудению копий.
Знал уже он, что победа на сторону греков склонилась,
Но оставался в сраженьи, спасая товарищей милых.
Точно как туча с Олимпа вступает в пространное небо,
Если Зевес после ясного дня распростер непогоду:

16-365

С криками так от судов побежали троянцы в смятении
И не в порядке вернулись чрез ров. Приаида в оружьи

Вынесли быстрые кони, а войско троянцев оставил
Перед глубоким он рвом, задержанных там поневоле.
Резвые кони без счета ломали влекущие дышла

16-370

И покидали во рву клесницы вождей умерщвленных.
Храбрый Патрокл, взывая к своим, за бегущими гнался,
Горе готова троянцам, которые криками бегства
Все наполняли дороги, – они врассыпную бежали.
Вихрем вздымалася пыль к облакам, когда в Трою обратно

16-375

Цельнокопытные кони неслись от судов и палаток.
Сын же Менoitия правил туда, где видал наиболее
В страхе бегущих врагов. С колесниц под блестящие оси
Мужи попадали в прах и, треща, колесницы валились.
Вскачь пронеслись через ров бессмертные, легкие кони,

16-380

Те, что Пелею царю подарили блаженные боги,
И полетели с Патроком. Он Гектора рвался настигнуть,
Чтобы ударить копьем, но и Гектора кони умчали.
Точно осенней порой потемневшую землю придавит
Туча, в те дни, как Зевес посылает дожди проливные

16-385

И ополчается гневом великим на смертнорожденных,
Что, прибегая к насилью, в собраниях судят пристрастно,
Правду священную гонят, о мщеньи богов не заботясь;
Вот отчего через край все реки вода наполняет,
И по откосам холмов, пролагая глубокие русла,

16-390

С горных вершин ниспадают и мчатся в лазурное море
С грохотом страшным потоки, работу людей сокрушая:
Так оглушительно ржали бегущие кони троянцев.
Храбрый Патрокл, прорвавши фаланги передних троянцев,

Снова к судам быстроходным обратно погнал их, мешая

16-395

В город бежать и спастись, как желали они, но в долине,
Между высокой стеной и рекою и флотом ахейским,
Их убивал без числа, воздая отмщеньем за многих.
Прежде всего он Проноя копьем поразил заостренным
В грудь, не прикрытую круглым щитом, и сковал ему члены.

16-400

Шумно тот грохнулся в прах. А Патрокл пошел на Фестора,
Сына Энопса. Тот в тесаной гладко сидел колеснице,
Сжавшись от страха и вожжи из рук упустивши, безумный.
Близко Патрокл к нему подбежал и копьем заостренным
В правую щеку ударил – оно пролетело чрез зубы.

16-405

И, приподняв за копье, он его протащил за перила,
Как рыболов со скалы огромную рыбу из моря
Тащит при помощи нити и ярко сверкающей меди:
Так он троянца, раскрывшего рот, потащил с колесницы
И уронил вниз лицом; тот упал и с душою простился.

16-410

После он камнем сразил Эриала, кто в бой порывался,
В голову по середине попал, и под шлемом тяжелым
Вся голова расколосась. На землю он ниц покатился,
И душегубная смерть распростерлась над мужем упавшим.
Тут же он сбил Еримаса, потом Амфотера, Эпалта,

16-415

Эхия и Тлеполема, дитя Дамастора, Пириса,
И Полимела, Аргеева сына, Эвиппа, Ифея:
Всех одного за другим он поверг на кормилицу землю.
Но, увидав, что кругом под оружием Менойтиада
Гибнет дружина ликийцев, без пояса панцирь носящих,

16-420

Вождь Сарпедон, укоряя, к ликийцам воззвал богоравным:
"Стыд, о, ликийцы! Куда вы бежите? Сражайтесь храбрее.
Вот устремляюсь на встречу герою тому, да увижу,
Кто этот доблестный воин, троянцам беды натворивший,
Ибо колени расслабил у многих мужей он и сильных".

16-425

Так говоря, с колесницы на землю он спрыгнул в оружи.
Также Патрокл, завидев его, соскочил с колесницы.
Точно два коршуна, с клювом горбатым, с кривыми когтями,
Страшно крича, на вершине горы меж собою дерутся:
Так и они дуг на друга с воинственным ринулись криком.

16-430

Кроноса хитрого сын, их увидев, почувствовал жалость.
К Гере, супруге своей и сестре обратился он с речью:
"Гера! Ужель суждено Сарпедону, милейшему в смертных,
Быть укрощенным рукою Патрокла, Менойтия сына?
На двое воля моя разделилась и в мыслях колеблюсь,

16-435

Как поступить мне: живым ли похитить из битвы плачевной
И перенести Сарпедона в отчизну богатых ликийцев,
Или дозволить, чтоб он укрощен был рукою Патрокла?"
И волоокая так отвечала почтенная Гера:
"О, всемогущий Кронид, какое ты слово промолвил!

16-440

Мужа, рожденного смертным, давно подчиненного року,
Ныне обратно желаешь похитить у смерти зловещей?
Делай, но мы, остальные все боги, тебя не одобрим.
Только другое скажу, – ты ж в душе мое слово запомни:
Если живым отнесешь Сарпедона на родину, бойся,

16-445

Как бы потом кто-нибудь и другой из бессмертных не вздумал
Сына увлечь своего дорогого из битвы жестокой.
Ибо не в малом числе вокруг великой твердыни Приама
Дети воюют богов, – ты возбудишь в них гнев беспредельный.
Если ж он дорог тебе и твое о нем сердце тоскует,

16-450

То, не мешая покуда, чтоб в шуме жестокого боя
Он укрощен был рукою Патрокла, Менойтия сына,
После уже, когда жизнь и душа отлетят от героя,
Смерти и сладкому Сну прикажи, чтоб с ним полетели
И отнесли его тело к народу пространной Ликии.

16-455

Там погребут его братья с друзьями, почтивши гробницей
И надмогильным столпом: то – последняя почеть умершим".
Молвила так. Подчинился отец и людей и бессмертных.
Капли кровавой росы той порою он пролил на землю,
Сына почтив дорогого, которого должен был вскоре

16-460

В Трое убить плодоносной Патрокл, вдали от отчизны.
После того как, идя друг на друг, сошлись они близко,
Первым Патрокл сразил Фразимеда, известного силой,
Храброго сердцем возницу героя царя Сарпедона.
В нижнюю часть живота он попал и сковал ему члены.

16-465

Царь Сарпедон вслед за этим копьё свое бросил в Патрокла,
Но в самого промахнувшись, коня поразил он Педаса,
В правое ранив плечо. Конь заржал, испуская дыханье,
В прах повалился, храпя, и жизнь от него отлетела.
Двое коней остальных расступились, ярмо заскрипело,

16-470

Вожжи их спутались, ибо в пыли пристяжная лежала.
Автомедон копыеносец исход, не замедлив, придумал,
Меч длинноострый извлек, что висел при бедре его тучном,
И, устремившись, обрезал поспешно ремни от Педаса:
Кони воспрянули разом и ровно под упряжью стали.

16-475

А полководцы вторично сошлись для смертельного боя.
Снова тогда Сарпедон заостренным копьем промахнулся.
Левого выше плеча над Патроклом копье пролетело
И не задело героя. Тогда устремился с оружием
Мощный Патрокл, и медь из руки не напрасно помчалась,

16-480

Но угодила, где сердце грудной перепонкою сжато.
И повалился он в прах, точно дуб или тополь серебристый,
Или прямая сосна, если брус корабельный готова,
Плотник ее на горе вновь отточенной срубит секирой:
Так распростертый он пред колесницей лежал и конями,

16-485

Тяжко хрипя и хватаясь за землю, облитую кровью.
Точно как лев нападает на стадо коров криворогих,
Где убивает быка темнокрасного, гордого сердцем,
И погибает он, тяжело стеная, под львиною пастью:
Так под рукою Патрокла пал вождь щитоносцев ликийских.

16-490

Но, умирая, он сделал усилие и друга окликнул:
"Главк дорогой, о, боец средь мужей, надлежит тебе ныне
Быть копьеборцем искусным и воином с храброй душою.
Если боец ты проворный, займись теперь гибельным боем.
Прежде всего обойди всех начальников рати ликийской

16-495

И побуди их сражаться вокруг тела царя Сарпедона.
После и сам за меня повоюй заостренною медью.

Ибо на вечное время стыдом для тебя и позором
Имя пребудет мое, если ныне ахейские мужи
Снимут доспехи с меня, умерщвленного здесь пред судами.

16-500

Ты непреклонно держись, побуждая к сраженью всех прочих".
Только что слово он кончил, как смертный конец уж окутал
Очи и ноздри его. И, ногою на грудь наступая,
Вырвал Патрокл копье – перепонки во след показались.
Вместе из тела извлек он копья наконечник и душу.

16-505

А мирмидонцы держали храпящих коней, что все время
Рвались бежать, как пустыми стояли царей колесницы.
Главк опечалился сильно, услышав товарища голос,
Сердцем скорбел, оттого что не в силах подать ему помощь.
Руку держал он, прижавши ладонью. Его угнетала

16-510

Рана, которую Тевкр, беду от друзей отвращая,
Медью нанес ему прежде, в тот миг как на стену вскочил он.
И, Аполлону молясь Дальновержцу, он слово промолвил:
"Внемли, о, царь, пребываешь ли ты средь богатых ликийцев
Или же в Трое. Равно отовсюду ты можешь услышать

16-515

Скорбного мужа, как я, кто великой терзаем печалью.
Тяжкая рана меня удручает и острые боли
Руку терзают мою; не может донине просохнуть
Кровь на руке, и плечо онемело от боли жестокой.
Больше не в силах держать я копье, ни сражаться с врагами,

16-520

В битву вступая. Меж тем знаменитейший воин повержен,
Зевса дитя, Сарпедон, но и сыну помочь не хотел он.
Ты же, о, царь Аполлон, исцели мою тяжкую рану,
Боли мои усыпи, дай мне силу, чтоб мог я, взывая

К храброй дружине ликийян, в них дух возбудить для сраженья,

16-525

Чтобы и сам я сражался вкруг трупа убитого мужа".
Так говорил он, молясь, и молению внял Дальновержец.
Тотчас он боль утолил, осушил на зияющей ране
Черную кровь и вдохнул ему в душу великую силу.
Главка исполнила радость, когда он узнал в своем сердце,

16-530

Что не замедлил услышать мольбу его бог всемогущий.
Прежде всего обошел он кругом всю дружину ликийцев,
Всех воевод побуждая вокруг Сарпедона сражаться.
После, широко ступая, к троянцам пошел, направляясь
К Полидамасу, Панфоеву сыну, к бойцу Агенору,

16-535

К храброму сердцем Энею и Гектору в медных доспехах.
Ставши пред ними вблизи, он крылатое слово промолвил:
"Гектор, теперь позабыл о союзниках ты совершенно,
Тех, что от милых друзей и любезной отчизны далеко
Душу кладут за тебя, – ты же им и помочь не желаешь.

16-540

Мертвым лежит Сарпедон, щитоносцев ликийских владыка,
Он, кто ликийскую землю держал правосудьем и силой.
Медный Арей усмирил его ныне оружием Патрокла.
Так поспешите, о, други, исполнитесь гнева душою,
Бойтесь, чтобы мирмидонцы, во гневе за павших данайцев,

16-545

Нашим оружием острым близ быстрых судов умерщвленных,
Не надругались над трупом и ярких не сняли доспехов".
Так он сказал, и троянцев объяло глубокое горе
И безутешная скорбь, оттого что, хотя иноземец,
Вождь Сарпедон был оградю Трои; с ним много явилось

16-550

Воинов храбрых, и сам он среди всех отличался в сраженьях.
Полны отваги, они на данайцев направились прямо.
Гектор пред ними шел первый, из-за Сарпедона разгневан.
Мощный Патрокл меж тем побуждал аргивян меднобронных.
Он обратился к Аяксам, и так порывавшимся в битву:

16-555

"Ныне, Аяксы, да будет вам любо сражаться с врагами,
Как до сих пор среди мужей вы блистали, иль даже храбрее.
Мертвым лежит Сарпедон, кто на стену взобрался к нам первый.
Если б могли мы, его захватив, надругаться над телом,
С плеч дорогие доспехи сорвать и безжалостной медью

16-560

Тех из дружины убить, кто к нему устремится на помощь!"
Так он сказал, но и сами врагов отразить они рвались.
После того как вожди с двух сторон укрепили фаланги,
Яростно сшиблись друг с другом, желая сразиться вокруг трупа,
Мужи ликийцы, троянцы, равно мирмидонцы, ахейцы.

16-565

Грянул воинственный клич, на бойцах зазвенели доспехи.
Пагубный сумрак Зевес распростер над жестокою сечей,
Чтобы губительней сделать сражение вокруг милого сына.
Стали вначале троянцы теснить быстрооких данайцев,
Ибо повержен был воин, не худший среди мирмидонян,

16-570

Сын Агаклея героя боец Эпигей богоравный.
Некогда он в хорошо населенном царил Будионе,
Но, одного умертвивши из родичей славных, к Пелею
И к среброногой Фетиде явился, моля о приюте.
Те в Илион многоконный отправили вместе

16-575

С мужеубийцей Ахиллом, да против троянцев воюет.
Ныне, едва он за труп ухватился, блистательный Гектор
В голову камнем его поразил, и под шлемом тяжелым
Вся голова раскололась. На землю он ниц повалился,
И душегубная смерть распростерлась над мужем упавшим.

16-580

Скорбь охватила Патрокла при гибели верного друга.
Мимо передних бойцов он, спеша, устремился, как сокол,
Если он быстро летит, устрашая скворцов или галок:
Так, о, возница Патрокл, на ликийцев ты ринулся прямо
И на троянцев, душой из-за милого друга разгневан.

16-585

Он Сфенелая сразил, Ифемена любезного сына,
Камнем огромным в затылок и обе рассек ему жилы.
Вспять отступили передние мужи и доблестный Гектор.
Сколько пространства свершает полет длинноострого дрота,
Ежели, силу свою испытую, боец его бросит

16-590

На состязаньи иль в битве, теснимый врагом душегубным, –
Так далеко отступили троянцы под натиском греков.
Первым назад повернул щитоносцев ликийских начальник
Главк, и убил Батиклея, отважного сердцем героя.
Милого сына Халкона; в чертоге он жил на Элладе

16-595

И среди всех мирмидонцев довольством блистал и богатством.
Главк, обернувшись нежданно, пронзил его в грудь посредине
Острым копьем, когда тот его было настиг, догоняя.
Шумно он пал. И при виде, как доблестный воин свалился,
Греков объяла печаль, а троянцев – великая радость.

16-600

И, повернувшись, вокруг Главка сомкнулись они. Но ахейцы,
Не забыв про отвагу, открытой их встретили силой.
Тою порой Мерионом сражен был один из троянцев
Сын Онетора, отважный душой Лаогон шлемоносец.
Зевса Идейского жрец; он, как бог, почитался народом.

16-605

Ранил его Мерион ниже уха и челюсти. Тотчас
Вышла из тела душа, и глубокой он тьмой был окутан.
А в Мериона Эней копье свое медное бросил,
В мужа надеясь попасть, что, прикрытый щитом, приближался.
Вовремя тот увидал и успел от копья уклониться,

16-610

Ибо нагнулся вперед, а копье длиннотенное сзади
В землю воткнулось концом, и дрожало тяжелое древко
Долго, пока не исчезла в нем бурная сила Арея.
Так из могучей руки бесполезно копье полетело
И оттого оно, в землю вонзаясь, трепетало.

16-615

Гневом Эней воспылал и крылатое слово промолвил:
"Скоро б тебя, Мерион, хотя и плясун ты проворный,
Медь укротила моя навсегда, если б только попала".
Славный метатель копья Мерион, отвечая, промолвил:
"Трудно, Эней, тебе было б, на силу твою невзирая,

16-620

Всякого жизни лишить, кто навстречу тебе устремится
С целью тебя отразить, ибо смерти, как все, ты подвластен.
Если бы я этой медью в тебя угодил посредине,
Скоро б тогда, несмотря на уверенность рук и на силу,
Мне ты дал славу, а душу – Аиду, чьи лошади резвы".

16-625

Так он сказал. И его упрекнул сын Менойтия славный:
"Будучи доблестным мужем, зачем говоришь ты все это?"

Бранною речью, мой друг, не прогонишь троянцев от труп.
Лучше кто-либо меж ними да будет повержен на землю.
Битвы решаются силою рук, а советы – речами.

16-630

Ныне не время слова умножать, ибо нужно сражаться".
Молвил и бросился в бой, а за ним и герой богоравный.
Точно в ущелье горы от работы мужей дровосеков
Стук раздаётся немолчный, на дальнее слышный пространство:
Громкий такой же тогда над пространной землею поднялся

16-635

Треск от оружия и кож и воловьих щитов округленных,
Под лезвиями мечей, под ударами копий двуострых.
Не отыскал бы тогда Сарпедона на поле сраженья
И наблюдательный муж, оттого что от пят до макушки
Весь был покрыт он стрелами, и кровью, и черною пылью.

16-640

Войско меж тем продолжало тесниться вокруг трупа, как мухи,
Что во дворе пастуха жужжат вокруг подойников полных
Вешней порою, когда молоко наполняет сосуды:
Так и герои толпились вокруг трупа царя Сарпедона.
Не отвращал и Зевес Громовержец очей своих ясных

16-645

С поля жестокого боя. Все время глядел он на битву
И про себя глубоко размышлял об убийстве Патрокла,
В мыслях колеблясь, теперь ли над трупом вождя Сарпедона,
Должен блистательный Гектор Патрокла средь сечи кровавой
Медью смирить и сорвать с его плеч дорогие доспехи,

16-650

Иль еще нужно труды увеличить и бедствия многих.
И показалось ему, размышлявшему так, наилучшим,
Чтобы отважный соратник Пелеева сына Ахилла
Войско троянцев, равно как и Гектора в медных доспехах,

К Трое обратно погнал и дыхание отнял у многих.

16-655

Гектора сердце бессильным он сделал. Тот в бегство пустился,
На колесницу вскочив, и бежать всех других побуждая,
Ибо узнал, что священные Зевса весы наклонились.
Не устояли и сильные духом ликийцы, но в бегство
Все обратились, увидев, что в сердце сражен их владыка

16-660

И среди кучи убитых лежит, ибо воинов много
Пало с тех пор, как Зевес возбудил беспощадную сечу.
С плеч Сарпедона тогда совлекли мирмидонцы доспехи,
Ярко блестящие медью. Их отдал товарищам верным
Храбрый Менойтия сын, чтоб к судам отнесли многоместным.

16-665

Зевс, облаков собиратель, в то время сказал Аполлону:
"Феб дорогой, поспеши, из-под стрел извлеки Сарпедона,
Тело его ты сначала от крови очисти почерневшей,
После речною волною обмой, перенесши далеко,
Светлой амврозией вытри, в нетленные ризы окутай,

16-670

И, наконец, передай его двум бысролетным вожатым,
Смерти и Сну – близнецам – пусть вдвоем понесут его тело
Для возвращенья народу богатому дальней Ликии.
Там погребут его братья и други, почтивши гробницей
И надмогильным столпом, то последняя почеть умершим".

16-675

Так он промолвил, и Феб не ослушался слова отцова.
Тотчас в кровавую сечу с Идейских высот он спустился,
Быстро извлек из-под стрел Сарпедона, подобного богу,
После речною волною обмыл, перенесши далеко,
Светлой амврозией вытер, окутал в нетленные ризы,

16-680

И, наконец, передал его двум быстолетным вожатым,
Смерти и Сну – близнецам, и они, его тело понесши,
Вскоре примчались к народу богатому дальней Ликии.
Тою порою Патрокл коней торопил и возницу
И за троянцами вслед и ликийцами гнался, безумный,

16-685

Сильно зато пострадавший. Послушай он слова Пелида,
Черной бы смерти он верно избег и погибельной Парки.
Только решенье Зевеса всегда над людским торжествует.
Он устрашает и храбрых, легко отнимает победу
Даже тогда, когда сам перед тем побуждал их сражаться.

16-690

Ныне в груди у Патрокла разжег он бесстрашное сердце.
Первым кого, о, Патрокл, кого умертвил ты последним,
После того как уж боги тебя предназначили к смерти?
Первым Адреста, потом Автоноя, а также Эхекла,
Сына Мегаса Перима, Эпистора и Меланиппа,

16-695

После Эласа, равно как и Мулия, вместе с Пилартом.
Их он убил, а другие о скором подумали бегстве.
Взяли б тогда аргивяне высоковоротную Трою,
Пала б она под руками и бурным оружием Патрокла,
Не сторожи Аполлон на красиво построенной башне.

16-700

Горе замыслив Патроклу, он помощь готовил троянцам.
Трижды Патрокл на выступ высокой стены порывался,
Трижды его от стены отражал Аполлон Дальновержец,
В щит его светлый три раза нетленной рукой ударяя.
Только когда он в четвертый напал, небожителю равный,

16-705

Грозно тогда закричал Дальновержец и слово промолвил:
"Прочь, о, потомок богов! Не тебе предназначено роком
Город отважных троянцев разрушить копьем своим бурным,
Ни Ахиллесу Пелиду, хоть много тебя он храбрее".
Так он сказал, и Патрокл поддался назад торопливо,

16-710

Гнева желая избегнуть далеко разящего Феба.
Гектор близ Скейских ворот удержал своих цельнокопытных
Быстрых коней, размышляя, вернуться ль в толпу и сражаться,
Иль повелеть всем троянцам собраться внутри за стеною.
Вдруг перед ним, размышлявшим, предстал Дальновержец,

16-715

Образ приняв молодого и силой цветущего мужа,
Азия, – Гектору он приходился по матери дядей,
Ибо он брат был Гекубы и сын копыеносца Димаса.
Жил в стороне он Фригийской, поблизости вод Сангарийских.
Ставши подобным ему, Аполлон, сын Зевеса, промолвил:

16-720

"Гектор, зачем уклонился от битвы? Так делать не должно.
Будь я сильнее тебя, насколько теперь я слабее,
Скоро б тогда, но печальным путем, ты покинул сражение.
Лучше направь на Патрокла коней своих твердокопытных.
Может, его одолеешь, и Феб тебе славу дарует".

16-725

Так говорил ему бог и вернулся в сражение смертных.
Гектор тогда повелел Кебриону, отважному сердцем,
В битву обратно погнать лошадей. И смятение злое
Феб Аполлон возбудил среди ахеев, в толпу их проникши,
А Приамиду и войску троянцев готовил победу.

16-730

Гектор, оставив других аргивян в стороне и не тронув,
Прямо погнал на Патрокла коней своих твердокопытных.
В свой же черед и Патрокл соскочил с колесницы на землю;
Левой сжимал он копье, а правой рукою булыжник
Белый схватил угловатый и, плотно прижавши к ладони,

16-735

Ноги расставив, швырнул, отстоя недалеко от мужа,
Не промахнулся Менойтия сын, но булыжником острым
В лоб угодил Кебриону, в то время державшему вожжи,
Гектора другу вознице, побочному сыну Приама,
Обе тот камень сорвал ему брови, и не уцелела

16-740

Кость черепная. На землю упали глаза Кебриона
Перед ногами его, и он сам с колесницы прекрасной
Вниз полетел, как пловец, и дыханье покинуло тело.
Тут, издеваясь над ним, ты, Патрокл наездник, воскликнул:
"Боги, как ловок сей муж! Как легко кувырнулся он наземь!"

16-745

Если б он то же проделал среди многорыбного моря,
Устриц ища, то наверно доставил бы лакомство многим,
Прыгая так же легко с корабля даже в бурные воды,
Как вот теперь с колесницы нырнул он в песок среди поля.
Знать и в народе троянском искусные есть водолазы!"

16-750

Так говоря, налетел он на труп Кебриона героя
С дикою яростью льва, если, скотный загон разоряя,
В грудь он стрелой поражен и по собственной гибнет отваге:
Так, свирепея, Патрокл, ты на труп налетел Кебриона.
Гектор, с своей стороны, соскочил с колесницы на землю,

16-755

И завязали герои сраженье за труп Кебриона,
Точно два льва на горе из-за лани дерутся убитой,

Оба отвагой дыша, терзаемы голодом оба:
Так и за труп Кебриона два опытных в битве героя –
Славный Патрокл, Менейтия сын, и блистательный Гектор –

16-760

Бились, друг друга стараясь задеть беспощадною медью.
Гектор за голову труп ухватил и держал неослабно,
За ноги – славный Патрокл. В то время другие троянцы
И аргвяне все вместе затеяли грозную свалку.
Точно как западный ветер и южный друг с другом столкнутся

16-765

В узком ущелье горы и на лес ополчатся дремучий,
Дубы и ясени гнут и кизил с поотвисшей корою,
И с несмолкающим шумом деревья одно об другое
Длинными хлещут ветвями и сами ломаются с треском:
Так аргивяне и мужи троянцы, бросаясь навстречу,

16-770

Смерть наносили друг другу – никто не подумал о бегстве.
Множество вокруг Кебриона воткнулося в землю двуострых
Копий и стрел оперенных, с тугой тетивы полетевших,
Множество камней больших раздробило щиты у героев,
Бившихся вокруг Кебриона, а сам во весь рост исполинский,

16-775

В туче он праха лежал, позабыв свою ловкость возницы.
Долго, покуда средь неба блестящее двигалось солнце,
Сыпались стрелы с обеих сторон и валились герои.
Но когда солнце склонилось, в тот час, как быков распрягают,
Дети ахейн, судьбе вопреки взяли верх над врагами,

16-780

Ибо они из под стрел увлекли Кебриона героя
Прочь от смятенных троянцев и с плеч его сняли доспехи.
Снова Патрокл устремился, беды замышляя троянцам.
Трижды бросался он в бой, быстроногому равный Арею,

С криком воинственным, девять мужей каждый раз убивая.

16-785

Но как в четвертый он раз налетел, небожителю равный,
Тут, о, наездник Патрокл, конец наступил твоей жизни.
Страшный в кровавом бою Аполлон тебе вышел навстречу.
Только Патрокл его не приметил в смятении битвы,
Ибо явился бессмертный, густою окутанный тучей,

16-790

Сзади он стал за героем, в широкие плечи и спину
Тяжкой ударил рукой – и в глазах у того завертелось.
Шлем с головы у Патрокла сорвал Аполлон Дальновержец,
И зазвенел под ногами коней, по земле покотившись,
Шлем с продырявленным ободом. Грива на нем загрязнилась,

16-795

Кровью покрывшись и пылью. А прежде того не бывало,
Чтоб густогривый сей шлем запятнаться и праха коснулся,
На богоравном герое Ахилле досель защищал он
Голову с дивнопрекрасным челом. А теперь, волей Зевса,
Гектор наденет его, ибо гибель была его близко.

16-800

Мигом в руках у Патрокла копьё боевое сломалось,
Медью обитое светлой, тяжелое, страшно большое.
С плеч его пояс упал и щит покрывающий мужа,
Панцирь ему развязал Аполлон Дальновержец, сын Зевса.
Разум его помутился и светлые члены ослабли.

16-805

Он, цепenea, стоял. И в то время копьем длиннотенным
В спину меж плеч поразил его сзади один из дарданцев,
Воин Эвфорб, сын Панфоя, ровесников всех затмевавший
Ног быстротой, и копьем, и ловкостью править конями,
Ибо, впервые прибыв в колеснице, войне обучаясь,

16-810

Двадцать героев с коней он на землю низверг в состязаньи.
Он то, наездник Патрокл, копьем поразил тебя первый,
Но не смирил, а назад побежал и смешался с толпою,
После того как из тела копье свое вырвал обратно.
Встречи избег он с героем Патроплом, хотя безоружным.

16-815

Сын же Менойтия, богом и острым копьем укрощенный,
Быстро к друзьям отступил, избегая губительной Парки.
Гектор, едва увидав, что Патрокл, бесстрашный душою,
Раненый острою медью, назад отступает к дружине,
Близко к нему подбежал сквозь ряды и копьем его ранил

16-820

В нижнюю часть живота – и копье пронеслось через тело.
Грохнулся наземь Патрокл к великому горю ахейн.
Точно как лев побеждает в бою неустанного вепря,
Если, отвагой дыша, на вершине горы они бились
Из-за ключа небольшого, терзаемы жаждою оба,

16-825

И торжествует могучий над запыхавшимся вепрем:
Так у могучего Менойтиада, сразившего многих,
Гектор, сын славный Приама, копьем своим отнял дыханье.
И, похваляясь пред ним, он крылатое слово промолвил:
"Ты уповал, о, Патрокл, богатый мой город разрушить,

16-830

Жен собирался троянских, лишив их сиянья свободы,
На кораблях увезти в любезную отчую землю:
О, безрассудный! За них быстроногие Гектора кони
Рвутся на бой да и сам я копьем подвигаюсь пред войском
Браннолюбивых троянцев, от наших супруг отвращая

16-835

Горькое рабство. Тебя же сожрут наши коршуны вскоре.
О, злополучный! Тебе не помог и Ахилл, столь отважный,
Он, кто наверно тебя задержал и наказывал долго:
– Не возвращаться назад, о, Патрокл, коней укротитель,
К нашим глубоким судам, перед тем как туники кровавой

16-840

Не рассечешь на груди ты у Гектора мужеубийцы, –
Так он, должно быть, сказал и уверил тебя, о, безумец!"
Изнемогая, Патрокл наездник, ему ты ответил:
"Можешь теперь похваляться. Тебе даровали победу
Зевс Олимпиец и Феб Аполлон. Без труда укротили

16-845

Боги меня и оружие с плеч моих сами сорвали.
Если бы воинов двадцать, как ты, мне навстречу предстали,
Все бы погибли на месте, моей укрощенные медью.
Но одолели меня сын Латоны и рок беспощадный,
А из героев – Эвфорб. Ты же третьим удар мне наносишь.

16-850

Но говорю я тебе, и в душе мое слово запомни:
Жить, Приамд, и тебе остается недолгое время.
Рок всемогущий и смерть пред тобою стоят уже близко.
Вскоре падешь от руки беспорочного сына Эака".
Только что слово он кончил, как смерть осенила героя.

16-855

Быстро от тела умчалась душа и в Аид опустилась,
Плача о доле своей, покидая и силу и юность.
С речью уже к мертвецу обратился блистательный Гектор:
"Ты отчего, о, Патрокл, пророчишь мне черную гибель?
Кто еще знает, не сын ли Фетиды прекрасноволосой

16-860

Раньше испустит дыханье, моим укрощенный оружием?"
Так говоря и на тело ногой наступив, он из раны
Вырвал обратно копье и труп опрокинулся навзничь.
После с копьем устремился на Автомедона, чтоб ранить
Равного богу возницу Ахилла, Эакова внука.

16-865

Только того уж умчали бессмертные быстрые кони,
Те, что Пелею царю подарили блаженные боги.

* * *

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ Подвиги Менелая

Не утаилось от глаз Менелая, любимца Арея,
Что под оружием троянцев Патрокл убит среди сечи.
Яркою медью одет, из переднего ряда он вышел
И зашагал вокруг тела, как matka, родивши впервые,
С жалобным ходит мычаньем вокруг телки своей первородной:

17-5

Так вокруг тела Патрокла шагал Менелай русокудрый,
Выставив грозно копье и щит равномерно округлый,
Смертью тому угрожая, кто первый к нему подошел бы.
Но и Панфоя воинственный сын, копьеносец искусный,
Не позабыл о Патрокле, сраженном бойце благородном.

17-10

Ставши вблизи, он сказал Менелаю, любимцу Арея:
"Зевса питомец, Атрид Менелай, о, владыка народов,
Прочь! Ты оставь мертвеца, дай кровавые снять мне доспехи,
Ибо никто из троянцев, никто из союзников славных
Раньше, чем я, не ударил Патрокла копьем среди сечи.

17-15

И оттого не препятствуй добыть мне великую славу.
Иль попаду и в тебя и лишу тебя сладостной жизни".

Тяжко вздохнувши ему отвечал Менелай русокудрый:
"Отче Зевес! Не пристойно с таким похваляться бесстыдством!
Так леопард не бывает надменен. Ни лев пышногривый,

17-20

Ни замышляющий гибель кабан, кто в бестрепетном сердце
Больше, чем прочие звери, великою силой гордится,
Как о себе копыеносцы Панфоевы дети возмнили.
Но насладился недолго смиритель коней Гиперенор
Силой и юностью, после того как пошел мне навстречу

17-25

И надо мною глумился, твердя, что из всех я данайцев
Самый трусливый воитель. Домой не придет он, надеюсь,
Чтоб дорогую жену и родителей милых утешить.
Так усмирю я и силу твою, если будешь с оружием
Ждать предо мною. Совет мой – назад удались поскорее,

17-30

Скройся в толпу. Не упорствуй, не стой предо мною, покуда
Не заплатишь. Глупец познает только то, что свершилось".
Так он сказал. Панфоид не послушал совета и молвил:
"Сам, о, питомец Зевеса, заплатишься ныне за гибель
Брата, кого умертвил у меня и чьей смертью хвалишься,

17-35

Ты, кто супругу его в тишине новозданного дома
Сделал вдовой, а родителям грусть причинил и стенанья.
Верно, большую отраду доставлю несчастным в их горе,
Если, твоей овладев головой и доспехами брани,
В руки отдам их Панфою и богоподобной Фронтиде.

17-40

Дай же, скорей испытаем работу тяжелую боя,
Пусть для меня и тебя он победу решает иль бегство".
Так говоря, Менелая ударил он в щит округленный.
Медь не пробив, острие над щитом его твердым погнулось.

Тотчас за ним Менелай устремился, любимец Арея,

17-45

С медным копьем, воссылая молитву Зевесу Кронида,
И отступавшему мужу попал в основание глотки,
Сам поналег на копье, своей тяжелой руке доверяясь.
Нежную шею Евфорба насквозь острие пронизало.
Шумно он грохнулся в прах, и доспехи на нем загремели,

17-50

Волосы кровью покрылись, подобные кудрям хариты,
Золотом и серебром перевитые локоны пышно.
Точно садовник лелеет побег плодоносной оливы
В месте укромном, где бьет в изобилии вода ключевая;
Пышная ветвь зеленеет и белым осыпана цветом,

17-55

В разные стороны гнется под нежным дыханием ветра;
Вдруг ураган налетает с внезапной бурей великой
И деревцо вырывает из ямы и наземь бросает:
Так и Панфоева сына, метателя копий Эвфорба,
Храбрый убил Менелай и его обнажил от доспехов.

17-60

Точно как лев, обитатель холмов, полагаясь на силу,
В мирно пасущемся стаде тучнейшую схватит корову;
Крепко зубами держа, он сперва раздробит ей затылок,
После ее растерзает и кровь, и утробу проглотит;
Вкруг же него пастухи и собаки, стерегшие стадо,

17-65

Издали крик поднимают и лай, но никто не дерзает
Близко к нему подойти, обуянные ужасом бледным:
Так никого меж троянцами сердце в груди не подвигло
Близко тогда подступить к Менелаю, покрытому славой.
Тут бы легко сын Атрея доспехи унес Панфоиды,

17-70

Если б к нему Аполлон не почувствовал зависти в сердце.
Гектора в бой побудил он, Арею подобного мужа,
Смертного образ приняв, полководца киконян Ментеса.
Он, обратясь к Приамиду, крылатое слово промолвил:
"Гектор, куда ты стремишься, за недостижимым погнавшись,

17-75

За лошадьми Эакида героя? Да людям-то смертным
Этих коней не легко укрощать, ни впрягать в колесницу,
Всякому, кроме Ахилла, дитяти бессмертной богини.
Сын же Атрея меж тем, вокруг тела Патрокла шагая,
Острою медью убил из троянцев храбрейшего мужа,

17-80

Сына Панфоя Евфорба и битву заставил покинуть".
Слово окончив, бессмертный вернулся в сражение смертных.
Гектора мрачную душу окутало страшное горе.
Он по рядам оглянулся и тотчас увидел Атрида,
Как он доспехи снимал с Панфоида, лежащего в прахе.

17-85

Черная кровь на песок из зияющей раны струилась.
Гектор из ряда передних, сверкая оружием, вышел,
Зычно крича, на бушующий пламень Гефеста похожий.
И не укрылся от взора Атрида взывающий Гектор.
Тяжко вздохнув, к своему обратился он храброму сердцу:

17-90

"Горе мне! Если я кину прекрасные эти доспехи,
Если оставлю Патрокла, кто пал, мою честь защищая,
Как бы, увидев, не стал порицать меня кто из ахеян.
Если ж, укоров стыдясь, я троянцев и Гектора встречу,
Как бы меня, одного обступив, их толпа не убила,

17-95

Ибо все войско троянцев ведет шлемовеющий Гектор.
Только зачем я всем этим тревожу любезное сердце?
Муж, кто без помощи бога желает сразиться с героем,
Богу любезным, себя обрекает на верную гибель.
Вот отчего аргивяне меня не осудят, увидев,

17-100

Что отступаю пред Гектором: с помощью бога он бьется.
Если б мне голос услышать Аякса, отважного сердцем,
Оба мы вместе пошли б и подумали б снова про битву.
Труп и без помощи бога, быть может, увлечь удалось бы
И передать Ахиллесу: то было б из зол наименьшим".

17-105

Но между тем как он это обдумывал в мыслях и в сердце,
Близко ряды подоспели троянцев – предшествовал Гектор.
И Менелай отступил, удалился от тела Патрокла,
Часто назад озираясь, как будто бы лев пышногривый,
Если собаки и люди его отразят от загона

17-110

Криком и множеством копий; от страха в груди его мощной
Сердце сожмется, и нехотя он со двора отступает:
Так отступал Менелай русокудрый от тела Патрокла.
Только достигнув дружины, он стал и лицом обернулся,
Всюду Аякса ища, Теламонова сына большого.

17-115

Вскоре его увидал он по левую сторону боя.
Верных друзей ободрял и в сражение вел Теламонид,
Ибо вдохнул Аполлон в сердца их божественный ужас.
Царь Менелай побежал и, приблизясь к Аяксу, промолвил:
"Милый, за мной! Поспешим вокруг умершего биться Патрокла!

17-120

Труп нам удастся, быть может, снести к Ахиллесу Пелиду,
Хоть обнаженный: доспехи совлек шлемовеющий Гектор".
Так говоря, взволновал он Аякса могучего сердце.
Вышел к бойцам он передним, а с ним Менелай русокудрый.
Гектор Патрокла тащил, обнажив от прекрасных доспехов;

17-125

Голову с плеч он хотел отрубить заостренной медью
И поволочь его тело и бросить троянским собакам.
Близко Аякс подошел и уставил свой щит, словно башню
Гектор назад отступил и в толпу удалился троянцев.
Сам в колесницу вступил, а доспехи вручил он дружине,

17-130

В город велел отнести их, себе на великую славу.
Менойтиада широким щитом приукрыл Теламонид,
Стал перед ним, как стоит, закрывая детенышей, львица,
Если детенышей глупых выводит гулять и среди леса
Встретит охотников вдруг и, на силу свою полагаясь,

17-135

Кожу наморщит на лбу и прикроет глаза горделиво:
Так перед мертвым Патроком стоял Теламонид великий.
Рядом, с другой стороны, сын Атрея, любезный Арею,
Стал Менелай русокудрый, терзаемый скорбью великой.
Главк, Гипполоха дитя, предводитель героев ликийских,

17-140

На Приаида взглянул исподлобья и гневно промолвил:
"Гектор, по виду герой, но в бою уступающий многим!
Так-то тебя беглеца незаслуженно слава венчает.
С этого дня позаботься свой город спасти и твердыню
Сам, во главе выступая мужей, в Илионе рожденных.

17-145

Ибо никто из ликийн отныне бороться не станет
Против данайцев за город. Без устали вечно сражайся

С храброй толпою врагов – благодарности здесь не увидишь.
Как, о, несчастный, спасешь ты в сражении мужа простого,
Если царя Сарпедона, товарища, также и гостя,

17-150

Так малодушно покинул данайцам в корысть и добычу?
Был он при жизни во многом тебе и всей Трое полезен,
Ты ж не дерзнул помешать, чтоб он мертвый был брошен собакам.
Кто из ликийских мужей мне послушен теперь, как и прежде,
Тот отправляйся домой, и да снидет погибель на Трою!

17-155

Будь лишь в сердцах у троянцев жива дерзновенная сила,
Чуждая страха отвага, какая присуща героям,
Кто за отчизну подьмет труды боевые с врагами,
Мы бы еще и теперь в Илион утащили Патрокла.
Если б могли мы его из смятения битвы похитить,

17-160

Если бы этот мертвец очутился в твердыне Приама,
Скоро б вернули ахейцы доспехи царя Сарпедона,
Да и его самого в Илион мы доставили б скоро,
Ибо лежит здесь соратник того, кто считается первым
Средь аргивян пред судами, он сам, а равно его слуги.

17-165

Только Аякса большого, отважного сердцем героя,
Ты дожидаться не смел, лишь в бою увидал его очи,
С ним воевать не дерзнул, оттого что он много сильнее".
И шлемовеющий Гектор, взглянув исподлобья, ответил:
"Главк, ты всегда столь разумный, зачем говоришь так надменно?"

17-170

Боги! Тебя постоянно по мудрости ставил я выше
Воинов всех остальных, в плодородной Ликии живущих.
Ныне же сильно тебя порицаю за то, что сказал мне,
Будто я выждать боялся огромного ростом Аякса.

Нет, утратить меня трудно сраженьем и топотом конским..

17-175

Только решенье Зевеса всегда над людским торжествует,
Он устрашает и храбрых, легко отнимая победу
Даже у тех, кого сам перед тем побуждает сражаться.
Лучше, о, милый, со мной становись и на деле увидишь,
Весь ли я нынешний день, как сказал ты, пребуду бессильным,

17-180

Или кого из данайцев, хотя бы отважного сердцем,
Битву заставлю покинуть вокруг мертвого тела Патрокла".
Так говоря, он троянцам пронзительным голосом крикнул:
"Други дардане, ликийцы, бойцы рукопашные Трои!
Будьте мужами теперь, помышляйте о бранной отваге.

17-185

Бейтесь, пока облекусь в дорогие доспехи Ахилла,
В те, что сегодня сорвал с умерщвленного мною Патрокла".
Так громогласно воскликнув, ушел шлемовеющий Гектор
Прочь от погибельной битвы и, легким ногам доверяясь,
Быстро пустился бежать и друзей недалеко настигнул,

17-190

Несших с собой в Илион дорогое оружие Пелида.
Там обменял он доспехи, вдали от плачевного боя.
Войнолюбивым троянцам вручил он свои, чтоб в священный
Их отнесли Илион, и в нетленные сам облачился
Латы Ахилла Пелида, что встарь небожители боги

17-195

Дали владыке Пелею, а старец передал их сыну,
Но не состарился сын в знаменитых доспехах отцовских.
Зевс, облаков собиратель, увидел вдали от сраженья,
Как Приамид облачился в доспехи Ахилла Пелида
И, покачав головой, Олимпиец сказал в своем сердце:

17-200

"О, злополучный! В душе твоей нет еще мысли о смерти,
Близко стоящей. Теперь надеваешь нетленные латы
Мужа, великого силой, пред кем все другие трепещут.
Ты же убил его друга, отважного, кроткого сердцем,
И с головы самовольно и с плеч все похитил доспехи.

17-205

Только сегодня тебе я дарую большую победу –
Во искупление того, что не снимет с тебя Андромаха
Славных доспехов Пелида, что к ней не вернешься из битвы".
Молвил и в знак обещания темными двинул бровями.
Гектор меж тем облачился – доспехи пришлись ему к телу.

17-210

Бурный Арей, ненасытный в бою, овладел его сердцем,
Все его члены внутри преисполнились мощи великой.
Громко крича, подошел он к дружинам союзников славных
И показался им в светлых доспехах героем Пелидом.
Всех обходя, Приамид уговаривал каждого мужа,

17-215

Местлеса, Главка, Медона, равно как бойца Ферсилоха,
Астеропея, равно как Дизенора и Гиппофоя,
Фаркса, Хромия, птицегадателя также Эннома.
Всех побуждая сражаться, он слово крылатое молвил:
"Слушайте, сотни племен союзников наших соседних!

17-220

Не за количеством гнался я и не многолюдства искал я,
Каждого из городов населенных сюда призывая,
Только затем, чтоб троянских супруг и детей малолетних
Вы защищали усердно от браннолюбивых данайцев.
В этой надежде троянский народ истощаю дарами

17-225

И пропитаньем для вас, чтобы вашу поддерживать храбрость.
Пусть же бестрепетно каждый лицом обратится к данайцам,
Чтобы спастись или пасть: такова неизбежность сраженья.
Кто же Патрокла, уже умерщвленного мною, доставит
Храбрым наездникам Трои, прогнав Теламонова сына,

17-230

Тот половину получит добычи, а я ограничусь
Только другою, и будет со мною он славою равен".
Так он сказал, и они на ахеян пошли, угрожая,
Копья высоко подняв, ибо сильно надеялись в сердце
Тело увлечь из-под рук Теламонова сына Аякса.

17-235

Глупые! Сам он у многих похитил дыхание жизни.
Слово промолвил Аякс Менелаю, отважному в битвах:
"О, дорогой Менелай, сын Атрея, питомец Зевеса,
Больше теперь не надеюсь, что сами из боя вернемся
Не опасаясь я столько за тело Патрокла героя,

17-240

Как бы троянских собак и птиц не насытил он вскоре,
Как о своей голове беспокоюсь, чтоб не пострадала,
И о твоей. Ибо облаком битвы кругом нас окутал
Гектор, и скорая гибель со всех нас сторон окружает.
Но попытайся, оклихни храбрейших; быть может, услышат".

17-245

Так он сказал, Менелай не ослушался в битвах отважный,
Голосом зычным воскликнул, взывая к данайским героям:
"Милые друзья! Вожди и советники войска ахеян,
Все, кто Атридам служа, Агамемнону и Менелаю,
Пьет за общественный счет и начальствует каждый над войском,

17-250

Все, кому слава и почесть дарованы Зевсом Кронидом!
Трудно теперь отыскать мне в отдельности каждого мужа:
Так далеко распростерся губительный пламень сраженья.
Всяк да является сам и в душе негодует при виде,
Как достается Патрокл в забаву троянским собакам".

17-255

Так он промолвил, и чуткий услышал Аякс Оилеев.
Первый на зов поспешил он, спеша чрез смятение битвы.
Идоменей прибежал вслед за ним и его сотоварищ
Вождь Мерион, Эниалию мужеубийце подобный.
Но остальных полководцев кто мог бы припомнить прозванья,

17-260

Всех аргивян, кто потом в беспощадной участвовал битве?
Войско троянцев сомкнулось и ринулось, – первым шел Гектор.
Точно как в устье реки, отягченной дождями Зевеса,
Яростно хлещет прилив, направляясь теченью навстречу,
Стонут прибрежные скалы под хлынувшей влагой соленой:

17-265

С шумом подобным троянцы пошли на врагов. Но ахейцы
Все обступили Патрокла, исполнены равной отваги,
Тело кругом ограждая щитами, покрытыми медью.
Темную тучу Зевес распростер вокруг их шлемов блестящих.
Не был Менойтия сын и при жизни ему ненавистен,

17-270

В прежнее время, когда он соратником был Ахиллеса.
И не стерпел Олимпиец, чтоб лютым троянским собакам
В пищу достался Патрокл: друзей устремил он на помощь.
Стали вначале троянцы теснить быстрооких данайцев.
Страхом объаты, ахейцы покинули тело Патрокла,

17-275

Но никого не убили троянцы, хоть сильно желали,
Только похитили труп. И недолго вдали от Патрокла

Грекам пришлось ожидать, ибо скоро Аякс Теламонид
Войско врагов отразил, – он, по виду и подвигам бранным
Первый из всех аргивян, после славного сына Пелея.

17-280

Мимо передних бойцов он вперед устремился, похожий
Мощью на дикого вепря, который легко разгоняет
Юношей сильных и псов, обернувшись в ущелии тесном:
Также легко и Аякс, блистательный сын Теламона,
Между рядами прошел и рассеял фаланги троянцев

17-285

Всех, окружавших Патрокла и сильно в душе уповавших
В город его отнести и покрыться великою славой.
Лефа Пелазга блистательный сын, Гиппофой благородный
За ногу тело уже волочил средь смятения битвы,
Крепко ремнем привязавши его за пята вокруг мышцы,

17-290

Радую сердце троянцев и Гектора. Только приспела
Вскоре беда, и никто не помог, несмотря на желанье.
Сын Теламона Аякс чрез толпу налетел на героя
И поразил его близко по медноланитному шлему.
Надвое шлем густогривый вокруг острия раскололся,

17-295

Длинным копьем пораженный, что пущено мощной рукою,
И окровавленный мозг вдоль копья устремился из раны.
В то же мгновение сила покинула члены троянца.
Ногу Патрокла героя из рук уронил он на землю,
Сам близ Аякса лицом повалился на мертвое тело,

17-300

От плодородной Лариссы далеко, родителей милых
Не наградив за труды воспитания, ибо недолгий
Прожил он век, усмирленный копьем Теламонова сына.
Гектор тогда на Аякса блестящим копьем замахнулся,

Тот же, в лицо его видя, слегка от копья уклонился.

17-305

В Схедия Гектор попал, благородного сына Ифита,
В первого мужа средь войска фокейцев. Он жил в Панопее.,
Городе славном, и властно царил над великим народом.
Гектор навывлет его поразил под серединой ключицы;
Медный конец остря из плеча показался наружу.

17-310

Шумно он грохнулся в прах, и доспехи на нем загремели.
В свой же черед Теламонид ударил в живот посредине
Форкиса, сына Феноса, стерегшего труп Гиппофоя.
Выпуклость панциря пробил медь и рассекла утробу.
Тотчас он в прах повалился, ладонями землю хватая.

17-315

И отступили Троянцы с блистательным Гектором вместе.
С криком тогда аргивяне тела утащили убитых
Форкиса и Гиппофоя и с плеч их оружие сняли.
Тут бы троянская рать, пораженная слабостью духа,
Бросилась вверх в Илион от данайцев, любимых Ареем,

17-320

Ибо герои ахейцы и против решенья Зевеса,
Славу себе добывали отвагой и собственной силой,
Но Аполлон побудил в это время к сраженью Энея,
Образ приняв Перифаса глашатая, сына Эпита,
Кто при отце его старом всю жизнь был глашатаем мудрым.

17-325

Ставши подобным ему, Аполлон, сын Зевеса, промолвил:
"Разве, Эней, вы доньше спасли бы высокую Трою
Против желанья бога? Хоть видел я прежде героев,
Что полагались в боях на свою лишь отвагу и силу,
Лишь на дружину свою, даже малое войско имеа.

17-330

Вам же и Зевс Олимпиец охотней желает победу,
Чем аргивянам. Вы сами дрожите и в бой не идете".
Так он сказал. И Эней, посмотревши в лицо Аполлону,
Бога узнал Дальновержца. И громко он Гектору крикнул:
"Гектор и все полководцы троянских дружин и союзных!

17-325

Будет позором, когда от данайцев, любимых Ареем,
Бросимся вверх в Илион, пораженные слабостью духа.
Ныне к тому же предстал мне один из богов и уверил,
Что промыслитель верховный Зевес нам заступником будет.
Дайте ж, ударим на храбрых данайцев! Пусть тело Патрокла

17-340

Не без борьбы унесут аргивяне к судам быстроходным".
Так он сказал и вперед из переднего ринулся ряда.
И обернулись троянцы и стали лицом к аргивянам.
Тою порою Эней поражает копьем Леокрита,
Храброго друга вождя Ликомеда, дитя Эрисбаса.

17-345

Жалость в душе ощутил Ликомед, увидав его гибель,
Близко к врагам подошел и блестящим копьем замахнулся
И Гиппасида сразил Аписаона, пастыря войска,
В печень, внизу от грудной перепонки, и члены расслабил.
Из плодородной земли Пэонийской пришедши под Трою,

17-350

Первым считался он после могучего Астеропея.
Жалость почувствовал Астеропей, увидав его гибель,
И устремился вперед, желая с врагами сразиться,
Только пробиться не мог, оттого что, прикрывшись щитами,
Длинные копья уставив, они окружали Патрокла.

17-355

Всех обходил Теламонид и громко давал приказанья.
Он убеждал от убитого не отступать полководца,
Также вперед не кидаться в сраженье, отдельно от прочих,
Но неотступно вокруг тела ходить и сражаться толпою.
Так повелел им Аякс исполинский. Пурпуровой кровью

17-360

Вкруг обагрилась земля, и тесною кучей лежали
Трупы троянцев, союзников гордых, а также ахейн.
Не без кровавых потерь и ахейцы в то время сражались,
Все ж они в меньшем числе погибали, о том помышляя,
Как бы в толпе отклонить друг от друга грозящую гибель.

17-365

Так воевали герои, бушуя, как яркое пламя.
Ты бы подумал тогда, что и солнце погасло и месяц:
Черная туча такая разлилась над местом сраженья,
Где, окружая Патрокла, стояли храбрейшие мужи.
Все остальные троянцы и дети ахейн свободно

17-370

Бились под небом открытым. Сияло палящее солнце,
И не виднелось тучки нигде над землей и горами.
Бились они с передышкой, держась друг от друга далеко,
И уклоняясь взаимно от стрел, причиняющих стоны.
Те же, что были в середине, страдали от мрака и битвы.

17-375

Даже храбрейших героев тяжелая медь удручала.
Двое вождей знаменитых, боец Фразимед с Антилохом,
Стоя отдельно от прочих, еще не услышали вести,
Что беспорочный Патрокл свалился. Они полагали,
Что невредимый он бьется с передней толпою троянцев.

17-380

Оба сражались вдали и от верных друзей отклоняли
Бегство и смерть, повинясь тому, что наказывал Нестор
Прежде, когда он войска побуждал перед флотом сражаться.
Так продолжалась весь день роковая, великая битва.
От напряженья и пота колени и голени млели,

17-385

Ноги сгибались внизу, а глаза и могучие руки
Были забрызганы кровью у воинов всех, что сражались
Над благородным слугой быстроногого внука Эака.
Точно как шкуру с большого быка, насыщенную жиром,
Муж доверяет рабам и велит растянуть ее ровно;

17-390

Те же становятся в круг и в различные стороны тянут;
Влага выходит из кожи, а жир проникает в средину,
И от усилия всех раздается она равномерно:
Так и троянцы и греки тянули на малом пространстве
Тело туда и сюда. Троянцы в душе уповали

17-395

В Трою его утащить, аргивяне – к судам многоместным.
Грозно кругом раздавалось смятение бурного боя.
Не осудили б Арей, подстрекатель мужей, ни Афина,
Битвы подобной, хотя бы глядели, исполнены гнева.
Столь беспощадную схватку в тот день над умершим Патроклом

17-400

Зевс возбудил Олимпиец, мужей и коней утруждая.
Сын же Пелея о смерти Патрокла еще не проведал:
Войско вдали от судов, под стенами троянцев, сражалось.
Не опасался Пелид, что любезный товарищ погибнет,
Но полагал, что от вражбых ворот невредимый вернется.

17-405

Также не знал Ахиллес, что Менойтия сын благородный
Трою разрушит один без него, или с ним совокупно.

Часто, вдвоем оставаясь, от матери это он слышал,
Тайно ему возвещавшей решенья верховного Зевса.
Но умолчала она о великом несчастье грозившем,

17-410

Не объявила, что должен милейший товарищ погибнуть.
А воевавшие мужи, подняв заостренные копья,
К трупам все ближе теснились и в давке рубили друг друга.
То возгласит кто-нибудь из ахейских мужей меднобронных:
"Други! Бесславием было б вернуться к судам углубленным."

17-415

Раньше сырая земля да расступится здесь перед всеми!
Лучше для нас это будет, чем если мы тело Патрокла
Ныне дозволим троянцам, коней укротителям резвым,
В город с собой утащить и покрыться великою славой".
В свой же черед кто-нибудь из отважных троянцев промолвит:

17-420

"Други! Хотя б суждено из-за этого мужа погибнуть
Нам до последнего всем, пусть никто не покинет сраженья!"
Так говорил то один, то другой, ободряя дружину.
Бой продолжался, как прежде, и от ударов железных
Звон через воздух пустынный до медных небес поднимался.

17-425

Кони меж тем Эакида, вдали от сражения стоя,
Плакали, как увидели, что их благородный возница
Рухнул во прах под оружием Гектора мужеубийцы.
Доблестный Автомедон, от Диора владыки рожденный,
Их понукал безуспешно, проворным бичом ударяя,

17-430

И обращаясь к обоим, то с ласковой речью, то с бранью.
Ни к мореходным судам, на широкий простор Геллеспонта,
Кони идти не желали, ни в битву назад к аргивянам,
Но на подобье того, как стоит неподвижной колонна,

Если ее возведут над могилой жены или мужа,

17-435

Так с колесницей прекрасной и кони стояли недвижно,
Головы долу повесив. С ресниц их горячие слезы
Лились на землю в песок, от тоски по вознице убитым.
Пышные гривы коней вдоль ярма из ошейников пали
Наземь с обеих сторон и черной землей загрязнились.

17-440

Плачущих видя коней, Олимпиец почувствовал жалость
И покачал головою, и в собственном сердце промолвил:
"О, горемычные кони! Зачем мы вас дали владыке
Смертному мужу Пелею – бессмертных и старости чуждых!
Разве затем, чтоб и вы среди людей злополучных страдали?"

17-445

Нет на земле существа злополучнее смертного мужа
Среди многочисленных тварей, что дышат и ползают в прахе.
Но никогда не позволю, чтоб к вам Приамид прикоснулся,
Чтобы на вашу поднялся узорную он колесницу.
Иль не довольно с него, что оружием, кичась, он владеет?"

17-450

Вам же в колени и в сердце вдохну непомерную силу,
Автомедона свезти помогу из сражения к флоту.
Ибо еще предоставить намерен я славу троянцам.
Пусть убивают, пока не подступят к судам быстроходным,
Солнце пока не зайдет и священный не спустится сумрак".

17-455

Так произнесши, в коней он вдохнул благородную силу.
Кони помчались и с грив своих пыль оттряхнули на землю,
С легкой летя колесницей среди аргивян и троянцев.
Автомедон, уносимый конями, скорбя о Патрокле,
Ринулся в бой, как на стадо гусей устремляется коршун.

17-460

Он удалился легко из середины смятенных троянцев
И на густые ряды налетел, их преследуя быстро.
Но, за врагами гоняясь, из них никого не убил он,
Ибо не мог в то же время, один находясь в колеснице,
Медное бросить копьё и коней удержать быстроногих.

17-465

Вскоре его среди боя увидел товарищ любезный,
Алкимедон, сын Лаерка, могучего сына Эмона.
Став позади колесницы, он Автомедону промолвил:
"Автомедон, кто, скажи, из бессмертных вдохнул тебе в сердце
Этот совет безрассудный и ясный твой разум похитил?"

17-470

Против троянцев один как в передней толпе ты воюешь?
Ибо сражен твой товарищ; доспехи ж Эакова внука
Гектор забрал Приамид и на плечи надел, горделивый".
Автомедон отвечал, от Диора владыки рожденный:
"Алкимедон, кто искусней тебя из Ахейн сумеет

17-475

Этих бессмертных коней погонять и обуздывать в битве?
Разве при жизни Патрокл, по мудрости равный с богами!
Только теперь он лежит, настигнут судьбою и смертью.
Что же, возьми поскорее и бич, и блестящие вожжи,
Я же сойду с колесницы и буду с врагами сражаться".

17-480

Так он сказал. И немедля, на бранную став колесницу,
Алкимедон принимает и бич и блестящие вожжи.
Автомедон же спустился. Узрел их блистательный Гектор
И, обращаясь к Энею, стоящему близко, промолвил:
"О, достославный Эней, меднобронных троянцев советник!

17-485

Вижу вдали я коней быстроногого внука Эака,
Вновь появившихся в битве, но с ними – плохие возницы.
Я бы надеялся их отобрать, если ты пожелаешь.
Вряд ли дерзнули б они, если оба мы кинемся в битву,
С нами лицом повстречаться и силой Арея сразиться".

17-490

Так он сказал. Не ослушался сын благородный Анхиза.
Оба вперед устремились, покрывши могучие плечи
Крепкою кожей сухой, обильно украшенной медью.
С ними же вместе пошли и Арет боговидный и Хромий,
Ибо надеялись в сердце убить полководцев ахейских

17-495

И захватить крутошеих коней Эакида, – безумцы!
Не без кровавой потери вернуться от Автомедона
Было самим суждено. Тот Зевесу отцу помолился,
И омраченное сердце наполнили мощь и отвага.
К Алкомедону тогда обратился он, к верному другу:

17-500

"Алкимедон, ты держи лошадей от меня недалеко,
Пусть они дышат за самой моею спиною вплотную.
Ибо свирепствовать Гектор, боюсь, перестанет не раньше,
Чем оседлает коней пышногривых Пелеева сына,
Нас умертвит и рассеет ряды аргивян меднобронных,

17-505

Или же сам меж бойцами передними в плен попадетесь".
Так говоря, он Аяков позвал, а равно Менелая:
"О, полководцы данайцев, Аяксы и ты сын Атрея,
Тело другим поручите, кого похрабрее найдете,
Пусть они ходят вокруг трупа, фаланги врагов отражая,

17-510

Вы же от нас от живых отвратите грозящую гибель,
Ибо средь битвы плачевной на нас устремиться готовы
Гектор, а также Эней, из троянцев храбрейшие мужи.
Только грядущее скрыто на лоне богов Олимпийцев.
Брошу покуда копье. А Зевес да печется о прочем".

17-515

Так говоря, он с размаха копье длиннотенное бросил
И поразил им Арета в блистательный щит округленный.
Не воспрепятствовал щит, но насквозь его медь пронизала.
В нижнюю часть живота, через пояс, вогнал он оружие.
Точно как юноша сильный, поднявши топор заостренный,

17-520

Сзади промежду рогов степного быка ударяет
И рассекает всю жилу, и тот, привскочив, оседает:
Так, привскочив, и он навзничь свалился. Копье же в утробе
Острым концом трепетало, и члены сковало герою.
В свой же черед Приамид замахнулся на Автомедона.

17-525

Тот же, в лицо его видя, успел от копья уклониться,
Ибо нагнулся вперед. А копье длиннотенное сзади
В землю воткнулось концом и верхнею частью дрожало
Долго, пока не исчезла в нем бурная сила Арея.
Тою порой на мечях они близко бы стали рубиться,

17-530

Не разлучи их Аяксы, горевшие жаждою битвы.
Окрик товарища слыша, они чрез толпу поспешили.
И ужаснулись невольно, и вспять отступили к дружине
Гектор с Энеем, равно как и Хромий, герой боговидный,
Тело Арета оставив лежать, хоть скорбя о нем сердцем.

17-535

Автомедон же, по храбрости бурному равный Арею,
Труп обнажил от доспехов и слово сказал, похваляясь:

"Ныне, по истине, сердце слегка облегчил я от скорби
По умерщвленном Патрокле, хоть воина ранил похуже".
Молвил и, на колесницу кровавые бросив доспехи,

17-540

Сам он, от рук и до ног весь забрызганный кровью, поднялся,
Точно как лев кровожадный, недавно быка разодравший.
Снова тогда вокруг Патрокла раскинулся бой беспощадный,
Бой многослезный, жестокий. Тот бой возбудила Афина,
С неба сошедши. Послал ее Зевс, в отдаленьи гремящий,

17-545

Чтоб аргивян ободрила: решенье его изменилось.
Точно как если Зевес многоцветную радугу с неба
Перед людьми простирает, да служит им знаменьем брани
Или жестокой зимы, что людей на земле заставляет
Бросить работы везде и стада повергает в унынье:

17-550

Столь же блестящею тучей окутав себя, к аргивянам
Входит богиня в толпу, побуждая там каждого мужа,
Фениксу ставши подобная видом, и голосом звонким,
Прежде всего она обратилась к Атриду,
Пастырю войск Менелая – он ближе стоял, чем другие:

17-555

"О, Менелай, для тебя же стыдом и бесславием будет,
Ежели верного друга Ахилла, покрытого славой,
Здесь, под стеною троянцев, проворные псы растерзают.
Но непреклонно держись, побуждая к сраженью и прочих".
И, отвечая, сказал Менелай, среди боя отважный:

17-560

"Феникс, родимый, герой престарелый! О, если б Афина
Силу дала и неистовство стрел от меня отклонила!
Я бы охотно тогда заступился в бою за Патрокла,
Ибо он смертью своей поразил мое сердце глубоко.

Ныне же Гектор бушует, по силе огню уподобясь,

17-565

Не устает убивать, ибо Зевс даровал ему славу".
Так он промолвил. И радость в душе ощутила богиня,
Что между всеми богами к ней первой воззвал он с мольбою.
В плечи ему и колени вдохнула великую силу,
В грудь же и в сердце ему дерзновение мухи вселила:

17-570

Сколько ее ни гони, она снова садится на кожу
И продолжает кусать: так приятна ей кровь человека.
Мрачное сердце Атрида подобным зажглось дерзновеньем.
К телу Патрокла вернувшись, он светлым копьем замахнулся.
Был меж троянцами некий Подес, милый сын Этиона,

17-575

Муж и богатый и храбрый. Любил его больше всех граждан
Гектор: ему сотрапезником был он и другом любезным.
В бегство Подес обратился, но тут Менелай русокудрый
В пояс его поразил, и копье проскочило навывлет.
Шумно он грохнулся наземь. Тогда Менелай, сын Атрея,

17-580

Быстро к толпе аргивян поволок его труп от троянцев.
Гектора тою порой ободрял Аполлон Дальновержец,
Близко представ, уподобясь вождю Азиаду Фенопсу,
Из Абидоса, где жил, из гостей ему всех был дороже.
Ставши подобным ему, Аполлон Дальновержец промолвил:

17-585

"Гектор! Отныне кто станет бояться тебя из ахеян?
Пред Менелаем бежал ты, который доселе считался
Воином слабым. Теперь он один удалился, похитив
Труп у троянцев и друга убив твоего дорогого,
Славу передних бойцов, Подеса, дитя Этиона!

17-590

Молвил, и черная туча печали окутала мужа.
Яркою медью одет, он прошел меж передних героев.
Зевс той порою эгиду блестящую взял с бахромами,
Тучу сгустил на Идейской вершине и молнию бросил,
Громко с высот загремел и эгидой потряс над землею,

17-595

Славу даруя троянцам и ужас вселяя в данайцев,
Первый из битвы пустился бежать Пенелей беотиец.
Грудью к врагам обращен, он копьем неопасно был ранен
Сверху у края плеча. Лишь до кости прошло, оцарапав,
Полидамаса копье, хоть поблизости брошено было.

17-600

Гектор Леита ударил и, руку поранив близ кисти,
Электрионова сына заставил покинуть сражение.
Тот побежал, озираясь. Уж он не надеялся больше
Брать в свои руки копье и сражаться с троянцами в поле.
Идоменей Приамида, как тот за Леитом погнался,

17-605

В грудь, по блестящей броне, от сосца недалеко, ударил.
Древко сломалось близ меди, – и крикнули громко троянцы.
В Идоменей и Гектор направил копье, в Девкалида,
Вставшего на колесницу. Но медь уклонилась немного
И поразила Керана, возницу вождя Мериона,

17-610

Кто с Мерионом приплыл, многолюдный покинувши Ликтос.
(Идоменей от судов равномерных отправился пеший.
Он бы, наверно, троянцам доставил великую славу,
Если б Керан вслед за ним лошадей не погнал быстроногих.
Этом он спас Девкалида, от дня рокового избавил,

17-615

Сам же погиб от оружия Гектора мужеубийцы).
Ранил его сын Приама под челюстью, близко от уха.
Вышибло зубы копье и рассекло язык по середине.
Пал с колесницы он в прах, по земле разметались вожжи.
Но Мерион наклонился, с земли подобрал их руками

17-620

И Девкалиду сказал, благородному Идоменею:
"Действуй бичом непрестанно, покуда судов не достигнешь.
Видишь и сам, что победа теперь суждена не ахейцам".
Так он сказал. Девкалид по коням пышногривым ударил,
Правя к судам углубленным, – испуг овладел его сердцем.

17-625

Не утаилось тогда от Аяксов и от Менелая,
Что Олимпиец взыскал несомненной победы троянцев.
Первый меж ними промолвил Аякс Теламонид великий:
"Боги! Теперь бы и муж, недалекий умом, убедился,
Что всемогущий отец сам Зевес помогает троянцам,

17-630

Ибо у них долетают все стрелы и копья до цели,
Кто бы ни бросил, герой или трус: их Зевес направляет.
Наши же все упадают на землю, напрасно помчавшись.
Дайте обсудим друзья: не найдем ли разумного средства,
Как бы нам тело похитить и как бы самим нам доставить

17-635

Радость товарищам милым своим возвращением скорым.
С грустью, быть может, они на долину глядят, опасаясь,
Что пред руками победными Гектора мужеубийцы
Не устоять нам, что вскоре к судам побежим чернобоким.
Если б нашелся дружинник, чтоб с вестью немедля помчаться

17-640

К сыну Пелея! Еще, полагаю, Ахилл не услышал
Вести печальной о том, что погиб его милый товарищ.
Только теперь не могу отыскать подходящего мужа,
Ибо ахейцы и кони все вместе окутаны мраком.
Отче Зевес! О, избавь аргивян хоть от этого мрака!

17-645

Воздух кругом проясни, дай возможность глазам нашим видеть,
Лучше при свете губи нас, уж если губить нас желаешь".
Так он сказал. И Зевес пожалел его, льющего слезы.
Тотчас рассеял он мрак и раздвинул нависшую тучу.
Солнце вверху засияло, все поле сраженья открылось.

17-650

Слово промолвил Аякс Менелаю, отважному в битвах:
"Ныне кругом оглянись, о, питомец Зевеса; не видно ль
Где Антилоха в живых, беспорочного Нестора сына?
Скажешь ему, чтоб скорей побежал к Ахиллесу Пелиду
И возвестил, что в сраженьи погиб его милый товарищ".

17-655

Так он сказал. Подчинился Атрид, среди боя отважный.
В путь он пошел неохотно, как лев от загона уходит,
Где утомился, мужей поселян и собак раздражая;
Зверю они не давали бычачьего жира отведать,
Бодрствуя целую ночь; он же, алчущий свежего мяса,

17-660

Тщетно пробиться хотел; из рук дерзновенных навстречу
Сыпались частые стрелы и связки пылающих веток,
Ужас внушая бесстрашному духом, и вот на рассвете
Он уже бродит далеко, и голод терзает в нем сердце:
Так неохотно тогда от Патрокла ушел сын Атрея,

17-665

Воин отважный, в душе опасался он, как бы ахейцы,
Страхом объаты, троянцам в добычу не отдали б тела.

Долго Атрид увещал Мериона, а также Аяксов:
"О, Мерион и Аяксы, ахейских дружин полководцы,
Ныне припомнить должны вы о ласковом нраве Патрокла

17-670

Бедный! При жизни со всеми умел обращаться он кротко,
Ныне же в прахе лежит, достигнут судьбою и смертью".
Так говоря, отошел от друзей Менелай русокудрый.
Он озирался кругом, что орел, про кого повествуют,
Будто всех птиц поднебесных по зоркости глаз превосходит;

17-675

Не проглядит он, высоко паря, быстроногого зайца,
Что под кудрявым кустом притаился, но, сверху бросаясь,
Быстро поймает его и дыхание жизни похитит:
Так и твои, о, питомец Зевеса, блестящие очи
Зорко вращались кругом по толпе многолюдной дружины,

17-680

Там не видать ли в живых благородного Нестора сына.
Вскоре его он увидел налево от грозного боя.
Верных друзей ободрял Антилох, побуждая сражаться.
Став недалеко пред ним, Менелай русокудрый промолвил:
"Зевса питомец, приблизься ко мне, Антилох, да услышишь

17-685

Весть роковую о том, что совсем не должно бы случиться.
Ты, полагаю, и сам понимаешь и видишь глазами,
Что на ахеян бессмертный обрушил печаль, а троянцам
Славу дарует. Теперь же погиб из данайцев храбрейший,
Умер Патрокл, и греков постигло великое горе.

17-690

Но побегу к быстроходным судам и скажи Ахиллесу,
Пусть он скорее спасет и на черный корабль свой доставит
Голое тело: доспехи совлеч шлемовеющий Гектор".
Так он сказал. Антилох содрогнулся, известье услышав,

Речи лишился мгновенно; слезами наполнились очи;

17-695

Голос могучий пресекая. Но все же герой не оставил
Без исполнения слово Атрида, питомца Зевеса.
В путь побежал он, оружие с плеч передав Лаодику,
Другу – вознице, кто следом за ним колесницею правил:
Льющего слезы, из битвы несли его быстрые ноги,

17-700

Чтоб возвестить Ахиллесу Пелиду недоброе слово.
Не пожелал ты в душе, Менелай, о, питомец Зевеса,
Грустной дружине помочь, от которой тогда отлучился
Нестора сын Антилох, к сожаленью большому пилосцев.
К ним на подмогу послав Фразимеда, подобного богу,

17-705

Сам Менелай возвратился немедля к Патроклу герою,
Перед Аяксами стал, подбежав, и промолвил им слово:
"Мужа того я направил к ахейским судам мореходным,
В путь к быстроногому сыну Пелея. Но нынче не жду я,
Чтобы пришел Ахиллес, хоть на Гектора сильно разгневан,

17-710

Ибо, лишенный доспехов, как стал бы с Троянцами биться?
Дайте обсудим друзья, не найдем ли разумного средства,
Как бы нам тело похитить и как бы самим невредимо
Кинуть смятение битвы, избегнув погибельной Парки".
И, отвечая, промолвил Аякс Теламонид великий:

17-715

"Правду все это сказал ты, о, сын достославный Атрея.
Вы с Мерионом вдвоем наклонитесь как можно скорее,
Труп на себя поднимите и прочь унесите из битвы.
Мы же с троянцами сзади и с Гектором дивным сразимся,
Мы с Оилеевым сыном, по храбрости ровни и тезки,

17-720

В бурной работе Арея привыкшие рядом держаться".
Так Теламонид сказал. И они, от земли подымая,
Тело высоко возносят. И крикнули громко троянцы,
Лишь увидали ахейских мужей, поднимающих тело.
Бросились бурно вперед, как охотничьи псы налетают

17-725

На пораженного вепря, по знаку охотников юных,
Долго следят, нагоняют, сгорая желаньем повергнуть;
Только едва против них повернется он, силе доверяясь,
Быстро они отступают и в страхе бегут врассыпную:
Так и троянцы вначале толпой за ахейцами гнались,

17-730

Копьями их поражая двуострыми, также мечами,
Но, когда оба Аякса, привстав, обернулись к ним грудью,
Все изменились в лице, и никто не дерзнул между ними
Выйти вперед из рядов и сразиться за тело Патрокла.
Так Менелай с Мерионом поспешно несли из сраженья

17-735

Труп к многоместным судам. А за ними вослед расстился
Яростный бой, как, внезапно восстав, разрастается пламя
И обитаемый город сжигает; в сиянии ярком
Гибнут дома, и огонь раздувается силою ветра:
Так несмолкаемый топот коней мужей щитоносцев

17-740

Грозно вперед подвигался, вослед уходящим героям.
Только подобно тому как, напрягши великую силу,
Двое рабочих мулов, по тропинке крутой ниспускаясь,
Тащат с вершины горы иль брус корабельный, иль балку;
Оба спешат, хоть усталость и пот удручают их сердце:

17-745

Так они быстро несли мертвеца. И Аяксы пытались
Натиск врагов удержать, как покрытое лесом предгорье,
Глубь занимая долины, бегущие воды, встречает,
Неодолимые волны смиряет могучих потоков
И, отражая, в долину течение их вспять обращает;

17-750

Им же прорваться никак, несмотря на великую силу:
Так и Аяксы пытались бороться с напором троянцев.
Только троянцы ломились вперед, и особенно двое:
Сын благородный Анхиза Эней и блистательный Гектор.
И аргивяне бежали, как стая скворцов или галок

17-755

Мчится с пронзительным криком, когда в отдаленьи завидят
Быстро летящего сокола, пагубу мелких пернатых:
Так под напором Энея и Гектора дети Ахейцев
С криком пронзительным все отступали, забыв о сраженьи.
Много доспехов прекрасных во рву и кругом покидали

17-760

В бегстве толпы аргивян. А конца не предвиделось битвы.

* * *

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Изготовление оружия

Так воевали герои, бушуя, как ярое пламя.
Вестником шел Антилох к быстроногому сыну Пелея
И увидал Ахиллеса вблизи от судов крутобоких.
Он размышлял, ожидая со страхом того, что случилось.
Тяжко вздыхая, он в сердце своем говорил благородном:

18-5

"Горе! Зачем это вновь пышнокудрые дети ахейя

В бегство к судам обратились, объятые страхом в долине?
Уж не задумали ль боги сразить меня бедствием грозным,
Как мне однажды сказала почтенная мать, предвещая,
Будто при жизни моей, укрощенный оружием троянцев,

18-10

Первый герой мирмидонский покинет сияние солнца.
Верно, убит непреклонный Менойтия сын. О, безумный!
Я приказал ведь, едва отразив неприятельский пламень,
Тотчас вернуться к судам и не биться с Приамовым сыном".
Тою порой как в уме он и в сердце вращал эти мысли,

18-15

Славного Нестора сын подошел к нему близко,
Слезы горячие льющий, и весть роковую поведал:
"Горе, Пелея отважного сын! Приготовься услышать
Весть о несчастьи великом, чему бы совсем не случиться.
Лег благородный Патрокл, и бьются войска, окружая

18-20

Голое тело: доспехи совлек шлемовеющий Гектор".
Молвил, и темная туча печали объяла Пелида.
Пепел, в дыму закоптелый, обеими взял он руками,
Голову всю им посыпал и лоб осквернил миловидный.
Черной золою покрылся нетленный хитон Ахиллеса.

18-25

Сам по земле растянулся во весь он свой рост исполинский,
Кудри терзая руками и клочья волос вырывая.
Тою порою служанки, плененные им и Патроплом,
Сердцем скорбя завопили. Они из палатки сбежались
И окружили толпою Ахилла, могучего духом.

18-30

В грудь они били руками и ноги у всех подкосились.
Также рыдал Антилох, проливая горячие слезы.
Руки держал он Ахилла, стенавшего, скорбного сердцем,

В страхе, чтоб не перерезал он горла блестящим железом.
Громко стонал Ахиллес. И почтенная мать услышала,

18-35

Сидя в морской глубине, с престарелым отцом своим рядом.
Плач подняла и Фетида. И вскоре ее окружили
Все nereиды богини, в пучинах живущие моря.
Главка была между ними, и Фаляя, и Кимодока,
И волоокая Галлия, Спея, Низея и Фоя,

18-40

Также была Лимнорея, и с ней Кимофоя, Актея,
Нимфа Мелита, Иайра, с Агавою и Амфифоей,
И Динамена с Ферусой, равно как и Дота и Прота,
Каллианира была с Дексаменою и Амфиномой,
Славная дивной красой Галатея, Дориса, Панопа,

18-45

Каллианасса, а также Нимерта с богиней Апсевдой;
Там Ианира была, Ианасса, а также Климена,
С пышной косой Аматея, Орифия вместе с Маирой
И nereиды другие, в пучинах живущие моря.
Светлый наполнился грот. Они в грудь ударили руками,

18-50

И начала между ними Фетида плачевное слово:
Слушайте милые сестры, о, дочери старца Нерея,
Чтобы вы знали, услышав, какая печаль в моем сердце!
О, я несчастная! Мать горемычная лучшего мужа!
Сына я в свет родила, беспорочного, храброго духом,

18-55

Первого в сонме героев. Он вырос как ветвь молодая.
Долго лелеяв его, как растение средь тучного сада,
Я на кривых кораблях снарядила потом к Илиону
С войском троянцев сражаться. Обрато ж его я не встречу,
И не вернется домой он в чертоги владыки Пелея.

18-60

Но и при жизни недолгой, любуясь сиянием солнца,
Скорбью терзает он грудь, и ему пособить не могу я.
Ныне проведать пойду дорогое дитя, чтоб услышать,
Чем опечален так сильно, вдали находясь от сраженья".
Молвив, пещеру она покидает, а с ней и другие,

18-65

Плача, пошли, и пред ними морская волна расступилась.
Вскоре богини достигли Троянской земли плодородной
И чередою вошли на побережье, где вокруг Ахиллеса
Плотно стояли ряды мирмидонских судов крутобоких.
Стала почтенная мать пред дитятею, громко стонавшим;

18-70

Горько рыдая сама, обняла она голову сына
И среди слез безутешных крылатое молвила слово:
"Сын мой, что плачешь? Какая печаль в твою душу проникла?
Выскажи все, не таи. Ведь исполнил Зевес Громовержец
То, о чем прежде ты руки к нему воздевал, умоляя,

18-75

Чтобы Ахеян, лишенных тебя, покарал пред кормами,
Чтобы на голову их он обрушил позор и страданья".
Тяжко вздыхая, тогда отвечал Ахиллес быстроногий:
"Правда, о, милая мать, Олимпиец все это исполнил.
Только что радости в том, если милый убит мой товарищ,

18-80

Храбрый Патрокл! Его же любил я всех больше в дружине,
С жизнью своей наравне. Он погиб для меня. А доспехи
Гектор убийца совлек – драгоценные, чудо для взора,
Дар знаменитый богов, поднесенный владыке Пелею,
В день как послали тебя они к смертному мужу на ложе.

18-85

О, почему не осталась ты нимфой бессмертною моря!
Лучше б Пелей копьеносец супругу избрал среди смертных.
Ныне и ты в своем сердце безмерную скорбь испытываешь,
Если погибнет твой сын. Не вернется он больше в отчизну,
Дома не встретишь его, оттого что душа не велит мне

18-90

Жить и глядеть на людей, разве если б воинственный Гектор
Первый дыханья лишился, моим пораженный оружием,
И поплатился за гибель Патрокла, Менoitия сына".
Льющая слезы, ему возразила богиня Фетида:
"Ежели так, о, дитя, у меня кратковечен ты будешь;

18-95

Тотчас за Гектором вслед и тебя ожидает кончина".
Громко вздыхая, на то отвечал Ахиллес быстроногий:
"Пусть же умру я скорее! За то, что убитому другу
Помощь подать не хотел, и погиб он вдали от отчизны,
Тщетно меня призывая, защитника в бедствии грозном.

18-100

Ныне вернуться не должен я в милую отчую землю,
Ибо Патрокла не спас, а равно и товарищей прочих,
Многих друзей, укрощенных оружием Приамова сына,
А на судах обретаюсь, земли бесполезное бремя;
Будучи в битве, способней других аргивян меднобронных,

18-105

Только в собрании многим в искусстве речей уступая.
Пусть же погибнет отныне раздор меж людьми и богами,
Гнев, что и мудрого мужа в неистовство часто приводит,
Ибо вначале сочится он слаще текущего меда,
Но разрастается быстро, как дым, разъедая нам сердце.

18-110

Так и меня прогневил повелитель мужей Агамемнон.
Только оставим бывшее, хотя опечалены сильно,
Сердце в любезной груди успокоим, нужде уступая.
Ныне иду отомстить я за голову милого друга,
Гектора встретить убийцу, а после и смерти богиню

18-115

Встречу, когда лишь угодно Зевесу и прочим бессмертным.
Смерти никто не избег, сам Геракл из мужей величайший,
Он, кто Зевесу Крониду милее был прочих героев.
Пал он, сраженный судьбою и гневом безжалостной Геры.
Также и я, если жребий подобный меня ожидает,

18-120

Лягу сраженный, но раньше добуду великую славу.
Вскоре заставлю я многих троянских супруг полногрудых
И пышнокудрых дарданок руками со щек милovidных
Жгучие слезы в тоске утирать и стонать безутешно.
Пусть они знают, что долго вдали отдыхал я от битвы.

18-125

Ты ж, и любя, не препятствуй сражаться: меня не удержишь".
И среброногая так отвечала богиня Фетида:
"Верно ты все говорил, дорогое дитя. Не постыдно
Грозную гибель в бою отвращать от дружины теснимой.
Только доспехи твои у врагов обретаются ныне,

18-130

Пышные, медноблестящие. Сам шлемовеющий Гектор
Ими гордится, на плечи надев. Но недолго, надеюсь,
Гордость продлится его, ибо смерть от него недалеко.
Ты же, о, сын мой, не раньше приступишь к работе Арея,
Чем я вернусь к кораблям и меня пред глазами увидишь.

18-135

Завтра с зарею приду я, едва лишь подыметса солнце,

И от Гефеста царя принесу дорогие доспехи".
Так говоря, удалилась она от любезного сына,
К сестрам своим обратилась, богиням морским, и сказала:
"Вы погрузитесь, о, сестры, в широкое лоно морское,

18-140

В дом возвратитесь отца и проведайте старца морского,
Чтоб рассказать ему все. Я ж иду на Олимп многоверхий,
Не согласится ль владыка Гефест, знаменитый художник,
Славные сделать для сына доспехи из меди блестящей".
Молвила так. Нереиды в морскую волну погрузились,

18-145

А среброногая вверх на Олимп поспешила Фетида,
Чтобы любезному сыну добыть дорогое оружие.
Тою порой как она на Олимп поднималась, ахейцы
С криком немолчным бежали пред Гектором мужеубийцей
И Геллеспонта достигли и быстрых судов мореходных.

18-150

Не удалось из-под стрел аргивянам в прекрасных доспехах
Вынести тело Патрокла, слугу Ахиллеса Пелида.
Снова настигли его колесницы и мужи троянцы
С Гектором, сыном Приама, по силе похожим на пламя.
Трижды блистательный Гектор держал уже за ноги тело.

18-155

В город увлечь порываясь и зычно взывая к троянцам.
Трижды Аяксы его, облеченные бурною силой,
Прочь отгоняли от трупа. Но, мощи своей доверяясь,
То он в смятение битвы бросался, то, стоя на месте,
Голосом громким взывал, отступить же не думал нисколько.

18-160

Точно как рыжего льва, распаленного голодом жгучим,
Прочь от убитой коровы бессильны прогнать поселяне:
Так шлемоносцы Аяксы могучие не были в силах

Гектора, сына Приама, вдвоем отпугнуть от Патрокла.
Так бы увлек он его, несказанною славой покрывшись,

18-165

Если б тайком от Зевеса и прочих бессмертных Ирида,
Кинув Олимп, не сошла ветроногою вестницей быстрой,
Послана Герой затем, чтоб к оружию призвать Пелиона.
Став пред Ахиллом, богиня крылатое слово сказала:
"Славный Пелид, ополчись, между всеми мужами страшнейший,

18-170

И заступись за Патрокла. То яростный бой пред судами
Из-за него разгорелся, и воины губят друг друга.
Дети ахейн вокруг трупа стоят и его защищают,
А копьеносцы троянцы желали бы тело похитить
В Трою, открытую ветрам. Всех больше блистательный Гектор

18-175

Жаждет Патрокла увлечь, побуждаемый сердцем отважным
Голову на кол воткнуть, от шеи отрезавши нежной.
Полно лениться, воспрянь! Устыдися душою при мысли,
Что достается Патрокл в забаву троянским собакам.
Вечный позор тебя ждет, если труп изуродован будет".

18-180

И, вопрошая, сказал быстроногий Ахилл богоравный:
"Кто из бессмертных, Ирида, послал тебя вестницей ныне?"
И ветроногая так отвечала богиня Ирида:
"Гера послала меня, многославная Зевса супруга,
Только не знает об этом Кронион высоко царящий,

18-185

Также никто из бессмертных, живущих на снежном Олимпе".
И, возражая, сказал быстроногий Ахилл богоравный:
"Как я в сраженье отправлюсь? Доспехи мои у троянцев.
Милая мать приказала мне в бой ополчиться не раньше,
Чем возвратится сама и ее пред глазами увижу,

18-190

И принести мне доспехи Гефеста царя обещала.
Здесь же не знаю оружия, в которое б мог облачиться,
Кроме, быть может, щита Теламонова сына Аякса,
Только он сам, полагаю, в переднем ряду подвизаясь,
Медным копьем сокрушает врагов из-за тела Патрокла".

18-195

И ветроногая так отвечала богиня Ирида:
"Знаем и сами, что взяты твои дорогие доспехи
Ты, безоружный, ко рву подойди, покажись лишь Троянцам,
Не устроятся ль тебя, не покинут ли битвы жестокой,
Чтобы могли отдохнуть непреклонные дети ахеев,

18-200

Ныне теснимые сильно: в сражении отдых не долог".
Так говоря, быстроногая прочь удалилась Ирида.
Зевсу любезный воспрянул Ахилл. И Афина покрыла
Мощные плечи героя бахромистой славной Эгидой.
Дивная в сонме богинь золотою окутала тучей

18-205

Голову мужа, зажегши над тучею светлое пламя.
Точно средь моря, над островом дальним, восходит до неба
Дымное пламя над городом, ратью врагов осажденным;
Жители с башен сражались весь день неуклонно
В битве жестокой Арея, потом же, лишь солнце спустилось,

18-210

Факелы всюду зажгли без числа, и, поднявшись высоко,
Яркое пламя встает до небес, да увидят соседи
И поспешат на судах от опасности грозной избавить:
Так над его головой поднималось по воздуху пламя.
Стал он у рва за стеной, но с толпой аргивян не смешался,

18-215

Мудрый совет уважая, преподанный матерью милой,
Стоя, он крикнул оттуда; вдали отозвалась Афина,
И несказанное в войске троянском возникло смятенье.
Точно как звуки трубы заигравшей доносятся ясно
От ополченья врагов, осаждающих город обширный:

18-220

Также пронзительно – звонко и голос звучал Эакида.
Только что голос Ахилла троянцы слышали медный,
Все они духом упали. И вмиг пышногривые кони,
Сердцем почуя беду, повернули назад колесницы.
Ужас возниц поразил, увидавших огонь негасимый

18-225

Над головою могучей отважного сына Пелея,
Дивный огонь, синеокой зажженный Афиной Палладой.
Трижды пронзительно крикнул чрез ров Ахиллес богоравный,
Трижды троянцы в смятенье пришли и союзники с ними.
Тою порою двенадцать погибло храбрейших героев,

18-230

Под колесницы попав иль на копья свои же наткнувшись.
С радостью тело меж тем из-под стрел унесли аргивяне
И положили на ложе. Товарищи шли за Патроклом,
Громко вздыхая. И, шествуя с ними, Ахилл быстроногий
Слезы горячие лил, на товарища верного глядя,

18-235

Как на носилках лежал он, пронзенный безжалостной медью.
Сам он в сраженье его с колесницей послал и с конями,
Только не встретил обратно из битвы пришедшего друга.
Гера богиня в то время заставила против желанья
Солнце пораньше вернуться в поток Океана.

18-240

Солнце тотчас погрузилось, и дивные дети ахейн
От беспощадной борьбы и кровавой резни отдохнули.
В свой же черед и троянцы, покинув жестокую битву,
Из колесниц отпрягли быстроногих коней пышногривых
И для совета сошлись, перед тем как о пище подумать.

18-245

Стоя, присев не дерзая, открыли троянцы собрание.
Ужас их всех обуял, оттого что Ахилл быстроногий
Вновь, по отсутствию долга, в зловещем бою появился.
Полидамас, сын Панфоя разумный, открыл совещанье,
Ибо один он умел сопоставить грядущее с прошлым.

18-250

Гектору был он ровесник, в единую ночь с ним рожденный.
Первый копьем отличался, второй затмевал его словом.
Доброжелательный к ним обратился он с речью и молвил:
"Вы обсудите, друзья, хорошо, что скажу вам. Совет мой –
В город немедля уйти и священной зари пред судами

18-255

Не дожидаться в долине: от стен удалились мы слишком.
Прежде, покуда сей воин казнил Агамемнона гневом,
Было не столь тяжело с остальными ахейцами биться.
С радостью сам я тогда близ судов оставался глубоких,
Ибо надеялся взять корабли, изогнутые ровно.

18-260

Ныне же страшно боюсь быстроногого сына Пелея.
Он, столь надменный душою, едва ли захочет остаться
Здесь, посредине долины, где долгое время троянцы
И аргиев делили труды и опасности битвы.
Из-за троянских супругов, из-за Трои он станет сражаться.

18-265

В город вернемся. Примите совет, ибо так оно будет.

Ныне священная ночь быстроногого сына Пелея
Кинуть заставила битву. Но если он в бранных доспехах
Завтра нас встретит в долине, узнаете этого мужа!
Счастлив тот будет, кто, спасшись, вернется в священную Троию.

18-270

Многих тогда растерзают собаки и коршуны в поле
Но да пребудет от слуха такое несчастье далеко!
Если ж моим вы словам, хоть с печалью в душе, покоритесь,
Ночью советом себя укрепим, защищать же наш город
Будут и башни, и стены, и створы ворот крепкозданных,

18-275

Тесных гладко, широких, засовами тесно сплоченных.
Завтра мы рано с зарею, в доспехи войны облачившись,
Башни займем городские. И горе тому, кто захочет
С нами сражаться, покинув суда, чтобы стены разрушить.
К флоту назад он вернется, хотя бы коней крутошеих

18-280

Всячески бегом измучил, вокруг Трои напрасно блужлая.
В самый же город проникнуть едва ль он осмелится сердцем.
Быстрые псы его раньше пожрут, чем он город разрушит".
Но, исподлобья взглянув, отвечал шлемовеющий Гектор:
"Полидомас, ты не по сердцу речь произнес мне сегодня,

18-285

Ты, кто велишь отступить нам и в городе вновь запереться.
Иль не насытились мы пребыванием долгим на башнях?
Было то время, когда среди смертнорожденных считался
Город Приама богатым и медью и золотом ценным.
Только иссякли в чертогах сокровища наши былые.

18-290

Много богатств на продажу ушло во Фригийскую землю,
И в Меонию, – с тех пор как великий Зевес рассердился.
Ныне ж, когда пред судами дозволил мне славой покрыться

Кроноса хитрого сын, и ахейцы притиснуты к морю,
Не предлагай всенародно подобных советов, безумец!

18-295

Я не позволю, чтоб кто из троянцев тебе покорился.
Слушайте слово мое. Поступите, как вам повелю я.
Ужин готовьте сперва, разойдясь на отряды по стану,
После о страже ночной позаботьтесь и бдительны будьте.
Тот же из вас, кто чрезмерно дрожит за свое достоянье,

18-300

Пусть он богатства свои соберет и отдаст на народные нужды.
Лучше пускай их истратят троянцы, чем дети ахейян.
Завтра же, рано с зарею, надев боевые доспехи,
Подле глубоких судов мы возбудим работу Арея.
Если и вправду воспрянул пред флотом Ахилл богоравный,

18-305

Горе ему, коль захочет сражаться. Не я пред Ахиллом
Из многошумной войны убегу, но лицом его встречу,
И неизвестно еще, кто покроется славой великой.
Равен для всех Эниалий. Он губит готовящих гибель".
Так говорил Приамид, и воскликнули громко троянцы,

18-310

Глупые! Разум у них помрачила Паллада Афина.
Гектора все одобряли, хотя он советовал дурно,
Полидамаса – никто, хоть совет предлагал он разумный.
После того они сели за трапезу все. А данайцы
Целую ночь над Патроклом стонали и плакали горько.

18-315

Первый Ахилл Пелион между ними рыдание поднял,
Другу на грудь положивши к убийству привычные руки.
Громко и тяжело стонал он, подобно как лев пышногривый,
Если охотник на ланей похитил детей его малых
В чаще дремучей, а он убивается, поздно вернувшись,

18-320

Все обегает лощины, где ищет следов человеческих,
Страстно желая настигнуть, охваченный яростью дикой:
Так Ахиллес безутешно стонал, говоря мирмидонцам:
"Боги! Я праздное слово тогда обронил и пустое,
В день как Менойтия старца в дворце обнадеживал царском.

18-325

Славного сына ему обещал я в Опунт предоставить
Стены разрушившим Трои, удел получившим добычи.
Только не все исполняет Зевес предрешенья людские.
Знать, нам обоим с тобой суждено обогреть своей кровью
Ту же троянскую землю. Ни мать дорогая Фетида,

18-330

Ни престарелый возница Пелей возвратившимся с поля
Дома не встретит меня, а сырая земля здесь укроет.
Ныне ж, Патрокл, последним в могилу сойти осужденный,
Не погребу тебя раньше, чем голову сына Приама,
Гордого смертью твоею, сюда привезу и доспехи.

18-335

Пред погребальным костром, за убийство твое отомщая.
Я обезглавлю двенадцать сынов знаменитейших Трои.
А до тех пор так лежи у меня пред судами кривыми.
Вкруг же тебя полногрудые жены дардан и троянцев
Будут и ночью и днем проливать безутешные слезы,

18-340

Жены, которых мы добыли длинным копьём и отвагой,
Много разрушив селений цветущих, людьми населенных".
Так говоря, повелел Ахиллес богоравный дружине
Медный треножник большой поместить над огнем, чтоб скорее
Тело Патрокла очистить от праха и крови сгущенной.

18-345

Те над горящим огнем поместили котел для купанья,
Налили полный водою, достали дрова и зажгли их.
Выпуклость чана огонь охватил, нагревая в нем воду.
Вскоре, едва лишь вода закипела в блистающей меди,
Тело умыли ахейцы, потом умастили елеем,

18-350

Девятилетней мазью наполнив зиявшие раны,
И положили на ложе, и легкою тканью одели
От головы и до ног, и белым плащом приукрыли.
Целую ночь мирмидонцы с Ахиллом Пелидом в середине,
Над умерщвленным Патроклom вопили и плакали горько.

18-355

Гере, сестре и супруге, в то время сказал Громовержец:
"Ты, наконец, на своем настояла, почтенная Гера.
Вот он воспрянул, Ахилл быстроногий. Подумать бы можно,
Будто сама породила ты пышноволоосых данайцев".
И волоокая Гера почтенная так отвечала:

18-360

"О, всемогущий Кронид, какое ты слово промолвил!
И человеку дано отомстить человеку другому,
Хоть родился он смертным, и мудрости нашей не знает.
Как же ты хочешь, чтоб я не вредила во гневе троянцам,
Я, кто, надеюсь, богинь всех важнее и дважды почтенна –

18-365

Тем, что рождением всех старше, и тем, что твоей называюсь
Милой супругою, – ты же царишь над бессмертными всеми".
Так, обращаясь друг к другу, они меж собой говорили.
К богу Гефесту меж тем среброногая входит Фетида
В светлый, нетленный чертог, из домов небожителей лучший,

18-370

Медный, покрытый звездами; воздвиг его сам Хромоногий.
Бога застала она вкруг кузнечных мехов ковылявшим.
Потом покрытый, спешил он, кончая треножников двадцать,
Чтобы потом разместить вдоль стены крепкозданного дома.
Он укрепил золотые колеса под каждую ножкой,

18-375

Чтоб они сами собою въезжали в собрание бессмертных
И возвращались обратно в чертог – удивление для взора,
Были настолько они уж готовы. Еще оставалось
Ручки приладить, и к ним-то, работая, связи ковал он.
И между тем как над ними трудился он с мудрым расчетом,

18-380

В дом сереброногая входит Фетида. Завидев богиню,
К ней устремилась навстречу харита в блестящей повязке,
Славная дивной красою, жена хромононого бога.
За руку взявши богиню, она, вопрошая, сказала:
"О, дорогая Фетида, одетая в длинные ризы,

18-385

Что привело тебя в дом наш? Не часто ты нас посещала.
Следуй за мной, чтоб могла я тебе предложить угощенье".
Так говоря, повела ее дивную в сонме бессмертных
И усадила Фетиду на трон сереброгвоздй, прекрасный,
Пышный. покрытый резьбой и скамейку для ног поместила.

18-390

После сказала Гефесту, художеством славному богу:
"Ближе, Гефест, подойди. Тебя видеть желает Фетида".
И, отвечая, сказал Хромоногий, художеством славный:
"Вправду, желанная мне, дорогая пришла к нам богиня,
Та, что в несчастье меня пожалела, упавшего с неба,

18-395

В день как бесстыжая мать меня бросила наземь, желая

С глаз удалить за мою хромоту. Я безмерно страдал бы,
Если б на лоне меня не укрыла богиня Фетида
И Евринома, широкотекущего дочь Океана.
Девять годов подле них проживал я в пещере глубокой,

18-400

Много в то время сковал украшений из меди искусно,
Пряжек, запястий кривых, кольцевидных серег, ожерелий.
Пенясь, далеко кругом бушевал Океан беспредельный,
Так что никто из богов, ни из смертных не знал, где скрываюсь.
Знали лишь те, кто спасал: Фетида одна с Евриномой.

18-405

Ныне она посетила чертог наш, и нам подобает
Пышноволосой Фетиде дары предложить за спасенье.
Так поспеши и поставь перед ней дорогие гостинцы,
Я же пока и мехи уберу, и другие снаряды".
Молвив, Гефест исполинский, хромая, поднялся с помоста,

18-410

Где наковальня стояла. Под телом большим ковыляли
Медленно тонкие ноги. Мехи от огня он отставил,
Спрятал в серебряный ларь все орудья, какими работал,
Губкою справа и слева он лоб себе вытер и руки,
И волосатую грудь, и широкую, сильную шею.

18-415

После, в хитон облачившись, он толстый взял посох и в двери
Вышел, хромая. А рядом, опорой служа для владыки,
Две поспешали служанки из золота, точно живые.
Был у них разум внутри, и могучая сила, и голос,
И от бессмертных богинь научились они рукодельям.

18-420

Обе спешили с владыкой, и он, волоча свои ноги,
Перед Фетидой предстал и на трон опустился блестящий.
За руку взял он богиню и слово сказал, вопрошая:

"О, дорогая Фетида, одетая в длинные ризы,
Что привело тебя в дом наш? Не часто ты нас посещала.

18-425

Выскажи просьбу. Душа побуждает меня согласиться,
Если исполнить могу, если просьба твоя исполнима".
Льющая слезы, ему отвечала богиня Фетида:
"Есть ли, Гефест, среди богинь, на Олимпе живущих, другая,
Кто бы так много страданий мучительных вынесла сердцем,

18-430

Сколько назначено мне испытать их Зевесом Кронидом?
Он изо всех nereid лишь меня подчинил человеку,
Сыну Эака Пелею, – и нехотя я выносила
Смертного ложе. Теперь, удручаемый старостью грустной,
Муж мой в чертоге лежит. У меня же другое несчастье.

18-435

Сына мне дал Олимпиец родить и вскормить дорогого,
Первого в сонме героев. Он вырос как ветвь молодая.
Долго лелеяв его, как растение из тучного сада,
Я на кривых кораблях снарядила потом к Илиону
С войском троянцев сражаться. Обрато ж его я не встречу

18-440

И не вернется домой он в чертоги владыки Пелея.
Но и при жизни недолгой, любуясь сиянием солнца,
Скорбью терзает он грудь, и ему пособить не могу я.
Деву, что дети ахеян ему уделили в награду,
Силою отнял из рук у него Агамемнон владыка.

18-445

Из-за нее убивается гневом, снедающим душу.
Пользуясь этим, троянцы к судам оттеснили Ахеян,
Выход в долину отрезав. С мольбою ахейские старцы
К сыну пришли моему, предлагая дары дорогие.
Сам он тогда отказался беду отвратить от ахеян,

18-450

Только в доспехи свои облачиться дозволил Патроклу
И отослал его в бой, предоставив большую дружину.
Близко от Скейских ворот целый день воевали герои.
Взяли б тогда они город, когда бы Менойтия сына,
После того как троянцам беды причинил он без счета,

18-455

Феб не убил перед войском и Гектору не дал победы.
Ныне к твоим припадаю коленям: быть может, захочешь
Щит приготовить и шлем моему кратковечному сыну,
Панцирь и пышные латы ножные, с застежками вместе.
Ибо доспехи его погубил умерщвленный товарищ,

18-460

Сам он лежит на земле, терзаясь безмерно душою".
Ей отвечая сказал знаменитый Гефест хромоногий:
"Не унывай, и пусть мысли об этом тебя не заботят.
Если бы также я мог несомненно от смерти зловещей
Сына укрыть твоего, когда рок его страшный настигнет,

18-465

Как несомненно могу дорогие доставить доспехи,
На удивление многих героев, кто только увидит"!
Так он сказал и богиню оставил, к мехам направляясь,
К пламени их обратил и велел им усердно работать.
В двадцать пылающих горнов большие мехи поддували,

18-470

Воспламеняя, дышали на каждый с различной силой
И помогали Гефесту ковать то быстрее, то тише,
Как он в душе пожелает и как для работы способней.
Несокрушимую медь вместе с оловом бросил он в пламя
И серебра к ним прибавил и ценного золота также.

18-475

После того на подставку подняв наковальню большую,
Молот тяжелый в одну и клещи в другую взял руку.
Прежде всего изготовил он щит и огромный, и крепкий,
Весь изукрасил кругом и блистающий выковал обод
Гладкий, тройной, и ремень посеребренный снизу привесил.

18-480

Щит из пяти он составил отдельных полос, а на верхней
Много создал украшений, придумав их с мудрым расчетом.
В самой середине представил он землю и небо, и море,
Неутомимое солнце и полный блистающий месяц,
И неисчетные звезды, которые небо венчают.

18-485

Сделал созвездья Плеяд и Гиад и лучи Ориона,
Также Медведицу – ту, что иначе зовут Колесницей:
Круг она в небе свершает, взирая на блеск Ориона,
Та, что чуждается мыться в холодных волнах Океана.
Дальше два города сделал красивых, людьми населенных.

18-490

В первом пирует народ и веселые празднует свадьбы.
Мужи выводят невест из чертогов при факелах ярких
И провожают чрез город. Там свадебный гимн раздается.
Юноши в пляске кружатся, и нежно среди хоровода
Флейты и цитры звучат. И женщины перед домами,

18-495

Стоя в дверях у порога, взирают и пляске дивятся.
Множество граждан толпится на месте народных собраний.
Тяжба пред ними решается. Двое там спорят о пене
За умерщвленного мужа. Один пред народом клянется
В том, что весь долг уплатил, а другой – что не видел уплаты.

18-500

Оба они пожелали окончить свой спор пред судьей.
Граждане подняли крик, защищая того иль другого.
Их успокоить пытаются вестники. В круге священном
Старцы сидят, разместившись на гладко обтесанных камнях,
Посохи в руки берут у глашатаев звонкоголосых

18-505

И, опираясь на них, чередой возглашают решение.
А посредине собрания лежат золотых два таланта –
Вознаграждение тому, кто решит справедливее тяжбу.
Город другой окружают два войска, сверкая оружием.
Те, что осаду ведут, обсуждают два разных решения:

18-510

Силой ли город разрушить или предложить осажденным
Надвое все поделить, чем владеет тот город прекрасный.
Те же, врагам не сдаваясь, к засаде готовятся тайной.
Стену, взойдя на нее, защищают их милые жены,
Малые дети и мужи, теснимые старостью грустной.

18-515

Сами в засаду идут. И Арей их предводит с Афиной.
Оба они золотые и носят из золота ризы,
Видны далеко, огромны, в доспехах больших и прекрасных,
Как подобает бессмертным, – а люди представлены меньше.
К месту приходят они, где засесть им казалось удобным,

18-520

Подле потока, – куда пригоняют стада к водопою.
Там они тайно засели, покрытые светлую медью.
Двое поодаль от войска укрылось лазутчиков в поле
И поджидают прихода овец и быков криворогих.
Вот появились стада; их два пастуха провожают,

18-525

Слух услаждая свирелью, коварства врагов не предвидя.

Те же, увидевши их, нападают и прочь угоняют
Стадо быков и отару красивых овец белорунных
И пастухов умерщвляют. Тогда в неприятельском стане
Воины, сидя в собрании, слышат смятенье близ стада,

18-530

И устремляются все, на коней быстроногих садятся,
Скачут навстречу врагам и стрелой прибывают на место.
Там, на речном берегу их фаланги вступают в сражение,
Копья бросают друг в друга, снабженные острою медью.
Распря видна там и Смута, и Смерть, по рядам пробегая,

18-535

То не пронзенного ловит, то держит пронзенного мужа,
То через битву смятенную за ноги тело волочит:
Платье у ней на плечах обагренное кровью людскою.
Воины мечутся всюду и бьются, как будто живые,
И бездыханные трупы одни у других увлекают.

18-540

Дальше он тучный участок разрыхленной нови представил,
Трижды распаханый плугом, обширный. И пахарей много,
Идя по всем направленьям, яремными правят волами.
Каждый же раз, как они, возвращаясь, межи достигают,
Муж к ним подходит и кубок со сладким вином им подносит.

18-545

Всякий назад на свою борозду обращается тотчас,
С жаждой придти поскорее к меже целины плодородной.
Пахоть за ними чернела, как бы настоящее поле,
Хоть золотая была: то великое сделал он чудо.
Дальше представил он ниву с обильной, высокою жатвой.

18-550

Всюду жнецы там стояли и острыми жали серпами.
Наземь в огромном числе полосами ложатся колосья;
Сзади вязальщики крепко в снопы их соломою вяжут.

Трое вязальщиков стали поодаль от прочих. За ними
Дети собирают колосья, чредою подносят в охапках

18-555

И подают торопливо. Перед бороздою хозяин,
Радуюсь сердцем, безмолвный, стоит, опираясь на посох.
Вестники, дальше под дубом, хлопочут о пире обильном
И убивают большого быка, принесенного в жертву.
Жены муку просеивают, готовя обед для рабочих.

18-560

Дальше из золота сделал он дивный, большой виноградник,
Сладким плодом отягченный; висели в нем черные гроздья;
Ветви держались кругом на серебряных длинных подпорах.
За виноградником темный представил он ров, обнесенный
Вкруг оловянной оградой. Виднелась одна лишь тропинка –

18-565

Путь для носильщиков в дни, когда сбор наступал винограда;
Этой тропинкою девы и юноши, в резвости детской,
Шли и в корзинах несли медосладкие гроздья.
А посредине меж ними дитя на отзывчивой цитре
Нежно играло и пело прекрасную песню Лемноса

18-570

Голосом слабым. И все, ударяя согласно об землю,
Вторили пеньем и криком и двигали быстро ногами.
Дальше представил он стадо быков круторогих.
Он их из золота частью и частью из олова сделал.
С громким мычаньем коровы из хлева стремились на выгон.

18-575

Подле реки звонкоструйной, вблизи камышей шелестящих,
Четверо шло золотых пастухов, провожая то стадо.
Девять за ними вослед бежало собак резвоногих.
Вдруг среди передних коров два бестрепетных льва появились
И, налетев на быка, увлекают мычавшего громко.

18-580

Быстро собаки и люди к нему на защиту стремятся.
Львы между тем, на быке разодравши огромную шкуру,
Черную кровь его пьют и жадно глотают утробу.
Тщетно их люди желают прогнать и собак натравляют.
Те, уклоняясь от львов, не дерзают вцепиться зубами,

18-585

Только надвинулись близко и лают, готовые к бегству.
Далее славный Гефест хромоногий представил обширный
Пастбищный луг среди долины и стадо овец белорунных
Вместе с загонем и хлевом и крытыми к ним шалашами.
Далее славный Гефест хороводную пляску представил

18-590

С дивным искусством, подобную той, что в обширном Кнозосе
Некогда в честь пышнокудрой Дедал учредил Ариадны.
За руки взявши друг друга у кисти, там в пляске кружились
Юноши вместе и девы, берущие вено большое.
Девы в льняных покрывалах, а юноши в светлых хитонах,

18-595

Сотканных крепко из ниток, для блеска чуть маслом натертых.
Эти увенчаны щедро сплетенными пышно венками,
Те на ремнях посеребренных носят мечи золотые.
То они все в хороводе ногами, привычными к пляске,
Вместе кружатся легко с быстротою гончарного круга,

18-600

Если горшечник, в руках укрепив, его бег проверяет,
То разойдутся в ряды и одни на других наступают.
Вкруг хоровода теснится большая толпа, наслаждаясь,
А посередине поет и под лад себе вторит на цитре
Богopodobный певец. И все время, как пение длится,

18-605

Два скомороха проворных вертятся и прыгают в круге.
И, наконец, он представил могучий поток Океана
Близко от внешнего края щита, сотворенного дивно.
После того как закончил он щит исполинский и крепкий,
Сделал Ахиллу он панцирь, горящего пламени ярче.

18-610

Шлем изготовил тяжелый, к вискам приходившийся плотно,
Пышный, украшенный ярко, приделав из золота гребень.
После он латы ножные из гибкого олова вылил.
Все изготовив доспехи, Гефест хромоногий их быстро
Вместе собрал и поднес Ахиллесовой матери ждавшей.

18-615

Та устремилась, как сокол, с покрытого снегом Олимпа
Прочь от Гефеста царя, унося дорогое оружие.

* * *

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Отречение от гнева

В ризах шафранного цвета Заря из-за волн Океана
Встала, чтоб свет принести и бессмертным, и смертнорожденным.
К флоту ахейн Фетида с дарами Гефеста примчалась,
Милого сына нашла распростертым над телом Патрокла,
Плачущим громко, а рядом толпилась дружина, вздыхая.

19-5

Дивная в сонме богинь среди них пред Ахиллом предстала,
За руку сына взяла и такое промолвила слово:
"Сын мой, его мы оставим лежать, как душе ни прискорбно,
Ибо умер он, прежде всего, по желанью бессмертных.
Ты же прими от Гефеста доспехи прекрасные брани,

19-10

Те, что никто не носил на плечах из людей ни единый".
Молвив, перед Ахиллесом она положила доспехи.
Страшно они загремели, кругом испещренные дивно.
Трепет объял мирмидонян. Они и взглянуть не посмели,
Все отступили в испуге. Ахилл же, увидев оружие,

19-15

Сущей исполнился злобы и жажды сражаться. Как пламя,
Светлые очи его под ресницами грозно сверкнули.
Радуясь, поднял с земли он дары знаменитые бога.
И, насладившись в душе созерцаньем искусной работы,
К матери он обратился, и слово крылатое молвил:

19-20

"Вправду, о, мать дорогая, Гефест подарил мне доспехи,
Как подобает работе бессмертных, как людям не сделать,
Ныне хочу ополчиться. Но сильно в душе опасуюсь,
Как бы в то время, пока от Патрокла я буду далеко,
Мухи, забравшись во внутрь чрез раны, пробитые медью,

19-25

Не наплодили черву и не предали труп оскверненью,
Не разложилась бы плоть, от которой душа отлетела".
И среброногая так отвечала богиня Фетида:
"Сын мой любезный, все это пусть в мыслях тебя не тревожит.
Бдительно буду сама отгонять непокорные рои

19-30

Мух, поедающих трупы мужей, что в сражении гибнут.
Пусть бы ему суждено пролежать до скончания года,
Кожа его сохранится, как если б он жил, или лучше.
Ты же ахейских героев теперь созови для собранья
И отрекись перед ними от гнева на пастыря войска.

19-35

После немедленно в бой ополчись и оденься отвагой".

Молвила так и вдохнула в него дерзновенную силу.
А благородному сыну Менойтия в ноздри впустила,
Чтоб сохранить его кожу, амврозии с нектаром красным.
Тотчас прибрежием моря пошел Ахиллес богоравный,

19-40

Голосом зычным крича, и всех возбудил он ахеян.
Не покидавшие раньше стоянки судов быстроходных,
Все рулевые, что в море кормилом судов управляют,
Все хлебодары, что в стане съестные припасы делили,
Даже они устремились в собрание, лишь только воспрянул

19-45

Славный Пелид, пребывавший так долго вне гибельной битвы.
Ранее прочих пришли, опираясь на копья, хромя,
Двое служителей бога Арея: Тидид непреклонный
И Одиссей богоравный: еще удручали их раны.
Оба явились в собрание и в ряде переднем уселись.

19-50

Следом за ними пришел повелитель мужей Агамемнон,
Раной терзаемый тяжкой: его среди сечи кровавой
Сын Антенора Коон копьем поразил медноострым.
Вскоре, когда и другие собрались ахейские мужи,
Став посредине меж ними, сказал Ахиллес быстроногий:

19-55

"Было бы лучше, Атрид, для тебя и меня, для обоих,
Если б мы так помирились в тот день, как печальные сердцем,
Из-за рабыни вскипели враждою, снедающей душу.
Лучше б ее на судах Артемида сразила стрелою
В день, как я деву похитил, предав разрушенью Лирнессу.

19-60

Не было б столько тогда аргивян, укрощенных врагами,
Грызших зубами песок, между тем как я гневом терзался.
Гектору лишь и троянцам то было на пользу, но долго

Будут о нашей вражде вспоминать, полагаю, ахейцы.
Только оставим былое, хотя опечалены оба,

19-65

Сердце в любезной груди успокоим, нужде уступая.
Ныне свой гнев прекращаю. То было б меня недостойно –
Гневаться непримиримо и вечно. А ты поскорее
В битву вели ополчиться прекрасноволосым ахейцам,
Чтобы, на встречу пойдя, испытал я еще раз троянцев,

19-70

Все ли желают они близ глубоких судов оставаться.
С радостью тот, полагаю, колени согнет, кто вернется
Ныне из гибельной битвы, пред нашим копьем убегая".
Молвил, и все ликовали ахейцы в прекрасных доспехах,
Слыша, что сын благородный Пелея отрекся от гнева.

19-75

Слово тогда им сказал повелитель мужей Агамемнон
С места, где он находился, не выйдя в средину собрания:
"Други, герои данайцы, служители бога Арея!
Должно внимательно слушать и не прерывать наши речи.
Трудно пришлось бы тогда и тому, кто к собраниям привычен.

19-80

Кто среди шума толпы в состоянии слушать другого
Иль говорить пред другими? Смутится и громкий вития.
Перед Пелидом хочу оправдаться, но вы, остальные,
Слушайте слово мое и запомните, все аргивяне.
Часто ахеяне мне говорили о ссоре с Пелидом,

19-85

Громко меня укоряли. А я не виновен нисколько.
Зевс виноват и судьба, да Эринния, мрака жилица.
Это они мой рассудок тогда ослепили в собрание,
В день, как я отнял удел у Пелида, самым подаренный.
Против бессмертных что мог я? Все это свершает богиня,

19-90

Зевсова дочь, вредоносная Ата, кто всех ослепляет.
Ноги легки у нее и подходит она незаметно,
Не прикасаясь к земле, по людским головам пробираясь.
И затемняет их разум. Она уж опутала многих.
Раз обошла она даже Зевеса, хотя полагают,

19-95

Что несомненно мудрее он всех и людей, и бессмертных.
Гера, как женщина с нравом, коварно его обманула
В день, когда время пришло Алкмене прекрасноволосой
Сына Геракла родить в опоясанных крепостью Фивах.
Зевс, похваляясь, в то время ко всем обратился бессмертным:

19-100

– Слушайте слово мое все боги, а так же богини,
Дабы я все вам поведал, как сердце в груди повелело.
Нынче должна Илифия, помощница в муках рожденья,
Вывести мужа на свет, кто царить над соседями будет,
Средь поколенья героев, от крови моей порожденных. –

19-105

В мыслях лукавая, ему отвечала почтенная Гера:
– Ты нас обманешь, Кронид, неисполненным слово оставишь.
Иль нерушимою клятвой сейчас поклянись, Олимпиец,
Что над соседями всеми тот будет царить, кто сегодня
Должен родиться на свет между чреслами женщины смертной,

19-110

Средь поколенья героев, от крови твоей порожденных. –
Так говорила она. И Зевес не заметил коварства,
Клятвой поклялся великой, и часто в том каялся после.
Гера тогда устремилась, вершину покинув Олимпа,
В Аргос ахейский помчалась, где, знала она, обитает

19-115

Знатная родом супруга Сфенела царя Персеида,
Сына носившая в недрах, седьмой лишь беременна месяц.
Но до поры недоноском на свет его вывела Гера,
Роды замедлив Алкмены, отсрочив потуги на время.
К Зевсу вернулась она и так возвестила Крониду:

19-120

– Отче Зевес Громовержец, в душе сохрани мое слово;
Славный родился тот муж, кто царить над Ахейцами должен;
Имя ему Эврисфей, из потомков твоих, – сын Сфенела,
Сына Персея. Такому не стыдно ахейцами править, –
Молвила. Острая скорбь его дух поразила глубоко.

19-125

Гневом пылая, он Ату поймал за блестящие кудри
И нерушимую клятвой поклялся, что больше отныне
На многоверхий Олимп и звездами покрытое небо
Ата назад не вернется, кто разум у всех ослепляет.
Так говоря, он рукой завертел и со звездного неба

19-130

Ринул богиню, и вскоре она меж людьми очутилась.
Часто из-за неё он вздыхал, когда милого сына
Видел в трудах недостойных, под властью царя Эврисфея, –
Также и я все то время, как пред судовыми кормами
Войско ахеян губил шлемовеющий Гектор великий,

19-135

Аты не мог позабыть, богини затмившей мой разум.
Но как тогда согрешил я, рассудка лишенный Зевесом,
Так все заглажу теперь и несчетные выдам подарки.
В битву готовься пока что и прочим веди ополчиться.
После доставлю подарки, какие вчера пред тобою,

19-140

В ставку явившись твою, Одиссей богоравный исчислил.
Или, желаешь, помедли, как страстно ни рвешься в сражение,
Слуги теперь же за ними пойдут на корабль мореходный,
Чтобы ты видел, как много приятного в дар получаешь".
И, отвечая на это, сказал Ахиллес быстроногий:

19-145

"О, многославный Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Хочешь ли эти подарки ты мне предложить, как прилично,
Иль удержать при себе, – то во власти твоей. Но скорее
Вспомним про битву. Не время теперь рассуждать или медлить.
Дело великое мести еще не свершенным осталось.

19-150

Вскоре увидите снова в переднем ряду Ахиллеса,
Как он фаланги троянцев тяжелым копьем сокрушает.
Пусть же и каждый из вас помышляет сразиться с троянцем".
Но, возражая на это, сказал Одиссей многоумный:
"О, богоравный Ахилл! И будучи храбрым безмерно,

19-155

Не побуждай ты ахейцев не евши с троянцами биться
Пред Илионской стеной, оттого что не малое время
Битва продлится, лишь только фаланги сойдутся героев,
Если и тех и других небожитель исполнит отваги.
Лучше ахейцам вели близ судов мореходных отведать

19-160

Хлеба теперь и вина, ибо в них дерзновенье и сила.
Пищи весь день не вкусив до заката блестящего солнца,
Даже и доблестный воин не в силах стоять пред врагами,
Как бы в душе не пылал он великой отвагою бранной.
Члены его тяжелеют. Терзают, помимо желанья,

19-165

Голод и жажда его. На ходу подгибаются ноги.

Тот же, кто вволю себя и вином подкрепил, и едою,
Может весь день устоять и с мужами враждебными биться.
Сердце его непреклонно в груди, и могучие члены
Не утомляются раньше, чем все не покинут сражение.

19-170

Войско теперь отпусти, повели им обед приготовить.
Тою порой пусть владыка мужей Агамемнон прикажет
Здесь в середину собранья подарки снести, чтоб ахейцы
Видели все их глазами, чтоб в сердце ты чувствовал радость.
Став между нами, пускай поклянется по поводу девы,

19-175

Что не входил к ней на ложе, ни разу в любви не смешался,
Как у людей среди жен и мужей происходит обычно.
И да смягчится, Ахилл, в груди твоей гордое сердце.
Пиром обильным потом пусть в палатке с тобой примирится,
Дабы ты все получил, что тебе подобает по праву.

19-180

Будь же и ты, Агамемнон, отныне к другим справедливей,
Ибо нисколько не стыдно, коль царь, повелитель народа,
С мужем желает мириться, которого прежде обидел".
И, отвечая, промолвил владыка мужей Агамемнон:
"С радостью слушал сегодня я слово твое, сын Лаерта,

19-185

Ибо ты все разъяснил по порядку, исчислив подробно.
Клятву хочу возгласить; так велит мне душа, и не лживо
Я присягну перед богом. Пускай Ахиллес быстроногий
Здесь, ожидая, помедлит, хоть сильно торопится в битву.
Также и вы подождите все вместе пока же подарки

19-190

Нам из палатки доставят и верности жертвы заколем.
Это тебе, Одиссей, поручаю немедля исполнить.
Юношей сам избери знаменитейших в войске ахейском,

Пусть с моего корабля все дары принесут нам, какие
Ты обещал Ахиллесу, пусть жен приведут перед нами.

19-195

Вестник Талфибий меж тем по обширному стану Ахеян
Веоря отыщет, чтоб в жертву заклать его Зевсу и Солнцу".
И, возражая Атриду, сказал Ахиллес быстроногий:
"О, многославный Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Лучше другое бы время для этих забот вы избрали,

19-200

После, когда передышка настанет в бою, и не будет
Сердце терзаться во мне столь неистовой жаждою брани.
Медью пронзенные острой, еще по земле распростерты
Те, кого Гектор смирил, когда Зевс даровал ему славу,
Вы же едой насладиться теперь приглашаете войско.

19-205

Что до меня, я велел бы, чтоб дети ахеян не евши
В битву пошли натошак. А с закатом блестящего солнца,
За поруганье воздавши, обильный им ужин предложим.
Раньше, чем это свершиться, пускай ни еда, ни напиток
Уст не коснутся моих, оттого что убитый товарищ,

19-210

Острой проколотый медью, лежит, по земле распростертый,
В ставке моей, обращенный ногами к дверям, а дружина
Плачет кругом. Не пиры у меня на уме, а убийство,
Черная кровь и предсмертные стоны троянцев".
И, возражая Ахиллу, сказал Одиссей многоумный:

19-215

"Сын благородный Пелея, великая слава ахеян,
Лучше меня ты владеешь копьем и храбрее гораздо,
Но разумения силой тебя превзошел я далеко,
Ибо я старше тебя по рождению и более сведущ.
Вот отчего мое слово ты сердцем снеси терпеливо.

19-220

Быстро для смертных людей наступает в бою пресыщенье.
Многих оружие наземь кладет, что колосья на ниве,
Хоть подобрать удастся не всех, коль весы наклоняет
Зевс промыслитель верховный, кто участь решает сражений.
Не на голодный желудок нам нужно оплакивать мертвых,

19-225

Ибо в огромном числе что ни день погибают герои.
Если печалиться вечно, когда ж от трудов отдыхать нам?
Тех, что погибли в бою, подобает предать погребенью,
Плача над ними в тот день, но твердость души сохраняя.
Всем же другим, кто остался в живых средь войны беспощадной,

19-230

Должно о том помышлять, как едой и питьем подкрепиться,
Чтобы и впредь, облеченные несокрушимою медью,
С войском враждебных мужей мы сражаться могли непрерывно.
Пусть же не медлит никто в ожиданьи другого приказа.
Всякий совет, несогласный с моим, послужил бы на гибель

19-235

Всем при судах аргивянам. Сберем же скорее отряды,
С бурною силой ударим на резвых наездников Трои".
Слово окончив, избрал он в товарищи двух Несторидов,
Сына Филея Мегаса, Фоаса, бойца Мериона
И Ликомеда, Креонова сына, с вождем Меланиппом,

19-240

И к Агамемнону в ставку немедля отправился с ними.
Он им давал приказанья, они исполняли поспешно.
Семь из палатки обещанных раньше треножников взяли,
Двадцать блестящих тазов, лошадей легконогих двенадцать,
Семь привели они жен, в безупречной работе искусных,

19-245

А Бризеиду – восьмую, прекраснolanитную деву.
Золота десять талантов, отвесив, держал сын Лаерта.
Он выступал во главе, а за ним молодые ахейцы
Шли с остальными дарами, неся их в середину собрания.
С места поднялся Атрид, и тогда перед пастырем войска

19-250

С вепрем Талфибий предстал, по голосу равный бессмертным.
Сын же Атрея, извлекши рукою свой нож, что обычно
Рядом с большими ножнами меча у него был привешен,
С жертвы обряд совершил, с головы ее волосы срезал,
Руки воздел к Олимпийцу Зевесу и начал молиться.

19-255

Молча, уселись ахейцы, внимая царю, как прилично.
И говорил он, молясь, на широкое небо взирая:
"Ныне да внемлет мне Зевс, меж богами сильнейший, верховный,
Солнце, Земля и Эриннии, – те, что, живя над землею,
Смертнорожденных карают за их вероломные клятвы:

19-260

В том я клянусь, что ни разу той девы рукой не касался,
Не принуждал Бризеиды ни ложе делить, ни работать,
В том, что не тронута мною, она проживала в палатке.
Если я лживо поклялся, пусть боги пошлют мне страданья,
Как и тому, кто греша, присягнул вероломно".

19-265

Молвил и шею кабанью разрезал безжалостной медью.
Жертву, рукой завертев, ее на съедение рыбам
Бросил Талфибий в пучину великую моря седого.
Сын же Пелея, поднявшись, воскликнул средь храбрых данайцев:
"Отче Зевес, ты великие людям готовишь страданья.

19-270

Если б не то, никогда Агамемнон в груди моей храброй
Гнева не мог возбудить, никогда не увел бы насильно
Дочери юной Бризея, ничьим непослушный советам.
Только Зевес пожелал, чтобы много ахейн погибло.
Ныне за трапезу сядьте; да будем готовы к сраженью".

19-275

Так он сказал и собрание мужей распустил пред судами.
Все по своим кораблям аргивяне рассеялись быстро.
А мирмидонцы, отважные сердцем, подарки собрали
И унесли на корабль Ахиллеса, подобного богу,
В ставке сложили их рядом и жен на места усадили.

19-280

Слуги пришли за конями и в общий табун их угнали.
А Бризеида, подобная вся золотой Афродите,
Лишь увидала Патрокла, пронзенного острою медью,
Труп обняла и, рыдая, себе изодрала
Нежную шею и грудь, и лицо, что сияло красою,

19-285

И говорила сквозь слезы с богинями равная дева:
"Милый Патрокл, о, друг, для меня, злополучный, отрадней!
Этот шатер покидая, с тобою живым я простилась,
Ныне, вернувшись обратно, тебя бездыханным встречаю.
Так непрерывно беда за бедою меня постигает.

19-290

Муж, кому нежная мать и отец меня отдали в жены,
Пал, защищая наш город; его я видала пронзенным.
Видала мертвыми братьев любезных от матери общей;
Трое их было, и всех их постигла печальная участь.
Ты ж унимал мои слезы, когда Ахиллес быстроногий

19-295

Мужа убил моего и город разрушил Минеса.

Ты обещал, что Ахилл богоравный супругой законной
Вскоре меня назовет и, отвезши в родимую Фтию,
Брачный отпразднует пир среди мирмидонян отважных.
Вот отчего я так плачу над мертвым, о, кроткий при жизни!"

19-300

Так она, плача, сказала. И прочие жены рыдали
Все над убитым Патроком, но в сердце над собственным горем.
Старцы ахеян меж тем вокруг Ахилла сошлись, убеждая
Пищи отведать, но он, уклоняясь, ответил со вздохом:
"Ныне молю вас, друзья, если просьбе моей вы послушны,

19-305

Не принуждайте питьем и едой насладиться,
Ибо великая скорбь овладела моею душою.
Я подожду и снесу до заката блестящего солнца".
Так говорил Ахиллес и вождей проводил из палатки.
Только Атриды остались да царь Одиссей богоравный,

19-310

Нестор да Идомей, да Феникс, наездник маститый,
Скорбь Ахиллеса пытались рассеять. Но он, безутешный,
Жаждал скорей очутиться среди пасти кровавого боя.
Прошлое вспоминая, глубоко вздохнул он и молвил:
"Прежде бывало и ты, о, любимейший друг злополучный,

19-315

В этой палатке готовил обед, услаждающий душу,
Был расторопен и скор, когда аргивяне спешили
Против наездников Трои начать многослезную битву.
Ныне пронзенным лежишь, я же голодом сердце терзаю,
Не прикасаясь к еде и питью, хоть в палатке их много,

19-320

Ибо скорблю по тебе. Я б сильнее не чувствовал горя,
Даже когда бы узнал, что погиб мой отец престарелый,
Он, кто во Фтии теперь проливает горячие слезы,

В грусти по сыне своем, среди чужого народа живущим,
Из-за презренной Елены воюющим против троянцев.

19-325

Или что умер мой сын, – тот, кто в Скиросе дальнем воспитан
(Если он дожил доньне, Неоптолем боговидный).
Я до сих пор постоянно ласкал свое сердце надеждой,
Что на троянской земле я один лишь погибну, далеко
От многоконного Аргоса, ты ж возвратишься во Фтию

19-330

И на судах чернобоких со Скироса в отчую землю
Милого сына доставишь и все ему дома покажешь:
И достоянье мое, и рабынь, и чертог наш высокий.
Ибо уже опасаясь, что умер Пелей престарелый,
Или, хотя и живет, удручаем он старостью тяжелой

19-335

И ожидает со страхом прибытия вести печальной,
Дня ожидает, когда о гибели сына услышит".
Так говорил он сквозь слезы. И старцы глубоко вздыхали,
Каждый в душе вспоминая о тех, кого дома покинул.
Видя, как плачут они, пожалел их Зевес Олимпиец,

19-340

Тотчас Афине Палладе крылатое слово промолвил:
"Разве, дитя, отреклась ты от этого славного мужа?
Разве тебя уже больше Ахилл не заботит нисколько?
Вот посмотри, как сидит он среди кораблей крутобоких,
Плача над другом любезным. Другие начальники войска

19-345

Сели за трапезу все, только он не касается пищи.
Ты же помчись поскорее и нектар с амврозией сладкой
В грудь Ахиллесу пролей, чтобы голодом он не терзался".
Так побуждал он Афины, – она и сама торопилась.
Быстро, как будто орел большекрылый и звонкоголосый,

19-350

С неба она понеслась по эфиру. В то время ахейцы
Уж ополчались для боя. И тотчас она Ахиллесу
Нектара в грудь пролила, а также амвросии сладкой,
Чтобы мучительный голод ему не расслабил колени,
И в крепкозданный чертог всемогущего Зевса вернулась.

19-355

Вдаль от судов быстроходных рассеялись дети ахеян.
Точно как снежные хлопья слетают без счета от Зевса,
Мерзлым гонимы дыханьем Борея, питомца эфира
Так в это время без счета из быстрых судов повалили
Шлемы, блиставшие ярко, щиты, округленные ровно,

19-360

Выпукло-крепкие брони и копья о ясенных древках
Блеск доходил до небес, и кругом вся долина смеялась
В ярком сиянии меди, звуча под ногами героев.
А посредине рядов ополчался Ахилл богоравный.
Гневом дыша, скрежетал он зубами, блестящие очи

19-365

Словно огни пламенели, но сердце тоской нетерпимой
В мощной терзалось груди. Он, к троянцам пылая враждою,
Бога дары надевал, что Гефест изготовил, трудившись.
Прежде всего наложил он на голени латы ножные,
Дивные видом, – они на серебряных пряжках держались.

19-370

После того на груди укрепил он блистающий панцирь
И перебросил чрез плечи тяжелый свой меч среброгвоздй
Медный, а в руки взял выпуклый щит, и огромный и крепкий.
Блеск от щита исходил далеко, как от месяца в небе.
Точно как в море открытом внезапно блеснет пред пловцами

19-375

Яркий огонь, что горит одиноко на горной вершине,
В месте укромном, меж тем как они против воли гонимы
Бурей, вдали от друзей, по волнам многорыбного моря:
Так от щита Ахиллеса, покрытого дивной работой,
Блеск восходил до эфира. И шлем, от земли приподнявши,

19-380

Сверху чело он покрыл. Как звезда, пламенел на герое
Шлем о султанине косматом. Густая из золота грива
Грозно вдоль гребня кругом колебалась, – работа Гефеста.
Весь облеченный в доспехи, Пелид их испытывать начал,
Плотно ль приходится к телу, свободно ль в них движутся члены:

19-385

Точно как легкие крылья, они поднимали владыку.
После того из ковчега копье он отцовское вынул,
Крепкое, страшно большое. Никто не умел из ахейян
Им потрясать, лишь Ахилл колебал без труда это древко –
Ясень с горы Пелиона, отцу его данный Хироном,

19-390

Срубленный им на верху Пелиона, героям на гибель.
Автомедон и Алким подвели лошадей легконогих
И запряги их, ремни через тело красивое бросив,
В рот им вложив удила, от которых к сидению сзади
Были протянуты вожжи. И бич захвативши блестящий,

19-395

Автомедон благородный поспешно вскочил в колесницу.
Рядом с возницею встал Ахиллес, ополчившийся в битву,
Медным оружием сверкая, как Гиперион лучезарный.
Голосом зычным и грозным окликнул коней он отцовских:
"Балий и Ксанф, далеко знаменитые дети Подарги!

19-400

Больше всего помышляйте о том, чтоб спасти невредимым,
Вынести быстро к данайцам возницу, как битву покончим.
Не покидайте меня бездыханным в бою, как Патрокла".
Ксанф быстроногий тогда под ярмом отозвался и молвил,
Голову грустно понунив, меж тем как блестящая грива

19-405

Вся из ошейника пала и в прах вдоль ярма опустилась.
Голос вдохнула в него белорукая Гера богиня:
"Ныне, могучий Ахилл, тебя мы спасем невредимым.
Только погибели день от тебя отстоит недалеко.
В этом не наша вина, а судьбы всемогущей и бога.

19-410

Не из-за лености нашей или неспособности к бегу,
С плеч Менойтида Патрокла оружие сняли троянцы.
Бог всемогущий, рожденный Латоной прекрасноволосой,
В первом ряду его ранил и славой покрыл Приаида.
Мы под тобой полетим и помчимся с дыханьем Зефира,

19-415

Кто, говорят, быстротой одарен величайшей на свете.
Но суждено и тебе через бога погибнуть и мужа".
Только что кончил он речь, как Эриннии голос пресекли.
Гневно ему отвечал быстроногий Ахилл богоравный:
"Ксанф, о, зачем ты пророчишь мне смерть? Не заботься об этом.

19-420

Знаю и сам хорошо, что судьба мне погибнуть под Троей,
Здесь, далеко от отца и от матери милой, но раньше
Не отдохну я, пока все враги не устанут от битвы".
Молвил и с криком погнал перед войском коней быстроногих.

* * *

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ Битва богов

Так под начальством твоим, о, Пелид, ненасытный в сраженьях,
Подле кривых кораблей ополчались ахеяне в битву.
В свой же черед и троянцы равнялись по скату долины.
Зевс той порой с вершины горы многодольной Олимпа
Дал приказанье Фемиде бессмертных созвать для собрания.

20-5

Всех облетела богиня, в чертог направляя к Зевесу,
Не пропустив никого из потоков, кроме Океана,
И ни единой из нимф, обитающих в рощах красивых,
Или в источниках рек или на влажных лугах травянистых.
К Зевсу, сгустителю туч, вошли они в дом и уселись

20-10

В портиках тесаных гладко, которые с мудрым расчетом
Зевсу отцу Олимпийцу построил Гефест хромоногий.
Все у Кронида собрались. И вместе с другими из моря,
Слову богини послушный, явился земли колебатель.
Сев посредине, он стал вопрошать о намереньях Зевса:

20-15

"Молниеносный, зачем ты бессмертных созвал для собрания?
Или устроить затеял дела аргивян и троянцев?
Снова сраженье и бой между ними теперь запылал".
И, отвечая, промолвил Кронид, собирающий тучи:
"Ты угадал, о, земли колебатель, намеренья сердца,

20-20

То, для чего я собрал вас: о гибнущих людях забочусь.
Я на вершине Олимпа останусь сидеть и отселе
Буду глядеть, наслаждаясь. А вы, остальные все боги,
В путь отправляйтесь туда, где ахейцы стоят и троянцы.
Тем и другим помогайте, как всякий в душе пожелает.

20-25

Если Ахилл и один без дружины пойдет на троянцев,

Не устоять им всем вместе перед быстроногим Пелидом.
Только завидев его, уж они задрожали от страха.
Ныне ж, когда он в душе из-за друга так страшно разгневан,
Сам я боюсь, как бы стен он, судьбе вопреки, не разрушил".

20-30

Так говоря им, Кронид возбудил бесконечную распрю.
В битву отправились боги, различное в сердце замыслив.
Гера с Палладой Афиной к стоянке судов полетели.
К флоту Ахеян помчался и царь Посейдон земледержец
Вместе с Гермесом, подателем благ, своей мудростью славным.

20-35

Сзади, хромая, пошел и Гермес, полагаясь на силу:
Медленно тонкие ноги под телом большим ковыляли.
К войску троянцев помчался Арей шлемовеющий; с ним же
Феб длиннокудрый пошел с Артемидою стрелолюбивой
И Афродита с улыбкою нежной, и Ксанф, и Латона.

20-40

Долго, пока Олимпийцы вдали оставались от смертных,
Греки в душе ликовали о том, что Ахилл богоравный
Вновь, по отсутствию долгом, в жестоком бою появился.
Но содрогались троянцы и трепет им сковывал члены,
Все ужасались при виде, как сын быстроногий Пелея

20-45

Медным оружием сверкал, на убийцу Арея похожий.
Вскоре ж бессмертные боги с толпою героев смешались.
Грозная Распря явилась, войска побуждая к сраженью.
Громкий воинственный клик издавала Паллада Афина
То за стеною у рва, то на звучном побережии моря.

20-50

В свой же черед и Арей, на темную тучу похожий,
Зычно кричал, то с высот городских ободряя троянцев,
То пробегая вдоль вод Симоиса по Калликолоне.

Так, побуждая троянцев и греков, блаженные боги
Подняли битву героев и распря затеяли сами.

20-55

Страшно с высот загремел сам Зевес, отец и людей, и бессмертных.
Той же порой из глубин всколебал Посейдон знаменитый
Необозримую землю и гор заостренных вершины.
Дрогнула вся до подошвы ключами обильная Ида,
Дрогнули горы, суда аргивян и твердыня троянцев.

20-60

Страх в преисподней объял Аидона, владыку усопших.
С криком он с трона вскочил, опасаясь в душе, чтобы сверху
Землю над ним не разверз Посейдон, колебатель могучий,
Чтобы обитатели мертвых богам не открылись и людям,
Душные, полные мрака, которых страшатся и боги.

20-65

Столь оглушительный гул той порою раздался, как в битве
Боги столкнулись друг с другом. Тут против царя Посейдона
Выступил Феб Аполлон, приготовив крылатые стрелы,
Пред Энниалием стала богиня Паллада Афина,
Гере навстречу пошла златокудрая, бурная в гневе,

20-70

Метких владычица стрел Артемида, сестра Дальновержца,
Против Латоны стал мощный Гермес, приносящий богатства,
Против Гефеста – Поток знаменитый, глубокопучинный,
Тот, кого люди Скамандром зовут, а бессмертные Ксанфом.
Так вечносущие боги один за другим наступали.

20-75

Сын же Пелея меж тем порывался в толпу, чтобы встретить
Гектора, сына Приама, чьей крови всех более жаждал
Бога Аррея насытить, – воителя, грозного силой.
Только Энея вождя Аполлон, подстрекатель героев,
Против Пелида направил, вдохнув непреклонную силу.

20-80

Голос и образ приняв Ликаона, Приамова сына,
Феб Аполлон Дальновержец такое сказал ему слово:
"Где, о, советник троянцев, твои похвальбы и угрозы,
Где обещанье твое с Ахиллесом Пелидом сражаться,
Данное в прежние дни, как вино попивал ты с царями?"

20-85

И, отвечая на это, промолвил Эней богоравный:
"Сын благородный Приама, зачем ты меня побуждаешь
Против желанья сражаться с бестрепетным сыном Пелея?
Я не впервые б сошелся теперь с быстроногим Ахиллом,
Ибо однажды меня он копьем обратил уже в бегство

20-90

С Иды высокой, где сделал на наших быков нападенье,
Медью пронзивши Лирнеса с Педасом. Меня ж Олимпиец
Спас, одарив меня силой и быстрыми сделав колени.
Чуть я не пал от руки Ахиллеса и гнева Афины,
Что выступает пред ним и, победу даря, помогает

20-95

Острым копьем умерщвлять и Лелегов, и воинов Трои.
Вот отчего человек с Ахиллесом не в силах сражаться:
Вечно пред ним кто-нибудь из богов, отвращающий гибель.
Прямо летят его стрелы, не раньше слабеют, чем в тело
Мужа вопьются. О, если бы жребии битвы сравнялись

20-100

Волей богов! Не легко надо мной одержал бы победу
Этот воитель, хотя и гордится, что весь он из меди".
Феб Аполлон, сын Зевеса, ему, отвечая, промолвил:
Ныне дерзай, о, герой, помолвившись богам вечносущим.
Ты, утверждают, рожден Афродитою, дочерью Зевса,

20-105

Царь же Ахилл быстроногий от низшей родился богини,
Ибо одна от Зевеса, другая – от старца морского.
Несокрушимую медь понеси пред собой и сражайся,
А не ищи извернуться посредством угроз или жалоб".
Так говоря, он вдохнул в полководца великую силу.

20-110

Медью сверкая, Эней средь переднего ряда пробрался.
Но не укрылось от Геры, что сын благородный Анхиза
Через смятение битвы навстречу пошел к Пелиону.
Прочих бессмертных созвав, белорукая молвила Гера:
"Ныне обдумайте оба, о, царь Посейдон и Афина,

20-115

В мыслях своих обсудите, как эти дела нам устроить.
Яркою медью одетый, навстречу Пелееву сыну
Вышел Эней, а его Аполлон подстрекнул Дальновержец.
Дайте ж, решим, что полезней: прогнать ли Анхизова сына,
Или кому-нибудь также из нас к Ахиллесу явиться.

20-120

Силой великой его одарить и наполнить отвагой,
Дабы узнал Ахиллес, что первейшие в сонме бессмертных
Любят его и что боги ничтожные, слабые силой,
Гибель и ужас войны отклоняли досель от троянцев.
С тем ведь сошли мы с Олимпа и в это сраженье вмешались,

20-125

Чтобы сегодня Ахилла беда средь врагов не постигла.
После пускай он претерпит страдания, нити которых
Выпряла Парка ему, когда он от Фетиды родился.
Если всего не услышит из уст небожителя бога,
Как бы не стал он бояться, что против него среди боя

20-130

Вышел бессмертный. А боги опасны, представ пред очами".
Ей отвечая, сказал Посейдон, потрясающий землю:
"Гера, не гневайся столь безрассудно: тебе не пристало.
Я не желаю отнюдь, чтобы вечные боги друг с другом
В битве столкнулись теперь, ибо мы несравненно сильнее.

20-135

Лучше уйдем из толпы и на месте возвышенном сядем,
Пусть о войне многослезной заботятся смертные люди.
Если ж битву начнут Аполлон и Арей мужегубец,
Или задержат Ахилла и биться ему помешают,
То и меж нами немедля возникнет смятение брани.

20-140

Только надеюсь, что скоро, рукой укрощенные нашей
И обращенные в бегство, они по нужде, против воли,
Вспять на Олимп возвратятся, в собрание прочих бессмертных".
Слово такое сказав, Посейдон их повел темнокудрый
К древней ограде Геракла, к высокой стене, что троянцы

20-145

Некогда вместе с Афиной воздвигли для этого мужа,
Чтобы, укрывшись за ней, от морского чудовища спастся,
В день как оно от побережья погналось за ним по долине.
Там Посейдон темнокудрый и прочие боги уселись,
Непроницаемой тучею плечи покрыв. А напротив

20-150

Сели защитники Трои на Каллликолоне холмистой
Около вас, дальнемечущий Феб и Арей истребитель.
Так Олимпийские боги держали совет меж собою,
Сидя на разных концах. Они медлили. Те и другие
Пагубный бой начинать. Но Кронид с высоты приказал им.

20-155

Медью зажглась вся долина, людьми и конями покрылась,

И задрожала земля под ногами мужей наступавших.
Двое в то время бойцов, затмевавших отвагою прочих,
Вышли в средину меж войск, порываясь друг с другом сразиться,
Сын знаменитый Анхиза Эней и Ахилл богоравный.

20-160

Первым, угрозой дыша, устремился Эней, сын Анхиза,
Шлемом кивая тяжелым и медным копьем потрясая,
Крепко держа перед грудью неистовый щит округленный.
В свой же черед и Пелид поспешает, как лев истребитель,
Если, всем миром сойдясь, поселяне убить его жаждут;

20-165

Гордо, сперва, он ступает, угрозы врагов презирая;
После ж того, как стрелой угодит в него юноша храбрый,
Он припадает к земле, кровожадную пасть разевает;
Пена клубится на деснах и стонет в груди его сердце;
Медленно бьет он хвостом по могучим бокам и по бедрам,

20-170

Сам побуждая себя непреклонно с врагами сражаться;
Вдруг он, сверкнувши очами, кидается прямо и мчится,
Чтоб человека убить иль упасть самому пред толпою:
Так Ахиллеса царя побуждало бесстрашное сердце
Гордо навстречу идти непреклонному сыну Анхиза.

20-175

После того как сошлись, наступая один на другого,
Первый Энею сказал быстроногий Ахилл богоравный:
"Что предо мною ты стал, так далеко ушел от дружины?
Сердце, быть может, тебя побудило сражаться со мною
В гордой надежде на то, что царить над троянцами будешь,

20-180

Почестью равный Приаму? Но если б меня и убил ты,
Все-таки скиптра тебе не вручит он и почести царской,
Ибо он сам не бездетен и волею тверд и разумен.

Или участок земли, и садами, и пашней богатый,
Большой, чем прочим, тебе отведут во владенье троянцы,

20-185

Если меня умертвишь? Да свершить это, думаю, трудно.
Помню, однажды копьем я тебя обратил уже в бегство.
Или забыл ты про день, как тебя отогнал я от стада,
Сверху по кручам Идейским преследуя быстро ногами?
Не озираясь ни разу, в то время ты мчался, покуда

20-190

Бегством не спасся в Лирнессу. Но вскоре напал я на город
И разгромил при содействии Зевса отца и Афины.
Множество пленниц увел я, лишив их сиянья свободы.
Ты же Кронидом тогда и другими спасен был богами.
Ныне, надеюсь, тебя не спасут они вновь, как мечтаешь.

20-195

Но повинуйся совету: назад удались поскорее,
Скройся в толпу и не стой предо мною. Одумайся раньше,
Чем заплатишься. Глупец познает только то, что свершилось".
И, возражая, Эней обратился к Ахиллу и молвил:
"Ты не надейся, Пелид, что словами, как будто младенца,

20-200

Сможешь меня напугать, ибо сам хорошо я умею
Колкие речи твердить и, как ты, наносить оскорбленья.
Оба мы знаем рожденье друг друга и ведаем предков,
Много от смертнорожденных наслушавшись древних преданий.
Сам же в лицо ты моих не видал и твоих я не видел.

20-205

От беспорочного ты, говорят, приходишь Пелея,
Мать же тебя родила пышнокудрая нимфа Фетида.
Я объявляю себя непреклонного духом Анхиза
Сыном возлюбленным. Мать же моя – Афродита богиня.
Ныне одна из них будет оплакивать милого сына,

20-210

Ибо не верю, что мы, обменявшись словами, как дети,
Так разойдемся друг с другом и праздно покинем сражение.
Или, желаешь, поведаю все, и да станет известным
Род наш тебе, как уж многим известен он людям доньше?
Первый родился Дардан от сгустителя туч Олимпийца.

20-215

Он основал Дарданию, в те дни, как священная Троя
Не возвышалась еще среди долины, и здешние люди
Жили в домах у подножия Иды, ключами обильной.
Сын у Дардана родился, владыка мужей Эрихтоний,
Самый богатый из всех на земле обитающих смертных.

20-220

Тысячи три кобылиц на поемных лугах травянистых
У Дарданида паслись, жеребятами резвыми горды.
Страстью ко многим Борей воспылал и на пастбищах тучных
С ними смешался в любви, обернувшись конем темногривым.
Те, от Борей зачав, жеребят породили двенадцать,

20-225

Столь легконогих, что если по нивам цветущим скакали,
То не ломали колосьев, а вихрем неслись по верхушкам.
Если ж они пролетали по гребню широкому моря,
То, не касаясь, скользили по краю волны белоснежной.
Троса родил Эрихтоний, царя над троянским народом.

20-230

Трое родилось от Троса могучих детей беспорочных:
Доблестный Ил, Ассарак да еще Ганимед богоравный,
Самый прекрасный из всех на земле обитающих смертных.
Он за свою красоту был похищен богами, да вечно
В сонме бессмертных живя, виночерпием служит Зевесу.

20-235

Лаомедон беспорочный родился от Ила владыки.
Пять сыновей воспитал он: Приама царя и Тифона,
Клития, Лампа и Гикетаона, потомка Арея.
Капис рожден Ассараком и сына имел он Анхиза.
Я от Анхиза рожден, от Приама – божественный Гектор.

20-240

Вот я каков по рождению, вот предки, чьей кровью горжусь я.
Силу же только Зевес, кто могуществом всех превосходит,
Смертным дарует мужам и ее отнимает, коль хочет.
Только не время теперь на словах состязаться, как дети,
Полно без дела стоять посреди беспощадного боя.

20-245

Можем обидные речи мы оба твердить бесконечно,
Столько, что груза всего не свезешь на стовесельном судне.
Гибок язык у людей и на разные речи способен,
Слов же обильная жатва для всякого спора готова.
Слово какое промолвишь, такое в ответ и услышишь.

20-250

Только какая неволя нам спорить бесплодно друг с другом,
Бранные речи твердить уподобившись женам крикливым,
Что, приведенные в ярость снедающим душу раздором,
Обе на улицу вышли и вслух попрекают друг дружку
Правдою и небылицей, послушны лишь голосу гнева?

20-255

Ты не удержишь словами отваги моей непреклонной,
Раньше чем яркою медью с тобою сразимся сегодня.
Дай же, скорей испытаем друг друга копьем медноострым".
Молвив, копье боевое в чудовищный щит он кидает.
Страшно весь щит загудел, копьа острием пораженный.

20-260

И Ахиллес содрогнулся и поднял могучей рукою
Щит перед телом, боясь, что тяжелым копьем длиннотенным
Сын благородный Анхиза пробить его может навывлет.
Глупый, о том позабыл он и в мыслях своих не подумал,
Что не легко уязвимы дары небожителей славных

20-265

И не легко уступают усилиям смернорожденных.
Не пролетело сквозь щит и оружие Анхизова сына:
Золото было помехой – подарок великого бога.
Две полосы лишь пробил копьё, еще три оставалось,
Ибо пятью полосами тот щит обтянул Хромоногий,

20-270

Медными сверху двумя и двумя оловянными снизу,
А золотой посредине: она то копьё задержала.
Следом за ним и Пелид – копьё длиннотенное бросил.
Сына Анхиза ударил он в щит равномерно округлый
Близко от верхнего края, где медь, как и шкура бычачья,

20-275

Тонким пластом простирались. И ясень с горы Пелиона
Вышел насквозь через щит, и он весь загудел от удара,
В страхе согнулся Эней, подымая свой щит перед телом,
Так что копьё пролетело над самым плечом у героя
И, порываясь вперед, острием своим в землю воткнулось,

20-280

Оба пласта пронизав на щите, покрывающем мужа.
Древка избегнув, поднялся Эней, ужасаясь при виде,
Как оно близко вонзилось, и скорбь его очи покрыла.
Тотчас Ахилл устремился, извлекший свой щит заостренный,
Громко и страшно крича. А Эней взял метательный камень,

20-285

Крупный булыжник; его не снесли бы и двое из смертных,

Ныне живущих. Легко сын Анхиза один его поднял.
Тут бы Эней устремился и камнем ударил Ахилла
В блестящий шлем или щит, что хранили героя от смерти.
Ринулся б также Пелид и мечом бы лишил его жизни,

20-290

Если бы их не узрел Посейдон, потрясающий землю.
Тотчас он к прочим богам обратился и слово промолвил:
"Боги, мне грустно глядеть, как сын благородный Анхиза
Вскоре в Аид снизойдет, укрощенный оружием Ахилла,
Ибо поверил он глупый словам Аполлона владыки,

20-295

Но от гибели черной его не спасет Дальновержец.
Только зачем бы сей воин страданья терпел, неповинный,
За преступленья чужие? Не мало даров он отрадных
Жертвовал вечным богам, обитающим в небе просторном.
Дайте ж на помощь к нему поспешим и от смерти избавим.

20-300

Не прогневили б мы Зевса, дозволив Ахиллу Пелиду
Сына Анхиза убить. Не судьба ему ныне погибнуть,
Чтобы не вовсе бесследно исчезло потомство Дардана,
Мужа, который Крониду других сыновей был дороже,
Всех, кого смертные жены ему принесли когда-либо

20-305

Стало уже ненавистно ему поколение Приама.
Ныне могучий Эней над троянцами царствовать будет,
Также и дети детей, что должны от Энея родиться".
И волоокая так отвечала почтенная Гера:
Сам, о, земли колебатель, обдумай ты участь Энея,

20-310

Или спаси, иль дозволь, чтобы он, невзирая на храбрость,
Был укрощен под руками Ахилла Пелеева сына.
Мы же не раз обещали и часто в том клятвы давали

Перед собраньем бессмертных, и я, и Паллада Афина,
Что никогда отвращать от Троянцев напасти не будем,

20-315

Если бы даже вся Троя зловещим огнем запылала
В день, как зажгут в ней пожар непреклонные дети ахеян".
Слово такое услышав, земли колебатель могучий
Двинулся с места вперед через бой и смятение копий.
Вскоре он прибыл туда, где Эней с Ахиллесом стояли.

20-320

Облаком темным тогда он окутал глаза Ахиллеса,
Сам же меж тем из щита богоравного сына Анхиза
Ясень обратно извлек с наконечником острым из меди
И положил его близко у ног Ахиллеса Пелида.
После, высоко подняв над землею, он кинул Энея.

20-325

И перенесся Эней, устремленный рукою нетленной,
Через ряды колесниц, через множество воинов пеших
И очутился на самом конце многотрудного боя,
Там, где стояли киконы и в битву еще ополчались.
Близко туда подошел Посейдон, потрясающий землю,

20-330

И, обратившись к Энею, крылатое слово промолвил:
"Кто из бессмертных тебя в заблуждение ввел, сын Анхиза,
Кто посоветовал биться с бестрепетным сыном Пелея,
С ним, кто сильнее тебя и к тому же бессмертным любезней?
Вечно пред ним отступай, где бы с ним ни встречался в сраженьи,

20-335

Чтобы судьбе вопреки не спуститься в обитель Аида.
После ж того, как Ахилла постигнет судьба и кончина,
Смело в переднем ряду с остальными врагами сражайся,
Ибо никем из ахеян другим умершвлен ты не будешь!"
Слово окончив и все разъяснив, он покинул Энея

20-340

И поспешил, чтобы тучу отвезать от глаз Ахиллеса.
Очи широко раскрыв, сын Пелея кругом оглянулся.
Тяжко вздохнул и такое в душе своей слово промолвил:
"Боги, великое чудо, по истине вижу своими глазами.
Древко лежит на земле, но нигде отыскать не могу я

20-345

Мужа, в которого бросил копье, умертвить порываясь.
Знать, и Эней, сын Анхиза, богам вечносущим любезен.
Мне же казалось прежде, что он безрассудно хвалился.
Впрочем, пускай убегает, он снова со мной не сразится,
После того как сегодня, столь радостно, смерти избегнул.

20-350

Дай же, со словом теперь обращусь к непреклонным ахейцам,
После пойду на троянцев и всех испытаю оружием".
Молвив, к рядам поспешил, ободряя в них каждого мужа:
"Вы не держитесь вдали, богоравные дети ахеян,
Ближе к врагам подступайте, пусть каждый с троянцем сразится.

20-355

Мне одному тяжело, не взирая на всю мою силу,
Столько преследовать войска и разом со всеми сражаться.
Сам бы Арей, хоть и бог он бессмертный, сама бы Афина,
Не устояли одни среди пасти подобного боя.
Впрочем, надеюсь исполнить без устали все, что возможно

20-360

Сделать могуществом рук или легкостью ног, иль отвагой.
Прямо в середину рядов отправляюсь и кто из троянцев
Встретится с этим копьем, тот не будет мне рад, полагаю".
Так, ободряя, сказал он. В то время блистательный Гектор
Громко к троянцам взывал, на Ахилла идти собираясь:

20-365

"Вы не страшитесь Пелида, о, гордые воины Трои!
Мог бы и я на словах без труда с олимпийцами биться,
Только на копьях опасно, они несравненно сильнее.
Так и Ахилл, полагаю, не все исполняет угрозы.
Он совершает одно, а другое, не кончив, бросает.

20-370

С ним я померяюсь, будь он руками проворен, как пламя,
Будь он, как пламя проворен и светлого крепче железа".
Так он сказал, ободряя. И подняли копья троянцы,
Тесно ряды их сомкнулись и бранные клики раздались.
К Гектору тою порой подошел Аполлон и промолвил:

20-375

"Гектор, в переднем ряду с Ахиллесом не думай сражаться,
Только в толпе с ним встречайся, поодаль от шума сраженья,
Чтобы копьем не попал или близко мечом не ударил".
Так он промолвил и, голос вещавшего бога услышав,
Гектор почувствовал ужас, вернулся в толпу и укрылся.

20-380

Тою порой Ахиллес, облеченный великою силой,
Ринулся, грозно крича, на троянцев. И первым убил он
Ифитиона, начальника многих племен, Отринтида.
Нимфа Наяда его родила от бойца Отринтея
В Гиде, богатой стране, у подножия снежного Тмола.

20-385

В голову дивный Ахилл его ранил копьем посредине,
В миг как вперед он рванулся, и надвое кость раскололась.
Шумно он грохнулся в прах, и Ахилл, похваляясь, воскликнул
"Ныне лежишь, Отринтид, между всеми мужами страшнейший!
Вот где нашла тебя смерть, а рожден ты на берегу дальнем

20-390

Светлой Гигеи, где дом и отцовское поле покинул,
Близ многорыбного Гилла, у темнопучинного Герма".
Так он хвалился. И сумрак окутал глаза Отринтида,
Тело ж его истоптали колеса и кони ахеян
В ряде передних бойцов. Вслед за этим Ахилл богоравный

20-395

Демолеона, дитя Антенора, искусного в битве,
Дротом ударил в висок, угодивший по медному шлему.
Не воспротивилась медь, но насквозь острие пролетело,
Пробило кость черепную, и кровью весь мозг обагрился.
Так Ахиллес усмирил его в миг, как он ринулся в битву.

20-400

Гипподамаса потом, с лошадей соскочившего наземь,
В спину копьем он ударил, готового броситься в бегство.
Дух испуская, троянец как бык заревел криворогий,
Если его к алтарю Посейдона, царя над Геликой,
Юноши силою ташат, и рад им земли колебатель:

20-405

Так застонал и троянец, прощаясь с душою отважной.
Сын же Пелея с копьем на героя пошел Полидора,
Сына Приама. Отец запрещал ему биться с врагами,
Ибо среди всех сыновей Полидор, как последнерожденный,
Был ему прочих дороже. Он легкостью ног отличался.

20-410

Тою порой, безрассудный, своей быстротой похваляясь,
Рыскал в ряду он переднем, пока не лишился дыханья.
В миг, как он мимо прошел, богоравный Ахилл быстроногий
В спину копьем его ранил, туда где крючки золотые
Пояс держали на нем, как бы панцирь двойной образуя.

20-415

Тело навывлет пройдя, острие у пупка показалось.

С криком он пал на колени, и вскоре, окутанный тьмою,
Рухнул во прах, прижимая руками зиявшую рану.
Как только Гектор узрел Полидора, любезного брата,
Наземь упавшего, тщетно пытавшего скрыть свою рану,

20-420

Облако скорби окутало очи героя.
Больше не смог он вдали устоять, но, похожий на пламя,
Острым копьем потрясая, пошел Ахиллесу навстречу.
Видя, как он устремился, Ахилл, похваляясь, воскликнул:
"Вот приближается муж, истерзавший мне сердце печалью,

20-425

Ибо товарища он умертвил у меня дорогого.
Полно теперь избегать нам друг друга на поле сраженья".
После прибавил, взглянув исподлобья на сына Приама:
"Ближе ступай, чтоб скорей угодил ты к погибели в сети!"
Сердцем не дрогнув, ему отвечал шлемовеющий Гектор:

20-430

"Ты не надейся, Пелид, что словами, как будто младенца,
Сможешь меня испугать, ибо сам хорошо я умею
Колкие речи твердить и, как ты, наносить оскорбленья.
Знаю, что силой ты грозен, что я несравненно слабее.
Только грядущее скрыто на лоне богов вечносущих.

20-435

Им лишь одним то известно, не я ли, хоть менее сильный,
Дух твой исторгну. И наше копье с наконечником острым".
Так говоря, он с размаха копье длиннотенное бросил.
Слабодохнула Афина и медь отклонила дыханьем
От многославного сына Пелея; копье же вернулось

20-440

К дивному Гектору вспять и у ног его близко упало.
С криком зловещим Ахилл устремился на сына Приама,
Медью желая убить, но того Аполлон Дальновержец,

Будучи богом легко удалил, осенивши туманом.
Трижды бросался вперед богоравный Ахилл быстроногий

20-445

С медным копьем и три раза туман рассекал он сгущенный.
И, нападая в четвертый, на грозного бога похожий,
Яростный крик испустил он и слово крылатое молвил:
"Снова, собака, ты смерти избегнул теперь, хоть опасность
Близко была: Аполлон из беды тебя вызволил снова.

20-450

Видно, взывая к нему, ты вступаешь меж копий свистящих.
Только покончу с тобой и потом, среди битвы столкнувшись,
Если средь вечных богов у меня хоть один есть заступник.
Ныне хочу устремиться на прочих, кого ни настигну".
Так говоря, он Дриопса ударил копьем по затылку.

20-455

Мертвый, тот рухнул к ногам. Его кинув, Ахилл устремился
Против Демуха, большого и сильного Филеторида,
Сделал недвижим, ударив сначала копьем по колену,
После огромным мечом, и дыханье исторг у героя.
Дальше настиг Лаогона и сына Биаса Дардана,

20-460

Силой заставил обоих сойти с колесницы на землю,
Первого ранил копьем, а другого – мечом. Вслед за этим
Троса убил он, Аластора сына. Тот, встретив Ахилла,
Обнял колени царя; он молил о пощаде и жизни,
Вспомнил о равенстве лет, возбудить к себе жалость надеясь.

20-465

Глупый, того он не знал, что Ахилла склонить невозможно,
Ибо пред ним находился не кроткий, не мягкосердечный,
А беспощадный герой. И пока, обнимая колени,
Тот о пощаде молил, он мечом поразил его в печень,
Выпала печень, – одежда наполнилась кровью,

20-470

Очи покрылись тьмой и дыхание жизни исчезло.
Дальше, пред Мулием став, Ахиллес его ранил близь уха,
И через ухо другое копьа острие пролетело.
После Ахилл на Эфекла пошел, Агенорова сына,
В голову по середине огромным мечом его ранил.

20-475

Меч с рукояткой огромною весь разогрелся от крови,
Смертью и грозной судьбою глаза отягчились Эфекла.
После Пелид быстроногий пронзил заостренною медью
Левкалиона в то место, где сходятся мышцы у локтя.
Стал он с повисшей рукою, недвижимый, как бы в ожидании,

20-480

Смерть созерцаая вблизи. – И Пелид разрубил ему шею
Тяжким мечем; голова отлетела со шлемом далеко;
Мозг из хребта его брызнул; он лег, по земле распростертый.
Дальше настиг Ахиллес беспорочного сына Пирея
Ригма, который пришел из фракийской земли плодородной.

20-485

В тело он ранил его посредине, и в легком застряла
Острая медь; тот упал с колесницы. Меж тем сын Пелея
Ареифоя слугу, что коней повернуть собирался,
В спину ударил копьем и свалил, – от страха смешались кони.
Точно как бурное пламя свирепствует в месте безводном,

20-490

В темном ущелье горы и глубокая чаша пылает,
В час, когда ветер свистит и огонь развеивает повсюду:
Так он повсюду бросался с копьем, небожителю равный,
И за бежавшими гнался, земля вся окрасилась кровью.
Точно как муж поселянин впрягает быков большелобых,

20-495

Белый ячмень собираясь молоть на гумне крепкозданном,
И под ногами мычащих быков шелушатся колосья:
Также и цельнокопытные кони Ахилла топтали
Трупы людей и щиты. Окрасилась черною кровью
Ось колесницы внизу, также оба с боков полукружъя;

20-500

Красные брызги туда и от конских копыт долетали
И от ободьев колес. Богоравный Ахилл быстроногий
Славы искал и в крови обаграл непобедные руки.

* * *

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Бой подле потока

Чуть лишь троянцы домчались до брода реки светлоструйной
Многопучинного Ксанфа, бессмертным рожденного Зевсом,
Как Ахиллес их рассеял и в город погнал по долине,
Тем же путем, где вчера аргивяне бежали в испуге,
В день, когда в битве кровавой свирепствовал Гектор блестящий.

21-5

Этой дорогой теперь врассыпную бежали троянцы.
Гера глубокий туман перед ними простерла в помеху,
И полетело полвойска в сребриstopучинную реку,
Падая с шумом великим. Всплеснули глубокие воды,
Берег вокруг застонал. Вопия, понеслись троянцы

21-10

В разные стороны вплавь, увлекаемы водоворотом.
Как саранча улетает пред губельной силой пожара,
Мчится, спасаясь, к реке, но беспомощно падает в воду,
Если огонь неустанный внезапно встает, разгораясь:
Так под руками Ахилла людьми и конями кишели

21-15

Звонкотекущие воды глубокопучинного Ксанфа.
Он же, потомок Зевеса, копье прислонил к прибрежным
Частым кустам мириковым и сам, небожителю равный,
С острым мечом устремился, затеяв жестокое дело.
Стал он рубить вокруг себя, и раздались немолчные стоны

21-20

Тех, кого медь поражала; вода обагрилася кровью.
Как перед крупным дельфином спасается мелкая рыба
И наполняет собой углубления гавани мирной,
Страхом объята, а он пожирает, кого ни настигнет:
Так забивались троянцы под скалы и выступы камней

21-25

Вдоль бушевавшей реки. Ахиллес же, насытись убийством,
Воинов юных двенадцать живыми поймал среди потока
Для искупительной жертвы над мертвым Менойтия сыном.
Вытащив на берег их, обуялых от страха, что лани,
Руки назад им скрутил он скроенными гладко ремнями,

21-30

Теми, что сами они сверх плетеных носили хитонов,
После дружине вручил, чтоб к судам отвели их глубоким.
Сам же к реке повернул, подстрекаемый жаждой убийства.
Тут, из воды выбегая, ему Ликаон повстречался,
Сын Дарданида Приама, тот самый, кого он однажды

21-35

В плен уже силой забрал и увел из отцовского сада,
Ночью напав, когда тот со смоковницы острою медью
Юные ветви срубал для обшивки перил колесничных.
Но Ахиллес богоравный нагрязнул бедою неожиданной,
Пленником сделал и морем послал на Лемнос многолюдный,

21-40

Чтобы продать его в рабство. Он куплен был сыном Язона
И за огромную цену потом перепродан последним
Гостю его Этиону Имбрийцу и послан в Арисбу.
Вскоре оттуда бежал он и в дом свой отцовский пробрался.
Здесь он, придя из Лемноса, одиннадцать дней веселился

21-45

В кругу товарищей милых, на день же двенадцатый снова
Бог его предал Ахиллу, кто в темную область Аида
Должен был свергнуть его, не желавшего землю покинуть.
Тотчас заметил его богоравный Ахилл быstroногий,
Как он бежал без копья, ни щитом, ни броней не покрытый.

21-50

Пот изнурял его тело, усталость сгибала колени,
И оттого, убегая, он кинул доспехи на землю.
Гнев ощутил Ахиллес и подумал в душе своей храброй:
"Боги! По истине вижу глазами великое чудо.
О, неужели и все умерщвленные мною Троянцы

21-55

Снова из мертвых восстанут, вернуться из тьмы преисподней,
Так же как этот вернулся, избегнув гибели верной?
Он на священный был продан Лемнос, но его не сдержало
Море седое, хоть многих оно против воли их держит.
Дайте ж сразимся, и пусть он вкусит острие нашей меди.

21-60

После я б видеть хотел и узнать, возвратится ль еще раз
В битву сей храбрый герой иль его, наконец, успокоит
Лоно земли плодоносной: она и могучего держит".
Так он шептал, поджидая. А тот, обезумев от страха,
Сам приближался к Пелиду, обнять порываясь колени:

21-65

Страстно желал он избегнуть зловещей кончины и Парки.
Дивный Ахилл уже поднял копье, собираясь ударить,

Как Ликаон подбежал и коснулся колен, нагибаясь,
Так что копье пронеслось над плечом и вонзилось в землю.
Тщетным желанием горя человеческого тела отведать.

21-70

Правой рукой обнимал он колени царя, умоляя,
В левой держал неподвижно копье, заостренное медью,
И, обращаясь к Ахиллу, крылатое вымолвил слово:
"Вот у твоих я колен! Ты внимли моей просьбе и сжался.
Я для тебя, о, питомец Зевеса, проситель священный,

21-75

Ибо Деметры плоды у тебя же вкусил я впервые
В день, как меня ты забрал среди нашего пышного сада
И на священный Лемнос, от отца и дружины далеко,
Морем послал, чтоб продать. И тебе сто быков я доставил.
Ныне же втрое тебе за свободу принес бы я выкуп.

21-80

Только двенадцатый день, как в родной Илион я вернулся,
Выстрадав много, и снова жестокою предан судьбою
В руки твои. Ненавистен, должно быть, отцу я Зевесу,
Если к тебе приведен им еще раз. Увы, кратковечным
Мать родила меня в свет, Лаофоя, дочь старца Алтея,

21-85

Старца, который царит над отважным народом лелегов,
На берегах Сатниона владея высоким Педасом.
Дочь-то его, меж другими, взята была в жены Приамом.
Двое нас ею рожденных. И ты обезглавишь обоих?
Уж одного ты смирил, Полидора, подобного богу,

21-90

Ранил копьем заостренным в переднем ряду пехотинцев.
Ныне беда и со мной приключится. Уж я не надеюсь,
Богом сюда приведенный, избежать руки твоей тяжелой.
Только другое скажу, – ты в душе обсуди мое слово!

Смертью меня не казни: не родные мы с Гектором братья.

21-95

Он же убил твоего удалого и нежного друга".
Так обращался Приама блистательный сын к Ахиллесу
С медоточивою речью, но горькому внял он ответу:
"Выкупа мне не сули, не прельщай, о, безумец, словами!
Прежде, покуда Патрокл судьбой еще не был достигнут,

21-100

Сердцу отрадней казалось щадить благородных троянцев.
Многих тогда забирал я живьем. Продавая их в рабство.
Ныне ж никто не спасется от смерти, кого бы ни предал
В руки мои небожитель перед Илионской твердыней.
Не пощажу никого, и особенно сына Приама.

21-105

Так погибай же любезный! И что ты так жалобно плачешь?
Разве не умер Патрокл, хоть лучше тебя был гораздо?
Или не видишь меня, как я ростом высок и прекрасен?
Я и отцом знаменитым горжусь и рожден от богини,
Все же и мне угрожает кончина и жребий всеильный.

21-110

Будет ли то на заре, на закате ли дня или в полдень, –
Вскоре один из врагов мою душу исторгнет в сраженьи,
Тяжким ударив копьем, с тетивы ли настигнув стрелюю".
Так он сказал. У того ослабели колени и сердце,
И, уронивши копье, он присел и простер свои руки.

21-115

Меч заостренный меж тем обнажил Ахиллес богоравный
И по ключице ударил близь шеи, и весь погрузился,
В тело двулезвенный меч. Ликаон по земле распростерся,
Падая ниц. И земля обагрилася черною кровью.
За ногу взяв, Ахиллес его бросил в текущие волны,

21-120

И, похваляясь над трупом, промолвил крылатое слово:
"Здесь и покойся отныне, лежи среди рыб ненасытных!
Слижут они на досуге всю кровь, что сочится из раны.
Мать не оплачет тебя, обрядивши на ложе. Но тело
Бурный Скамандр снесет на широкое лоно морское.

21-125

Прыгнув над быстрой волной, не одна под чернеющей зыбью
Скроется рыба, вкусившая жир Ликаона блестящий.
Так вы и все погибайте, пока в Илион не проникнем,
Вы, убегая в смятеньи, а я, умерщвляя бегущих.
Даже поток не поможет вам светлый сребриstopучинный,

21-130

Сколько ему ни приносите в жертву быков криворогих,
Сколько могучих коней ни бросаете в бездну живыми.
Все вы погибнете ныне позорною смертью, покуда
Не искупите кончину Патрокла и горе ахеян,
Вами близь быстрых судов от меня вдалеке умерщвленных".

21-135

Так он сказал. И Поток в своем сердце разгневался сильно.
Стал он обдумывать в мыслях, как сына Пелея заставить
Яростный бой прекратить, как гибель отвлечь от троянцев.
Сын же Пелея меж тем, потрясая копьем длиннотенным,
Астеропея настиг, порываясь лишить его жизни,

21-140

Сына вождя Пелегона, которого в свет породили
Аксий широкотекущий и Акессамена владыки
Старшая дочь Перибоя: в любви с ней Поток сочетался.
Вот на него-то Пелид устремился. Но, выйдя на берег,
С парюю копий в руках, тот бестрепетно стал пред Ахиллом.

21-145

Силу вдохнул в него Ксанф, из-за юношей павших разгневан,
Тех, кого мощный Пелид среди волн заколол без пощады.
После того, как, идя друг на друга, сошлись они близко.
Первый промолвил из них богоравный Ахилл быстроногий:
"Кто и откуда ты родом, что выйти дерзнул мне навстречу?"

21-150

Горе отцам тех мужей, кто с моим повстречается гневом".
И, отвечая, промолвил блистательный сын Пелегона:
"Что о рожденьи моем вопрошаешь, Пелид благородный?
Из Пеонии я родом цветущей, далеко лежащей.
Войско привел я пеонян, колеблющих длинные копья.

21-155

Вот уж одиннадцать дней, как я прибыл в священную Трою.
Род же веду от широкотекущего бога речного
Аксия: нет на земле ни прозрачней воды, ни прекрасней.
Он Пелегона родил копьеносца, а я, повествую,
Сын Пелегона царя. А теперь, Ахиллес, дай сразимся!"

21-160

Так он сказал, угрожая. И ясень с горы Пелиона
Поднял Ахилл, а троянец два бросил копья в одно время,
Ибо и левой рукою владел он искусно как правой.
В щит угодил он одним, но насквозь не пробил его медью:
Золото было помехой, подарок великого бога;

21-165

Локоть на правой руке он Ахиллу другим оцарапал.
Брызнула черная кровь, но копье, пролетев над героем,
В землю вонзилось, напрасно желая насытиться телом.
Следом за тем сын Пелея свой прямо несущийся ясень
В Астеропея метнул, порываясь лишить его жизни,

21-170

Но промахнулся и в берег попал, возвышавшийся круто.
До середины вонзилось в землю тяжелое древко.
Сам же он меч обнажил, что висел у бедра заостренный,
И налетел на троянца. Напрасно тот мощной рукою
Ясень Пелеева сына из берега вырвать пытался.

21-175

Трижды он встряхивал древко, обратно извлечь порываясь,
Трижды его отпуская поневоле. Хотел он еще раз
Взяться за ясень Пелида, погнуть и сломить посередине,
Но Ахиллес подоспел и мечем умертвил его раньше.
Чрево ему он рассек близ пупка, и на землю сырую

21-180

Вылилась внутренность вся. Испустил он дыханье мгновенно,
Сумрак окутал глаза. Ахиллес же, на грудь наступая,
С тела совлек все доспехи и слово сказал, похваляясь:
"Так и лежи! Не легко, даже будучи сыном Потока,
В битву вступать и сражаться с потомством Кронида владыки.

21-185

Ты говорил, что твой род происходит от бога речного,
Я же горжусь, что рождением обязан великому Зевсу.
Смертного сын я героя, вождя мирмидонян несчетных,
Сына Эака Пелея; Эак же рожден от Зевеса.
Если сильнее Зевес, чем потоки, текущие в море,

21-190

То и потомство Зевеса сильнее, чем дети потоков.
Ныне великий Поток пожелал оказать тебе помощь,
Но никому не дано против Зевса Кронида сражаться.
С ним не сравнится по силе ни сам Ахелой знаменитый,
Ни всемогущий Поток Океана глубоко текущий,

21-195

Он, из которого все вытекают моря и потоки,
И родники, и ключи, и глубокие воды колодцев.

Сам он, могучий, боится перуна великого Зевса,
С ужасом внемлет громам, когда с неба раскатисто грянут".
Слово окончив, извлек он из кручи копьё боевое,

21-200

Астеропея оставив лежать на песке бездыханным,
Там на побережье, где черные волны его заливали,
Угри и рыбы вокруг мертвого тела кишели,
Мясом его насыщались и жир обрывали на почках.
Сын же Пелея пошел на пеонян, бойцов с колесницы,

21-205

Что в беспорядке помчались вдоль быстропучинного Ксанфа,
Лишь увидали, что вождь их погиб в беспощадном сраженьи,
Пал, умерщвленный копьем и рукою Пелеева сына.
Он умертвил Ферсилоха, Мидона, вождя Астипила,
Фрасия, Эния, Мнеса, равно как бойца Офелеста.

21-210

Тут бы пеонян без счета убил Ахиллес быстроногий,
Если б, глубокопучинный Поток, уподобившись мужу,
В гневе тогда не воскликнул, из темной возникнув пучины:
"О, Ахиллес, ты сильнее и свирепей, чем прочие люди,
Ибо тебе помогают всегда небожители сами.

21-215

Если ж тебе Олимпиец дозволил губить всех троянцев,
Ты бы меня хоть оставил и там бушевал, средь долины.
Свежие воды мои уже мертвыми полны телами,
И не могу докатить своих струй до священного моря,
Трупами сдавлен в теченьи. А ты умерщвлять продолжаешь.

21-220

Но перестань, о, владыка племен! Меня ужас объемлет".
И, отвечая на то, Ахиллес быстроногий промолвил:
"Будет, как ты повелел, о, Скамандр, питомец Зевеса.
Я умерщвлять перестану надменных врагов, но не раньше,

Чем в Илион загоню их и в битве померяюсь силой

21-225

С Гектором, он ли меня усмирит, я ль его одолею".
Молвил и вновь налетел на врагов, небожителю равный.
С речью тогда к Аполлону глубокий Поток обратился:
"О, сребролукий, Зевеса дитя, не блюдешь ты завета
Сына великого Кроноса: он наказал тебе строго

21-230

В битве стоять за троянское войско до сумерек поздних,
Солнце пока не зайдет и поля не покроются тенью".
Молвил. Тогда Ахиллес в середину валов устремился,
С берега спрыгнув. И вздулся Поток, закипел, негодуя,
Поднял валы, возмущенный, тела пораскинул без счета,

21-235

Трупы героев троянских, убитых Пелеевым сыном.
Их изрыгнул он на сушу, ревя, точно бык криворогий.
Кто же в живых оставался, тех спас он от гнева Ахилла
И приютил их на дне в своих темных пучинах великих.
Страшно бушуя, чудовищный вал вокруг Ахилла поднялся,

21-240

Пал и разбился о щит. И, теряя устой под ногами,
Мощный Пелид ухватился за вяз густоверхий, огромный.
И опрокинутый вместе с корнями, весь берег обрушив,
С кручи тот вяз повалился в длину и густыми ветвями
Светлые воды реки запрудил, как бы мост образуя.

21-245

Взявшись за вяз, Ахиллес из речной устремился пучины,
Быстрые ноги расправил и в страхе помчался долиной.
Но божество не смирилось. Великий Поток, потемневши,
Ринулся бурно вослед, чтобы сына Пелея заставить
Грозную сечу покинуть, чтоб гибель отвлечь от троянцев.

21-250

С каждым скачком на полет боевого копья удалялся
Бурный Ахилл, порываясь вперед, как орел чернокрылый,
Кто превосходит всех птиц быстротою, равно как и силой:
Так Ахиллес устремился, и медь на груди у героя
Громко бряцала. Вперед он бежал, от Скамандра спасаясь,

21-255

Но и Поток догонял его вслед с несмолкаемым ревом.
Как ороситель земли направляет проточные воды
От родника темнотруйного к пышно цветущему саду,
Ходит с лопатой в руках, очищая канавы от сора;
Ров наполняется быстро и камушки с шумом катятся,

21-260

Светлые воды журчат и бегут по наклонному ложу,
В беге своем обгоняя того, кто, трудясь, их проводит:
Так Ахиллеса Пелида, на резвость его не взирая,
Бурный Поток настигал: божество человека сильнее.
Всякий же раз как проворный Ахилл богоравный пытался

21-265

Против волны устоять, чтобы увериться, все ли погнались
Вечные боги за ним, на просторном живущие небе, –
Тотчас и вал необъятный вспоенного Зевсом Потока
Падал на плечи герою, и снова он с сердцем стесненным
Прыгал высоко ногами, но бурный Поток, разливаясь,

21-270

Сковывал члены ему, пожирая песок под ногами.
И завопил Ахиллес, на просторное небо взирая:
"Отче Зевес, неужели никто из богов не предстанет,
Чтобы спасти от Потока меня, злополучного мужа?
После пускай пострадаю. Никто предо мной не виновен

21-275

Из небожителей столько, как мать, обольстившая ложью,
Ибо сказала, что я под стеной меднобронных троянцев
Только от стрел быстролетных царя Аполлона погибну.
О, почему не убил меня Гектор, храбрейший здесь воин?
Доблестный муж победил бы и доблестный был бы повержен.

21-280

Ныне же я осужден недостойною смертью погибнуть,
Бурной рекой обессиленный, как свинопас малолеток,
Вброд перейти пожелавший и зимним снесенный потоком".
Так он сказал, и немедля Афина с царем Посейдоном
Близко к нему подошли, уподобившись людям по виду,

21-285

За руку взяли рукою и вслух успокаивать стали.
Первый промолвил тогда Посейдон, потрясающий землю:
"Ты не тревожься, Пелид, ничего в своем сердце не бойся.
Я и Паллада Афина – мы оба из сонма бессмертных –
Верную помощь тебе, с одобрения Зевса, окажем

21-290

Не суждено тебе роком погибнуть от силы Потока.
Вскоре сей бог усмирится, как сам ты увидишь глазами.
Только разумный подам я совет, – может быть, подчинишься.
Складывать руки в бою, без разбора жестоком, не надо
Раньше, чем всех не загонишь за славный оплот Илиона

21-295

В страхе бегущих троянцев. Но, Гектора жизни лишивши,
Тотчас к судам поверни. Мы дадим тебе славой покрыться".
Слово окончив, они к остальным поспешили бессмертным.
Он же долиной бежал, увещаньем богов ободренный.
Было все поле покрыто разлившейся бурно водою;

21-300

Сверху носились доспехи красивые юношей павших,
Плавали трупы без счета. Высоко вздымая колени,
Мчался вперед Ахиллес, и Поток ему не был помехой,
Ибо великую силу вдохнула в героя Паллада.
Не укротил и Скамандр в душе своей гнева, а пуще

21-305

Яростью против Пелида вскипел, ополчил свои волны,
Голову грозно поднял и, крича, Симоису промолвил:
"Брат мой любезный, дай вместе осилим неистовство мужа,
Или сегодня разрушит он город обширный Приама.
Не устоять перед ним средь смятения битвы троянцам.

21-310

Быстро на помощь приди, переполни глубокое ложе
Светлой водой родников и ключей, созови все притоки.
Грозной волной ополчись, подними несмолкаемый рокот
Камней и сломанных пней, да осилим свирепого мужа,
Кто подвизается ныне и мнит о себе, как бессмертный.

21-315

Только ему, говорю, ни краса не поможет, ни сила,
Ни дорогие доспехи, которые в бездне глубоко
Вскоре покоиться будут, одетые тиной речною.
Я и его самого приукрою песком и засыплю
Каменьем мелким без счета. Не смогут ахейские мужи

21-320

Кости его отыскать: столь густым затяну его илом.
Там и могильный над ним возведу и курган, и ахейцам
Незачем будет его хоронить и гробницу готовить".
Так говоря, на Ахилла он, вздувшись, обрушился с ревом,
Пеной и кровью вскипая, ворочая трупы троянцев.

21-325

Встали багровые волны вспоенного Зевсом Потока
И, разливаясь далеко, с собой увлекли Пелиона.

Гера тогда закричала, боясь за Ахилла Пелида,
Как бы глубокопучинный Поток не умчал его в бездну.
К милому сыну Гефесту со словом она обратилась:

21-330

"Встань, Хромоногий, возлюбленный сын! На тебя, полагаем,
Яростно так ополчился Скамандр глубокопучинный.
Помощь яви нам скорее, зажги негасимое пламя.
Я ухожу, чтобы кликнуть и западный ветер, и южный.
С моря при помощи их я воздвигну тяжелую бурю.

21-335

Пламенем грозным дохнет и троянцев она уничтожит,
Головы их и доспехи. А ты в это время вдоль Ксанфа
Купы деревьев сожги и обрушься на самые воды.
Да не смущают тебя ни угрозы, ни сладкие речи.
Не умири беспощадного гнева, пока не воскликну

21-340

Голосом зычным: тогда лишь уймешь неустанное пламя".
Молвила так, и Гефест устремил пожирающий пламень.
Прежде всего по долине разлился огонь, уничтожив
Кучей лежавшие трупы мужей, умерщвленных Пелидом.
Поле обсохло. Назад отступили прозрачные воды.

21-345

Точно осенней порою Борей осушает мгновенно
Пашню от ливней недавних, и сеятель рад в своем сердце:
Так и долина обсохла и все на ней трупы сгорели.
После того на Поток он направил блестящее пламя.
Вспыхнули ивы и вязы, а также кусты тамариска,

21-350

Легкий тростник загорелся, и кипер, и лотос цветущий, –
Все запылала растенья, вдоль берега росшие густо.
Угри и рыбы, объаты испугом, ныряли в пучины
Или сквозь светлые воды метались по всем направлениям,

Мучимы жгучим дыханьем Гефеста, кто мудростью славен.

21-355

Вскоре Поток запылал и взмолился и слово промолвил:
"Не устоять, о, Гефест, пред тобой никому из бессмертных.
Также и мне не сразиться с тобой и с огнем твоим ярим.
Кончим вражду. И пускай Ахиллес всех прогонит из Трои.
Что мне до распри людей и зачем мне за них заступаться?"

21-360

Молвил, охвачен огнем, и вскипели прозрачные воды.
Точно котел закипает, огнем понуждаемый сильным,
Полный топящимся жиром холеной свиньи ожиревшей;
Влага бежит через край и пылают сухие поленья:
Так и Скамандр объят был огнем, и вода клочкотала.

21-365

Волны вперед не хотели струиться, а стали недвижно,
Изнемогая от пара, терзаемы силой Гефеста.
К Гере взмолился Поток и крылатое слово промолвил:
"Гера! Почто на меня одного среди сонма бессмертных
Сын твой обрушил свой гнев? Пред тобою я меньше виновен,

21-370

Чем остальные все боги, защитники войска троянцев.
Я, если ты повелишь, воздержаться согласен от битвы.
Пусть же уймется и он. Я поклясться готов пред тобою,
Что никогда от троянцев беды отвращать я не стану,
Если бы даже вся Троя зловещим огнем запылала,

21-375

Если бы пламя зажгли в ней бесстрашные дети ахеян".
Эту услышавши речь, белорукая Гера богиня
К милому сыну Гефесту со словом, спеша, обратилась:
"Сын многославный, уймись, о, Гефест, оттого что не должно
Бога бессмертного так беспощадно карать из-за смертных".

21-380

Молвила так. И Гефест погасил истребительный пламень.
В ложе вступила река и полились прозрачные воды.
Оба окончили битву, едва лишь Поток усмирился.
Гера, хоть гневаясь в сердце, конец положила их спору.
Тут среди прочих бессмертных возникла жестокая распря,

21-385

Ибо и чувства, и мысли к различному их побуждали
С криком сошлись они вместе. Сырая земля содрогнулась.
Небо вверху огласилось как будто рыканием трубным.
Сидя на выси Олимпа, Зевес их слышал, и сердце
В нем от веселья заиграло при виде, как боги схватились.

21-390

Были недолги их сборы. Воинственный щитокрушитель
Раньше других устремился Арей на Палладу Афины,
Медным копьем потрясая, и слово обидное молвил:
"Снова ты, псица, зачем возбуждаешь раздор среди бессмертных
Дерзости бурной полна, увлекаема сердцем надменным?"

21-395

Или не помнишь, как сына Тидея тогда подстрекнула
Ранить меня и сама, захвативши копье боевое,
Против меня устремила и нежную кожу рассекла?
Только теперь ты, надеюсь, воздашь мне за зло, что свершила".
Так произнесши, богиню в бахромистый щит он ударил,

21-400

Крепкий: его сокрушить не могли б и перуны Зевеса.
Кровью покрытый Арей его тронул копьем заостренным.
И, отступивши, богиня схватила в могучую руку
Черный булыжник, большой, угловатый, лежавший в долине.
Встарь он людьми был положен, как знак межевой, среди поля.

21-405

В шею попала Афина и члены Арея сковала.
Падая, семь он покрыл десятин; зазвенели доспехи,
Кудри покрылись землей. Засмеялась Паллада Афина
И, похваляясь над павшим, крылатое молвила слово:
"О, неужели, безумец, доныне еще ты не ведал,

21-410

Сколь я сильнее тебя, если вздумал со мною тягаться?
Так, наконец, ты искупишь проклятие матери нашей,
В гневе несчетные беды зато на тебя накликавшей,
Что, позабыв аргивян, помогаешь надменным троянцам".
Молвив, богиня назад обратила блестящие очи.

21-415

За руку тою порою Арея, стонавшего тяжко,
Дочь Громовержца взяла Афродита. С трудом он очнулся.
Но белорукая Гера богиня, увидев обоих,
Тотчас Палладе Афине крылатое молвила слово:
"Непобедимое чадо Эгидодержавного Зевса!

21-420

Вон мужегубца Арея уводит бесстыдная псица
Через смятенье жестокого боя. Вступись поскорее!"
Молвила так. И Афина, ликуя душой, устремилась,
На Афродиту напала и тяжелой толкнула рукою
В грудь. Подогнулись колени и замерло сердце богини.

21-425

Оба, Арей с Афродитой легли на кормилицу землю.
И, похваляясь, Афина крылатое молвила слово:
"Если бы все остальные заступники войска троянцев,
В битве желая вредить меднопанцирным детям ахеян,
Были могучи и храбры, как ныне была Афродита,

21-430

В помощь к Арею придя, чтобы с гневом моим состязаться!
Скоро б тогда меж собой мы раздоры войны прекратили,
Скоро бы взяли оплот Илиона, построенный крепко".
Молвила так. Улыбнулась почтенная Гера богиня.
К Фебу меж тем обратился земли колебатель могучий:

21-435

"Что, Аполлон, мы стоим в стороне? Неприлично нам медлить,
Если другие затеяли бой. Да и было б позором
В медный Зевесов чертог на Олимп нам вернуться не бившись.
Так начинай же. Ты младший. А мне начинать непристойно,
Ибо я старше тебя по рождению и больше изведаль.

21-440

О, безрассудный, с забывчивым сердцем! Ужели не помнишь,
Сколько мы вынесли бедствий вокруг Илионской твердыни,
Мы лишь одни из бессмертных, тогда, по решению Зевса,
В Троию пришли, чтобы год прослужить за условную плату
Гордому Лаомедону, а он стал давать приказанья?

21-445

Я окружил крепкозданной стеною жилище троянцев,
Дивной работы, широкой, чтоб город их стал неприступен.
Ты же пасти был обязан тяжелых быков криворогих,
Там, на высотах лесистых богатой лощинами Иды.
Но по прошествии года, когда нам желанные Горы

21-450

День привели платежа, удержал он насильственно плату,
Лаомедон непреклонный, с угрозами нас отославши.
Ибо тебе он грозил, что, связавши и руки, и ноги,
В рабство продаст на одном из чужих островов отдаленных.
Нас же обоих пугал, что безжалостно уши обрежет.

21-455

Так от него, негодуя, отправились в путь мы обратный,
Сильно сердясь за награду, что он обещал, да не отдал.

Ныне народу его ты мирволишь, от нас отделившись,
И не желаешь, чтоб гордые сердцем погибли троянцы
Смертью позорной – они, их стыдливые жены и дети".

21-460

И, отвечая, сказал ему царь Аполлон Дальновержец:
"О, колебатель земли, ты бы счел меня верно безумным,
Если б я вздумал с тобой из-за смертнорожденных сражаться,
Из-за людей злополучных, похожих на слабые листья:
Ныне цветут они силой, питаюсь плодами земными,

21-465

Завтра лежат бездыханны. Не лучше ли нам поскорее
Грозную битву покинуть – и пусть они сами воюют!"
Слово окончив, назад отошел Аполлон Дальновержец,
Ибо на брата отцова он руку поднять устыдился.
Но Артемида, царица зверей, полевая богиня,

21-470

Начала брата корить и обидное слово сказала:
"Ты побежал, Дальновержец, и честь предоставил победы
Всю Посейдону, чтоб он незаслуженной славой покрывся!
О, малодушный, на что тебе лук, бесполезный как ветер?
Чтобы вперед от тебя не слыхала я в доме отцовском

21-475

Слов похвальбы, как доньше среди вечных богов ты бывало
Часто хвалился, что можешь один с Посейдоном сражаться!"
Молвила так. Ничего не сказал Аполлон Дальновержец.
Но воспылавшая гневом супруга стыдливая Зевса
К стрелолюбивой богине обидную речь обратила:

21-480

"Как, о, бесстыдная псица, ты мне прекословить дерзаешь?
Нет, не легко тебе будет со мною померяться силой.
Хоть и гордишься ты луком. Зевес тебя львицей поставил
Только над женами смертных и власть даровал умерщвлять их.

Ты поступила б разумней, гоня зверей по вершинам

21-485

Ланей стреляя лесных, чем бороться с богиней сильнейшей.
Или желаешь, тебя укрошу я в борьбе, да запомнишь,
Сколь я сильнее тебя, если с гневом моим повстречаться".
Молвивши, обе руки Артемиды схватила у кисти
Левой рукою, а правою лук совлекла со стрелами

21-490

С плеч и ее по лицу, улыбаясь, ударила ими.
Та отбивалась напрасно. Рассыпались легкие стрелы.
Плача нагнулась к земле и вперед побежала богиня,
Точно в ущелье от ястреба мчится голубка,
В месте скалистом, где ей не назначено роком погибнуть:

21-495

Так Артемида бежала и плакала, стрелы покинув.
Вестник Аргусоубица тогда обратился к Латоне:
"Я, о, Латона, с тобой не намерен сражаться. Опасно
Против супруг выступать собирателя туч Олимпийца.
Ты ж, наперед похваляясь в собраньи богов вечносущих,

21-500

Можешь твердить, что меня победила великою силой".
Молвил. Она же изогнутый лук подбирала и стрелы,
Что разлетелись повсюду среди вихря поднявшейся пыли.
Их подобравши, богиня за дочерью вслед зашагала.
К Зевсу в чертог меднозданный взошла на Олимп Артемида.

21-505

Плача, прекрасная дева к коленям отцовским прильнула,
И благовонный покров на ее голове содрогался.
К сердцу привлек ее Зевс и спросил, от души рассмеявшись:
"Кто из бессмертных тебя незаслуженно, дочь дорогая,
Так оскорбил, словно ты перед всеми дурное свершила?"

21-510

И отвечала прекрасно-венчанная бурная дева:
"Это супруга твоя, о, родитель, меня оскорбила,
Кто меж бессмертными сеет раздор – белорукая Гера".
Так, обращаясь друг к другу, они меж собой говорили.
Вскоре затем Аполлон удалился в священную Трою.

21-515

Он опасался за стену и благоустроенный город,
Как бы в тот день аргивяне, судьбе вопреки, их не взяли.
Все же бессмертные боги вернулись в чертоги Олимпа,
Гневом пылая одни, а другие гордясь беспредельно
И на престолы уселись близь тучемрачителя Зевса.

21-520

Сын же Пелея троянцев губил и коней быстроногих.
Точно к пространному небу возносится дым от пожара,
Ежели боги во гневе обрушили пламень на город,
Всех повергая в тревогу, а многим готовя страданье:
Так причинял сын Пелея тревогу и горе троянцам.

21-525

Старец Приам той порою на башне стоял богозданной
И Ахиллеса узнал исполинского, перед которым
В бегстве метались троянцы, не видя нигде подкрепления.
Тяжко вздыхая, спустился он с башни высокой на землю
И приказал пред стеною стоявшим привратникам славным:

21-530

"Вы отоприте ворота, в руках их держите, куда
Все в Илион не спасутся бегущие дети троянцев.
Близко от них Ахиллес – не случилось бы нынче несчастья.
После ж, как только они за стеною вздохнут с облегченьем,
Быстро заприте ворота, сомкните тяжелые створы.

21-535

Сильно боюсь, как бы в город сей пагубный муж не ворвался".
Молвил: и, снявши запоры, они распахнули ворота,
Войску являя спасенье. И Феб Аполлон Дальновержец
Ринулся битве навстречу, чтоб гибель отвлечь от троянцев.
Те же, покрытые прахом, терзаемы сильною жаждой,

21-540

С поля бежали стремглав к высокой стене Илионской.
Следом Ахилл догонял их с копьем. Пламенело в нем сердце
Яростью дикой. Он мчался вперед, чтобы славой покрыться.
Взяли б тогда аргивяне высоковоротную Трою,
Если бы Феб Аполлон не внушил Агенору сражаться,

21-545

Богopodobному воину, сыну вождя Антенора.
В сердце ему он вдохнул дерзновенье, а сам подле мужа
Стал, прислонившись к стволу и окутавшись тучей густою,
Чтобы избавить героя от Парок мучительной смерти.
Тот же, как только завидел Ахилла, крушителя башен,

21-550

Стал неподвижно и сердце в нем страшно от дум волновалось.
Тяжко вздохнув, говорил он с собой в своем сердце отважном:
"Горе мне! Если теперь побегу перед мощным Ахиллом
Той же дорогой, какой в беспорядке мятутся другие,
Буду, как все, им настигнут и так же бесславно зарезан.

21-555

Если ж, другим предоставив бежать перед сыном Пелея,
Сам я в другом направленьи помчусь по Илийскому полю,
В сторону взяв от стены, и достигну лесистой вершины
Иды, обильной ключами, и в частый кустарник проникну, –
Вечером мог бы тогда я в священную Трою вернуться,

21-560

В светлой реке искупавшись, и тело очистив от пота...
Только зачем мое сердце такие лелеет надежды?
Вдруг он заметит меня, как из города мчусь по долине,
Вдруг он помчится вослед и настигнет ногами, проворный.
Не избежать мне тогда ненавистных мне Парок и смерти.

21-565

Всех земнородных людей превосходит он силой.
Уж не остаться ли здесь и его перед городом встретить?
Кожа на нем, как на всех, уязвима для меди блестящей,
В теле душа у него лишь одна и зовут его смертным.
Славою только его возвеличил Зевес Олимпиец".

21-570

Молвив, он весь подобрался и стал ожидать Ахиллеса.
Храброе сердце его так и рвалось в опасную битву.
Точно из дебрей лесных выступает пантера навстречу
Мужу ловцу и ни разу бестрепетным сердцем не дрогнет
И не помыслит о бегстве, хотя бы и лай услышала,

21-575

Хоть бы ловец, обойдя, ее ранил стрелой или дротом;
Даже пронзенная медью, она не смиряет отваги,
Прежде чем с грозным врагом не сойдется иль вовсе погибнет:
Так Агенор богоравный, прославленный сын Антенора,
С поля бежать не хотел, не померявшись в битве с Ахиллом.

21-580

Щит пред собою оставив большой, равномерно округлый,
Целясь копьем в Ахиллеса, он голосом зычным воскликнул:
"Верно, ты в сердце уже уповаешь, Ахилл многославный,
Нынче же город разрушить троянских мужей непреклонных.
Глупый, немало еще из-за Трои свершится несчастий!

21-585

Ибо нас много собралось, – героев, бестрепетных сердцем,
Чтоб отстоять Илион, защищая родителей милых,

Нежных супруг и детей. А тебе здесь готова погибель,
Хоть устрашает твой вид и душою ты воин отважный".
Молвил и тяжелой рукою пустил в него дрот заостренный.

21-590

Не промахнулся троянец, а в голень попал под коленом,
И от удара копьем оловянные новые латы
Звякнули страшно вокруг мощной ноги. Только медь отскочила,
Латы ножной не пробив: помешал ей подарок Гефеста.
На Агенора потом устремился Пелид богоравный,

21-595

Но Дальновержец ему воспрепятствовал славой покрыться.
Он Агенора похитил и, тучей окутав густою,
Вывел из битвы, помог удалиться ему невредимым,
Сам же лукавством отвлек Пелеона от войска троянцев.
Став совершенно подобным по виду бойцу Агенору,

21-600

Он побежал пред Ахиллом, – тот быстро в погоню пустился.
Долгое время Пелид плодоносною мчался долиной
И, повернувшись к Скамандру, пытался догнать Аполлона;
Тот, подпустив его близко, заманивал мужа все дальше
И распалял в нем надежду, что скоро им будет настигнут.

21-605

Пользуясь этим, троянцы, ликуя, стремились к воротам
Тесной толпою, и город стал полон спасенных героев.
Тою порою никто не дерзнул вне твердыни помедлить,
Чтобы других подождать и разведать, кто пал среди битвы,
Кто от погибели спасся. Стремглав они в город летели

21-610

Все, кого ноги несли и проворные мчали колени.

* * *

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ Умерщвление Гектора

Так убегали троянцы, как робкие сердцем олени.
В город вбежав, они вытерли пот и, к стене прислонившись,
Быстро испили воды, утоляя великую жажду.
Тою порой аргивяне, щиты свои вскинув на плечи,
Близко к стене подступили, но Гектора, сына Приама,

22-5

Гибельный жребий сковал подле Скейских ворот, перед Троей.
Феб Аполлон той порой обратился к Пелиду со словом:
"Что ты за мной, сын Пелея, проворными мчишься ногами,
Будучи сметрнорожденным, преследуешь вечного бога?
Видно, бессмертного ты не узнал, коль безумствуешь, бурный.

22-10

Или забыл о смятении троянцев, тобой уstraшенных?
Те уже в город спаслись, а ты здесь подвизаешься праздно.
Ибо меня, Пелион, не убьешь: неподвластен я смерти".
И, негодуя, на то отвечал Ахиллес быstroногий:
"Ты, из богов жесточайший, меня обольстил, Дальновержец,

22-15

Вдаль от стены заманил. А не то еще много троянцев
Грызли бы землю зубами, ворот городских не достигнув.
Ныне, о, Феб, у меня ты похитил великую славу,
Спасши троянцев легко: не боишься ты мести в грядущем.
Если б возможность да сила, уж я бы воздал тебе мщеньем!"

22-20

Так говоря, устремился он к Трое, дыша дерзновеньем,
Прядая быстро, как конь с колесницей, берущий награду,
Мчится стрелой по долине, летит, над землей расстилаясь:
Также сгибались проворно колени и ноги героя.
Первый Пелеева сына заметил Приам престарелый,

22-25

Как по долине он мчался, далеко сверкая оружием,
Точно звезда, что восходит осеннею темною ночью
И средь бесчисленных звезд светозарными блещет лучами;
Люди ее называют по имени псом Ориона;
Нет лучезарней звезды, но она знаменует дурное,

22-30

Длительный зной предвещает для смертных людей злополучных:
Так на груди у героя бежавшего медь пламенела.
Громко старик застонал и, руки подняв над собою,
Голову ими терзал, испуская глубокие вздохи.
Милого сына молил он, а тот пред воротами Трои

22-35

В поле стоял неуклонно, желая с Ахиллом сразиться.
С жалобной речью Приам к нему руки простер и промолвил:
"Гектор, дитя дорогое, один, от друзей удалившись,
Этого мужа не жди, или смерти помчишься навстречу,
Сыном Пелея смиренный: тебя он сильнее безмерно.

22-40

Лютый! О, если б, как мне, он бессмертным богам был любезен,
Скоро б тогда мою душу покинуло мрачное горе,
Скоро б Ахилл распростертый был птицами съеден и псами,
Он, кто лишил меня многих детей знаменитых и сильных,
Медью сразив иль продав племенам островов отдаленных.

22-45

Вот и сегодня в толпе устремившихся в город троянцев
Двух не найду сыновей, Ликаона бойца с Полидором,
Мне Лаофоей рожденных, супругою лучшей из женщин.
Если средь вражьего стана они обретаются живы,
После мы выкупим их; много золота дома и меди:

22-50

Щедро дитя одарил знаменитый Алтей престарелый.
Если они уж мертвы и спустились в чертоги Аида,
Скорбь ожидает их мать и меня, ибо мы их родили.
Все остальное же войско утешится скоро в печали,
Лишь бы и ты не погиб, укрощенный Пелеевым сыном.

22-55

О, дорогое дитя, поспеши за стеною укрыться,
Чтобы троянцев спасти и троянок, чтоб сыну Пелея
Славы большой не доставить, свой собственный век загубивши.
Сжался, дитя, надо мною! Теперь я советую мудро,
Завтра быть может, меня Олимпиец сразит у порога

22-60

Старости грустной и множество бед предпошлет моей смерти:
Зрелище мертвых моих сыновей, дочерей увозимых,
Спальных покоев, кругом предаваемых злему хищенью,
Малых детей, разбиваемых оземь в неистовстве диком,
Юных невесток, влекомых руками нещадных данайцев,

22-65

А напоследок я сам упаду перед дверью у входа,
Острою медью пронзен, если кто из врагов меня ранит.
Тяжким копьем иль стрелою и душу из тела похитит.
Там растерзают меня плотоядные псы. Их я прежде
Дома кормил за столом, да на страже лежат при воротах.

22-70

Крови напившись моей, они, лютые, лягут в преддверьи.
Юноше, павшему в битве, не стыдно лежать бездыханным:
Весь он и мертвый прекрасен, где бы тело его ни открылось.
Если ж на старце убитом свирепые псы оскверняют
Белые кудри иль бороду, или стыдливые части, –

22-75

Нет для людей злополучных плачевнее зрелища в мире!"

Так умолял престарелый Приам, вырывая руками
Клочья сребристых волос, но не тронул он сердца героя.
Мать возрыдала тогда, проливая обильные слезы,
Грудь обнажила рукой, а другой – на сосец указала

22-80

И, обливаясь слезами, крылатое молвила слово:
"Гектор, почти эту грудь и меня пожалей! Если в детстве
Я простирала к тебе тот сосец, утишающий крики,
Вспомни об этом, мой сын дорогой. Отражай супостата,
Стоя внутри за стеной, но один впереди не сражайся.

22-85

О, непреклонный! Коль ныне умрешь, мой возлюбленный отпрыск,
Даже оплакать тебя мы не сможем на ложе печальном, –
Я и супруга твоя, одаренная щедрым приданым.
Быстрые псы растерзают тебя вдалеке, пред судами".
Так они оба в слезах обращались к любезному сыну

22-90

И умоляли его, но не тронули сердца героя.
Он исполинского ждал Ахиллеса, бежавшего быстро.
Точно как в горном ущелье дракон сторожит пешехода,
Зелий наевшись зловредных и страшною злобой пылая,
В логе лежит, извиваясь и яростно смотрит оттуда:

22-95

Так непреклонный душой Приамид не хотел удалиться.
К выступу башни снаружи он щит прислонил меднояркий,
Громко вздохнул и сказал в своем сердце отважном:
"Горе, что делать мне? Если я в город спасусь чрез ворота,
Полидамас меня первый там встретит укором обидным,

22-100

Он, кто совет дал увести в Илион всех троянцев, –
В ту злополучную ночь, как воспрянул Ахилл богоравный.
Я не послушался слова, а было бы лучше гораздо.

Ныне ж, когда я столь многих своим погубил безрассудством,
Храбрых стыжусь я троянцев и длинноодетых троянок.

22-105

Как бы из них кто-нибудь, и бессильней меня, не промолвил:
"Гектор народ погубил, на отвагу свою полагаясь".
Так они скажут тогда. О, желанней стократ и почетней
Выйти Ахиллу навстречу и либо его поразить мне,
Либо в бою самому перед Троей погибнуть со славой.

22-110

Иль поступить по иному? Что если сниму и на землю
Шлем свой и щит положу, а копье у твердыни поставлю,
Сам же навстречу пойду беспорочному сыну Пелея
И обещание дам вернуть благородным Атридам
Как аргивянку Елену – причину войны и раздора –

22-115

Так и сокровища все, что на быстрых судах многоместных
В Трою привез Александр, – и сверх того с войском ахеян
Все поделить нам богатства, сокрытые в городе нашем?
Если потом обязал бы я клятвою старцев троянских
Все разделить пополам, ничего для себя не скрывая,

22-120

Все без утайки снести, чем прекрасная Троя владеет.
Только зачем я об этом в душе размышляю напрасно!
Я не пойду умолять, и Ахилл не почтит моей просьбы,
Не пожалеет меня, а предаст безоружного смерти
Быстро, без боя, как женщину, чуть лишь отброшу доспехи.

22-125

Да и не время теперь нам беседовать праздно друг с другом,
Точно на камне под дубом беседует юноша с девой
Юноша с девой цветущей охотно вступает в беседу,
Нам же пора воевать, чтоб увидеть как можно скорее,
Мне ль Громовержец Зевес иль ему приготовил победу".

22-130

Так размышляя, он ждал. А Пелид подходил уже близко,
Грозным копьем пелионским над правым плечом потрясая,
Весь Эниалию равный, воителю с веющим шлемом.
Медь вокруг тела его далеко пламенела, подобно
Свету огня или ярким лучам восходящего солнца.

22-135

Гектор, увидев его, задрожал и не смел дожидаться.
А устремился бежать, за собою ворота оставив.
Следом погнался Ахилл, доверяясь ногам своим легким.
Точно как сокол нагорный, из хищных пернатых быстрееший,
Горлицу, робкую сердцем, преследует, не уставая;

22-140

В стороны мчится она, а хищник с пронзительным клектом
Взмахами крыл нагоняет, и сердце в нем жаждет добычи:
Так он, усердствуя, мчался вперед. А трепещущий Гектор
Быстро коленями двигал, идя вдоль стены Илионской.
Мимо холма, мимо дикой смоковницы, ветрам открытой,

22-145

Оба они прибежали к стене, колесничной дорогой,
И светлоструйных достигли двух водных вместилищ, откуда
Два родника выбегают глубокопучинного Ксанфа:
С теплой водою один, и над ним непрестанно клубится
Пар, далеко расстилаясь, как дым над пылающим лесом;

22-150

Ключ же другой и средь лета струится, по холоду равный
Граду иль мерзлomu снегу, иль в лед превратившейся влаге.
Там у ключей находились просторные, пышные мойни,
Гладким обложены камнем, где светлые мыли одежды
Дочери храбрых троянцев и жены, прекрасные видом,

22-155

В прежние мирные дни, до прихода ахейского войска.
Мимо бойцы пронеслись, – этот спасаясь, а тот догоняя.
Доблестный муж убегал, настигал же безмерно храбрыйший.
Ибо не жертвы они добивались, не кожи бычачьей,
Что достается обычно в награду быстрейшему в беге,

22-160

Но о душе состязались могучего сына Приама.
Точно к победе привыкшие цельнокопытные кони
Мчатся, мету огибая, и славная ждет их награда, –
Медный треножник, иль дева, на тризне убитого мужа:
Так они город Приама три раза кругом обежали,

22-165

Быстрым ногам доверяясь. И все на них боги взирали.
Первый меж ними воскликнул отец и людей и бессмертных:
"Горе, любезный мне воин бежит вокруг стены Илионской,
Славным гонимый врагом. Я гляжу и душа моя плачет
В скорби по Гекторе: часто он бедра бычачьи сжигал мне

22-170

В жертву на многолощинных высотах Идейских и в Трое,
В городе верхнем. Теперь же его Ахиллес богоравный
Быстро преследует в бегстве вокруг славной твердыни Приама.
Но помогите, о, боги, обсудим и примем решенье:
Снова спасем ли его от гибели, или дозволим,

22-175

Чтоб, не взирая на доблесть, он пал, укрощенный Ахиллом?"
И синеокая так возразила богиня Паллада:
"Молниеносный Зевес, что сказал ты, о, тучегонитель!
Мужа, рожденного смертным, давно подчиненного року,
Ныне обратно желаешь похитить у смерти зловещей?"

22-180

Делай, но мы, остальные все боги тебя не одобрим".
Ей отвечая, промолвил Зевес, облаков собиратель:
"Милая дочь, ободрись, Тритогея! Пусть говорил я
Ныне с неласковым сердцем, к тебе хочу быть багосклонным.
Делай, как сердце прикажет, и не отступай пред желаньем".

22-185

Так, побуждая, сказал он Афине, усердия полной,
И с Олимпийских высот она бросилась вниз и помчалась.
А быстроногий Ахилл за испуганным Гектором гнался.
Точно собака в горах за оленем охотится юным,
С лога подняв и гоняя долиной и темною чашей;

22-190

Не утаиться ему, хоть бы в страхе прилег за кустами.
Ибо, обнюхав следы, она гонит, пока не настигнет:
Также не мог Приамид уклониться от сына Пелея.
Всякий же раз, как, бросаясь вперед, он пытался достигнуть
Крепких Дарданских ворот и укрыться близ башен высоких,

22-195

Где бы троянцы могли защитить его сверху стрелами,
Быстрый Пелид забегал стороною и гнал его снова
По направлению к полю, а сам он держался твердыни.
Точно во сне невозможно настигнуть бегущего мужа,
Ни убежать от погони тому, кто преследует сзади:

22-200

Также не в силах был Гектор спастись, а нагнать – сын Пелея.
Нет, он не мог бы один уклоняться так долго от Парок,
Если бы Феб не явился с последней предсмертной защитой,
Силы в него не вдохнул и не сделал проворными ноги.
Войску меж тем Ахиллес богоравный дал знак головою

22-205

В Гектора стрел не бросать, как бы кто, поразив Приамида,

Не приобрел себе славы, а он бы вторым не явился.
Снова, в четвертый уж раз, к родникам подбежали герои.
Тотчас весы золотые Зевес натянул Олимпиец
И, положивши два жребия смерти, смиряющей члены, –

22-210

Гектора, резвых коней укротителя, и Ахиллеса, –
Поднял в середине. И Гектора день роковой преклонился,
Пал до Аида. И Феб Дальновержец покинул героя,
А к Пелиону спустилась Паллада Афина,
Стала вблизи и такое сказала крылатое слово:

22-215

"Ныне, любимец Зевеса, Ахилл многославный, надеюсь,
К войску ахейн и к флоту вернемся с великою славой,
Гектора жизни лишим, ненасытного в брани героя.
Дольше ему невозможно от нас уклоняться обоих,
Сколько бы Феб Дальновержец, заботясь о нем, ни трудился,

22-220

Хоть бы валялся у ног Эгидодержавного Зевса.
Но отдохни, Ахиллес, и побудь здесь недвижно, покуда
Я к Приамиду пойду и внушу ему биться с тобою".
Так говорила Афина и он подчинился охотно.
Стал, опираясь на ясень, оправленный острою медью.

22-225

К Гектору, кинув Ахилла, помчалась Паллада Афина,
Образ приняв Деифоба и голос его неустанный,
Близко к нему подошла и крылатое молвила слово:
"Брат мой, жестоко тебя удручает Ахилл быстроногий,
Вслед за тобою гоняясь вокруг славной твердыни Приама.

22-230

Стань, подождем его вместе и будем вдвоем защищаться".
И, отвечая, сказал шлемовеющий Гектор великий:
"О, Деифоб, ты и раньше был прочим мне братьев дороже,

Всех сыновей от Гекубы и старца Приама рожденных.
Ныне же больше, чем прежде, тебя почитаю душою.

22-235

Ибо, увидев меня среди напасти, один ты решился
Выйти вне стен, между тем как другие внутри ожидают".
И синеокая так отвечала богиня Паллада:
"Брат мой! Почтенная мать и отец, и друзья дорогие, –
Все умоляли меня, чредой обнимая колени,

22-240

С ними в твердыне остаться: таким они страхом объаты.
Но безутешною скорбью внутри мое сердце терзалось.
Стань, неуклонно сразимся и не пощадим своих копий.
Ныне изведем, нас ли убьет Ахиллес быстроногий
И на суда возвратится с оружием, кровью покрытым,

22-245

Или он сам упадет, твоим острым копьем усмиренный".
Молвила так и лукавством на бой повела Приамида.
После ж того, как сошлись они, друг наступая на друга,
Первый Ахиллу сказал шлемовеющий Гектор великий:
"Больше не стану, Пелид, я тебя избегать, как доселе.

22-250

Трижды кругом обежал я твердыню Приама, не смея
Ждать твоего нападения. Теперь же душа повелела
Противостать тебе грудью, а там – победить иль погибнуть!
Но обратимся вначале к бессмертным богам, и да будут
Боги свидетели нам и блюдут соглашение наше.

22-255

Не оскверню я тебя непристойно, когда над тобою
Даст мне Зевес одоление, и душу из тела исторгну.
Только доспехи с тебя совлеку, Ахиллес богоравный,
Труп же верну аргивянам. Ты также поступишь со мною".
Но, исподлобья взглянув, отвечал Ахиллес быстроногий:

22-260

"Гектор, зачем, ненавистный, ты мне предлагаешь условия?
Нет договорных союзов у хищного льва с человеком,
Мирного нет соглашения меж волком и слабым ягненком,
Но беспредельной враждой они друг против друга пылают.
Так между мной и тобою нет места приязни и клятвам,

22-265

Прежде чем в битве из нас не падет кто-нибудь умерщвленный,
Кровью своей не насытит Арея, воителя злого.
Вспомни теперь все искусство войны. Надлежит тебе ныне
Быть ратоборцем искусным и воином с храброй душою.
Больше тебе не спастись. Усмирит тебя вскоре Афина

22-270

Этим копьем моим острым. Теперь, наконец, ты искупишь
Горе друзей моих милых, тобою, свирепым, убитых".
Так он сказал и с размаха копье длиннотенное бросил.
Впору заметив удар, уклонился блистательный Гектор,
Быстро присел, озираясь, и медь над плечом пролетевши,

22-275

В землю вонзилось. Паллада копье извлекла и вернула
Сыну Пелееву, тайно от Гектора, пастыря войска.
Гектор воскликнул тогда беспорочному сыну Пелея:
"Ты промахнулся, Ахилл богоравный. Тебе от Зевеса
Жребий мой не был известен, однако ты этим хвалился

22-280

Праздным витием ты был и обманщиком словообильным,
Чтоб, испугавшись тебя, я забыл про отвагу и силу.
Нет, не бегущему вслед, ты не в спину вонзишь мне оружие.
В грудь поразишь меня прямо, идущего храбро навстречу,
Ежели бог тебе даст. А пока берегись моей меди

22-285

Острой. О, если б ее целиком в свое тело ты принял!
Верно со смертью твоею война бы для нас облегчилась,
Ибо для войска троянцев ты – бедствие, злейшее в мире".
Так он сказал и с размаха копье длиннотенное бросил.
Не промахнувшись, Пелида в середину щита поразил он,

22-290

Но отскочило обратно копье. И разгневался Гектор,
Видя, что дроты быстролетный помчался из рук бесполезно.
Стал, головою поникнув, другого копья не имея.
И светлобронного начал он звать Деифоба на помощь,
Острого дрота прося, но того уже не было близко.

22-295

Понял тогда Приамид, что случилось, и слово промолвил:
"Горе! Теперь несомненно, что боги зовут меня к смерти
Я уповал, что герой Деифоб здесь стоит недалеко.
Он же внутри за стеной, а меня обольстила Афина.
Близко – зловещая смерть, недалеко стоит за спиною.

22-300

Нет мне спасенья. Так, видно, давно уже было угодно
Зевсу и сыну его Дальновержцу. Они благосклонно
Прежде хранили меня, а теперь вот судьба настигает.
Но да погибну в бою не без тяжелой борьбы, не без славы.
Подвиг великий свершу, поколениям грядущим на память".

22-305

Слово такое промолвив, он меч обнажил заостренный,
Длинный, тяжелый весьма, при бедре его мощном висевший,
И налетел дерзновенный, что кричит высокопарящий,
Если из черных как ночь облаков на долину бросаюсь,
Нежного хочет увлечь он ягненка или робкого зайца:

22-310

Так налетел Приамид, потрясая мечом заостренным.
Но и Ахилл устремился, исполнен великой отвагой,
Спереди грудь приукрывши красивым щитом испещренным
И на ходу потрясая блистающим шлемом тяжелым
О четырех ободках, и густая из золота грива

22-315

Пышно вдоль гребня его колебалась, – работа Гефеста.
Точно как в сумерках ночи свой путь среди звезд направляет
Веспер, которого в небе нет ярче звезды и прекрасней:
Так острое пламенело, которым Ахилл богоравный
В правой руке потрясал, когда Гектору гибель готовил

22-320

И обнаженное место на нежном высматривал теле.
Только все члены героя кругом облекали доспехи
Те, что блистательный Гектор похитил, убивши Патрокла.
Было открыто лишь горла, в том месте, где кости ключицы
Шею от плеч отделяют: там раны мгновенно смертельны.

22-325

Прямо в то место копье устремил Ахиллес богоравный,
И острое проскочило навывлет чрез нежную шею.
Но не коснулось гортани копье, отягченное медью,
Дабы грядущее мог предсказать Приамид Ахиллесу.
Грохнул он в прах, и над ним похвалялся Пелид богоравный:

22-330

"Гектор! Патрокла убив, ты ужель уповал на спасенье
И про меня позабыл, ибо я вдалеке обретался?
О, безрассудный! Вдали на глубоких судах мореходных,
Мститель тебя ожидал несравненно сильнее Патрокла,
Я, кто сломил твою силу. И вот твоё тело растащат

22-345

Хищные птицы и псы, а его похоронят ахейцы".

Изнемогая, в ответ шлемовеющий Гектор промолвил:
"Именем предков твоих и душою твоей умоляю,
Не допусти, чтобы псы растерзали меня пред судами,
Выкуп бесценный получишь и золота много, и меди.

22-340

Щедро тебя одарит и отец мой, и мать дорогая.
Только верни мое тело, чтоб жены и дети троянцев
Дома меня погребли и как должно огню приобщили".
Но, исподлобья взглянув, отвечал Ахиллес богоравный:
"Не обнимай мне колен, не тверди мне, собака, о предках!

22-345

Если б позволило сердце, я сам, на куски изрубивши,
Съел бы сырым твое мясо, в отплату за то, что ты сделал.
Нет человека, кто б мог от твоей головы ненавистой
Псов удалить, даже если б он свесил и выкуп доставил
В десять и в двадцать раз больше, и столько б еще обещал мне,

22-350

Если б Приам Дарданид повелел искупить твое тело
Золотом, равным по весу, – и то на одре погребальном
Не обрядит тебя мать, не оплатит дитяти родного,
Но без остатков пожрут твое тело собаки и птицы".
И шлемовеющий Гектор сказал, испуская дыханье:

22-355

"Знаю тебя хорошо. И зачем умолял я напрасно?
Вижу, в груди у тебя таится железное сердце.
Но трепещи, как бы мести богов на тебя не навлек я
В день, как у Скейских ворот Аполлон и Парис боговидный
Гибель тебе приготовят, на доблесть твою невзирая".

22-360

Только что слово он кончил, как смерть осенила героя.
Быстро из тела умчалась душа и в Аид опустилась,
Плача о доле своей, покидая и силу и юность.

С речью уже к мертвецу обратился Ахилл богоравный:
"Сам ты покаместь умри. А потом уже встречу я Парку

22-365

В день, когда будет угодно Зевесу и прочим бессмертным".
Так говоря, он из трупа копьё заостренное вынул,
В сторону бросил и снял обагрённые кровью доспехи.
Тут подбежали другие отважные дети ахеян
И красоте удивлялись и росту Приамова сына.

22-370

Каждый из них, приближаясь, колол бездыханное тело.
И, обращаясь друг к другу, они меж собой говорили:
"Боги! Теперь сын Приама как будто нежнее на ощупь,
Нежели в день, как зажег корабли он огнем истребленья".
Так говорили они и оружие в тело вонзали.

22-375

Тою порою доспехи совлек Ахиллес богоравный,
Стал посредине ахеян и слово крылатое молвил:
"Милые друзья, вожди и советники войска данайцев!
Ныне, когда благосклонные боги нам дали осилить
Мужа, кто более зла причинил нам, чем прочие вместе, —

22-380

Не попытаться ль с оружием ударить на город троянцев,
Чтобы разведать, какие питают намеренья в мыслях:
Крепость хотят ли покинуть, со смертью Приамова сына,
Или упорствовать будут, на гибель его невзирая?
Только зачем мое сердце теперь озабочено этим?

22-385

Непогребенный лежит, не оплаканный перед судами
Милый Патрокл. Его никогда не забыть мне покуда
Станет дыханья в груди и носить меня будут колени.
Пусть об усопшем должны забывать мы в жилище Аида,
Все же и там вспоминать о возлюбленном буду я друге.

22-390

Ныне, о, дети ахейн, хвалебный пеан распевая,
К быстрому флоту вернемся и тело захватим с собою.
Славу мы добыли ныне великую, жизни лишили
Гектора, кем до сих пор похвалялись троянцы, как богом".
Молвив, на Гектора он недостойное дело замыслил,

22-395

Мышцы ступни позади на обеих ногах проколол он
Между пятою и костью, ремни прикрепил к ним бычачьи
И с колесницей связал, голова по земле волочилась.
После он стал в колесницу, подняв дорогие доспехи,
Тронул бичом лошадей, и они полетели охотно.

22-400

Тучей поднялся песок над влекущимся телом, и кудри
Темные с прахом смешались, в пыли голова его билась,
Дивно прекрасная прежде, теперь осужденная Зевсом
На поруганье врагов, на родимой земле Илионской.
Так голова Приаида грязнилась в пыли. А Гекуба

22-405

Милого сына узрела и стала рыдать безутешно,
Волосы, плача, рвала, далеко покрывало откинув.
Жалобно громко стонал и отец, и кругом вся дружина,
В городе жители все предавались стенаньям и воплям.
Было похоже на то, как если б высокая Троя

22-410

Вся от основ до вершины пылала, объята пожаром.
Мужи держали с трудом исступленного скорбного старца.
Он из Дарданских ворот на долину идти порывался.
В прах он упал, расстилался по грязной земле, умоляя
И называя отдельно по имени каждого мужа:

22-415

"Други, оставьте меня! О, пустите, на скорбь не взирая,
Выйти из города мне одному и направиться к флоту.
Буду молить о пощаде того вредоносного мужа.
Возраст, быть может, почтит он и старость мою пожалеет.
Ибо отец Ахиллеса таков же как я, – знаменитый

22-420

Старец Пелей, воспитавший его на погибель троянцам.
Всем причинил он страданья, а мне еще больше, чем прочим.
Сколько, жестокий, убил у меня сыновей он цветущих!
Но и печалюсь о всех, ни о ком я так громко не плачу,
Как об одном. В Аид низведет меня горе о мертвом

22-425

Гекторе милом. Зачем на моих он руках не скончался!
Мы бы насытились плачем, мы б вдоволь над ним нарыдались, –
Мать, что его родила, злополучная, вместе со мною".
Так говорил он, рыдая, и граждане рядом стонали.
Горестный плачь подняла и Гекуба среди женщин троянских:

22-430

"Сын мой, теперь без тебя как я жить, горемычная, буду,
Вытерпев столько печали? И ночью, и днем перед всеми
Ты моей гордостью был, о, защита троянской твердыни,
Славных троян и троянок, тебя принимавших как бога,
Ты бы, живой, навсегда пребывал их великою славой.

22-435

Ныне же черная смерть и судьба овладели тобою".
Так говорила в слезах. А жена Приаида в то время
О происшедшем не знала. Еще не явился к ней вестник
С грустной вестью правдивой, что Гектор убит за стеною.
В дальнем покое дворца она ткала прилежно двойную

22-440

Цвета пурпурного ткань, рассыпая узоры цветные.
И приказала по дому прекрасноволосым служанкам
Медный треножник большой над огнем поместить, чтоб готовой
Теплая ванна была, когда Гектор из битвы вернется,
Ибо не думала бедная, что далеко от купаний

22-445

Под Ахиллесовой дланью его укротила Афина.
Вдруг услышала она завыванья и вопли на башне.
Выпал челнок из руки и колени у ней подкосились.
Снова она обратилась к прекрасноволосым служанкам:
"Две да сопутствуют мне. Я увидеть хочу, что случилось.

22-450

Голос почтенной свекрови мне издали слышан, и сердце
Выпрыгнуть хочет из тела, от страха сгибаются ноги.
Верно случилась беда с сыновьями владыки Приама.
Очень боюсь (да пребудет несчастье от слуха далеко!),
Как бы могучему Гектору сын богоравный Пелея

22-455

К Трое пути не отрезал, погнав одного по долине,
Как бы копьем не смирил он его безрассудной отваги.
Гектор врагов ожидает, не стоя в толпе, как другие.
Он выбегает вперед, ни пред чьей не склоняется силой".
Так говоря, из дворца устремилась она как менада,

22-460

С трепетно бьющимся сердцем и шли за ней следом служанки.
Вскоре она добежала до башни, где мужи толпились,
Быстро взобралась на стену и стала, кругом озираясь.
И увидала супруга, влекомого прочь от твердыни.
К легким судам беспощадно влекли его кони.

22-465

И непроглядная ночь ей мгновенно окутала очи.

Навзничь она повалилась, как бы испуская дыханье.
В прах далеко с головы ее светлые пали повязки,
Яркий повойник скатился, тесьма и плетеная сетка
И покрывало, что в дар ей дано золотой Афродитой

22-470

В день, когда в жены ее из чертога царя Этиона
Взял шлемовеющий Гектор, несчетные выдав подарки.
Вкруг Андрوماхи толпились золовки ее и невестки,
Полуживую держа, пораженную ужасом в сердце.
После того как очнулась и чувство вернулось к ней в душу,

22-475

Плачем она залилась и воскликнула в круге троянок:
"Гектор, о, горе мне, бедной! Для равной родились мы доли,
Ты – в Илионе высоком, в чертоге владыки Приама,
Я – у лесистого Плака, в прекрасно устроенных Фивах,
В доме царя Этиона. Меня, горемычную в женах,

22-480

Он воспитал, злополучный. О, лучше б совсем не родиться!
Ныне в обитель Аида сошел ты в подземные бездны,
Гектор! Меня же одну в безутешной печали оставил
Жалкой вдовою в чертоге. А наш бессловесный малютка,
К жизни рожденный от нас, злополучных! Ни ты не сумеешь,

22-485

Мертвый, его защитить, ни тебе он опорой не будет.
Если он даже избегнет войны многослезной ахейян,
Все же в грядущем его ожидает лишь труд и страданья.
Полям его овладеют чужие, межи переставив.
День, приносящий сиротство, уносит друзей у ребенка.

22-490

Вечно он ходит печален и щеки слезами омыты.
Часто в тяжелой нужде он к отцовским друзьям прибегает,
Тронув того за хитон, а другого – за верхнее платье.

Сжалится редкий из них и протянет с остатками кубок,
Так что он губы омочит, а небо останется сухо.

22-495

Гордый богатых родителей сын его с пира прогонит,
Больно ударит рукой и насмешливой речью обидит:
"Прочь, горемычный! Отец твой в пиру не участвует с нами!"
К матери, плача, вернется дитя, ко вдове одинокой,
Астианакс, кто досель на коленях отца дорогого

22-500

Мозгом одним лишь питался и сладостным жиром овечьим.
Если же сон нисходил, и от детских он игр утомлялся,
То засыпал на постели, в объятьях кормилицы нежной,
Лежа на мягкой перинке и сердцем вкушая отраду.
Ныне натерпится горя, лишенный отца дорогого,

22-505

Астианакс, кто слывет у троянцев под этим прозванием,
Гектор, один ты у них защищал и ворота и стены.
Вскоре тебя самого близь судов, от родимых далеко,
Быстрые черви съедят, когда псы уж насытятся телом
Голым твоим, хотя много лежит в твоём царском чертоге

22-510

Тонких, красивых одежд, – они женскими сшиты руками.
Только я все их сожгу, на горящем костре уничтожу.
Пользы от них тебе нет и лежать ты в них больше не будешь,
Пусть же тебе хоть во славу сгорят средь троян и троянок!"
Так говорила, рыдая, и жены кругом вздыхали.

22-515

* * *

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ Игры в честь Патрокла

Так по всему Илиону в то время стонали троянцы.
Дети ахейн меж тем Геллеспонта достигли и флота
И по глубоким судам и палаткам рассеялись быстро.
Лишь мирмидонцам отважным Ахилл разойтись не дозволил.
С речью такой обратился к дружине он браннолюбивой:

23-5

"О, быстроконные мужи, товарищи милые сердцу,
Цельнокопытных коней вы куда распрячь погодите.
Мы же сначала приблизимся к телу Патрокла,
Чтобы оплакать его: то последняя почесть усопшим.
После ж того, как мы душу насытим надгробным рыданьем,

23-10

Быстрых коней распряжем и за общую трапезу сядем".
Молвил и поднял рыданье. И вторили все мирмидонцы.
Трижды они вокруг тела прогнали коней пышногривых,
Плача навзрыд. В них Фетида охоту к слезам возбудила.
Слезы песок орошали, текли по доспехам героев:

23-15

Так было жаль им вождя, на врагов наводившего ужас.
Громко тогда возрыдал Ахиллес богоравный и молвил,
Другу на грудь положивши к убийству привычные руки:
"Радуйся, милый Патрокл, и в темном жилище Аида.
Все я свершу неизменно, как дал обещание прежде:

23-20

Гектора труп, осквернив, на съедение брошу собакам
И пред твоим погребальным костром обезглавлю двенадцать
Знатных троянских сынов, за твое отомщая убийство".
Молвив, на Гектора вновь недостойное дело замыслил:
В прах головою уткнул перед ложем Патрокла.

23-25

Тою порой мирмидонцы сложив боевые доспехи,

Яркой блиставшие медью, распрягши коней громко ржущих,
Пред кораблем Эакида уселись толпою несметной.
Он же им всем предложил похоронную трапезу щедро.
Множество белых быков под железным ножом трепетало;

23-30

Много зарезано было и бляющих коз, и баранов;
Много свиней белозубых, цветущих и жиром покрытых,
Было в тот день распростерто над пламенем жарким Гефеста.
Кровь повсеместно лилась вокруг Патрокла, – хоть черпай ковшами.
Тою порою цари аргивян повели Пелиона,

23-35

Гордого славой вождя, к Агамемнону, пастырю войска,
Тщетно его утешая: он гневом и скорбью терзался.
Вскоре вошли полководцы в палатку Атреева сына
И приказание дали глашатаям звонкоголосым
Медный треножник большой над огнем поместить, не удастся ль

23-40

Сына Пелея склонить от кровавого праха омыться.
Только он просьбу упорно отверг и сказал, зарекаясь:
"Зевсом клянусь, величайшим из вечных богов и сильнейшим,
В том, что вода омовений мне голову смочит не раньше,
Чем на костер положу я Патрокла и насыпь воздвигну

23-45

И остригу свои кудри. Покуда в живых обретаюсь,
Не овладеет вторично подобная скорбь моим сердцем.
Дайте, о, други, теперь за печальную трапезу сядем.
Завтра с зарей повели, Агамемнон, владыка народов,
Из лесу дров привезти, и все припаси остальное,

23-50

Что мертвецу подобает, сходящему в сумрак подземный.
Пусть неустанный огонь его тело скорей уничтожит,
Скроет навеки от глаз, чтобы войско вернулось к занятиям".

Так он сказал и они подчинились, внимательно слушав,
Ужин поспешно собрали и вместе за трапезу сели.

23-55

И не нуждался никто в уделяемой поровну пище.
После ж того, как желанье питья и еды утолили,
Все по палаткам своим разошлись на покой полководцы.
Сам же Пелид на побережьи лежал многошумного моря,
Громко стеная, толпой окруженный бойцов мирмидонских,

23-60

В месте просторном, где берег морская волна омывала.
Там охватил его сон и разлился кругом, благодатный,
Дух разрешил от забот, ибо сильно Пелид утомился,
За Приамидом гоняясь вкруг крепости, ветрам открытой.
Сон посетила душа злополучного друга Патрокла,

23-65

Роста такого ж как он, похожая голосом звучным
И красотой очей и одетая в те же одежды.
Стала она в головах и промолвила слово Ахиллу:
"Ты почиваешь, Ахилл, обо мне позабыл, об умершем,
Хоть о живом ты когда-то радел. О, предай погребенью

23-70

Тело мое поскорей, да проникну в ворота Аида.
Души – подобья живущих – меня далеко отгоняют,
Вместе с собой не дают переправится мне через реку:
Праздно брожу вкруг широковоротного дома Аида.
Ныне же руку, молю, протяни мне. Огню приобщенный,

23-75

Больше к тебе не вернусь из подземного дома Аида,
Больше не будем вдвоем, в стороне от любезной дружины,
Сидя, как прежде, советы держать. Уж меня поглотила
Грозная смерть, что судьбою назначена мне при рождении.
Да и тебе, Ахиллес богоравный, назначено роком

23-80

Здесь под высокой стеной благородных троянцев погибнуть.
Но о другом попрошу я, быть может, ты просьбу исполнишь.
Кости мои от твоих прикажи положить не отдельно.
Вместе пускай почивают, как вместе мы жили в чертоге,
С самого дня как Менойтий меня из Опуса ребенком

23-85

В дом ваш привез, по причине печального смертоубиства:
Амфидамасова сына убил я нечаянно в ссоре
Из-за игральных костей, – безрассудный, убить не желая.
Принял тогда меня в дом свой наездник Пелей престарелый,
Нежно возрастил и велел мне твоим быть товарищем брани.

23-90

Пусть же и наши останки хранит в себе общая урна, –
Данная матерью милой тебе золотая амфора".
И, отвечая, сказал быстроногий Ахилл богоравный:
"Что, мой возлюбленный друг, ты стоишь предо мной, умоляя,
И отчего так пространно мне просьбу свою изъясняешь?"

23-95

Все я охотно свершу и твоим подчинюсь приказаньям.
Но подойди и приблизься. И пусть хоть недолгое время,
Быть нам в объятьях друг друга, вдвоем насладимся рыданьем!"
Так он сказал и руками обнять попытался Патрокла,
Но не нащупал. Душа, точно дым, опустилась под землю

23-100

С шелестом тихим. И с ложа вскочил Ахиллес изумленный,
Громко руками всплеснул и печальное слово промолвил:
"Боги! Ужели и вправду от нас остается в Аиде
Только душа и подобье, а жизнь навсегда исчезает?
Всю эту ночь надо мной злополучного друга Патрокла

23-105

Близко стояла душа, безутешно стеная и плача,
И обо многом просила, лицом на живого похожа".
Так говоря, к мирмидонцам охоту к слезам возбудил он,
Так что заря розоперстая, выйдя, в слезах их застала
Вкруг бездыханного тела. И тотчас Атрид Агамемнон

23-110

Многим по лагерю воинам дал приказанье на мулах
Дров привести для костра. Во главе их герой устремился
Вождь Мерион, непреклонного Идоменея товарищ.
Воины взяли секиры и свитые крепко веревки
И за дровами пошли; впереди выступали их мулы.

23-115

На гору, под гору, вдоль, поперек они шли по тропинкам
И на высоты взобрались Иды, обильной ключами.
Там они стали поспешно рубить густоверхие дубы
Остро отточенной медью, и с шумом валились деревья.
Их разрубили ахейцы и мулам взвалили на спины,

23-120

Крепко связав. И животные, меряя землю ногами,
Чащей кустов пробирались, желая вернуться в долину.
Все дровосеки несли по бревну – так велел им могучий
Вождь Мерион, знаменитого Идоменея товарищ.
К морю придя, они на берег бревна свалили, где место

23-125

Выбрал Ахилл под курган для себя самого и Патрокла.
После того как в несчетном числе набросали поленьев,
Все в ожидании сели. Тогда Ахиллес богоравный
Браннолюбивым своим мирмидонянам дал приказанье
В медные латы облечься и впрячь лошадей в колесницы.

23-130

Те устремились и быстро в доспехи войны облачились.
На колесницы взобрались герои с возницами рядом.
Конным вослед выступала пехота несметною тучей,
А посредине шагали дружинники с телом Патрокла,
Кудри срезая с голов и бросали, весь труп покрывая.

23-135

Голову сзади держал быстроногий Ахилл богоравный,
Тяжко скорбя: он в Аид провожал беспорочного друга.
Вскоре пришли они к морю, где место Ахилл указал им,
Труп опустили на землю, и складывать стали поленья.
Только другое в то время замыслил Ахилл богоравный.

23-140

Став от костра в стороне, белокурые срезал он кудри,
Те, что растил и лелеял для Сперхия, бога речного.
Тяжко вздохнув, он промолвил, на темное море взирая:
"Сперхий, напрасно тебе дал обет мой отец престарелый,
Что по моем возвращеньи в любезную отчую землю.

23-145

Кудри обрежет мои в твою честь и сожжет гекатомбу,
И пятьдесят тебе в жертву заколет баранов цветущих,
Кровь проливая в ключи, где твой храм и алтарь благовонный.
Так обещал тебе старец, ты ж не дал свершиться обету.
Ныне, когда уж назад не вернуться мне в отчую землю,

23-150

Кудри герою Патроклу отдам – пусть с собой их уносит".
Слово окончив, он волосы в руки вложил дорогому
Другу, товарищу брани, и плакать все войско заставил.
Так бы рыдали они до заката блестящего солнца,
Если б Ахилл не предстал пред Атридом и слово не молвил:

23-155

"Славный Атрид! Мы и после успеем насытиться плачем.

Войску теперь прикажи, ибо речи твоей все послушны,
Пусть от костра отойдут. Повели, чтоб готовили ужин.
Мы остальное свершим, оттого что у нас наиболее
Сердце скорбит об умершем. Вожди пусть останутся с нами".

23-160

Слово Пелида услышав, владыка мужей Агамемнон
Тотчас войскам повелел разойтись по судам соразмерным.
Те лишь остались на месте, кто был погребением занят,
Клади поленья в костер, шириной и длиною в сто сажень,
Тело на верх положили, объятые скорбью великой.

23-165

С множества тучных баранов и крупных быков криворогих
Кожу содрали они пред костром, приготовив как должно.
Жир отобрал благородный Пелид и покрыл им Патрокла
От головы и до пят, а кругом навалил он все туши
И посредине поставил амфоры с елеем и медом,

23-170

К ложу слегка преклонив. И коней четырех крутошеих,
Тяжко вздыхая, он, мощный, взвалил на костер погребальный.
Десять собак за столом у царя Ахиллеса кормилось.
Двух он из них обезглавил и бросил на груды поленьев.
Грозное дело замыслив, он медью зарезал двенадцать

23-175

Воинов юных троянских, отважных душой, благородных,
И положил на костер; беспощадный огонь, да бушует.
Сам же, вздохнув тяжело, обратился к любезному другу:
"Радуйся, милый Патрокл, и в темном жилище Аида!
Всё я свершил неизменно, как дал обещание прежде.

23-180

Юных троянцев двенадцать, отважных душой, благородных,
Вместе с тобой уничтожит огонь. Лишь Приамова сына
Не приобщу я огню, а собакам отдам на съеденье".

Так он промолвил, грозя. Но собаки не трогали тела,
Ибо и ночью, и днем отгоняла их прочь Афродита,

23-185

Зевсова дочь. Она Гектора труп благовонным натерла
Розовым маслом, чтоб не был истерзан, во прахе влекомый.
Темное облако с неба в долину низвел Дальновержец
Феб Аполлон и покрыл совершенно то место средь поля,
Где его тело лежало, чтоб сила палящего солнца

23-190

Не иссушила на членах прекрасную кожу и жилы.
Не разгорался, однако, костер с бездыханным Патроклом,
И быстроногий Ахилл богоравный затеял другое.
Он от костра удалился и вслух стал молиться обоим
Ветрам – Борею с Зефиром – суля им прекрасные жертвы.

23-195

Он возлиянья им кубком свершал золотым, умоляя
С неба слететь, чтобы пламя скорее тела охватило,
Чтобы дрова запылали живей. И, услышав молитву,
Легкою вестницей к ветрам помчалась богиня Ирида.
Ветры, собравшись в чертоге Зефира, несущего бурю,

23-200

Там заседали за пиром, когда прибежала Ирида
И перед каменным стала порогом. Увидев богиню,
Все устремились навстречу к ней, каждый к себе призывая.
Но, отклонив приглашение садиться, богиня сказала:
"Не до сиденья теперь. Я к потоку лечу к Океану,

23-205

В землю спешу эфиопов: они гекатомбу приносят
Вечным богам, и я также участвовать в жертве желаю.
Но Ахиллес умоляет Борея с Зефиром шумящим
Быстро примчаться на помощь, суля вам прекрасные жертвы,
Если раздуете яркий огонь под костром пргребальным,

23-210

Где поживает Патрокл, оплаканный войском ахейн".
Слово окончив, богиня умчалась. И ринулись ветры,
Громко свистя над землей, облака пред собой погоняя.
После на море подули, и звучным дыханьем гонима,
Встала волна. Наконец в плодородную Трою примчались

23-215

И за костер принялись. Застонал раздуваемый пламень.
Целую ночь они оба огонь над костром развевали,
Звучно дыша. И всю ночь быстроногий Ахилл богоравный,
Кубок держа двусторонний, вино почерпал беспрестанно
Из золотого сосуда и лил на кормилицу землю,

23-220

Громко зывая к душе злополучного друга Патрокла.
Точно отец над костром новобрачного сына рыдает,
Раннею смертью повергшего бедных родителей в горе:
Так сын Пелея рыдал, сожигая кости Патрокла,
Грустно костер обходил, испуская глубокие вздохи.

23-225

А как взошла над землею звезда светоносная утра
И распростерлась над морем заря в золотистых одеждах,
Начал костер потухать, и блестящее замерло пламя.
Ветры назад повернули домой по фракийскому морю,
И застонало оно, заметались разбухшие воды.

23-230

Тою порою Пелид от костра отошел недалеко
И утомленный прилег. Тотчас сладостный сон овладел им.
После к нему подошли полководцы с владыкой Атридом.
Шум голосов их и топот шагов разбудили героя.
Быстро от сна он воспрянул и сел, и промолвил им слово:

23-235

"Славный Атрид и другие славнейшие мужи ахейян,
Прежде всего вы костер заливайте вином темнокрасным,
Все погасите, что только от силы огня сохранилось,
После отыскивать будем мы кости Менойтия сына
И подбирать со вниманьем; они же легко различимы.

23-240

Ибо Патрокл лежал посредине костра, а другие
Кони с людьми попеременно горели у края, поодаль.
Кости положим в фиал золотой; там под жиром двупластным
Пусть почивают, покуда я сам не укроюсь под землю.
Я не велю вам теперь же воздвигнуть великую насыпь,

23-245

Лишь бы казалась пристойной. Потом же, со смертью моею,
Пусть и обширный курган, и высокий насыпят ахейцы,
Вы, кто останетесь после меня на судах многогребных".
Молвил, и все подчинились могучему сыну Пелея.
Прежде всего, темнокрасным вином они залили груды,

23-250

Ту, что огонь подточил. И глубоко обрушился пепел.
Плача, собрали потом товарищи белые кости
И, в золотой положивши фиал, приукрыли их жиром,
Слоем двойным и в палатке под тонким холстом поместили.
Круг очертили затем для холма, заложили основы

23-255

Подле костра и насыпали сверху курган над могилой.
Насыпь воздвигнув, хотели уйти, но Ахилл удержал их,
Кругом войска усадил и открыл погребальные игры.
С флота доставил награды, тазов и треножников много,
Мулов и крепкоголовых быков, и коней пышногривых,

23-260

И широко опоясанных жен, и седое железо.
Прежде всего, он устроил бега для наездников резвых.
Первому в дар он назначил в работах искусную деву,
Вместе с треножником в двадцать две меры, о ручках красивых,
А для второго избрал шестилетнюю он кобылицу,

23-265

Не укрощенную, семя от мула носившую в недрах.
Третьему таз он назначил, еще над огнем не стоявший,
Белый, сработанный дивно и меры четыре вмещавший.
В дар же четвертому золотом два положил он таланта.
Пятому кубок назначил, не бывший в огне, двусторонний.

23-270

После того он поднялся и слово сказал аргивянам:
"Славный Атрид и вы все, аргивяне в прекрасных доспехах!
Вот наилучших наездников ждут среди собранья награды.
Если б теперь состязались мы в память другого героя,
Первую я, несомненно, награду отнес бы в палатку.

23-275

Вы превосходство и доблесть коней моих знаете сами.
Оба бессмертны они. Посейдон подарил их владыке,
Старцу Пелею, отцу моему. Тот их мне предоставил.
Но пребываем в покое теперь – я с моими конями,
Ибо великую славу они потеряли, – возницу,

23-280

Кроткого сердцем. Он часто, бывало, прекрасные гривы
Маслом густым увлажал, омывал их волною прозрачной.
Ныне по нем убиваясь, понурили головы оба.
Сердцем болея, стоят, до земли опустились их гривы.
Вы же, другие ахейцы, готовьтесь начать состязанье,

23-285

Кто на свою колесницу и резвых коней уповае!"

Так говорил им Пелид и наездники быстро собрались.
Первым поднялся отважный Эвмел, повелитель героев,
Сын благородный Адмета, из всех наилучший возница.
Следом за ним сын Тидея восстал, Диомед непреклонный.

23-290

Тросовых славных коней он под упряжь подвел, у Энея
Некогда отнятых им, когда тот был спасен Аполлоном.
Третий за ними поднялся Атрид Менелай русокудрый,
Зевса потомок; он впряг в колесницу коней быстроногих –
Вместе с Подаргом своим и коня Агамемнона Эфу.

23-295

В дар Агамемнону лошадь прислал Эхепол, сын Анхиза,
Чтоб самому не являться под Трою, открытую ветрам;
Дома желал он остаться в своем Сикионе просторном,
Там, где Зевес Олимпиец взыскал его щедро богатством.
Царь Менелай эту лошадь запряг: она жаждала бега.

23-300

Следом за ним Антилох снарядил лошадей пышногривых,
Нестора доблестный сын, благодушного старца, владыки,
Сына Нелея. В Пилосе рожденные легкие кони
Впряжены были в его колесницу. И Нестор, приблизясь,
Мудро советовать начал и молвил разумному сыну:

23-305

"Ты, Антилох, еще молод, но боги, Кронид с Посейдоном,
Сильно тебя возлюбив, управлять научили конями.
Сам хорошо ты умеешь мету огибать на ристаньях.
Вот отчего в наставленьях моих не нуждаешься вовсе.
Но тяжелы твои кони. Боюсь, не случилось бы худа.

23-310

Кони резвей у соперников наших. Но сами едва ли
Больше способны, чем ты, они хитрое средство измыслить,
И потому ободришь, дорогой, прояви свою ловкость,

Чтобы награда сегодня прекрасная не ускользнула.
Ловкостью больше, чем силой, в лесу дровосек успеваает.

23-315

Ловкостью кормчий искусно по темной поверхности моря
Быстрый корабль направляет, терзаемый силою ветров.
Ловкостью также возницы один побеждает другого.
Кто лишь на резвость коней уповает да на колесницу,
Гонит вперед бестолково, туда и сюда уклоняясь.

23-320

Кони блуждают его по ристалищу. Он их не сдержит.
Кто же искусство постиг, тот и коней погоняя,
Смотрит на цель неустанно и быстро ее огибает,
Не пропускает мгновенья, когда натянуть ему вожжи,
Но неослабно их держит, следя за возницей передним.

23-325

Цель различима легко, я тебе обозначу приметы:
Там среди поля стоит, над землею поднявшись на сажень,
Дуба засохшего ствол, иль сосны, под дождями не сгнивший.
Белых два камня к нему с обеих сторон прилегают,
Сузив дорогу; кругом же ристалище гладко повсюду.

23-330

Памятник это, быть может, над прахом умершего мужа,
Или значок межевой, когда-то людьми утвержденный.
Ныне Ахилл это место границей ристанья назначил.
Ты, подъезжая, направь лошадей с колесницей поближе.
Сам же ты, в кузове стоя, подайся немного всем телом

23-335

Влево от быстрых коней и хлестни свою правую лошадь,
Голосом громким окликни и вожжи ослабь ей немедля.
Левая в то же мгновенье пусть цель огибает вплотную,
Так, чтоб казалось тебе, будто ось колеса ее тронет.
Но осторожнее будь, берегись, не задеть бы за камень,

23-340

Ты искалечишь коней, а равно колесницу сломаешь,
Только на радость другим, а себе самому на бесчестье.
Будь же, возлюбленный сын, осмотрителен; действуй разумно.
Если ты ближе других вокруг меты повернуть ухитришься,
Знай, что никто уж тебя не обгонит потом, не достигнет,

23-345

Если б он даже вослед на прекрасном летел Арионе,
Лошади быстрой Адраста, ведущей свой род от бессмертных,
Или на славных конях Лаомедона, в Трое рожденных".
Слово окончив, старик возвратился на прежнее место,
После того как он сыну все нужные дал наставленья.

23-350

Пятым герой Мерион снарядил лошадей пышногривых.
Все в колесницы поднялись и жребии в шлем опустили.
Сам Ахиллес их встряхнул, и первое место досталось
Нестора славному сыну, второе владыке Эвмелу,
Третье метателю копий, царю Менелаю Атриду,

23-355

Жребий четвертый в ристаньи вождю Мериону достался,
А Диомеду последний, наезднику первому войска.
Стали они друг за другом; Ахилл указал на границу,
Там, среди чистого поля, а сам для дозора отправил
Феникса, равного богу, соратника старца Пелея,

23-360

Чтобы он все о ристаньи запомнил и правду поведал.
Подняли все они разом бичи над своими конями,
Сильно стегнули вожжами и окриком их ободрили.
Кони рванули и быстро вперед по долине помчались
От кораблей многоместных, и пыль поднялася высоко

23-365

Из под их резвых копыт, наподобие тучи иль вихря.
Гривы коней разметались, покорны дыханию ветра.
А колесницы вослед то касались земли плодородной,
То вдруг взлетали на воздух. В их кузовах, крепко сплетенных,
Стоя, держались возницы. У всех их сердца трепетали

23-370

Жаждой победы. Коней окликали они поименно.
Кони, взметая песок, по долине летели стрелою.
Но лишь тогда, когда кони, кончая ристанье, обратно
К морю неслись, обнаружилась доблесть героев
И лошадей легконогих возможная скорость. Пред всеми

23-375

Вынеслась бурно вперед колесница Фересова внука.
На расстоянии малом за ними вослед попевали
Тросовы два жеребца, управляемы сыном Тидея,
Близко, как будто собирались вскочить в колесницу Эвмела,
Спину и плечи ему обдавали горячим дыханьем,

23-380

И, на хребет положив ему головы, сзади летели.
Тут бы его Диомед обогнал или с ним поравнялся,
Если бы Феб Дальновержец, во гневе на сына Тидея,
Бич из руки его светлый не вырвал и наземь не бросил.
Брызнули слезы из глаз Диомеда; он плакал с досады,

23-385

Видя, что легкие кони Эвмела прибавили хода,
У самого ж отстают жеребцы, понужденья не чуя.
Но Аполлона коварство от глаз не укрылось Афины.
Быстро на помощь она устремила и пастырю войска
Бич подала ему в руки, вдохнула в коней его силу,

23-390

После к Адрастову сыну помчалась, исполнена гнева,
И над конями разбила ярем. Быстроногие кони
Прянули врозь по дороге, и дышло на землю свалилось,
Сам же Эвмел, кувырнувшись, вблизи колеса очутился,
Локти поранил себе, искровавил и губы, и ноздри,

23-395

Кожу на лбу разодрал над бровями. Горячие слезы
Залили очи герою, и голос могучий пресекся.
Сын же Тидея в объезд лошадей быстроногих направил
И впереди перед всеми помчался. Афина Паллада
Силу вдохнула в коней и ему даровала победу.

23-400

Следом за ним поспевал царь Атрид Менелай русокудрый,
Третьим скакал Антилох, и коней окликал он отцовских:
"Резво вперед! И как можно сильнее скачки удлиняйте!
Я не велю уже вам состязаться с конями Тидида,
Храброго сердцем героя, которым Афина Паллада

23-405

Резвость вдохнула и мощь, а ему приготовив победу.
Не уступайте коням Менелая, лишь их догоните,
Чтобы стыдом не покрыла вас Эфа, она – кобылица!
Будучи лучше ее, вы зачем позади остаетесь?
Слово скажу вам теперь, и оно непреложно свершится.

23-410

Вы попечений не ждите от пастыря войска Нелида,
Острой безжалостной медью он жизни лишит вас обоих,
Если по лености вашей получим награду похуже.
Но напрягите всю мощь, полетите как можно скорее.
Сам я придумаю хитрость и там, где дорога поуже,

23-415

Быстро вперед проскользну. И мне это, надеюсь, удастся".

Так он промолвил. И кони, угрозы царя испугавшись,
Малое время бежали резвее, как вдруг пред собою
Вождь Антилох заприметил теснину дороги неровной.
Почва там рытвиной шла, и вода, задержавшись зимою,

23-420

Медленно путь разрушала, глубокий овраг образуя.
Царь Менелай туда правил, чтобы избежать столкновенья,
Но Антилох непреклонный с дороги свернул и помчался
О бок почти с Менелаем, коней торопя быстроногих.
Царь Менелай испугался и крикнул вождю Антилоху:

23-425

"Что, Антилох, ты погнал безрассудно? Сдержи колесницу,
Узкий здесь путь предстоит; ты обгонишь потом на просторе.
Бойся задеть за колеса; легко искалечишь обоих".
Так он промолвил, но тот, притворившись, что слова не слышал,
Правил все ближе к Атриду, бичом лошадей подгоняя.

23-430

Сколько пространства с размаха поверженный диск пролетает,
Ежели юноша бросит его, свою мощь испытывая, –
Столько же рядом они пролетели. И кони Атрида
Сзади остались. Он сам добровольно их гнать отказался,
Чтобы в теснине пути быстроногие кони не сшиблись,

23-435

Не опрокинулись их колесницы, сплоченные крепко,
Чтобы и сами не грохнулись в прах, за победой гоняясь.
И с укоризной воскликнул тогда Менелай русокудрый:
"Нет никого, Антилох, зловредней тебя среди смертных.
Мчись! По ошибке доньше тебя мы считали разумным.

23-440

Но, говоря я тебе, не без клятвы возьмешь ты награду".
Так он сказал и окликнул коней, ободряя их словом:
"Не отставайте, о, кони, не медлите, сердцем терзаясь!

Раньше у них, чем у вас, притомятся колени от бега
И от труда обессилят: они же не молоды оба".

23-445

Так он промолвил, и кони, его испугавшись угрозы,
Шибче помчались и вскоре догнали почти Антилоха.
Тою порою ахейцы, в собрании сидя, глядели,
Как по долине, взметая песок, состязаются кони.
Первый увидел их Идоменей, предводитель у критян,

23-450

Ибо на месте дозорном высоко сидел над собраньем.
Окрик возницы услышав, он голос узнал издалика,
Также коня распознал он, что первый летел по долине.
Он затмевал всех коней красотой и весь рыжей был масти,
Только с отметиной белой, сиявшей на лбу, точно месяц.

23-455

Идоменей приподнялся и слово сказал аргивянам:
"Милые друзья, вожди и советники войска Ахейя!
Я ли один лошадей различаю, вы ль все узнаете?
Кажется мне, впереди уж не кони Эвмела несутся,
Да и возница мерещится новый. Эвмеловы кони

23-460

Верно упали средь поля, хоть первыми были донине.
Я еще видел недавно, как оба мету огибали.
Нынче нигде не могу отыскать их, кругом озираясь,
Хоть обнимает мой взор всю долину обширную Трои.
Вожжи, должно быть, случайно из рук ускользнули возницы,

23-465

И лошадей удержать не сумел он, мету огибая.
Там, полагаю, он наземь упал, раздробив колесницу.
А кобылицы, взбесившись от страха, с ристалища сбились.
Сами, о, друзья, встаньте и пристально вдаль посмотрите.
Я различаю неясно: конями, мне кажется, правит

23-470

Муж этолиянин родом, царящий над войском аргивским,
Храбрый в бою Диомед, сын Тидея, возницы лихого".
Дерзко Аякс отвечал ему, сын Оилея проворный:
"Идомей! Что заране болтаешь, пока в отдаленьи
Вдоль по долине обширной бегут ветроногие кони?

23-475

В сонме ахейских героев не самый ты младший годами,
И не острее, чем у прочих, глаза из под век твоих смотрят.
Только охочь ты к болтливим речам. А тебе не пристало б
Здесь празднословить в присутствии более знатных героев.
Те же, что прежде, бегут впереди кобылицы Эвмела.

23-480

Сам он стоит в колеснице, и, вожжи держа, погоняет".
Гневно на то отвечал ему критских дружин предводитель:
"О, необузданный нравом Аякс, лишь отважный ругатель,
А в остальном далеко уступающий прочим ахейцам!
Дай об заклад меж собою побьемся на таз иль треножник,

23-485

Чьи впереди кобылицы, чтоб ты проигравши не спорил.
В судьи царя изберем Агаменона, сына Атрида".
Так он промолвил, и сын Оилея проворный воспрянул,
Гневом объятый и бранною речью готовый ответить.
Тут бы великая брань меж двумя возгорелась мужами,

23-490

Если бы сам Ахиллес не поднялся и слова не молвил:
"Полно теперь состязаться обидными сердцу словами,
Идомей и Аякс! Это вас недостойно обоих.
Вы порицали бы сами другого, кто так поступил бы.
Сядьте в собраньи, как все и спокойно следите за бегом.

23-495

Скоро наездники сами придут, летя за победой.
Все вы тогда различите ахейских коней быстроногих
И без труда убедитесь, чьи раньше, чьи позже примчались".
Так он промолвил, и вот сын Тидея вблизи показался.
Мчался во весь он опор, лошадей по хребтам ударяя.

23-500

Кони взлетали на воздух, неслись, пожирая пространство,
И обдавая царя непрерывно потоками пыли.
За быстроногими вслед лошадьми колесница катилась,
Золотом ярким и оловом вся разукрашена дивно,
Сзади на мягком песке чуть следы от колес оставляя.

23-505

Так пышногривые кони поспешно летели долиной
И очутились вскоре с вождем посредине арены.
Пот в изобилии струился на землю с груди их и шеи.
Сам Диомед соскочил с колесницы блестящей на землю,
Бич свой поставил, к ярму прислонив. И, не мешкая долго,

23-510

Мощный Сфенел устремился, чтоб взять Диомеда награду.
Храброй дружине велел он в палатку доставить рабыню,
Также треножник друручный, а сам отпрягал колесницу.
Вслед за Тидидом пригнал лошадей Антилох, внук Нелея,
Не быстрою, а лукавством своим обогнав Менелая.

23-515

Но Менелай, не смотря на то, поспевал за ним близко,
На расстоянии равном тому, что коня отделяет
От колеса, когда полем он мчит колесницу с владыкой,
По необъятной долине летит, над землей расстилаясь,
И в небольшом от него расстоянии катятся колеса,

23-520

Так что он краем пушистым хвоста задевает их обод:
Так Менелай недалеко скакал за вождем Антилохом,
Он уже было отстал на полет быстрометного диска,
Только настиг его быстро, когда пышногривая Эфа,
Агамемнонова лошадь, удвоила резвость и силу.

23-525

Если б недолго еще продолжалось у них состязанье,
Первым пришел бы Атрид, одержал бы победу бесспорно.
Следом за ним, на полет боевого копья отставая,
Идоменея соратник летел, Мерион знаменитый.
Были из всех у него наименее резвые кони,

23-530

И наименее ловкий он был на ристаньи возница.
Всех же позднее, далеко отстав, сын Адмета явился,
Сам колесницу таща, погоняя коней пред собою.
Видя его, Ахиллес богоравный почувствовал жалость,
Встал среди собранья и слово крылатое молвил:

23-535

"Первый наездник последним пригнал лошадей крепконогих.
Только уступим ему, как прилично, вторую награду,
А благородный Тидид пусть владеет наградой первой".
Так он промолвил, и слово его все одобрили криком.
Так бы, с согласия ахеян, Эвмел получил кобылицу,

23-540

Если бы царь Антилох, сын разумного старца Нелида,
С места вскочив, не сказал Ахиллесу правдивое слово:
"Сильно в душе на тебя рассержусь, Ахиллес богоравный,
Если ты слово исполнишь. Меня ты лишаешь награды
Лишь оттого, что наездник, кого считаешь искусным,

23-545

Встретил преграду в пути и коней задержал с колесницей.

Пусть бы молился бессмертным, тогда не пришел бы последним.
Если тебе его жаль и он столько душе твоей дорог,
Здесь в твоей ставке хранится и золота много, и меди.
Есть у тебя и стада, и служанки, и быстрые кони.

23-550

Можешь потом отобрать для Эвмела получше награду,
Чем предлагаешь теперь, чтоб ахейцы тебя одобряли.
Только своей не отдам. А кто на нее посягает,
Пусть подойдет и со мною сразится в бою рукопашном".
Так он сказал. Усмехнулся проворный Ахилл богоравный,

23-555

Гневом его восхищен: Антилоха любил он как друга,
И, обращаясь к нему, промолвил крылатое слово:
"Если велишь, Антилох, чтоб другую в палатке награду
Я отыскал для Эвмела, исполню твое повеленье.
Медный я дам ему панцирь, что с Астеропея похитил.

23-560

Блещущий край оловянный тот панцирь кругом украшает.
Будет Адметова сына сей дивный подарок достоин".
Так он сказал, и товарищу милому Автомедону,
Панцирь велел принести. Тот пошел и принес из палатки,
Он же Эвмелу вручил, и тот с радостью принял подарок.

23-565

Тою порой Менелай, огорченный душою, поднялся,
На Антилоха разгневанный сильно. И мудрый глашатай
Посох дал в руки ему и молчать повелел аргивянам.
И Менелай богоравный крылатое слово промолвил:
"Что, Антилох благородный, ты сделал, когда-то разумный?

23-570

Доблесть мою обесславил, коней постыдил моих быстрых,
Собственных выгнал вперед, хоть моих они хуже гораздо.
К вам обращаюсь, вожди и советники войска ахеян,

Вы рассудите обоих и лицеприятство откиньте,
Чтоб не сказал кто-нибудь из ахейских мужей меднобронных:

23-575

Царь Менелай одолел Антилоха насильем и ложью,
Взял кобылицу в награду, хотя его кони похуже,
Только он сам затмевал Несторида значеньем и властью, —
Или, желаешь, я сам рассужу, и меня, уповаю,
Не охулят аргивяне: скажу справедливое слово.

23-580

Ближе, питомец Кронида, сюда, Антилох благородный,
Стань, как обычай велит, пред конями и пред колесницей,
В руки возьми тонкогнувшийся бич, тот, которым ты правил,
И, прикасаясь к коням, поклянись Посейдоном владыкой,
Что колеснице моей не устроил препятствий коварных".

23-585

Мудрый герой Антилох, возражая на это, промолвил:
"Гнев укроти, Менелай, оттого что я младше годами,
Ты же, о, царь, и рождением старше, и доблестью выше.
Знаешь, какие бывают людей молодых увлеченья,
Страсти порывисты в них, между тем как суждения слабы.

23-590

Но укроти свое сердце, отдам я тебе кобылицу,
Что получил, как награду. А если к тому пожелаешь,
Чтобы я из дому вынес подарок другой поценнее,
Всем я пожертвовать рад, лишь бы только, питомец Зевеса,
Дружбы твоей не утратить и не согрешить пред богами".

23-595

Так говоря, Несторид благородный повел кобылицу,
Чтобы вручить Менелаю. И сердце владыки взыграло,
Точно блестящие капли росы на колосьях цветущих,
В дни, когда тучные нивы щетинятся под урожаем.
Так, Менелай богоравный, в груди твоей сердце взыграло.

23-600

И, обратясь к Несториду, он слово крылатое молвил:
"Нынче я сам, Антилох, уступаю тебе, хоть разгневан,
Ибо досель никогда не бывал ты безумен иль дерзок,
Только сегодня над разумом молодость верх одержала.
Впредь не обманывай мужа, кто силой тебя превосходит,

23-605

Ибо не скоро меня упросил бы другой из ахеян.
Только твой мудрый отец, и ты сам, и твой брат знаменитый,
Много вы ради меня потрудились и мук натерпелись.
Вот отчего я, смягченный мольбами, тебе уступаю
Лошадь, по праву мою. И пускай все ахеяне видят

23-610

Что никогда не бываю я сердцем жесток иль надменен".
Так говоря, кобылицу он дал увести Ноемону,
Другу бойца Антилоха, довольствуясь тазом блестящим.
Вождь Мерион, как пришедший четвертым, унес два таланта
Золотом. Пятый подарок еще оставался свободным –

23-615

Кубок двойной. Сын Пелея вручил его Нестору старцу,
Сам чрез собранье ахеян пронес и, приблизясь, промолвил:
"Вот получай. Сохрани, о, старик, эту вещь дорогую
В память о тризне Патрокла. Его не увидишь ты больше
В сонме ахеян. Награду тебе я даю в знак почета, –

23-620

Ибо участия принять ты не сможешь ни в бое кулачном,
Ни в беспощадной борьбе, ни в метании копий, ни в беге,
Все оттого что тебя удручает тяжелая старость".
Так говоря, он вручил ему кубок. Тот с радостью принял,
И, обращаясь к Ахиллу, крылатое слово промолвил:

23-625

"Правда, мой сын дорогой, ты сказал справедливое слово.
В членах нет силы былой. Притомилися ноги, мой милый.
Руки в могучих плечах уж не движутся с прежнею силой.
Если б я снова стал молод, и юная сила вернулась
Прежних тех дней, как эпейский народ хоронил в Бупрасии

23-630

Амаринкея, а дети царя нам устроили игры.
В доблести тою порою никто не сравнился со мною
Из этолийских мужей, из эпейских и даже пилосских.
В бое кулачном затмил Клитомеда я, сына Энопса.
А в рукопашной борьбе уроженца Плеврона, Анкея.

23-635

В беге на приз обогнал я Ификла, проворного мужа,
И победил Полидора с Филеем в метании копий.
Двое лишь Акторионов меня на конях обогнали,
Против меня одного вышли вместе, ревнуя к победе:
Высшие в играх награды за бег лошадей полагались.

23-640

Оба вошли в колесницу. Один только правил конями,
Не отрываясь, – правил, другой же бичом погонял их.
Вот я каков был когда-то. Теперь же бойцы молодые
Подвиги те же свершают, а я подчиняюсь невольню
Старости грустной, хоть в прежнее время блистал средь героев.

23-645

Но поспеши, продолжай состязанье на память о друге.
С радостью дар принимаю, и сердце во мне веселится,
Что про меня не забыл, что мою тебе преданность помнишь
И подобающей честью возносишь меня средь ахеян.
Боги за это тебя пусть взыщут заслуженным счастьем".

23-650

Так он сказал. И, дослушав похвальное слово Нелида,
Через толпу аргивян сын Пелея вернулся на место
И приготовил дары для кулачного грозного боя.
Самку привел лошака, шестилетку, упорного нрава,
Не укрощенную, дикую, и привязал средь собранья.

23-655

А побежденному кубок в награду принес двусторонний.
Стоя потом обратился к ахейцам и слово промолвил:
"Славный Атрид и вы все, аргивяне в прекрасных доспехах!
Двух вызываем храбрейших героев за эти награды
Боем кулачным сразиться. И тот, кому Феб Дальновержец

23-660

Даст в состязаньи победу и это признают ахейцы,
Пусть терпеливого мула берет и уводит в палатку,
А побежденный в бою этот кубок возьмет двусторонний".
Молвил. И тотчас поднялся могучий герой исполинский
В бое кулачном искусный, Эпей, храбрый сын Панопея.

23-665

Он терпеливого мула за гриву схватил и промолвил:
"Ближе ступай, кто желает сей кубок унести двусторонний.
Мула другой из ахеян, надеюсь, никто не получит,
В бое кулачном осилив; я первым себя объявляю!
Или вам мало того, что в сражньи не лучший я воин?"

23-670

Смертному трудно равно отличиться во всяком искусстве.
Но объявляю теперь, и угроза моя совершится:
Кости противнику все раздроблю и порву на нем кожу.
Пусть с ним приходят друзья и поблизости здесь ожидают,
Чтобы его унести, укрощенного силой моею".

23-675

Так он сказал, и ахейцы хранили глубоко молчанье.

Только один Эвриал отозвался, божественный смертный,
Сын Мекистея царя, знаменитого сына Талая.
Некогда в Фивы пришел он и на погребенье Эдипа
Всех победил в состязаньях детей богоравного Кадма.

23-680

Ныне его провожал сын Тидея, копьем знаменитый,
Речью его ободрял и желал ему славной победы.
Пояс на нем застегнул он и дал два ремня ему в руки,
Скроенных гладко и ровно от кожи быка полевого.
И, опоясавшись, оба сошлись посредине арены,

23-685

Подняли мощные руки и грозно схватились друг с другом,
Яростно сшиблись, и долго мелькали их тяжкие руки,
Челюсти громко трещали и пот по их членам струился.
Но наконец богоравный Эпей налетел, изловчившись,
В щеку нанес Эвриалу удар, когда тот озирался.

23-690

Не устоял Мекистид, его светлые члены ослабли.
Точно волненьем Борей носима, трепещется рыба
На берегу травянистом, покрытом высокой волною:
Так Мекестид трепетал, пораженный. И сын Панопея
Поднял его, благородный. Немедля друзья подоспели

23-695

И по арене его понесли, волочившего ноги.
Кровь изрыгал он из уст; голова, обессилев, качалась.
Други его увели и без чувств положили на землю,
Сами вернулись в собранье, чтоб кубок забрать двусторонний.
Третье тогда состязанье – борьбу многотрудную – славный

23-700

Царь Ахиллес предложил, показав аргивянам награды:
Для победителя – огнеупорный треножник огромный, –
Войско его меж собою в двенадцать быков оценило.

А побежденного мужа решил наградить он рабыней,
В разных работах искусной, в четыре быка оцененной.

23-705

Стоя, Ахилл обратился к ахейцам и слово промолвил:
"Встань, кто желает себя испытать в состязании этом!"
Так он сказал. И поднялся великий Аякс Теламонид,
Встал Одиссей многоопытный, разные хитрости знавший.
Пояс надели бойцы, в середину арены вступили,

23-710

Крепко руками сплелись, обхватили друг друга, сплотились,
Точно стропила высокого дома, что славный строитель
Вместе связал, да защитой служат от буйного ветра.
И под объятьем могучим трещали, напряжены сильно,
Мощные спины героев, и пот с них катился ручьями.

23-715

Много на них проступило кровавых подтеков, покрывши
Плечи бойцов и бока. Но они продолжали бороться.
Каждый желал победить и в награду взять светлый треножник.
Но ни герой Лаертид не был в силах повергнуть Аякса,
Ни Теламонид не мог одолеть Одиссееву крепость.

23-720

И, опасаясь прискучить ахейцам в прекрасных доспехах,
Слово сказал Одиссею Аякс Теламонид великий:
"Или меня подыми от земли, Одиссей многоумный,
Или себя дай поднять, остальное решит Громовержец!"
Молвил и поднял его. Одиссей, не забыв про коварство,

23-725

Сзади ударил его в подколенок и ноги расслабил.
Навзничь Аякс полетел, и на грудь ему пал сын Лаерта.
Дети ахейн глядели и все изумлялись душою.
В свой же черед сын Лаерта поднять попытался Аякса,
Но не сумел, а с трудом над землею слегка приподнявши,

23-730

Быстро колени согнул, и опять они рухнули оба,
Близко один от другого и прахом тела осквернили.
Тут бы герои вскочили и снова борьбу завязали,
Если бы сам Ахиллес не поднялся и не удержал их:
"Полно себя изнурять, угрожая друг другу бедою.

23-735

Оба равно победили и, равную взявши награду,
Прочь удалитесь и дайте другим состязаться ахейцам".
Так он сказал, и они не ослушались просьбы Пелида,
Пыль отряхнули с себя и надели на тело хитоны.
Сын же Пелея поставил награды для скорого бега:

23-740

Дивной работы сосуд для вина, весь серебряный, светлый,
Шесть заключающий мер, по отделке единственный в мире,
Ибо искусные мужи трудились над ним – сидонийцы,
А финикияне с ним из-за мглистого моря приплыли,
Странствуя в гавань из гавани, и подарили Фоасу.

23-745

Сын же Язона Эвней уплатил эту чашу как выкуп,
За Ликаона, Приамова сына, герою Патроклу.
Ныне Ахилл богоравный на тризне любезного друга
Чашу назначил в награду герою, быстрейшему в беге.
Рядом большого быка он поставил в награду второму,

23-750

В дар же последнему золотом дал половину таланта.
Стоя, к собранью ахейян Пелид обратился и молвил:
"Встань, кто желает себя испытать в состязании этом!"
Молвил. И сын Оилея проворный Аякс устремился,
И Одиссей многоумный, и вождь Антилох, внук Нелея,

23-755

Он, кто по резвости ног среди младших героев был первый.
Рядом все стали, и царь указал на предел состязанья:
От загородки начальной ристалище стлалось далеко.
Ринулся первым Аякс, а за ним – Одиссей богоравный.
Точно за ткацким станком пышноризая женщина держит

23-760

Близко пред грудью мотушку, бросая проворно руками
И продевая искусно продольную нить за основу:
Так Одиссей многоопытный близко бежал за Аяксом.
Свежих следов он касался, еще не засыпанных пылью,
Голову жарким дыханьем своим обдавал Оилида,

23-765

Сзади летя неотступно. И, глядя на то, аргивяне
Криками в нем возбуждали желанье победы и резвость.
А, приближаясь к концу, Одиссей Лаертид многоумный
В мыслях мольбу прошептал синеокой Афине Палладе:
"Внемли, богиня, и будь мне помощницей доброю в беге!"

23-770

Так прошептал он, молясь, и богиня мольбу услышала.
Сделала легкими члены – могучие руки и ноги.
А быстроногий Аякс (ему зло сотворила Афина)
Вдруг на бегу поскользнулся, почти уж достигнув награды,
Наземь упал, где был собран помет от быков умершвленных,

23-775

В жертву на тризне Патрокла заколотых сыном Пелея.
Падая, ноздри и рот он наполнил бычачьим пометом.
Чашу в награду тогда многоопытный взял сын Лаерта,
Ибо он первым пришел. А быка взял Аякс благородный.
Он за рога полевого быка ухватился рукою,

23-780

Сплеывал грязный помет и кричал, обращаясь к ахейцам:
"Горе! Та самая, видно, богиня мне спутала ноги,
Что уж давно, точно мать, охраняет везде Одиссея".
"Так он сказал, и ахейцы при виде его рассмеялись.
А Несторид Антилох, последнюю взявши награду,

23-785

Стал посредине собранья и речь произнес, улыбаясь:
"Слово скажу вам, о, други, о том, что вы знаете сами.
Боги еще и теперь нашим старшим мирволят героям.
Сын Оилея Аякс – тот старее меня лишь немногим.
Сын же Лаерта рожден в поколении прежних героев.

23-790

Но Одиссеева старость еще зелена, и ахейцам
Трудно с ним в скорости ног состязаться, – всем, кроме Ахилла".
Так говорил он, хваля быстрого сына Пелея,
И Ахиллес богоравный ему, отвечая, промолвил:
"Эта твоя похвала, Антилох, принесет тебе пользу.

23-795

Золотом к прежней награде тебе полталанта прибавлю".
Так говоря, он подарок вручил, и тот с радостью принял.
После того сын Пелея копье длиннотенное вынес
И положил средь собрания вместе с щитом и со шлемом –
Бранный убор Сарпедона, убитого славным Патроклом.

23-800

Стоя, Пелид обратился к собранью и слово промолвил:
"Двух вызываем храбрейших мужей из ахейского войска
В светлые латы облечься, взять медное в руки оружие
И перед войском вступить в сосязанье за эту награду.
Тот, кто цветущего тела противника первый коснется,

23-805

И, через латы проникнув копьем, обагрит его кровью,

Тот как награду возьмет от меня этот меч среброгвоздый,
Дивной работы, фракийский, – я снял его с Астеропея,
А Сарпедона доспехи пусть поровну оба поделят.
Пиром роскошным потом угостим мы обоих в палатке".

23-810

Молвил. Немедля поднялся Аякс Теламонид великий
И одновременно с ним Диомед, сын Тидея могучий.
Оба в доспехи войны облеклись в стороне от собрания
И на арену вступили, желаньем сразиться пылая,
Грозно смотря друг на друга – и смута объяла ахеян.

23-815

Так, наступая один на другого, сошлись они близко,
Трижды на бой порывались и копьями трижды сразились.
Первым ударил Аякс прямо в щит равномерно округлый,
Но, остановлена панцирем, медь не проникла до тела.
Сын же Тидея все время вверху над щитом исполинским

23-820

В шею противника метил копья наконечником светлым.
Но, трепеща за Аякса, ахейцы велели обоим,
Битву скорей прекратив, удалиться с наградой равной.
Все-таки меч среброгвоздый Пелид подарил Диомеду,
Вместе с ножнами большими и поясом, скроенным гладко.

23-825

Диск цельнолитный тогда Ахиллес положил на арену.
Некогда он для метанья служил Этиону владыке,
Но, Этиона убив, богоравный Ахилл быстроногий
Взял этот диск и увез на судах вместе с прочей добычей.
Он среди собрания поднялся и слово сказал аргивянам:

23-830

"Встань, кто желает себя испытать в состязании этом.
Кто победит, у того на пять лет будет вдоволь железа,
Как бы далеко от города поле его ни лежало.

Незачем будет в тот город ходить за покупкой железа
Пахарю иль пастуху – этот диск их снабдит в изобилии".

23-835

Так он сказал. И немедля восстал Полипет непреклонный.
Следом поднялся за ним герой Леонтей боговидный,
И Теламонид Аякс, и Эпей, небожителям равный.
Все они в ряд поместились, и первый Эпей благородный
Диск ухватил и метнул, завертев. Рассмеялись ахейцы.

23-840

Следом за ним Леонтей размахнулся, потомок Арея.
Третий могучей рукою Аякс Теламонид великий
Бросил тот диск далеко за пределы метателей прежних.
Но как метнул напоследок герой Полипет непреклонный,
Диск полетел чрез арену, как посох, когда его бросит

23-845

Сильный пастух и, вертясь, он летит за коровой вдогонку:
Так полетел круглый диск, и воскликнули дети ахеян.
Тут подбежала, немедля, дружина царя Полипета
И понесла на корабль многоместный награду владыки.
Славный Ахилл для стрелков темносинее вынес железо –

23-850

Десять двуострых секир, да еще однолезвенных десять.
После, в прибрежный песок судовую поставивши мачту,
Робкую горлицу к ней привязал он веревкою тонкой
За ногу, и, указавши стрелкам, повелел в нее метить:
"Тот, чья стрела попадет прямо в робкую горлицу эту,

23-855

Десять двуострых секир пусть домой увезет, как награду.
Кто ж, промахнувшись по птице, стрелой лишь веревку заденет,
Тот однолезвенных десять получит за выстрел похуже".
Так он промолвил, и Тевкр поднялся, владыка могучий,
Вместе с бойцом Мерионом, соратником Идоменея.

23-860

Жребии в шлем они бросили медный и сильно встряхнули.
Первый по жребию выстрел достался могучему Тевкру.
Мощно пустил он стрелу, но забыл обещать Аполлону
Из первородных ягнят принести ему в дар гекатомбу.
И, промахнувшись по птице (стрелу отклонил Дальновержец),

23-865

Тевкр веревку задел, подле ножки привязанной птицы,
И оперенной стрелой на две части веревку разрезал.
Горлица взвилась наверх, а веревка повисла на землю.
Глядя на это, ахейцы воскликнули все изумляясь.
Тут Мерион устремился и, лук из руки его вырвав,

23-870

Быстро приладил стрелу, что все время держал наготове.
В мыслях же дал он обет Аполлону, царю Дальновержцу,
Что гекатомбу ему принесет из ягнят первородных.
Робкую горлицу он высоко в облаках заметил
И в середине крыла на лету ее ранил стрелойю.

23-875

Медь пролетела насквозь и обратно упала на землю
Подле ноги Мериона, а птица присела на мачту
От темносинего судна, повесила длинную шею,
Оба крыла опустила и дальше на землю свалилась,
После того как душа отлетела от членов поспешно.

23-880

Дети ахейян глядели и все изумлялись глубоко.
Десять двуострых секир получил Мерион благородный,
Тевкр к судам многоместным понес однолезвенных десять.
Славный Пелид в заключение копье длиннотенное вынес,
С тазом, быку равноценным, цветами украшенным, новым,

23-885

И положил средь арены. И двое метателей встало, –
Славный Атрид Агамемнон, владыка с обширною властью,
С храбрым вождем Мерионом, товарищем Идоменея.
К ним обращаясь, сказал богоравный Ахилл быстроногий:
"Знаем, о, славный Атрид, что далеко ты всех превосходишь

23-890

Силой и ловкостью вместе в искусстве метания копий.
Эту награду бери и вернись на корабль многоместный,
А Мериону герою в награду копье предоставим,
Если ты в сердце своем на мое предложенье согласен!"
Так он сказал, и согласие царь изъявил Агамемнон.

23-895

Отдал тогда Ахиллес боевое копье Мериону,
Сын же Атрея – Талфибию таз драгоценный.

* * *

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ Выдача тела Гектора

Кончив собранье, отважные дети ахеян
По кораблям мореходным рассеялись быстро, желая
Ужин скорей приготовить и сном насладиться отрадным.
Лишь Ахиллес, вспоминая о милом товарище, плакал.
Все укрощающий сон не касался его. Он метался,

24-5

Припоминая про удаль и славную доблесть Патрокла,
Сколько вдвоем подвизались они, сколько мук натерпелись,
Битвы мужей презирая и моря опасные волны.
И, вспоминая о том, проливал он обильные слезы
И на постели ворочался, на бок ложился и навзничь,

24-10

И на лицо. Наконец он на ложе вскочил и поднялся
И, погруженный в печаль, стал блуждать по побережью морскому.
Там и зари он дождался, на землю сошедшей и воды.
Быстро тогда в колесницу он впряг лошадей быстроногих,
Сзади ремнем привязал бездыханное Гектора тело,

24-15

Трижды его поволок вокруг насыпи мертвого друга
И на покой удалился в палатку, а тело троянца
Ниц распростертым во прахе опять на побережии кинул.
Но Аполлон Дальновержец, его и по смерти жалея,
От осквернения сберег, осенив золотою Эгидой,

24-20

Чтоб, волочась по земле, не истерзанным труп сохранился.
Так над божественным Гектором гневный Ахилл надругался.
С жалостью вечные боги взирали на сына Приама.
Зоркому Аргоубийце велят они тело похитить.
Всем им такое решенье приходится по сердцу, кроме

24-25

Геры, царя Посейдона и девы Афины Паллады.
Эти упорствуют в гневе; лишь им ненавистны, как прежде,
Троя, Приам и троянцы. Парис был виною их гнева:
Двух оскорбил он богинь, посетивших его подле стада,
Дав предпочтение третьей, польстившей в нем пагубной страсти.

24-30

Но на двенадцатый день, с появлением зари розоперстой,
Феб Аполлон обратился к собранью богов и промолвил:
"Вы беспощадны, губители боги! Не часто ли Гектор
Бедра тельцов сожигал вам и жертвовал коз безупречных!
Ныне и тело его никому не даете похитить

24-35

И отнести в Илион, где б его увидала супруга,

Мать и ребенок, и старец Приам, и народ весь троянский.
Там бы с почетом его погребли и огню приобщили.
Только мирволите вечно зловредному сыну Пелея,
Мужу, в чьих мыслях нет правды, чье сердце в груди непреклонно.

24-40

Хищную злобу в уме он питает, как лев кровожадный,
Если он, силе великой и гордому духу покорный,
Крадется к овцам, хранимым людьми, чтобы пищу похитить:
Так Ахиллес загубил милосердие, и чужд ему вовсе
Стыд, причиняющий смертным – то вред бесконечный, то пользу.

24-45

Люди другие теряют и более близкого сердцу:
Брата единоутробного или же милого сына.
Все же, наплакавшись вдоволь, они утешаются в скорби,
Ибо душою выносливой Парки людей наделили.
Он же, исторгнув дыханье у славного сына Приама,

24-50

Тело к коням привязал и волочит вкруг насыпи друга.
Делом таким не доставит себе он ни славы, ни пользы,
Только наш гнев на себя навлечет, не взирая на доблесть,
Ибо он в ярости дикой бесчувственный прах оскверняет".
Гневом пылая, в ответ белорукая Гера сказала:

24-55

"Так бы оно и сбылось, как ты слово сказал Сребролукий,
Если б Ахиллу и Гектору равная честь подобала.
Гектор был смертно рожденный и матерью смертною вскормлен,
Царь Ахиллес от богини рожден. Я сама же взрастила
И воспитала ее и за смертного выдала замуж,

24-60

За полководца Пелея, кто милость обрел у бессмертных.
Все вы бессмертные боги на свадьбе ее находились.
С цитрой и ты пировал, вероломный, негодных защитник!"

Ей возражая, промолвил Зевес, облаков собиратель:
"Полно, почтенная Гера, на вечных богов так сердиться!

24-65

Не одинаков почет ждет обоих мужей, хоть и Гектор
Был из троянских сынов наиболее угоден бессмертным,
Так же и мне, оттого что в любезных дарах не скупился
И постоянно снабжал мой алтарь изобильною пищей,
Жиром и темным вином – нам подобная честь подобает.

24-70

Все ж отказаться должны мы от мысли украсть его тело,
Ибо исполнить ее невозможно тайком от Ахилла:
Ночью и днем неотлучная мать охраняет героя.
Пусть кто-нибудь из богов призовет ко мне тотчас Фетиду,
Мудрый хочу преподать ей совет, чтобы сына склонила

24-75

Взять у Приама дары и вернуть ему Гектора тело".
Так он сказал. Ветроногая с вестью помчалась Ирида,
На расстоянии равном меж Имбром крутым и Самосом
Прыгнула в темное море – пучина кругом застонал.
В бездну нырнула богиня, как груз упадет свинцовый,

24-80

Если, привязанный к рогу степного быка, он стремится
Быстро ко дну и приносит погибель прожорливым рыбам.
Там среди глубокой пещеры она увидела Фетиду,
Вкруг же нее остальные сидели все нимфы морские.
Громко меж ними Фетида рыдала о сыне любезном,

24-85

В Трое, от отчего края вдали, умереть осужденном.
Став перед ней, быстроногая слово сказала Ирида:
"В путь отправляйся, Фетида: премудрый Зевес призывает".
И среброногая ей отвечала богиня Фетида:
"Что приказать мне угодно великому богу? Стыжусь я

24-90

С горем моим несказанным явиться в собрание бессмертных.
Только иду. Его слово не праздно, какое ни скажет".
Молвила дивная в сонме богинь и взяла покрывало,
Самое темное выбрав – черней не бывает одежды –
И понеслась, предводимая легкой, как ветер, Иридой.

24-95

Вскоре поверхность волны расступилась пред ними. Богини
Вышли на берег крутой и в пространное небо умчались.
Там увидали Кронида, глядящего вдаль, а другие
Окрест сидели блаженные, вечно живущие боги.
Села близ Зевса она. Уступила ей место Афина,

24-100

Гера же кубок с вином поднесла золотой, утешая
Ласковой речью. Фетида, отпивши, вернула ей кубок.
Первый меж ними промолвил отец и людей, и бессмертных:
"Ты поднялась на Олимп, о, Фетида, на скорбь не взирая,
С горем в душе несказанным. Я сам это вижу, богиня.

24-105

Все же скажу необманно, зачем я призвал тебя ныне.
Девять уж дней, как меж нами великая распря возникла
Из-за убитого Гектора и Ахиллеса героя.
Зоркому Аргоубийце велят они тело похитить,
Я же всю славу и тут предоставить хочу Ахиллесу,

24-110

Дабы и впредь сохранить в твоём сердце любовь и почтение.
К войску немедля вернись, повидайся с возлюбленным сыном.
Боги, скажи, на него рассердились, а более прочих
Я на него негодную за то, что, свирепствуя сердцем,
Перед кривыми судами он Гектора держит донныне.

24-115

Если боится меня, пусть вернет его тело за выкуп.
Я же Ириду пошлю к непреклонному духом Приаму,
Пусть отправляется к флоту Ахеян, чтоб выкупить сына,
Пусть Ахиллесу дары повезет, чтоб смягчить его сердце".
Молвил. Послушна была сереброногая нимфа Фетида

24-120

И с олимпийских высот устремилась поспешно на землю.
Вскоре богиня достигла палатки любезного сына
И Ахиллеса застала в слезах безутешно стонавшим,
Вкруг же него хлопотали друзья и готовили завтрак,
Тут же большую овцу густошерстную в ставке зарезав.

24-125

Села почтенная мать к дорогому дитяти поближе,
Нежно рукой потрепала и слово такое сказала:
"Сын мой, доколе ты будешь тоской безутешной и плачем
Сердце терзать, позабыв про еду и про сон благодатный?
Было б тебе хорошо и с женою в любви сочетаться,

24-130

Ибо недолгое время тебе еще жить остается:
Смерть и судьба всемогущая близко стоят за тобою.
Ныне внимательно слушай: к тебе я посланница Зевса.
Боги, велел он сказать, рассердились, а более прочих
Сам на тебя негодует за то, что, свирепствуя сердцем.

24-135

Перед кривыми судами донныне ты Гектора держишь.
Выдай скорей его тело, прими подобающий выкуп".
И, отвечая, сказал богоравный Ахилл быстроногий:
"Быть по сему! Кто мне выкуп доставит, пусть тело получит,
Ежели так повелел Олимпиец, душой благосклонный".

24-140

Так говорили о многом, в кругу кораблей быстроходных,
Мать и воинственный сын. Между тем громовержец Олимпа
Зевс отправлял в Илион и напутствовал словом Ириду:
"Встань и, покинув Олимп, легконогая, в путь отправляйся,
В Трою помчись и Приаму, великому духом, поведай,

24-145

Пусть отправляется к флоту ахейн, чтоб выкупить сына,
Пусть Ахиллесе дары повезет, чтоб смягчить его сердце.
Без провожатых пусть едет, один, не сопутствуем стражей;
Вестник старейший лишь может идти с ним, чтоб мулами править
И колесницей прекрасноколесной и в город обратно

24-150

Тело доставить героя, убитого дивным Ахиллом.
Смерти пускай не боится и страха в душе не питает,
Ибо дадим мы ему в провожатые Аргоубийцу;
Будет его провожать он, пока не доставит к Пелиду.
Но и потом, когда бог приведет его в ставку Ахилла,

24-155

Тот его сам не убьет и дружине убить не позволит.
Не безрассуден Ахилл, не неистов и не беззаконен:
Мужа молящего он пожалеет и примет радушно".
Так он промолвил. Ирида помчалась и прибыла вскоре
В Трою, в чертоги Приама, где вопли застала и слезы.

24-160

Дети, царя окружив, на дворе перед домом сидели
И орошали слезами одежды свои, а в середине
Старец простертый лежал, весь закутанный в плащ, и землю
Были покрыты его голова и могучие плечи.
Сам он своими руками грязнил себя, в прахе катаясь.

24-165

Рядом невестки и дочери плакали, сидя в чертогах,

И поминали бойцов многочисленных, некогда сильных,
Ныне в пыли распростертых, смиренных руками ахеян.
Стала посланница Зевса пред старцем и слово сказала
Голосом, тихо звучащим, но трепет объял его члены:

24-170

"Славный Приам Дарданид! Успокойся душой, не пугайся,
Ибо я с вестью сегодня к тебе прихожу не дурною,
С добрым являюсь советом: посланница я от Зевеса.
Он и вдали озабочен тобой и тебя сожалеет.
Зевс Олимпиец велит тебе выкупить Гектора тело

24-175

И Ахиллесу дары отвезти, чтоб смягчить его сердце.
Только один поезжай, не сопутствуем стражей троянской.
Вестник старейший пусть едет с тобой, чтобы мулами править
И колесницей прекрасноколесной и в город обратно
Тело доставить героя, убитого дивным Ахиллом.

24-180

Смерти не бойся, о, старец, и страхом в душе не волнуйся,
Ибо с тобой провожатым отправится Аргоубийца.
Будет тебя провожать он, пока не доставит к Пелиду.
Но и потом, когда бог приведет тебя в ставку Ахилла,
Тот не убьет тебя сам и дружине убить не позволит.

24-185

Не безрассуден Ахилл, не неистов и не беззаконен:
Мужа молящего он пожалеет и примет радушно".
Кончивши речь, быстроногая прочь улетела Ирида.
Царь Дарданид приказал сыновьям приготовить
Новую, дивной работы повозку для мулов и кузов.

24-190

Сам же вернулся в покой благовонный, высоко покрытый,
Сделанный пышно из кедра, имевший немало сокровищ.
Вместе с собой он Гекубу позвал и промолвил супруге:

"Друг мой! Посланница с неба от Зевса пришла и велела
К флоту ахейн идти, чтобы милого выкупить сына

24-195

И отвезти Ахиллесу дары, чтоб смягчить его сердце.
Только поведай, супруга, какого ты мненья об этом?
Ибо меня самого непреклонно душа побуждает
В лагерь обширный ахейн, к судам быстроходным поехать".
Так вопрошал он. И женщина плач подняла и сказала:

24-200

"Горе! Куда рассудительность делась, которой ты прежде
Славу снискал среди пришлых людей и царил над своими?
Как, одинокий, дерзнешь ты отправиться к флоту ахейн
И на глаза показаться тому, кто зарезал столь многих
Славных твоих сыновей: у тебя, знать, железное сердце.

24-205

Чуть лишь заметит вдали, чуть завидит твое приближенье,
Не пожалеет тебя этот муж вероломный и лютый,
Старость твою не почитит. Во дворце нам сидеть бы и плакать.
Гектору, видно, судьба на роду так назначила раньше,
Выпряла нитку в тот день, как его я на свет народила,

24-210

Чтобы он съеден был псами, вдали от родителей милых,
Подле жестокого мужа. О, если бы печень Ахилла
Вырвать могла я и съесть! Лишь тогда бы ему отплатилось
Все, что он Гектору сделал. А Гектор погиб не позорно,
Но защищая троянцев и жен полногрудых троянских,

24-215

Страху не зная в душе и не вспомнив ни разу о бегстве".
И, отвечая, промолвил ей старец Приам боговидный:
"Нет, не препятствуй желанью идти и не будь мне в чертоге
Птицей вещуньей дурною, – меня убедить ты не сможешь.
Если б идти мне велел кто из людей земнородных,

24-220

Даже провидец грядущего, жрец или птицегадатель,
Я бы сказал, что он лжет и совсем от него отвернулся.
Ныне ж, когда я узрел и услышал бессмертного бога,
Смело иду, ибо верю, что слово его не напрасно.
А суждено умереть близь судов аргивян меднобронных,

24-225

Рад я и смерти. Пускай обезглавлен я буду Ахиллом,
Сына в объятьях держа, утоливши желание плакать".
Так говоря он откинул крышки с ларей драгоценных,
Дюжину вынул оттуда больших покрывал тонкотканых,
Дюжину платьев простых и столько ж ковров разноцветных,

24-230

Столько ж красивых плащей и двенадцать в придачу хитонов,
Золота десять талантов принес, предварительно взвесив,
Пару треножников светлых, четыре прибавил к ним таза
И драгоценнейший кубок – великий подарок фракийцев,
Данный в то время ему, когда к ним он с посольством явился.

24-235

Не поскупился старик, не оставил подарка в чертоге:
Так ему сильно хотелось любезного выкупить сына.
После он бранною речью прогнал из сеней всех троянцев:
"Прочь, о, негодные люди! Иль мало вам слышно рыданий
Каждому в доме своем, что явились ко мне, досаждая?"

24-240

Или вы рады тому, что Кронид покарал меня горем,
Сына отняв дорогого, храбрейшего в сонме героев?
Только потерю мою почувствовать всем вам придется:
Легче со смертью его, убивать вас ахеянам станет.
Пусть же умру я скорей и укроюсь в обитель Аида,

24-245

Раньше, чем очи мои разграбление Трои увидят".
Так говоря, он их посохом гнал, и рассеялись мужи
Пред наступающим старцем. А он, упрекая обидно,
Начал сзывать сыновей: Агафона, Гелена, Париса,
Храброго в битвах Полита, бойца Антифона, Паммона,

24-250

Славного Дия, равно Деифоба вождя с Гиппофоем.
Он обратился ко всем сыновьям и воскликнул:
О, недостойные дети, негодные! Быстро за дело!
Лучше бы все вы погибли, а Гектор в живых оставался!
О, я отец злополучный! Детей произвел я бесстрашных,

24-255

Но ни единый из них не остался мне в Трое обширной.
Нет богоравного Нестора, нет воеводы Троила,
Гектора нет, кто бессмертным среди войска героем казался,
Больше похожий на сына блаженного бога, чем мужа.
Всех их Арей погубил, а дурные живут нередимо,

24-260

Вы, плясуны, хвастуны, вожаки хороводов разгульных,
Вы, похитители коз и ягнят у своих же сограждан!
Долго ли будете вы снаряжать для меня колесницу,
Скоро ль ее нагрузите, чтобы двинуться в путь нам немедля?"
Так он промолвил. Они, испугавшись отцовского гнева,

24-265

Вынесли тотчас повозку для мулов, о крепких колесах,
Новую, дивной работы и кузов большой привязали.
Тут же с колка они сняли ярмо из блиставшего бука,
С пуговкой круглой в середине, с крючками, державшими вожжи,
Вместе с ярмом и ремень захватили яремный, длиною

24-270

Девять локтей, и, ярмо приложивши к точеному дышлу,
К верхнему краю его, чрез кольцо пропустили затыку,
Накрест три раза ремень обвязали вокруг пуговики круглой
И, обмотавши остаток вокруг дышла, конец подогнули.
Из дому после того принесли и сложили в повозку

24-275

Все дорогие подарки – за голову Гектора выкуп,
Мулов в повозку впрягли они твердокопытных,
Некогда в дар принесенных мидийцами старцу Приаму,
А под ярмо колесницы коней подвели быстроногих,
Вскормленных старцем Приамом из гладко оструганных яслей.

24-280

Старец Приам и глашатай, исполнены мудростью оба,
В путь снаряжались меж тем под высокою кровлей чертога.
Близко тогда подошла к ним Гекуба, смятенная духом,
Кубок со сладким вином золотой взявши в правую руку,
Чтобы они пред уходом могли совершить возлиянье.

24-285

Став пред конями, она обратилась к Приаму со словом:
"Вот соверши возлиянье с молитвой отцу Громовержцу,
Чтобы назад от врагов невредимым вернуться дозволил,
Если уж мне вопреки, ты, упорствуя, к флоту стремишься.
Но и помимо того помолись Олимпийцу Крониду,

24-290

Зевсу, Идейскому богу, кто сверху взирает на Трою,
Пусть он пошлет тебе справа воздушную вестницу птицу,
Ту, что сильнее других и ему всех пернатых милее,
Чтобы, увидев глазами хорошее знаменье в небе,
Ты, ободренный, пошел к кораблям аргивян быстроконных.

24-295

Если же вестницы птицы тебе не пошлет Громовержец,

Просьба моя и совет: как ни сильно желаешь душою,
Не отправляйся сегодня к судам меднобронных данайцев".
И, отвечая, промолвил ей старец Приам боговидный:
"Если молиться велишь, подчинюсь, о, супруга! Полезно

24-300

Руки к Зевесу отцу воздевать. Пожалеет, быть может".
Так ей ответствовал старец и ключнице дал приказанье
На руки чистую воду полить. И служанка предстала,
В правой руке своей ковшик держа, а в другой рукойойник.
Руки умывши, Приам у супруги взял кубок блестящий,

24-305

Стал посредине двора и, вино возливая, молился.
И, на пространное небо взирая, он слово промолвил:
"Отче Зевес, повелитель Идейский, славнейший, сильнейший!
Дай мне, придя к Ахиллесу, приязнь возбудить в нем и жалость.
В знаменье справа пошли мне воздушную вестницу птицу,

24-310

Ту, что сильнее других и тебе из пернатых милее,
Дабы, увидев глазами хорошее знаменье в небе,
Я, ободренный, пошел к кораблям аргивян меднобронных".
Так он взывал, умоляя, и внял ему Зевс Промыслитель.
Был им ниспослан орел, что меж птицами всех совершенней,

24-315

Ловчий, большой, темнокрылый, – зовут его беркутом черным.
Крылья огромных размеров с обеих сторон простирались,
Столь же большие, как двери, снабженные крепким затвором,
Что у богатого мужа прилажены в доме высоком.
Справа явился он им и над Троей обширной промчался.

24-320

Видя его, они все ощутили надежду и радость.
Старец, в дорогу спеша, на свою колесницу взобрался
И торопливо погнал из ворот, через гулкие сени.

Мулы повозку влекли на двух парах колес, – ими правил
Мудрости полный Идей; колеснице вослед попевая.

24-325

Правил конями Приам и, бичом погоня блестящим,
Городом ехал поспешно. Друзья за ним шли и вздыхали
И провожали в слезах, словно смерти спешил он навстречу.
После ж как, город минуя, они поля достигли,
Дети царя и зятя в Илион повернули обратно,

24-330

Сам же Приам и возница вперед устремились долиной
И не укрылись от Зевса. Он сжалился, глядя на старца,
И, обратившись к Гермесу, любезному сыну, промолвил:
"Милый Гермес! Ты охотно вступаешь со смертными в дружбу
И помогать им умеешь, когда лишь душа пожелает.

24-335

Ныне к Приаму ступай и к ахейским судам многоместным
Так проведи, чтоб никто не увидел его, не заметил
Из аргивян меднобронных, пока не придете к Пелиду".
Так он сказал. Не ослушался вестник Аргусоубийца.
Быстро к ногам привязал он нетленную пару сандалий,

24-340

Дивных на вид, золотых, что носили его и над морем,
И над землей беспредельной легко как дыхание ветра.
Взял и волшебный он посох, которым умел по желанью
Сон наводить на глаза или спящих будить во мгновение.
Взяв этот посох, помчался могучий Аргусоубийца.

24-345

Вскоре троянской долины достиг он и вод Геллеспонта,
На ноги встал и пошел, уподобившись царскому сыну,
В возрасте самом отрадном, с пушком на лице миловидном.
Царь и глашатай, минуя гробницу высокую Ила,
Подле потока привстали, чтоб мулы и резвые кони

24-350

Жажду могли утолить, – уже сумрак спускался на землю.
Тою порою Гермеса увидел поблизости вестник
И, обращаясь к Приаму, крылатое слово промолвил:
Ты оглянись, Дарданид, нынче действовать должно с оглядкой.
Вижу какого-то мужа, боюсь, он прикончит нас быстро.

24-355

Дай убежим в колеснице, а если бежать не удастся,
Будем молить, припадая к ногам: пожалеет, быть может".
Так он промолвил. У старца от ужаса ум помутился
Волосы дыбом поднялись, колени под ним подкосились.
Он, цепенея, стоял. И Гермес, раздающий богатство,

24-360

Сам подошел к старику, его за руки взял и промолвил:
"Ночью, родимый, куда ты коней погоняешь и мулов
В этот божественный час, когда люди объаты покоем?
Разве совсем не боишься ты дышащих злобой ахеян,
Ваших врагов беспощадных, чей стан расположен так близко?"

24-365

Если кто-либо увидит, как ты быстролетною ночью
Столько сокровищ везешь, – что тогда ты почувствуешь сердцем?
Сам ты уж больше не молод, и старец тебя провожает,
И отражать вы не в силах того, кто вас первый обидит.
Но от меня ты дурного не жди. Я готов тебя, старец,

24-370

Против других защищать: ты родного отца мне напомнил".
И отвечая, сказал ему старец Приам боговидный:
"Так все на деле и есть, как сказал ты, дитя дорогое.
Но надо мною, должно быть, бессмертный простер свою руку,
Если с таким вот как ты мне попутчиком дал повстречаться,

24-375

В добрый ниспосланным час, столь прекрасным по виду и росту,
Столь справедливым и мудрым, счастливых родителей сыном".
И отвечая, сказал ему вестник Аргусоубийца:
"Вправду, о, старец, ты слово сказал, как тебе подобает.
Только теперь мне поведай и все объяви без утайки:

24-380

Хочешь ли ты дорогие сокровища многие эти
К людям чужим отвезти, где они в безопасности будут,
Или вы все покидаете Трою, гонимые страхом,
После того как храбрейший пал воин, – твой сын знаменитый,
Не уступавший ни в чем аргивянам средь битвы жестокой".

24-385

И отвечая, сказал ему старец Приам боговидный:
"Кто ты, желанный, каких ты родителей сын благородный?
Ты столь умно мне напомнил о смерти несчастного сына".
И отвечая, сказал ему вестник Аргусоубица:
"Старец! Меня вопрошая, о Гекторе хочешь разведать.

24-390

Часто его пред собою видал я в бою мужегубном,
Видал и в день, как погнавши обратно к судам быстроходным,
Он умерщвлял аргивян и рубил заостренною медью,
Мы же, в бездействии стоя, дивились: Ахилл богоравный,
Гневный на сына Атрея, еще не дозволил нам биться.

24-395

Я – Ахиллесов дружинник, на судне одном с ним приплывший.
Родом и я мирмидонец, отец же мой – славный Поликтор,
Муж, знаменитый богатством, такой же, как ты, престарелый.
Шесть у него сыновей, я седьмым прихожусь по рождению.
Жребий мне выпал из урны – сюда провожать Ахиллеса.

24-400

Вышел теперь я из стана осматривать поле. С зарею
Подле стены Илионской Ахеяне битву затеют.
Ибо досадно им стало сидеть, изнывая в покое.
Больше не в силах цари обуздать нетерпение войска".
И вопрошая, сказал ему старец Приам боговидный:

24-405

"Если ты вправду соратник Ахилла Пелеева сына,
То умоляю тебя, без утайки всю правду поведай:
Все ль еще Гектора тело лежит пред кривыми судами,
Иль, разрубивши на члены, Ахилл его бросил собакам?"
И отвечая, сказал ему вестник Аргусоубийца:

24-410

"Старец, его не пожрали досель ни собаки, ни птицы,
Но невредимый лежит он в палатке Пелеева сына
Пред кораблем быстроходным. Двенадцатый день освещает
Труп, распростертый во прахе, а кожа на нем не истлела,
Черви не точат его, что убитых мужей пожирают.

24-415

Славный Пелид, с появлением священной зари, каждодневно
Злобно волочит его вокруг могилы любезного друга,
Но изуродовать тела не мог. Сам придешь и увидишь,
Как он покоится, свежий, умытый, без пятнышка крови
И без пылинки земли. Все зиявшие раны закрылись,

24-420

Что аргивяне в бою нанесли ему медью без счета.
Так-то о сыне твоём беспечальные боги пекутся,
Даже о мертвом: должно быть при жизни он был им угоден".
Так говорил он. И старец почувствовал радость и молвил:
"Видишь, дитя, как полезно богам предлагать Олимпийцам

24-425

Должные жертвы. Мой сын – если только он жил когда-либо –

Не забывал во дворце о богах, на Олимпе живущих.
Вот отчего и о нем они вспомнили в жребии смерти.
Ты же прими от меня этот кубок прекрасной работы.
Нашим защитником будь, проведи под охраной бессмертных,

24-430

В лагерь, пока не достигнем палатки Пелеева сына".
И отвечая, сказал ему вестник Аргусоубийца:
"Юношу ты искушаешь, но не обольстишь его, старец!
Ты убеждаешь принять этот дар, не спросив Ахиллеса,
Мужа, пред кем трепещу и кого я лишить опасуюсь

24-435

Вещи малейшей, из страха чтоб худа со мной не случилось.
Но провожатым твоим был бы согласен отправиться в Аргос,
Бережно стал бы тебя охранять на воде и на суше,
И уж никто б на тебя не напал, пренебрегши вожатым".
Так благодетельный молвил Гермес и вскочил в колесницу,

24-440

Вожжи и бич захватил торопливо в могучие руки,
И неустанную силу вдохнул в лошадей он и в мулов.
Вскоре подъехали мужи ко рву и к стене пред судами,
В час, когда стража лишь ужин собирать начинала.
Сон на глаза им наваял посланник Аргоубийца,

24-445

Всех усыпил и ворота открыл, отодвинув засовы,
Старца Приама впустил и провел колесницу с дарами.
Вскоре достигли они Ахиллесовой ставки высокой,
Той, что царю своему мирмидонские мужи воздвигли,
Пихтовых бревен в лесу нарубив, а для кровли высокой,

24-450

Нежно-пушистый тростник на лугах близлежащих нарезав.
Двор для владыки просторный они вокруг палатки разбили
И обвели частоклом густым. Замыкались ворота

Крепким засовом еловым огромным, и трое ахейцев
Этот вдвигали засов и его выдвигали обратно.

24-455

Но без труда и один Ахиллес задвигал его мощный.
Благоподатель Гермес отворил перед старцем ворота,
Въехал с сокровищем ценным, назначенным в дар Ахиллесу,
Сам соскочил с колесницы на землю и слово промолвил:
"Старец Приам! Я – Гермес, я – бессмертный, с Олимпа пришедший,

24-460

Ибо отец мне велел быть твоим провожатым в дороге.
Только пора мне домой. Не хочу на глаза показаться
Храбромому сыну Пелея. Бессмертным богам непристойно
Явно пред всеми услугу оказывать смертному мужу,
Ты же в палатку ступай, обними Пелиону колени,

24-465

Именем старца отца и матери пышноволодой,
Именем сына его умоляй, пока сердце в нем тронешь".
Слово окончив, Гермес на вершину Олимпа вернулся,
А престарелый Приам соскочил с колесницы на землю
И приказал оставаться на месте вознице Идею.

24-470

Тот и остался на страже коней легконогих и мулов.
Царь же направился к дому Ахилла, любезного Зевсу,
И увидал его в ставке. Дружина сидела поодаль.
Двое лишь – Автомедон и Алким, от Арея рожденный, –
Вместе служили владыке. Он только что ужинать кончил,

24-475

Пищей себя подкрепил и питьем: еще стол был не убран.
В ставку великий Приам незамечен вошел и, приблизясь,
Обнял колени Ахилла и стал целовать ему руки,
Грозные, многих его сыновей умертвившие руки.
Точно скиталец несчастный, убивший на родине мужа,

24-480

Бедствием страшным гонимый, к чужому приходит народу,
Входит в чертог богача, и при виде его все дивятся:
Так изумился Ахилл, богоравного видя Приама,
Все изумились кругом и без слов друг на друга взирали.
Царь же Приам, умоляя, промолвил Пелееву сыну:

24-485

"Вспомни о милом отце, Ахиллес, небожителем равный,
Столь же как я престарелом, стоящем на грустном пороге
Старческих дней. Может быть и его притесняют соседи,
И никого при нем нет, кто б войну отразил и опасность.
Все же внимая порою, что ты наслаждаешься жизнью,

24-490

Радость он чувствует в сердце и вместе надежду лелеет,
По возвращеньи из Трои, до смерти все дни тебя видеть.
Я же несчастнее всех, оттого что героев храбрейших
В Трое на свет произвел, но в живых никого не осталось.
Было сынов у меня пятьдесят, до прихода Ахеян

24-495

(В этом числе девятнадцать от недр единой супруги,
Всех же других сыновей принесли мне рабыни в чертогах).
Многим колени сломил среди битвы Арей беспощадный.
Сын оставался один, охранявший и город, и войско,
Гектор, – и вот он тобою убит, за отчизну сражаясь.

24-500

Ради него я теперь прихожу к кораблям быстроходным,
Выкуп бесценный несу и тебе предлагаю за тело.
Вечных побойся богов! О, сжался, Ахилл надо мною!
Вспомни о старом отце, – я безмерно его злополучней.
То испытал я, чего не изведал никто из живущих:

24-505

Руку убийцы моих сыновей я к устам прижимаю".
Так говоря, он печаль об отце возбудил в нем и слезы.
За руку взяв старика, Ахиллес оттолкнул его слабо.
Оба заплакали громко, в душе о своих вспоминая:
Старец – о Гекторе храбром, у ног Ахиллеса простертый,

24-510

Царь Ахиллес – об отце и возлюбленном друге Патрокле.
И раздавались по дому рыдания и вздохи обоих.
После ж того как Ахилл богоравный насытился плачем
И отлетело унынье от храброго сердца героя,
С трона вскочил он поспешно и за руку поднял Приама,

24-515

Сжалившись над головою седой и седой бородою.
Он к старику обратился и слово крылатое молвил:
"О, злополучный, ты вправду несчетные бедствия вынес.
Как, одинокий, дерзнул ты отправиться к флоту ахейя
И на глаза показаться тому, что зарезал столь многих

24-520

Славных твоих сыновей: у тебя, знать, железное сердце.
Только теперь отдохни и присядь на седалище это.
Отдых на время дадим и печали, как сердцу ни больно.
Горечь стенаний и слез ни к чему человеку не служит.
Боги такой положили удел для людей злополучных –

24-525

Жить среди вечного горя, а сами всегда беспечальны.
Две на пороге у Зевса амфоры стоят, из которых
Он раздает нам дары. В одной из них бедствия скрыты,
Блага – в другой. И кому Громовержец из шлет вперемежку,
Тот чередою подвержен то горю, то радостям жизни.

24-530

Но обречен на позор, кому Зевс одни бедствия выбрал.
Голод мучительный гонит его по земле плодородной
И одинокий он бродит, богам ненавистен и людям.
Так и Пелея с рожденья взыскали благими дарами
Вечные боги. Меж всеми людьми оттого и блистал он

24-535

Счастьем своим и богатством – владыка мужей мирмидонских.
Смертного, боги его наделили супругой богиней.
Но и ему небожитель назначил великое горе:
Не родилось у Пелея в чертоге наследников царских.
Лишь одного произвел он – и то кратковечного сына.

24-540

Но и при жизни о нем не забочусь. Дряхлеющем сильно:
Здесь, далеко от отчизны, сижу, всем твоим на погибель.
И про тебя мы слыхали, что раньше ты, старец, был счастлив.
На протяжении между Лесбосом, отчизной Макара,
Краем Фригийским на севере и Геллеспонтом безбрежным

24-545

Ты, говорят, о, старик, сыновьями блистал и богатством.
Но небожители боги потом тебе горе послали.
Битвы и сечи героев без роздыха длятся вокруг Трои.
Но претерпи и снеси, на терзайся душой беспредельно,
Ты не сможешь теперь, безутешно рыдая о сыне,

24-550

Не воскресишь мертвеца, а лишь новое горе накличешь".
И отвечая, сказал ему старец Приам боговидный:
"Ты не сажай меня в кресла, питомец Зевеса, покуда
Гектор в палатке лежит, погребенья так долго лишенный.
Тело скорей отпусти, да увижу его пред глазами

24-555

Сам же прими от меня привезенный бесчисленный выкуп.

Пользуйся им беспечально, вернись в дорожную отчизну,
Ты, кто дозволил мне жить и глядеть на сияние солнца".
Но, исподлобья взглянув, Ахиллес быстроногий ответил:
"Ты не гневи меня, старец! И сам я в душе был намерен

24-560

Гектора тело вернуть. От Зевеса посланницей легкой
Мать прилетела ко мне, дочь великого старца морского.
Сам же я разумом понял и тщетно, Приам, ты скрывал бы,
Что к быстроходным судам приведен ты одним из бессмертных.
Смертный и силой цветущий, не смел бы отправиться в лагерь,

24-565

Или, проникнув туда, не укрылся б от бдительной стражи
И не легко б отодвинул засовы на наших воротах.
Вот отчего не волнуй мою грудь, не буди в ней печали,
Чтобы тебя самого, хоть сюда ты пришел, как проситель,
Я среди ставки не бросил и Зевсов завет не нарушил".

24-570

Так он сказал, и старик, испугавшись, послушался слова.
Сын же Пелея, как лев, устремился за двери палатки
И не один: вслед за ним из дружины отправилось двое –
Автомедон и Алким, – их обоих любил сын Пелея,
Больше товарищей прочих, со времени смерти Патрокла.

24-575

Мулов и резвых коней от ярма отпрягли они быстро
И, пропустивши в палатку глашатая старца Приама,
В кресло его посадили, а сами снесли с колесницы
Выкуп богатый за голову Гектора, сына Приама.
Два лишь плаща отложили они да хитон крепкотканый,

24-580

Чтобы закутать в них труп, перед тем как везти его в Трою.
Кликнув рабынь, повелели умыть и намазать елеем
Тело, отнеся поодаль, чтоб сына Приам не увидел.

Ибо Ахилл опасался, что старец, при виде дитяти,
Гнева не сдержит в печальной душе и что сам, разъяренный,

24-585

Он умертвит старика, преступая веленья Зевса.
После того как служанки умыли и маслом натерли
Гектора труп и красивым обвили плащом и хитоном,
Сам Ахиллес, приподняв, положил Приаида на ложе,
Оба товарища тотчас его отнесли в колесницу.

24-590

Тяжко вздохнул Ахиллес, обращаясь к умершему другу:
"Ты не сердись, о, Патрокл возлюбленный, если в Аиде
Весть донесется к тебе, что я Гектора дивного тело
Выдал отцу дорогому: он выкуп мне дал не беславный.
Я и тебе уделю из подарков, какие прилично".

24-595

Слово сказав, Ахиллес богоравный вернулся в палатку,
Сел на искусно украшенный трон, им покинутый раньше,
К задней стене прислоненный, и слово промолвил Приаму:
"Сын твой тебе возвращен, как велел ты, о, старец почтенный.
Там на носилках лежит; с появленьем зари, уезжая,

24-600

Сам ты увидишь его. А теперь дай об ужине вспомним.
Не забывала о сладостной пище сама Ниобея,
Та, у которой двенадцать погибло детей средь чертога –
Шесть дочерей пышнокудных и столько же юношей сильных.
Юношей Феб Аполлон умертвил из блестящего лука,

24-605

Дев – Артемида охотница, в гнев на мать Ниобею,
Ибо дерзала равняться с Латоной прекрасноланитной:
Двух, мол, Латона детей родила, у не же их много.
Дети Латоны, хоть было их двое, тех многих убили.
Дней они девять лежали в крови; их никто из народа

24-610

Не хоронил: Олимпиец сердца обратил у всех в камень.
Лишь на десятый их день погребли небожители боги.
Вспомнила тут Ниобея о пище, от слез утомившись.
Ныне средь скал где-нибудь, средь безмолвия гор, на Сипиле,
Где, говорят, собираются нимфы богини и пляшут

24-615

Вдоль берегов Ахелоя, – она, хоть и ставшая камнем,
Вечную чувствует скорбь, причиненную гневом бессмертных.
Дай же припомним о пище и мы, о, божественный старец!
Вдоволь успеешь потом над любезным наплакаться сыном,
В Трою доставив его. Там он слез причинит вам довольно".

24-620

Молвил, пошел и овцу белорунную медью зарезал.
Тут же дружинники кожу содрали, очистили тело
И вертелами пронзили, искусно разрезав на части.
После, прожарив заботливо, все от огня удалили.
Автомедон пред гостями поставил в прекрасных корзинах

24-625

Хлеб на обеденный стол, а мясо делил сын Пелея.
И к приготовленным яствам простерли они свои руки.
После ж того как желанье питья и еды утолили,
Старец Приам Дарданид стал рассматривать сына Пелея,
Росту дивясь и красе: он во всем был похож на бессмертных.

24-630

В свой же черед и Ахилл с удивленьем рассматривал старца,
Кротким лицом восхищаясь и слушая мудрое слово.
А как насытились оба они созерцаньем друг друга,
Первое слово сказал престарелый Приам боговидный:
"Спать уложи нас теперь, о, владыка, питомец Зевеса,

24-635

Сном благодатным дозволю наслаждаться на ложе спокойном,
Ибо с тех пор как мой сын от руки твоей пал бездыханный,
Сном у меня не смыкались ни разу под веками очи.
Я вопиял неумолчно, снедаемый тысячью бедствий,
И посредине двора я лежал, распростертый во прахе.

24-640

Ныне впервые и пищи вкусил я, вином темнокрасным
Горло свое омочил, а все время еды не касался".
Молвил. Тогда Ахиллес мирмидонцам велит и рабьям
Вынести ложе под портик, настлатъ в изобилии тканей
Мягких, пурпурного цвета, окутать их сверху коврами

24-645

И положить одеяла густые, которыми можно укрыться.
С факелом ярким в руках прислужницы вышли из ставки
И торопливо постлали, как царь повелел, две постели.
К старцу Приаму, шутя, сын Пелея тогда обратился:
"Спи перед домом в сенях, сторожи нас, любезнейший старец,

24-650

Чтобы никто не вошел из ахейских советников славных, —
Часто в палатках моих они здесь заседают по праву.
Если увидит тебя кто-нибудь из них темною ночью,
Как бы он вдруг не донес Агамемнону, пастырю войска.
Выдача трупа тогда б задержалась на долгое время.

24-655

Только теперь мне поведай и все объяви без утайки:
В сколько намерен ты дней погребение Гектора кончить,
Чтоб воздержался я сам и войска удержал от сраженья"?
И, отвечая, сказал ему старец Приам боговидный:
"Если дозволишь исполнить обряд погребенья над сыном,

24-660

Этим поступком, Ахилл, мне окажешь великую милость.
Ведаешь сам, что мы заперты в Трое, что в лес за дровами
Путь предстоит нам далекий, – троянцы же страхом объаты.
Девять мы дней над ним будем в чертоге рыдать, на десятый
Труп предадим погребенью и пир для народа устроим.

24-665

В день вслед за этим воздвигнем обширный курган надмогильный,
А на двенадцатый будем сражаться, коль нужда заставит".
И, отвечая, сказал быстроногий Ахилл богоравный:
"Так все и будет, о, старец Приам Дарданид, как желаешь.
Я прекращаю войну на все время, как сам ты назначил".

24-670

Слово такое промолвив, за правую руку близь кисти
Старца берет Ахиллес, чтобы страх в его сердце разсеять.
Вскоре затем улеглись и заснули в снях перед домом
Старец Приам и глашатай, исполнены мудрости оба.
Тотчас заснул и Ахилл в глубине своей крепкой палатки;

24-675

Рядом легла Бризеида, прекрасноранитная дева.
Прочие боги, равно как и мужи, бойцы с колесницы,
Спали спокойно всю ночь, укрощенные сном благодатным.
Лишь на Гермеса, подателя благ, сладкий сон не спускался.
Все он обдумывал в мыслях, как старца Приама владыку,

24-680

Тайно от стражи священной, обратно от флота доставить.
Стал он над ним в головах и такое сказал ему слово:
"Ты не предвидишь опасности, ежели можешь так долго
Спать средь враждебных мужей, полагаясь на слово Ахилла.
Ныне за плату большую ты выкупил мертвого сына,

24-685

А за тебя за живого твои сыновья остальные

Выкуп и втрое дадут, если царь Агамемнон узнает
О пребываньи твоем и другие узнают ахейцы".
Так он промолвил. Старик испугался и вестника будит.
Тут же Гермес стал впрягать лошадей быстроногих и мулов

24-690

И через лагерь погнал, – никто из ахейн не видел.
Вскоре они подоспели ко броду реки светлоструйной
Многопучинного Ксанфа, дитяти бессмертного Зевса.
Тотчас Гермес отлетел на пространный Олимп многоверхий.
В ризах шафранного цвета Заря рад землей распростерлась.

24-695

Старец Приам и глашатай с великим стенаньем и плачем
Гнали коней к Илиону, а мулы шли сзади с убитым.
Только никто из мужей или жен не увидел их раньше,
Чем золотой Афродите подобная видом Кассандра.
С выси Пергамской она увидела отца в колеснице,

24-700

Рядом с глашатаем, часто кричавшим на улицах Трои,
Дальше увидела мулов и труп, на носилках лежащий
Плачем она залилась и на весь Илион завопила:
"Мужи и женщины Трои! Спешите, чтоб Гектора видеть,
Вы, кто когда-то, ликуя, встречали его из сражений,

24-705

Ибо великой утехой для города был он и войска".
Так призывала она. И никто из троян и троянок
Дома тогда не остался, – всех страшная скорбь охватила.
Все устремились к воротам навстречу везущему телу.
А впереди перед всеми почтенная мать и супруга

24-710

Бросились к легкой повозке и обняли голову трупа
Волосы рвали они на себе, и кругом все рыдали.
Так бы они целый день до заката блестящего солнца,

Над мертвецом близ ворот проливали обильные слезы,
Если бы старец Приам с колесницы не крикнул народу:

24-715

"Вы расступитесь, друзья, и дозвольте проехать на мулах,
После насытитесь плачем, как тело домой привезу я".
Так он сказал и толпа расступилась перед колесницей.
Вскоре достигли они знаменитых чертогов Приама
И, положив мертвеца на прекрасное ложе резное,

24-720

Вкруг разместили певцов, запевал похоронных рыданий,
Песню певцы начинали, а женщины вторили плачем.
Раньше других белорукая плач подняла Андромаха,
Руки простерши на голову Гектора мужеубийцы:
"Рано, супруг, ты похищен у жизни, меня покидаешь

24-725

В царском чертоге вдовою, когда наш малютка так молод
К жизни рожденный от нас, злополучных, боюсь, не достигнет
Лет он цветущих: но раньше погибнет священная Троя.
Ибо погиб наш блюститель, хранивший твердыню троянцев
И защищавших их жен дорогих и детей малолетних.

24-730

Вскоре их в плен повезут на глубоких судах мореходных.
Буду и я между ними. И ты, наш малютка, со мною
В землю последуешь вражью, где ждет меня труд недостойный,
Где угождать поневоле жестокому буду владыке.
Или, за руку схватив, тебя с башни ахеец низринет,

24-735

Смерти жестоко подвергнет за то, что родитель твой Гектор
Брата убил у него, иль отца, или малого сына,
Ибо он многих данайцев заставил грызть землю зубами.
С ними неласков бывал твой отец среди сечи кровавой,
И оттого безутешно все плачут по нем в Илионе.

24-740

Гектор! Стенанья и скорбь причинил ты родителям нежным,
Мне же, несчастной, оставил бы больше печали, чем прочим.
С ложа ко мне на прощанье ты рук не простер, умирая,
Не завещал мне пред смертью разумного, доброго слова,
Чтобы я ночью и днем со слезами его вспоминала".

24-745

Так говорила, рыдая, и жены ей вторили плачем.
Следом за ней и Гекуба сказала печальное слово:
"Гектор, из всех сыновей душе наиболее милый!
Ты у меня и при жизни был дорог богам Олимпийским,
Ныне они о тебе позаботились даже о мертвом.

24-750

Прочих моих сыновей, взявши в плен, Ахиллес быстроногий
Продав в неволю к чужим, за пределы бесплодного моря,
И на Самос, и на Имбир, и на остров Лемнос неприступный.
Только тебя умертвил он широкоотточенной медью
И волочил вокруг могилы сраженного в битве тобою

24-755

Милого друга Патрокла, хоть не воскресил его этим.
Все же, нетронутый тленьем, как будто недавно убитый,
Ныне в чертоге лежишь, точно муж, кого Феб сребролукий,
Быстро настигнув, сразил безболезненной, тихой стрелой".
Так говорила в слезах, и немолчным все вторили плачем.

24-760

Третьей за ними Елена печальное слово сказала:
"Гектор, из деверей всех ты душе наиболее дорог
С самого дня, когда мужем мне стал Александр боговидный,
В Трою привезший меня, – о, зачем не погибла я раньше!
Вот уж двадцатый исполнился год с той поры, как, покинув

24-765

Отчую землю, сюда я пришла, и ни разу за все это время
Я от тебя не слыхала дурного, обидного слова.
Если ж другой кто-нибудь попрекал меня в этом чертоге,
Деверь ли или одна из золовок и гордых невесток
Или свекровь (только свекор был кроток со мной, как родитель), –

24-770

Ты останавливал их, убеждал их разумною речью,
Действовал кротостью сердца и полными ласки словами.
Вот отчего над тобой и собой, горемычная, плачу.
В Трое пространной теперь у меня не осталось другого
Кроткого друга, как ты. Я троянцам внушаю лишь ужас".

24-775

Так говорила в слезах, и народ ей стенаньями вторил.
Тою порою Приам обратился к народу со словом:
"Ныне троянцы ступайте и дров привезите в наш город.
Только не бойтесь в лесу многолюдной засады ахейян,
Ибо Ахилл обещал мне, от черных судов отпуская,

24-780

Не ополчаться, покуда двенадцатый день не настанет".
Молвил. Они же волов заложили в повозки и мулов
И торопливо собрались толпой пред воротами Трои.
Девять без отдыха дней дрова они в Трою возили
И на десятый лишь день, с появленьем зари светоносной,

24-785

Вынесли Гектора труп, проливая обильные слезы,
И, положив на вершушку костра, развели под ним пламя.
Чуть лишь из сумерек ранних заря розоперстая вышла,
Стал собираться народ у костра знаменитого мужа.
И, многолюдной толпою поспешно собравшись, троянцы

24-790

Весь погасили костер, заливая вином темнокрасным,
Все орошая, что только от силы огня сохранилось.
После того и дружина, и Гектора братья родные
Белые кости собрали, и слезы по лицам струились.
Вместе собравши, они в золотую их урну вложили

24-795

И покрывалом окутали мягким пурпурного цвета.
Урну с костями потом опустили в глубокую яму
И заложили могилу огромными камнями сверху.
После воздвигли курган, а лазутчики в поле сидели,
Глядя за тем, чтоб ахейцы не ринулись в битву до срока.

24-800

Насыпь воздвигнув средь поля, троянцы вернулись в город,
Снова там чинно собрались и сели за пир погребальный
В пышных чертогах Приама, возвращенного Зевсом владыки.
Так они тризну свершали по Гекторе, славном вознице.

* * *